95769
Инв. 2384
95769

95769

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

8

1941 г.

ТЕОРІЯ ПОЭТИЧЕСКИХЪ РОДОВЪ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

1949 г.
811
1338
М/12/14

Часть 3-я:

Очерки исторіи романа, новеллы, народной книги и сказки.

~~809~~ 811

Курсъ 188³/4 года,
читанный проф. Александромъ Веселовскимъ.

Прямо, прямо на востокъ!
Шиллеръ.

ex oriente lux.

95769

30 р.

С. Петербургъ.

1883 года.

Лит. Гробовой петерб. стор. Больш. пр. д. № 23

I

Исторія или теорія романа?

(лекція 3-го октября 1883.)

М. Г. Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но на столько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ миѳическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса — такъ выражались онѣ и въ поэзіи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ измѣненіями ея идеальнаго содержанія. Вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ являются тѣ произведенія народной

поэзіи, незнающей творца, которыя мы обыкли называть эпическими, и надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый рядъ повѣстей и разсказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые назовутся новеллами, романами и т. д. Между ними и эпосомъ, въ опредѣленномъ выше значеніи этого слова, прошла цѣлая исторія, наполненная выдѣленіемъ лирики и драмы. При какихъ условіяхъ совершилось это выдѣленіе?

Въ началѣ, въ праисторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, поэзіей и другими искусствами: нѣчто, до сихъ поръ живущее въ поэзіи народнаго обряда, въ старо-греческихъ народныхъ празднествахъ въ честь Діониса: поэзія поется и пляшется, сопровождается извѣстнымъ мимическимъ дѣйствомъ, выражающимъ тѣлодвиженіями эпическую канву пѣсни. Это, въ одно и то-же время, и эпосъ, и лирика, не отдѣленная отъ музыки и драмы: то и другое и третье — поняты формально, какъ <u>формы</u> поэтическаго выраженія, которыя, наполненныя соотвѣтствующимъ содержаніемъ, выступаютъ передъ нами послѣдовательно — какъ эпосъ, лирика, драма. На первый разъ это эпическій речитативъ съ лирическими порывами, обращеніями, припѣвомъ; драматическое участіе безъ драмы.

Изъ этого синкретическаго безразличія происходитъ, съ теченіемъ времени, рядъ выдѣленій. Вы-

дѣленіе-же изъ связи съ пляской и драматической игрой, — лирико-эпическая пѣсня, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ стараго миѳа, преданія, либо навѣянная какимъ-нибудь событіемъ, взволновавшимъ народныя симпатіи. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о нихъ по стилю гомерическихъ гимновъ (за вычетомъ художественной обработки), еще болѣе по средне-вѣковымъ кантиленамъ напр. о св. Фаронѣ, по сербскимъ и малорусскимъ историческимъ пѣснямъ-думамъ. Эпическій разсказъ, но глубоко захватывающій интересъ, страсти пѣвца, потому патетическій. Такого рода пѣсня могла еще нѣкоторое время держаться при синкретическомъ обрядѣ, изъ состава котораго выдѣлилась; на Фарейскихъ островахъ плясали, очевидно, мимически, пѣсню о пораженіи Сигурдомъ змѣя Фафнира, какъ въ Греціи — свадьбу Зевса и Геры, у Лонга — миѳъ о Панѣ и Сирингѣ.

Паѳосъ держится немногими поколѣніями; затѣмъ настроеніе умираетъ вмѣстѣ съ непосредственностью, но остается интересъ къ содержанію пѣсни: изъ лирико-эпической она становится эпическою, матеріаломъ не для пѣвца, а для сказителя. Таково отношеніе малорусскихъ думъ къ великорусскимъ былинамъ: надъ былиной никто не заплачетъ, какъ гомеровскій грекъ надъ разсказомъ Фемія и Демодока, какъ засумуетъ малороссъ надъ своею думой.

Эпическая пѣсня обособилась, ходитъ въ народѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Близкія, лирическія симпатіи исчезли, не исчезъ интересъ къ

разсказу: оторванныя, отдаленныя отъ живой памяти, пѣсни повторяются, искажаются, группируются вокругъ одного лица или событія, спѣваются около Сида, либо Ильи Муромца, либо битвы на Косовомъ полѣ. Такого рода полународные, полу-сознательные, т. е. личные своды, сохранились: они-то и могли лечь <u>въ основу</u> большихъ эпопей, при чемъ для насъ все равно — называются ли эти эпопеи Иліадой и Одиссеей, либо Пѣсней о Роландѣ.

Ихъ появленіемъ заканчивается первый періодъ поэтическаго развитія: это какъ-бы вѣнчаніе зданія, общій аккордъ, въ которомъ сведены всѣ мотивы, все міросозерцаніе предъидущей, эпической эпохи.

Ея характеристика предложена была не разъ, стала отчасти общимъ мѣстомъ: общность міросозерцанія, невыдѣленность личности; нѣтъ поэта, а пѣвецъ отъ всѣхъ и за всѣхъ, поющій про то, что всѣмъ извѣстно и всѣхъ интересуетъ, какъ могъ-бы спѣть всякій другой, а онъ лучше другихъ лишь потому, что ему болѣе другихъ дарованъ божествомъ общаго слова — эпоса.

Я не развиваю въ подробностяхъ этихъ положеній, тѣмъ болѣе, что это было сдѣлано недавно Шпильгагеномъ съ картинностью романиста и односторонностью человѣка, для котораго весь эпосъ сплелся типически — въ <u>Гомерѣ</u>. Сравнивая положеніе современнаго романиста съ <u>положеніемъ эпическаго</u> пѣвца, Шпильгагенъ*)

*) Friedrich Spielhagen, Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Lpz. 1883, ст. 135 слѣд.

указываетъ на одно, по его мнѣнію, неоспоримое преимущество послѣдняго передъ первымъ: на чувство общности, которое, обусловленное одинаковостью привычекъ семейной жизни, солидарностью общественныхъ интересовъ, единствомъ духовнаго кругозора у всѣхъ и каждаго, отъ царя до пастуха, дѣйствовало въ средѣ гомеровскихъ людей, какъ чисто-стихійная сила. Если походъ подъ Трою въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, въ чемъ теперь никто не сомнѣвается, то не надо было большаго краснорѣчія, ни велѣнія боговъ, чтобы побудить къ предпріятію греческія племена: они собрались и пошли на Трою, какъ въ осеннюю пору собираются стаи перелетныхъ птицъ, направляясь къ югу, ведомыя таинственнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ. Если и былъ опредѣленный поводъ къ походу, то онъ имѣлъ не большее значеніе, чѣмъ для развитія давно подготовлявшагося недуга то, что медики зовутъ случайной причиной. Когда въ этой массѣ, одушевленной однимъ овладѣвшимъ ею чувствомъ, просыпается личная воля, её ставятъ у позорнаго столба, насильно вгоняютъ её въ общую волю, какъ то было съ Ѳерситомъ, либо она трагически сокрушается, какъ у Ахилла. Но и объ Ахиллѣ слѣдуетъ помнить, что его гнѣвъ вызванъ отобраніемъ у него Бризеиды, принадлежавшей ему по праву почетнаго дара, что онъ считаетъ себя или лучше знаетъ себя оскорбленнымъ въ глазахъ <u>другихъ</u>, и въ сравненіи съ этимъ мотивомъ пасосъ оскорбленнаго, любящаго сердца (ср. Ил. IX, 340-3) почти не-

имѣетъ значенія. Позднѣе, когда, по смерти Патрокла, ему приносятъ умилостивительные дары, онъ, отягченный страшнымъ горемъ, не даетъ большой или никакой цѣны этому внѣшнему возстановленію своей чести; но Агамемнонъ и другіе князья сознаютъ этотъ актъ, какъ необходимый. Но всего характернѣе сознаніе самого героя, принимающаго утрату друга, какъ косвенную божью кару за гнѣвъ, побудившій его забыть свои прямыя обязанности передъ вождемъ войска и общественнымъ благомъ.

Нераздѣльность индивидуальной и народной души у гомеровскаго человѣка указываетъ на особое положеніе и гомеровскаго пѣвца. Онъ потому и пѣвецъ, поскольку принадлежитъ своему обществу. „Онъ не созерцаетъ міръ „изъ прекраснаго далека," и лишь въ праздничной обстановкѣ, онъ живетъ въ ней всецѣло и каждый день ему праздникъ. У него нѣтъ своего „музея," своего кабинета: первый-же шагъ на пути художнической карьеры вводитъ его въ общественную мастерскую, отовсюду освѣщенную солнцемъ греческой жизни, вторгающейся въ окна съ всѣмъ богатствомъ своихъ образовъ и красокъ. Въ этой мастерской онъ застанетъ много работниковъ, мастеровъ и учениковъ, всѣхъ за одною работой, которая станетъ и его дѣломъ и не подниметъ въ немъ вопросовъ о томъ: *что* и *какъ* дѣлать, потому что на то и другое уже отвѣтило ему готовое преданіе. Оно указало ему на прошлую исторію его народа, опирающуюся

къ верху въ золотыхъ облакахъ Олимпа, но ни-
зу — въ поколѣніи современныхъ пѣвцу людей,
„οἷοι νῦν εἰσιν!" Что до способа выраже-
нія, то оно дано ему въ напѣвахъ, унаслѣ-
дованныхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ
языкѣ, разработанномъ и во всѣхъ отношені-
яхъ готовомъ для художественныхъ цѣлей;
наконецъ, въ поэтическомъ методѣ, предустанов-
ленномъ для него: веденіе басни, соразмѣреніе
и соединеніе частей въ одно цѣлое, цѣлесообраз-
ную смѣну свѣта и тѣни, красоту и необхо-
димость контрастовъ, гармонію переходовъ и
законы ретардаціи, необходимость эпизодовъ,
вообще всѣ тѣ средства, которыми эпическое
творчество должно пользоваться свободно,
если желаетъ достигнуть своей цѣли.

„Послѣднее и высшее, что отличаетъ го-
мерическихъ пѣвцовъ отъ современныхъ по-
этовъ и въ чемъ послѣдніе могутъ особенно
позавидовать — это горделивое сознаніе, что
они поютъ лишь про то, что ихъ публика
желаетъ, о чемъ никогда не устанетъ слы-
шать радостная, постоянно наполняющая
ихъ увѣренность, что всякій аккордъ, ими
взятый, — отзовется въ душахъ ихъ слуша-
телей, что ихъ думы, чувствованія, впеча-
тлѣнія не что иное, какъ думы, чувство-
ванія, впечатлѣнія ихъ народа."

„Оттого въ ихъ устахъ воззваніе къ
музѣ въ началѣ пѣсни, либо и въ серединѣ,
когда богатство эпическаго матеріала ихъ

одолѣвало,— это воззваніе — не фраза, а яркое выраженіе вѣрнаго, вытекшаго изъ фактовъ, сознанія: что они, единичные пѣвцы, черпаютъ свои пѣсни изъ рѣки, которой таинственные источники* отъ насъ глаза въ невѣдомой дали; что они передаютъ лишь то, что имъ было дано, издавна приготовлено, и въ нихъ дѣйствуетъ сила, которой могучее дѣйствіе они не объясняли и не могли объяснить изъ личнаго дара, а относили, какъ все непонятное, насчетъ непосредственнаго воздѣйствія божества.

„Въ этомъ скромномъ отступленіи личности поэта за поэтическій геній всего народа, дѣлающій поэта лишь органомъ и глашатаемъ своего могущества, наровнѣ съ другими органами и глашатаями, и лежитъ объясненіе и возможность той идеальной, не тенденціозной объективности, въ цѣломъ и частностяхъ, которой мы удивляемся въ гомеровскихъ поэмахъ и которая навсегда недостижима для современнаго поэта.

„Говорить объ „идеѣ" гомеровскихъ поэмъ можно лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Рафаэль понималъ свою святую „идею": тотъ прототипъ, который онъ прозрѣвалъ своимъ духовнымъ окомъ и относительно котораго образъ, начертанный имъ на полотнѣ, явился лишь какъ несовершенное воспроизведеніе. Тотъ прототипъ, наполнявшій всѣ желанія гомеровскаго пѣвца, есть именно міръ, понятый какъ цѣлое, обнимающій жизнь людей и природы, охваченный во всей шири отъ одного полюса

* пропускъ: скрыты

къ другому, отъ выраженій героической силы до глубочайшей печали, какая только овладѣвала душею древняго человѣка; отъ вѣчнаго солнечнаго свѣта, обтекающаго высоты Олимпа — до ночи Тартара, куда никогда не проникаетъ лучъ Геліоса"...

„Итогомъ всего сказаннаго будетъ заключеніе, что у поэта гомеровской поры нечего искать личнаго, ему принадлежащаго воззрѣнія на міръ и отношенія къ жизни. Онъ не столько поэтическій органъ своего народа, сколько органъ своего поэтическаго народа. У него нѣтъ выбора въ сюжетѣ, потому что сюжетъ ему данъ въ матеріалѣ преданій и миѳовъ, издавна выработанныхъ; у него нѣтъ выбора и относительно средствъ, которыя подсказаны ему постояннымъ поэтическимъ методомъ и обычнымъ до него пѣснопѣніемъ. Его герои — не его идеалы, а „представительные люди" его народа, въ которыхъ выразилась его сущность, какъ сущность божества въ различныхъ народныхъ богахъ. Вольно пѣвцу прибавить къ этимъ представительнымъ образамъ ту или другую черту (что онъ, несомнѣнно, и дѣлалъ), но измѣнять ихъ до основанія онъ не могъ; доля его личнаго участія ограничивалась расположеніемъ, которое онъ могъ оказывать одному образу передъ другимъ, смотря по своему виду и поэтической наклонности. Во всемъ остальномъ его личное „я" исчезало въ объектѣ, отстраняя отъ себя всякую отвѣтственность за содержаніе и форму пѣсни, всякую критику со стороны слушателя

какъ несправедливую и непригодную, поскольку она основывалась на индивидуальной симпатіи или антипатіи. Его отношеніе къ дѣлу и къ публикѣ точно характеризуется словами Т е л е м а х а къ матери, когда она проситъ Ф е м і я оставить „печальную пѣсню" о „горестномъ возвращеніи изъ подъ Трои уготованномъ Ахейцамъ Палладой Аѳиной":

Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.

(Од. I, 347—350).

Это единеніе пѣвца и народа, это царство общей пѣсни при различныхъ, такъ сказать, стихійныхъ ея исполнителяхъ, было лишь фактомъ времени. Дальнѣйшій историческій процессъ велъ необходимо къ разъединенію, къ дисинтеграціи быта и міровоззрѣнія, къ выдѣленію изъ общей связи новыхъ сословныхъ и политическихъ группъ и обособленію личности въ сферѣ духовныхъ формацій. Обобщая, такимъ образомъ, я, главнымъ образомъ, я имѣю въ виду Грецію

съ ея прозрачнымъ, менѣе прерваннымъ, чѣмъ въ другихъ средахъ, развитіемъ.—

Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной санкціей и обществомъ, понятымъ вцѣло; иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ; у единицы является свой особый, болѣе или менѣе ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противоположеный; есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, сосчитаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только что отвоеваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями. Онѣ просятъ исхода и находятъ его — въ личной философіи, объясняющей себѣ явленія жизни и міроустройство не совсѣмъ такъ, какъ учило о томъ общее религіозное преданіе, нерѣдко въ разрѣзъ съ нимъ; въ личной поэзіи, личной не въ томъ только смыслѣ, что она исходитъ изъ единицы, впервые ощутившей себя не сказителемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго преданія, а творцемъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время въ анализъ собственнаго „я", его горя и радости, его порывовъ и разочарованій.

Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то-же время и драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпическаго преданія только, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи; онъ не столько отчужденъ отъ него, насколько, от-

части по крайней-мѣрѣ, разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Пріученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его и въ тѣ традиціонные, миѳическіе разсказы, которые составляли основныя темы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лицо, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи.

Слѣдствіемъ такого взгляда было, что иныя стороны общаго всѣмъ эпоса перестали привлекать вниманіе, другія выдвинулись на первый планъ: сюжеты для драмы, которая съ точки зрѣнія содержанія, является продуктомъ разногласія эпоса подъ вліяніемъ личной мысли. За формой дѣло не стало: мы помнимъ мимическій, театральный элементъ народнаго обряда, изъ котораго выдѣлилась когда-то, отвѣчая зову времени, эпическая пѣсня; эта традиціонная форма пришлась теперь кстати, въ ней Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ выразили свое лирическое пониманіе древнихъ сюжетовъ миѳа.

Между Эсхиломъ и Эврипидомъ прошла, въ какихъ нибудь два поколѣнія, цѣлая исторія. Эсхилъ еще близокъ къ эпическому пониманію,

его трилогіи обнимаютъ широкіе концы эпоса и трагическая вина лежитъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, преступленіе и кара насылаются божествомъ и мало обоснованы психически. Всё это мѣняется: для Еврипида все дѣло во внутренней драмѣ; не даромъ Аристотель назвалъ его наиболѣе трагическимъ изъ греческихъ трагиковъ: мотивъ миѳа является для него не болѣе, какъ психологической задачей; весь интересъ отданъ конфликту, происходящему въ личности, драма выростаетъ изъ нея, не извнѣ, — по велѣнію свыше.

Религіозное значеніе миѳа оттого умалялось, на что и указано было противниками Еврипида; въ политическомъ смыслѣ это былъ прогрессъ; что онъ не осуществился фактически, то это еще не говоритъ противъ вѣрности заключенія. Освобожденная отъ „вѣры угольщика" поэзія могла вращаться въ миѳѣ какъ спеціально-поэтическомъ матерьялѣ, измѣнить его въ извѣстной мѣрѣ, пріобщить къ ходячимъ и тѣ, которые вначалѣ имѣли лишь значеніе мѣстнаго, не общественнаго вѣрованія (Пиндаръ); и это пріучило искать поэтическое содержаніе за предѣломъ древняго, условнаго преданія: не среди боговъ и героевъ, а у простыхъ смертныхъ, гдѣ комедія почерпала несложные мотивы своего смѣха, а эллинистическіе разсказчики открывали иного рода струю поэзіи личной жизни, подъ вліяніемъ которой даже строгіе миѳы получили болѣе мягкое романтическое освѣ-

щеніе.
Такъ, что Эрдманнсдёрферъ назвалъ, мо-
жетъ быть, не совсѣмъ точно, „періодомъ грече-
ской новеллы" характеризуя этотъ поворотъ мыс-
ли. Къ нему неудержно вели историческія обсто-
ятельства: упадокъ общественной жизни, ослаб-
леніе національнаго самосознанія, отсутствіе про-
ныхъ кругозоровъ и общихъ цѣлей для народной
дѣятельности — всё это порывало связь съ прош-
лымъ съ его поэтической идеализаціей, уединяя
человѣка, тѣмъ болѣе поэта, въ самого себя,
въ его внутренній міръ, откуда онъ попытается
возстановить на свой страхъ болѣе или менѣе
цѣльную картину внѣшняго міра: свой личный
эпосъ (Ich-Epos), сказалъ-бы я, примѣняя термино-
логію Шпильгагена.

Таковы общественно-психологическія посыл-
ки, изъ которыхъ вытекли, на крайней границѣ
древне-греческаго развитія, тѣ произведенія, кото-
рыя мы называемъ новымъ именемъ романовъ,
тогда какъ Греки называли ихъ „драмами", „дра-
матическими разсказами", мы по другую сторону
кряжа, за которымъ лежитъ общій всѣмъ эпосъ,
съ его традиціонными сюжетами и носителями
пѣвцами. Въ романѣ все не традиціонно: поэтъ —
сознательный творецъ своего сюжета, ему принад-
лежатъ и герои, обыкновенно влюбленные, заняты
исключительно собою, своей любовью: любовь естест-
венно становилась въ центрѣ интересовъ, ограни-
ченныхъ личной жизнью; романисты отвѣчали

Съ разрѣш. проф. Веселовскаго

лишь голосу времени.

Вокругъ героевъ устраиваются другія дѣйствующія лица, служащія главнымъ образомъ къ ихъ развитію и освѣщенію, притянутыя къ центру, тогда какъ герой эпоса высится надъ своимъ міромъ такъ-же естественно, какъ вершина въ головѣ горнаго хребта. — Обстановка, въ которую вдвинуто дѣйствіе этихъ романовъ, двояка: либо это широкіе горизонты, иногда удаляющіеся въ фантастическую даль, большія пространства, по которымъ странствуютъ дѣйствующія лица; либо укромный уголокъ, уединенный въ море и природу. И здѣсь романисты были на высотѣ того настроенія, которое овладѣваетъ обществомъ, подъ впечатлѣніемъ односторонне развитаго личнаго идеала: я разумѣю безвѣтное стремленіе въ даль, томительное исканіе чего-то за тридевятью землями, либо тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ никогда ничего не искали, а теперь думаютъ обрѣсти покой и счастье: въ идилліи.

Теченія мысли, намъ хорошо извѣстныя; они не разъ повторялись въ исторіи, находя себѣ идеальное выраженіе въ утопіяхъ, поэтическое въ идилліяхъ Астреи и Робинзона.

Въ этомъ смыслѣ Шлоссеръ былъ правъ, говоря, что исторію народа можно написать по его романамъ; я-бы обобщилъ: по его поэтической литературѣ. Матеріалъ богатый и благодарный, если умѣть воздер-

Литогр. Трофимов. лит. С.-П.Б. Гр. д. № 23.

жаться отъ излишняго недовѣрія и отъ крайней довѣрчивости къ бытовой подкладкѣ поэтической идеализаціи.*)

Греческій романъ не досказался до конца: онъ является слишкомъ поздно, когда изсякли живыя поэтическія силы націи. Римляне его не досказали, подражатели какъ всегда: Апулей лишь обработалъ сюжетъ греческаго разсказа, помѣстивъ въ немъ прелестный эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, народную сказку, которую будутъ помнить и тѣ, кто поспѣшитъ забыть содержаніе романа. Онъ написанъ прозой; греческіе романы избрали эту болѣе реальную форму изложенія; ихъ проза принадлежитъ софистической школѣ, но она подъ стать сюжетамъ. Разрывъ эпоса съ исторіографіей также отмѣченъ водвореніемъ прозы; а романъ водворялъ въ литературѣ новый тактъ и интересы къ обыденному, хотя-бы и опоэтизированному.

Надо перенестись къ половинѣ среднихъ вѣковъ, чтобы снова встрѣтиться съ зарожденіемъ поэтическихъ разсказовъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, хотя и нѣсколько случайно, назовутся романами. Говоря о средневѣковой литературѣ, слѣдуетъ поступаться той идеей

---

* См. оцѣнку этихъ противоположныхъ увлеченій въ моихъ отчетахъ о книгахъ Роде (Жур. М. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 107–112, 116–118) и Шульце (Жур. М. Нар. Пр. 1882, іюнь).

цѣльности, которую мы вносимъ напр. изъ изученія литературы греческой. Новымъ людямъ пришлось во многомъ начинать съизнова, но многое привнесено было со стороны и вліяніе классическаго преданія опредѣлило формально или ускорило ходъ естественной эволюціи. Тѣмъ не менѣе ходъ ея ясенъ и послѣдовательность та-же. Западные люди также начали съ эпоса, остатки котораго до сихъ поръ живутъ въ народной былевой пѣснѣ и синкретическомъ обрядѣ. У насъ есть свѣдѣнія о древнихъ лирико-эпическихъ кантиленахъ, и весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни прошли через народный сводъ, прежде чѣмъ подвергнуться литературной обработкѣ въ древнѣйшихъ французскихъ Chansons de geste и Нибелунгахъ.

И на западѣ появленіе лирики, какъ особой литературной формы, въ отличіе отъ народной, вызвано было опредѣленнымъ общественнымъ прогрессомъ, выдѣленіемъ личнаго сознанія изъ массоваго — на первый разъ — на почвѣ сословно-рыцарской. Она явилась, когда сознана была цѣнность личнаго чувства, религіознаго или поэтическаго настроенія, личнаго поэтическаго подвига. Я указываю на трубадуровъ и миннезингеровъ: они также субъективны и сословно-тенденціозны, какъ Алкей.

Явленіе средневѣковой драмы, по сравненію съ греческой, выходитъ изъ органической связи развитія: церковь рано приняла её подъ свой покровъ и сдѣлала литургической мистеріей, ея дальнѣйшая разработка шла въ той-же колеѣ, опредѣленной церковнымъ преданіемъ. Для оцѣнки естественнаго роста литературы она не идетъ въ счетъ.

За то рыцарскій романъ непосредственно обусловленъ тѣми причинами, которыя вызвали и лирику. Онъ предполагаетъ обособле=

-ніе поэта отъ народнаго пѣвца, ослабленіе интереса къ общему эпическому преданію, исканіе новаго слова, новыхъ темъ и формы выраженія. На все это отвѣтили рыцарскіе романы. — Ихъ содержаніе не народное: нѣсколько бретонскихъ разсказовъ, двѣ-три мистическихъ легенды дали матеріалъ для цѣлой литературы, въ которой элементъ личнаго изобрѣтенія взялъ вскорѣ перевѣсъ надъ основной канвою подлинниковъ. Но и самое внесеніе этихъ сюжетовъ, до тѣхъ поръ таившихся въ глухомъ кельтскомъ захолустьи, въ широкій литературный круговоротъ, охватившій изъ Франціи всю Европу, было своего рода актомъ творчества. Ланцелотъ и Діанчайн, Тристанъ и Изольда и т. п. явились неожиданно носителями личнаго рыцарскаго идеала, гдѣ на первомъ мѣстѣ красуются слова: любовь и courtoisie. Вокругъ этого сосредоточивается все дѣйствіе романа, копятся подвиги и приключенія, какъ въ греческомъ романѣ любовники соединяются, помытарствовавъ и натерпѣвшись по бѣлу свѣту. Интересно сходство задачи, особое значеніе, какое дается чувству любви, незнакомому въ такомъ именно смыслѣ традиціонному эпосу. Потому именно, что въ общественномъ развитіи наступила новая пора, явились тамъ и здѣсь новыя задачи поэзіи и соотвѣтствующія формы выраженія: французскіе романы „бретонскаго" цикла и romans d'aventures слагаются инымъ стихомъ, чѣмъ народныя chansons de geste, а одна группа бретонскихъ романовъ рано появляется и въ прозаическихъ пересказахъ.

Если припомнить, что Амадисы, которыми такъ увлекалась европейская читающая публика XVI и отчасти XVII вѣка, и по типу и по содержанію идеаловъ, лишь нѣсколько преувеличенному, являются прямымъ продолженіемъ „бретонскаго" цикла, то мы указали на одно теченіе, по которому шло въ Европѣ раз=

витіе романа. Разрушительная критика Сервантеса не остановила движенія: тѣ-же излюбленныя темы — любви и куртуазіи, и военнаго подвига отражаются и въ придворно-героическомъ романѣ эпохи Фронды, которому суждено было наводнить Германію и, въ далекихъ отраженіяхъ, проникнуть и къ намъ.

Другой точкой отправленія для современнаго романа была итальянская новелла; вмѣсто рыцарской среды — среда итальянскаго города, съ ея богатой буржуазіей, развитой личностью и относительной сохранностью классическаго образовательнаго преданія. Эпоса здѣсь нѣтъ, его забыли еще до Виргилія, за то жива та Lust zu fabuliren, которая характеризуется для среднихъ вѣковъ сборниками фабльо и легендъ, восточныхъ разсказовъ и нравоучительныхъ прикладовъ. Они и явились матеріаломъ для итальянской новеллы. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду создателя этого художественнаго рода — Боккаччьо. Въ его пересказѣ ходячія темы преобразились въ нѣчто новое, типическіе образы прибаутки или умилительной повѣсти приближаются къ характерамъ, характеры раскрываются передъ нами въ ихъ побужденіяхъ, надеждахъ, опасеніяхъ, ихъ обстановка содѣйствуетъ ихъ освѣщенію, какъ и стиль разсказа, строгій въ грустной феодальной легендѣ о Гризельдѣ, смѣющійся въ сказкѣ о веселой, беззаботной дочери царя del Garbo: тамъ замокъ и бѣдная деревня, здѣсь блужданіе по морямъ и доламъ, точно въ греческомъ романѣ, съ которымъ Боккаччьо былъ отчасти знакомъ.

Такова итальянская новелла, одинъ изъ источниковъ новѣйшаго романа. Самъ

Боккаччьо сдѣлалъ къ нему приступъ въ своей Fiametta'ѣ, бѣдной дѣйствіемъ, наполненной анализомъ чувствъ любящей, оставленной женщины, колеблющейся между отчаяніемъ и надеждой, живущей воспоминаніями, жадно хватающейся за каждое слово, прислушивающейся къ каждому слуху о миломъ, чтобы снова чаять или опасаться. Въ Fiametta'ѣ есть достоинство и свой странный Боккаччьо пріпадающій ся реторизмъ; тѣмъ не менѣе это-первая попытка психологическаго романа въ Европѣ, интересная и по своему біографическому матерьялу: авторъ разсказалъ намъ, подъ другими именами, исторію своей собственной любви, какъ въ XV в. Эней Сильвій взялъ сюжетъ своей латинской повѣсти о Лукреціи и Эвріалѣ изъ романическихъ похожденій Гаспара Шлика къ одной сіэнской горожанкой.

Послѣ Боккаччьо волна новеллы течетъ неудержимо, переходя и за границы Италіи: итальянскія новеллы переводятся во Франціи и Германіи; Маргарита Наваррская имъ подражаетъ; повѣсти Грина всецѣло, „Euphues" Лилли отчасти, стоятъ подъ ихъ вліяніемъ, какъ и романы Викрама, въ которыхъ нѣмецкая критика тщится открыть самостоятельный зародышъ нѣмецкаго романа. - Когда съ половины XVI в. старые греческіе романы начали являться въ изданіяхъ и переводахъ на новые языки, участь этого рода въ Европѣ была уже упрочена и ему предстояло мірное развитіе: отъ „Амето" Боккаччьо, „Аркадіи" Саннацаро и „Діаны" Монтемайора къ Астреѣ, отъ романовъ въ стилѣ picaresco къ реальному французскому роману половины XVII вѣка и Гриммельсгаузену; отъ Амадисовъ къ Донъ-Кихоту, отъ салонно-героическаго Grand

Cyrus и собратій къ тонкой психологіи Princesse de Clèves госпожи de la Fayette. Я опустилъ изъ этой связи фантазиста Раблэ, какъ не думаю слѣдить за дальнѣйшими проявленіями этого рода въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, когда романъ становится почти общественной, любимой литературной формой, грозящей заслонить собою всѣ остальныя, отвѣчающей на всѣ вопросы времени, но и обязанной постоять за себя передъ назойливымъ вопросомъ: въ чемъ его суть, его эстетическая законность, причина популярности?

Задача романиста — представить намъ идеальное изображеніе жизни, лучше сказать, извѣстной жизненной полосы въ образахъ и дѣйствіяхъ измышленныхъ имъ лицъ, исполненныхъ бытовой и психологической правды. Субъективный, какъ всякій человѣкъ нашего времени, онъ, очевидно, субъективно смотритъ и на жизнь и ея явленія: въ его герояхъ несомнѣнно присутствуютъ частицы его собственнаго „я", хотя, быть можетъ, и не въ исключительномъ смыслѣ Шпильгагена, отождествляющаго героя каждаго романа съ его авторомъ; то цѣльное пониманіе жизни, подъ тѣмъ или другимъ угломъ, которое составляетъ основу и фонъ его романа, опять-же его личное, которое другіе могутъ не раздѣлять, не принять, потому что личная художественная правда не всегда есть гарантія признанія. Положеніе романиста не то, что у эпическаго пѣвца: герои не приходятъ къ нему сами, носимые народной симпатіей, и его міросозерцаніе не есть по необходимости общее: старая цѣльность нарушена. Шпильгагенъ горько сѣтуетъ о томъ:

„Современный человѣкъ, и то въ исключительныхъ случаяхъ, кончаетъ тѣмъ, съ чего начинаетъ гомеровскій, проникаясь общимъ чувствомъ своего народа, пафосомъ своего времени

но и эта цѣль разумнаго семейнаго и общественнаго воспитанія дается лишь одному избраннику и сильному духомъ! И какъ часто, достигнувъ её, онъ видитъ себя обманутымъ, видитъ или подозрѣваетъ, что то, чувство было ложное, паѳосъ не настоящій, который слѣдуетъ поправить, замѣнить чѣмъ нибудь другимъ; что ему суждена страшная доля снова вправить въ пазы вышедшій изъ нихъ міръ. — Не говорите, что къ такимъ печальнымъ выводамъ, заключающимъ въ самихъ себѣ не кажущееся только противорѣчіе, приходятъ лишь помраченныя гамлетовскія натуры, неясныя поэтическія души. Есть и другіе люди, въ жилахъ которыхъ не течетъ ни капли меланхолической крови датскаго принца, совершенные антиподы сановей Аполлона, съ трезвымъ пониманіемъ жизни, съ способностью къ практической дѣятельности. Между ними встрѣчаются исключительныя натуры, посвящающія, въ ясномъ сознаніи самихъ себя, всѣ свои мысли, думы и стремленія, высокія дарованія и горделивую силу — на служеніе общему дѣлу: неустанно работая для его преуспѣянія, нерѣдко съ успѣхомъ, осуществляя на дѣлѣ давнишнія надежды и чаянія народа, онъ вправѣ ощущать себя, какъ воплощеніе его воли. А развѣ не было замѣчено не разъ, развѣ не стало это какъ-бы общимъ правиломъ, что тѣ даровитые, роковые люди въ концѣ блестящей карьеры жалуются на отсутствіе признанія у своихъ современниковъ? что они аппеллируютъ отъ непонявшаго ихъ настоящаго къ болѣе разумному будущему, становясь лицемъ къ лицу съ задачей, напоминающей квадратуру круга: задачей — создать общее благо народа противъ желанія большей части этого народа?"

Таково положеніе современнаго героя-практика, очевидно, Лео изъ „Одинъ въ полѣ не воинъ". Но положеніе поэта-избранника ничѣмъ не лучше. Передъ живописцемъ сидѣлъ моделью — самъ Гёте.

„У него быстрый, проницательный и, вмѣстѣ, спокойно-ясный взглядъ прирожденнаго наблюдателя; способность скоро и легко сочетать отдаленное съ ближайшимъ; глубокое, страстное влеченіе къ природѣ, къ жизни; неутомимая страсть разыскивать тайныя причины человѣческихъ дѣйствій въ вожделѣніяхъ, склонностяхъ людей; творческая фантазія, вступающая въ свои права, гдѣ кончается опытъ, и строящая идеальные выводы изъ тѣхъ нестройныхъ началъ, которыми часто всё ограничивается въ жизни". Однимъ словомъ эпическій геній, какой рождается столѣтіями, не уступающій первому гомериду. Что онъ будетъ дѣлать?

„Вѣчное море не баюкало его своимъ таинственнымъ пѣснопѣніемъ, съ берегу не манила его, еще мальчика, синяя даль, грезы подвиговъ, и нѣтъ вдохновеннаго пѣвца, который повѣдалъ-бы пытливому юношѣ о дѣлахъ его народныхъ героевъ."

У него нѣтъ ни народа, ни героевъ, будничная буржуазная жизнь душитъ его, и онъ спасается отъ нея въ природу, съ Гомеромъ подъ мышкой; у него одинъ выходъ — „уйти въ себя и тамъ обрѣсти новый міръ". И онъ находитъ его и возсоздаетъ цѣною крови сердца, долгаго художническаго искуса, борьбы съ языкомъ: онъ пишетъ Вертера. И равнодушная публика проснулась противъ ожиданія, и у ней зазвучала гдѣ-то въ сердцѣ струна: автора превозносятъ, имъ зачитываются, молодые люди подражаютъ его костюму, несчастно-влюбленныя дѣвушки, прежде чѣмъ броситься въ воду, прочитываютъ нѣсколько стра-

ницъ въ его романъ. На голоса мелкихъ завистниковъ нечего обращать вниманія, но вотъ раздается голодъ человѣка, стоящаго внѣ разсчетовъ вражды и зависти, остроумнаго, знатока искусства, къ которому прибѣгаютъ въ художественныхъ вопросахъ, какъ къ высшему судьѣ. А онъ говоритъ, что ни одинъ античный, т. е. настоящій нормальный человѣкъ, не сталъ-бы чувствовать и дѣйствовать, какъ герой новаго романа; что авторъ, надо полагать, невѣрно понялъ Гомера, котораго его герой постоянно носитъ съ собою; что сентиментальный полусвѣтъ, въ которомъ представляется его міръ, ничуть не напоминаетъ свѣтлое солнце Гомера, а то, что онъ называетъ міромъ, — въ сущности его міръ, который существуетъ для него одного и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не станетъ на болѣе высокую и свободную точку зрѣнія. Критика кончалась практическимъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Гёте: присоединить къ Вертеру двѣ-три новыхъ главы, новое окончаніе — и „чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше“! — Совѣтъ напоминаетъ такой-же, извѣстный, обращенный по адресу Апеллеса, но характеристика современнаго романиста и его субъективнаго міра, въ сравненіи съ объективнымъ міромъ эпическаго пѣвца не можетъ не быть названа удачной. Причемъ только тутъ сравненіе съ Гомеромъ? Развѣ личный писатель нашего времени можетъ стать на его мѣсто, Гомеръ мыслимъ-ли въ положеніи романиста, не переставъ быть Гомеромъ? Вопросъ — для теоретиковъ романа.

III.

Первымъ сознательнымъ теоретикомъ явился Huet (Гюэ) въ своей извѣстной книгѣ:

De l'origine des Romans (Paris, 1670). Его обширная начитанность поставила его на историческую точку зрѣнія, исторія рода начинается для него съ грековъ, но въ средніе вѣка они сливаются съ народной эпопеей: смѣшеніе, которому суждено было надолго остаться господствующимъ.

„Въ былое время, говоритъ Huet, подъ именемъ романовъ разумѣли не только прозаическіе, но и болѣе того романы, писанные стихомъ: Giraldi и его ученикъ Pigna въ ихъ трактатахъ de' Romanzi имѣютъ въ виду лишь послѣдніе, указывая въ образецъ Боярдо и Аріосто. Въ настоящее время преобладаетъ другое пониманіе, и мы называемъ романами фиктивныя изображенія любовныхъ приключеній, написанныя въ прозѣ, художественно для удовольствія и поученія читателей. Я говорю о фикціяхъ, чтобы отличить ихъ отъ дѣйствительной исторіи, о любовныхъ приключеніяхъ, потому что любовь — главный сюжетъ романовъ. Они должны быть писаны прозой, чтобы согласоваться со вкусомъ нашего времени; написаны художественно и по извѣстнымъ правиламъ, — иначе разсказъ будетъ нагромождёнъ безъ связи и лишенъ красоты.....

„Я не говорю здѣсь о стихотворныхъ романахъ, тѣмъ менѣе объ эпическихъ поэмахъ, также стихотворныхъ и существенно отличающихся отъ романовъ, хотя между ними есть и черты сходства и хотя мнѣніе Аристотеля, по которому поэтъ — болѣе поэтъ по изобрѣтенію, чѣмъ по своимъ стихамъ, позволяетъ причислить къ поэтамъ и писателей романа. Петроній считаетъ отличіемъ поэмы: широкое дѣйствіе, вмѣшательство боговъ, сильный и смѣлый слогъ, такъ что она производитъ впечатлѣніе скорѣе вѣщанія, ис-

ходящаго отъ боговъ, чѣмъ точнаго и вѣрнаго разсказа. Романы болѣе просты, менѣе возвышенны и образны въ изобрѣтеніи и выраженіи, поэмы болѣе чудесны, въ границахъ вѣроятности - въ романахъ вѣроятнаго больше, хотя встрѣчается и чудесное. Поэмы болѣе выработаны и правильны въ композиціи, въ нихъ менѣе событій и эпизодовъ; романы допускаютъ то и другое въ большемъ количествѣ, ибо, не будучи столь возвышенны и образны, они не на столько утомляютъ умъ, который получаетъ возможность наполниться большимъ количествомъ различныхъ идей. Наконецъ, сюжетомъ поэмы бываетъ военное или политическое дѣйствіе, о любви она говоритъ случайно, тогда какъ, наоборотъ, въ романахъ она - главный сюжетъ, а политика и война являются на второмъ планѣ."

Huet ведетъ начало романа съ востока и его извѣстной любви къ розсказнямъ; но лишь въ рукахъ греческихъ писателей онъ получилъ впервые художественное значеніе. "Греки, въ такой степени усовершенствовавшіе большую часть наукъ и искусствъ, что ихъ считали ихъ изобрѣтателями, занялись и романомъ, дали болѣе изящную форму тому, что на востокѣ было грубо и безформенно, подчинивъ его правиламъ эпопеи и собравъ въ одно художественное цѣлое тѣ разбросанныя, не упорядоченныя части, какія представлялъ предшествовавшій имъ романъ (?)." Huet перечисляетъ его греческихъ представителей, между которыми особливо хвалитъ Геліодора; изъ позднѣйшихъ называетъ (псевдо-) Дамаскина, Евстаѳія и Ѳеодора Продрома; характеризуетъ Апулея.

До первыхъ вѣковъ христіанства искусство романа уже держалось въ нѣкото-

ромъ блескъ; оно пало вмѣстѣ съ образованностью и имперіей, когда дикіе народы сѣвера привнесли свое невѣжество и варварство. До тѣхъ поръ романы писались ради удовольствія, теперь начали сочинять баснословные разсказы, потому что, не зная истины, не могли писать о дѣйствительности." — Примѣрами у Huet являются безразлично — романы объ Артурѣ и Кругломъ столѣ и карловингскія сказанія. Для современной Европы французы представляются обновителями романическаго рода.

Когда въ 1814 году Дёнлопъ (Dunlop) написалъ свою знаменитую History of fiction, переведенную впослѣдствіи съ дополненіями Либрехтомъ, ему оставалось лишь наполнить схему историческаго развитія романа, начертанную его предшественникомъ; но для уясненія эстетической сущности романа и его поэтической законности за это время не было сдѣлано ни шагу впередъ. Въ томъ, что было писано по этому вопросу, замѣчается вездѣ тоже смѣшеніе романа съ народнымъ эпосомъ, кульминирующее въ изреченіи Смоллета въ предисловіи къ его Roderick Random: „романъ, несомнѣнно, одолженъ своимъ существованіемъ невѣжеству, тщеславію и суевѣрію" (Romance, no doubt, owes its origin to ignorance, vanity and superstition).

Между тѣмъ факты продолжали бить въ глаза и нельзя было эстетической критикѣ не соглашаться съ явленіемъ, которое грозило поглотить или устранить ихъ старыя построенія, съ романистомъ — этимъ „своднымъ братомъ поэта", какъ иронически называлъ его еще Шиллеръ. И эстетика не заставила себя ждать: ро=

манъ, несомнѣнно, относится къ повѣствовательному роду, а во главѣ его стоитъ эпосъ съ его идеальнымъ выраженіемъ въ гомерическихъ поэмахъ или, лучше, поэмахъ Гомера, котораго Вертеръ всегда носилъ съ собою, которому Гёте хотѣлъ подражать въ своей буржуазной идилліи: Германъ и Доротея. Подражаніе вышло превосходное: тотъ-же покойный горизонтъ, медленно, съ постепенными повтореніями развёртывающійся разсказъ, та-же эстетическая образность. В. ф. Гумбольдтъ спѣшитъ обобщить впечатлѣніе этого новаго эпоса и гомеровскаго и даетъ намъ опредѣленіе эпопеи, до сихъ поръ продолжающее царить и въ эстетикахъ, и въ учебникахъ, и у Шпильгагена, для котораго эпопея — „повѣствовательное поэтическое изображеніе человѣчества, насколько послѣднее можетъ быть представлено извѣстнымъ народомъ въ извѣстную эпоху." Это такъ же прозрачно, какъ скелетъ, съ котораго сорвали живое тѣло; такъ обще, что въ этомъ пустомъ пространствѣ помѣщаются, исчезая, и гомеровская поэма, и новелла Боккаччьо, и романъ Зола. Ясно одно: что воспроизведеніе гомеровской поэзіи, какое позволилъ себѣ Гёте, возможно лишь подъ условіемъ выбора соотвѣтствующаго сюжета, простыхъ нравовъ и несложныхъ отношеній, допускающихъ и соотвѣтствующее выраженіе. Гёте совершенно цѣлесообразно выбралъ для этого деревенскую идиллію, за которой, гдѣ-то вдалекѣ пробѣгаетъ историческая волна; явись она на авансценѣ, эпическій покой и объективная образность, исчезли-бы, какъ призракъ. „Одинъ въ полѣ не воинъ" въ изложеніи „Германа и Доротеи" такъ же немыслимъ, какъ гомеровскій образный языкъ и повторенія напр. въ Давидѣ Копперфильдѣ, идеалѣ современ-

наго романа, по мнѣнію Шпильгагена.

Все это должно быть ясно именно для него, такъ раздѣльно и характерно представившаго намъ коренное, историческое отличіе эпическаго пѣвца отъ современнаго поэта, цѣльнаго и расторженнаго міросозерцанія, безразличной объективности и страстнаго субъективизма. — Чѣмъ объяснить послѣ этого постоянныя, обильныя ссылки на Гомера по поводу того или другаго вопроса, поднятаго теоріей романа? Тѣмъ, что самъ авторъ - субъективистъ, что правильная, историческая постановка взгляда на отношенія эпоса и романа, не мѣшаетъ ему безсознательно вносить въ обсужденіе перваго критеріи, выработанные на почвѣ послѣдняго; что думая повѣрять себя вѣчнымъ Гомеромъ, онъ говоритъ о Гомерѣ Шпильгагена. Сущность этого Гомера намъ не вполнѣ ясна: что - это пѣвецъ или пѣвцы, пѣсни которыхъ объединились въ Иліадѣ или Одиссеѣ? Шпильгагену извѣстенъ такъ называемый, гомеровскій вопросъ", онъ говоритъ кое-гдѣ объ интерполяціяхъ. Для теоріи эпоса, стало быть, съ точки зрѣнія автора, и романа, это вопросъ не исключительно археологическій: приведемъ примѣры.

У эпическаго пѣвца матеріалъ готовый: въ миѳѣ, въ языкѣ; въ пріемахъ „сказительства", которые подсказываютъ ему и мастерство сцѣпленія одного разсказа съ другимъ и умѣнье внести эпизодъ. Всему этому современному поэту приходится учиться самому - и, надо полагать, Шпильгагенъ не укажетъ ему, какъ на типъ художественнаго эпизода - на длинный разсказъ Одиссея, вторгшійся въ поэму въ ея VII пѣснѣ (ст. 241-97)

и отнявшей у ней впослѣдствіи IX-ую по XII-ую. Очевидно, муза здѣсь измѣнила пѣвцу, если не подшутила надъ нимъ — интерполяція. Разсказъ Одиссея о своихъ приключеніяхъ Шпильгагенъ разсматриваетъ въ связи съ тѣмъ, что онъ называетъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, Ich-roman, т. е. ведущійся отъ лица героя. Было легкое и, въ то-же время, трудное, ставящее автора въ тупикъ въ тѣхъ случаяхъ, особенно, когда герою слѣдуетъ разсказать своимъ читателямъ или слушателямъ объ обстоятельствахъ, которыхъ онъ не былъ очевидцемъ, которыхъ не могъ и слышать. Приходится прибѣгать къ уловкамъ, въ родѣ слѣдующихъ. Одиссей разсказываетъ, что его спутники прикололи быковъ Геліоса, пока самъ онъ блуждалъ по острову или спалъ. Лампетія спѣшитъ къ Геліосу съ докладомъ, тотъ на Олимпъ съ жалобой безсмертнымъ богамъ и Зевсу, который обѣщаетъ отмстить оскорбленному. — Но какъ узналъ обо всемъ этомъ Одиссей, который ничего этого не видѣлъ и не слышалъ? „Все это слышалъ я отъ прекраснокудрой Калипсо, а ей повѣдалъ, говорила она, быстрый Гермій" (Од. XII, ст. 389-390). Такъ поясняетъ разсказчикъ — „и съ какой, поди, серьезной миной, хитрецъ!" — замѣчаетъ Шпильгагенъ. Замѣчаніе вполнѣ понятное развѣ для какого-нибудь юмористическаго или комическаго романа, въ разсказѣ о небылицахъ въ лицахъ. Точки зрѣнія, очевидно, перепутались и здѣсь, потому что не надо было ни напускной серьезности, ни остроумной выдумки ни герою, ни пѣвцу эпоса, въ которомъ люди постоянно общаются съ богами. А что, если эта ссылка на Калипсо и Гермія, характеризующая пріемъ личнаго разска-

щика, не что иное, какъ неловкая интерполяція? Шпильгагенъ допускаетъ эту возможность.

Если постоянныя обращенія отъ романа къ Гомеру могутъ быть истолкованы какъ уступка историческаго взгляда въ пользу лѣгной теоріи, то мы не иначе отнесемся къ двумъ главамъ книги Шпильгагена, трактующимъ о вопросѣ: «Новелла или романъ? романъ или новелла?»

Дѣло въ томъ, что современная литература наводнена не только романами, но и „повѣстями", „разсказами", „новеллами", причемъ иная новелла — какъ будто романъ, тогда какъ другому роману лучше-бы называться новеллой, повѣстью. Шпильгагенъ не доволенъ этой черезполосицей, принимаетъ дѣло къ сердцу, какъ будто оно идетъ о сути, а не о кличкахъ. Какъ романъ онъ мѣрялъ эпосомъ, такъ теперь находитъ нужнымъ установить особую эстетическую категорію, съ высоты которой и будутъ судиться романисты и новеллисты. Въ полку Гомера онъ ставитъ Боккаччьо, его новелла будетъ образцомъ, типомъ всѣхъ послѣдующихъ. Опредѣленіе ея такое: она выводитъ на сцену уже готовые характеры, которые, столкнувшись, даютъ въ результатѣ исходъ, заранѣе опредѣленный ихъ сущностью; въ романѣ, наоборотъ, выступаютъ не готовые люди, а развивающіеся въ той широкой жизненной обстановкѣ, которая является необходимой декораціей романа: здѣсь все дѣло въ развитіи, и конфликтъ не предусмотрѣнъ, такъ какъ обусловленъ именно его ходомъ, можетъ видоизмѣниться подъ давленіемъ среды и т.п. — Если такъ, то почему не пооткровенничать и не назвать новеллами тотъ легіонъ французскихъ романовъ, которые въ сжатомъ введеніи разсказываютъ

25-го нояб. 1883.

всю праисторію своихъ героевъ, чтобы вывести ихъ, уже готовыми для развязки, въ ту часть разсказа, которая одна, собственно, и можетъ быть названа романомъ? Шпильгагенъ предпочитаетъ бросить имъ презрительную кличку, не имѣющую стоимости этикетки: это не романы, а развѣ послѣднія главы романовъ. — Но если ужъ быть новелламъ, какъ особо-патентованному литературному роду, то какъ помирить старинную новеллу, въ которой главный интересъ отданъ „любому сцѣпленію условій и обстоятельствъ" съ современной, обращающей вниманіе на „особенности данныхъ характеровъ"? — какъ понять примѣчаніе автора (стр. 47-8, прим.), что новелла — „основная форма всякой эпической поэзіи, снова впадающей въ неё, какъ скоро замолкаетъ большая эпопея"?

Наши романы, повѣсти-новеллы пишутся прозой; эпосъ знаетъ лишь стихъ. „Это была драгоцѣнная связь (Einband), безъ которой его листки разлетѣлись бы въ теченіе его странствованія по ту и по сю сторону греческаго міра, развѣялись бы, какъ негодная мякина. Стихъ былъ Аріадниной нитью для пѣвца, при помощи которой онъ могъ пускаться въ лабиринтъ своихъ пѣсенъ и разсчитывая выйти къ свѣту. Болѣе того: онъ сдерживалъ фантазію, принуждая её созерцать міръ и людей лишь въ свѣтѣ идеи, изображать ихъ идеально — потому что стихъ исключаетъ все прозаически-грубое и плоское, какъ чистая масса льда въ глетчерахъ не принимаетъ въ

себя сора и щебня. — Гекзаметръ не допустилъ бы сказать даже о Ѳерситѣ, что онъ схватилъ — насморкъ; мы скажемъ подобное не объ одномъ только Ѳерситѣ, мы увидимъ нашихъ героевъ въ халатѣ и туфляхъ, не потому чтобы мы были неизлѣчимыми филистерами и прирожденными камердинерами, а потому что мы — люди новаго времени. Мы иначе смотримъ на всё, чѣмъ древніе, видимъ дальше и ближе ихъ, такія ускользающія величины, которыхъ они не схватили-бы своимъ микроскопическимъ взглядомъ, если-бы онѣ и существовали въ ихъ время; а иныя изъ нихъ и не существовали вовсе. Дѣло въ томъ, что свѣтъ съ тѣхъ поръ расширился, на столько, что мы болѣе не знаемъ, гдѣ стоятъ пограничные столбы Геркулеса — или же знаемъ, что ихъ и вовсе нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ этотъ сталъ богаче содержаніемъ, такъ богатъ, что тогдашняя точка представляется намъ теперь цѣлымъ міромъ. И не въ области одной лишь физической природы: въ насъ самихъ, въ нашемъ мозгу и сердцѣ снуетъ и созидается цѣлый новый міръ мыслей и ощущеній, о которыхъ не чаяли гомеровскіе греки. И этотъ-ли широкій, богатый, безконечно разнообразный внѣшній и внутренній міръ возсоздать современному эпику въ поэмѣ и пѣснѣ?» Разумѣется — нѣтъ; не думали о томъ и греческіе романисты, и средневѣковые пересказчики бретонскихъ романовъ,

писавшіе прозой, не потому, чтобы не вѣрили въ Геркулесовскіе столбы или усматривали въ каплѣ воды цѣлый міръ инфузорій, а потому, что ощутили себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ эпика, не разсказчиками стараго преданія, а изобразителями новаго, реальнаго либо того, что казалось реальнымъ. Замѣна старой формы новою обусловлена была измѣненіемъ содержанія, и эта форма удержалась настолько прочно, что теорія романа, позабывъ исторію, можетъ подсказать ей и особое, трансцендентальное значеніе, въ уровень XIX вѣку.

Но она лучше сдѣлаетъ, если чаще будетъ прислушиваться къ урокамъ исторіи. Исторія поэтическаго рода — лучшая повѣрка его теоріи: она сдѣлаетъ невозможнымъ слишкомъ широкія, хотя бы и поэтическія, обобщенія, укажетъ надлежащее мѣсто и тѣмъ блестящимъ, критическимъ замѣткамъ, которыми исполнена книга Шпильгагена, и удалитъ изъ „теоріи романа" рѣдко, но рѣзко бьющій въ глаза характеръ рецептуры. Намъ, разумѣется, любопытно бываетъ проникнуть вмѣстѣ съ поэтомъ, романистомъ въ тайники его мастерской, узнать напр. отъ Шпильгагена, что, приступая къ роману, онъ составляетъ вначалѣ послужные списки всѣхъ своихъ героевъ съ ихъ паспортными примѣтами; что большая часть произведеній Тургенева навѣяна, по его собственному признанію, дѣйствительными жизненными фактами и живыми лицами, что измышленіе фабулы ему давалось не легко, почему Бѣлинскій

находилъ въ немъ относительную слабость фантазіи. Всё это — матеріалъ для характеристики внѣшнихъ пріемовъ того или другаго романиста (и въ этомъ отношеніи не безъинтересны записки Антони Троллопа, вышедшія въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году); но мы никогда не узнаемъ тайну единенія автора съ его героями, заставившую напр. Тургенева плакать надъ послѣдними страницами своего „Отцы и дѣти", потому что процессъ творчества „покрытъ завѣсой, которой никто и никогда не поднималъ и не подниметъ." (Шпильгагенъ).

Кто изъ васъ желалъ бы прослѣдить за рядомъ попытокъ теоріи романа, хотя и не полнымъ, того я отсылаю къ первой главѣ сочиненія Felix Bobertag'a: Geschichte des Romans und der ihm verwandten Dichtungsgattungen in Deutschland (Erste Abtheil: bis zum Anfange des XVIII Jahrhunderts. M. I. Breslau 1876).

Библіографія:

Параллельно съ дальнѣйшимъ ходомъ моихъ лекцій я буду указывать и сочиненія по тому или другому вопросу, а пока ограничусь указаніемъ на слѣдующія:

1. - Scherer: Geschichte der deutschen Literatur (выходящая выпусками и еще не оконченная)
2. Dunlop: The History of fiction being a critical Account of the most celebrated Prose Works of Fiction from the earlist greek Romances to the Novels of the present Age. Edinburgh. 1814; 2-изд. 1816; Lond. 1843.

Это сочиненіе, важное и для русскихъ историковъ литературы XVI–XVII вѣковъ, представляетъ собою сборникъ матеріала для того, кто слѣдитъ за переходомъ сказаній, чего нибудь большаго оно не даетъ. Дёнлопъ дополнилъ схему романовъ, начертанную Гюэ (Huet), и кончаетъ указаніемъ на современныхъ ему романистовъ. Трудъ его переведенъ Liebrecht'омъ: „John Dunlops Geschichte der Prosadichtung oder Geschichte der Romane, Novellen, Märchen u.s.w. aus d. englischen übertragen und vielfach vermehrt und berichtigt so wie mit einleitender Vorrede, ausführlichen Anmerkungen und einem vollständigem Register versehen von Felix Liebrecht. Berlin. 1851.

Chassang A: Histoire du roman et de ses rapports avec l'histoire dans l'antiquité grecque et latine. 2-me éd. Paris 1862. Книжка, небольшая по объему и довольно банальная по содержанію, но полезная по тому, что вводитъ на сцену и христіанскіе средневѣковые романы. Недостатокъ ея въ томъ, что авторъ причисляетъ къ романамъ все, носящее характеръ фикціи, напр. „Атлантиду" Платона (sic).

Лучшимъ сочиненіемъ по исторіи греческаго романа является книга:

Erwin'a Rohde (профессора класс. фил. въ Іенскомъ унив.): Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipz. 1876. Рецензія ея написана мною и помѣщена въ Ж. М. Н. Пр. част. 188, отд. 2. стр. 100–151. Авторъ преимущественно излагаетъ причины, обусловившія появленіе греч. романа.

А. Кирпичниковъ: Греческіе романы въ новой литературѣ. — Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ. Этому труду посвящены многія рецензіи: одна подъ заглавіемъ „Беллетристика у древнихъ Грековъ" въ В. Европы за декабрь 1876; другая въ Ж. М. Н. пр. за іюль 1877. Къ этому труду мы еще вернемся.

Cousin: Le Grand Cyrus. Разборъ типическаго романа XVII вѣка.

Baring-Gould (Бэрингъ-Гудъ): Early christian Greek Romances. (Древніе христіанскіе греческіе романы). Статья эта помѣщена въ англ. журналѣ: the contemporary Review (1877, june - novembre, т. 30). Авторъ, какъ и Шассанъ, не очень разборчивъ въ подведеніи подъ схему романовъ того, что ими быть не можетъ. Такъ онъ относитъ къ романамъ всѣ житія святыхъ.

Исторія греческаго романа.

Я начинаю съ краткаго изложенія исторіи греческаго романа, оставляя въ сторонѣ вопросъ о восточномъ романѣ, свѣдѣнія о которомъ можно найти у Huet и Dunlop'а. Я миную востокъ, потому, что меня интересуетъ не содержаніе греч. романовъ, а самый фактъ ихъ появленія. Со стороны содержанія востокъ, конечно, могъ вліять на греческіе романы: ихъ авторы были уроженцами Ма=

ской Азіи. Историки литературы должны указать не на одно сходство сюжетовъ греч. романа съ восточными разсказами: они должны определить raison d'être этого перваго образчика рода, которому суждено было такое богатое развитіе въ будущемъ и каковымъ были, именно, греческіе романы. И вотъ въ отвѣтъ на эту задачу явилась гипотеза о восточномъ вліяніи на развитіе греческаго романа. Еслибъ она и могла быть доказана, то не разрѣшила бы вопроса: дѣло, очевидно, не въ томъ, что извѣстные культурные элементы могли быть заимствованы извнѣ, а въ томъ, какія внутреннія условія приготовили греческій умъ къ принятію и пріобщенію въ плоть и кровь этихъ культурныхъ элементовъ. Восточное вліяніе было, но оно обусловило не греческій романъ, а въ извѣстной мѣрѣ греческую новеллу, но между греческимъ романомъ и новеллой нельзя предположить никакихъ генетическихъ отношеній. — Говорили въ отвѣтъ на ту-же задачу и о вліяніи христіанскаго міросозерцанія. [Сюда относится и диссертація г. Кирпичникова, распадающаяся на двѣ части, мало связанныя между собою. Вторая часть посвящена „Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ", которую долгое время приписывали Іоанну Дамаскину. Г. Кирпичниковъ продолжаетъ отстаивать авторство Дамаскина, не смотря на доводы Альбрехта, доказавшаго сходство этой повѣсти съ легендарнымъ житіемъ Будды. Итакъ обѣ гипотезы несостоятельны. — Происхожденіе греческой романтики можно объяснить только изъ исторіи греческой же поэзіи *). Если греческій романъ могъ пред=

*) Rohde. Gr. Rom. стр. 4.

ставится кому бы то ни было чѣмъ то не греческимъ, то лишь потому, что мы утратили сознаніе тѣхъ непосредствен= ныхъ звеньевъ, которыя привязываютъ его къ предъидущему, столь отличному отъ него, развитію греческой литературы. Незнаніе этихъ звеньевъ при сравненіи явленій, стоящихъ на противоположныхъ полюсахъ исторіи, и производило то впечатлѣніе контраста, которое заставляло подозрѣвать въ греческомъ романѣ что-то не народное. Но эти звенья существуютъ: Эротическая поэзія эллинской эпохи приготовила развитіе романа; культурныя условія, вызвавшія разцвѣтъ александрійской эроти= ки, помогутъ намъ въ извѣстной мѣрѣ освѣтить родственное міросозерцаніе позднѣйшихъ романистовъ.

Къ разложенію религіознаго сознанія, на= чавшемуся задолго до распространенія эллинской культуры на востокѣ, присоединились въ эту пору, которую принято называть эллинистической, еще признаки разложенія общественнаго. Въ эту пору, говоритъ Роде, — все вело къ тому, чтобъ окончательно порвать узы, привязывавшія отдѣльнаго человѣка къ вѣрѣ, обычаямъ и чувствованіямъ своего народа, и такимъ образомъ изолировать его въ сферѣ его собственныхъ мыслей и взглядовъ. Въ то время, какъ старая Эллада либо хирѣла въ убогомъ застоѣ, либо тратила силы въ ненужной борьбѣ, блестящая жизнь наполняла, въ первые вѣка діадоховъ, пространныя африканскія и азіатскія владѣнія эл-

Литографія Гробовой, Петерб. стор. Большой пр. 9, № 23.

линистическихъ царей. Туда направлялись всѣ, въ комъ еще оставалась искра умственной силы, — ища искусственнаго покровительства при дворахъ, единственно возможнаго при общемъ упадкѣ народной жизни. Вырвавшись изъ ревнивой самозаключенности городской и племенной общины, коренной Грекъ сталкивался на громадныхъ пространствахъ варварскихъ земель, въ роскошныхъ новопостроенныхъ столицахъ, съ гражданами другихъ греческихъ и полугреческихъ племенъ, и болѣе того — съ туземцами варварами. Это должно было пріучить его къ болѣе свободному міросозерцанію: насколько онъ переставалъ быть истымъ Эллиномъ, на столько становился космополитомъ: въ этихъ новыхъ варварско-эллинскихъ царствахъ ничто не связывало его съ міросозерцаніемъ, нравами, съ религіей его отечества, всецѣло проникавшею его жизнь и искусство. Онъ до такой степени освободился отъ односторонности греческаго взгляда, что отрекается отъ глубоко-національнаго разграниченія Эллиновъ и варваровъ, признаннаго самыми свободными мыслителями стараго времени: въ первый разъ въ исторіи является у него мысль о космополитическомъ единствѣ всѣхъ людей и народовъ. До такой точки зрѣнія могло дойти лишь общество, которое болѣе не понимало воспитательнаго   и опредѣляющаго вліянія узкой народной традиціи на отдѣльное лице, предоставляя развитіе прирожденныхъ ему способностей его личному самоопредѣленію. На этомъ стремленіи къ обособленію покоилось монархическое устрой=

ствъ главнѣйшихъ эллинистическихъ государствъ. Какъ всюду, такъ и въ тогдашнихъ „просвѣщенныхъ монархіяхъ", личность находила себѣ болѣе широкія условія для развитія, чѣмъ какое возможно было въ народныхъ демократіяхъ и олигархіяхъ, основанныхъ на общемъ строгомъ самоуправленіи тѣсно-сплоченной общины горожанъ, подчинявшей эту личность общимъ цѣлямъ и воспитавшей тѣ гармонически равномѣрные типы, какимъ мы привыкли удивляться въ древней Греціи. Теперь, наоборотъ, личность была всецѣло предоставлена своимъ собственнымъ побужденіямъ относительно воспитанія и приложенія своихъ умственныхъ силъ. Это повело за собою къ нарушенію того „единства стиля", которое въ жизни небольшихъ греческихъ общинъ опредѣлило всѣ культурныя проявленія въ области государства и искусства — съ такою удивительною необходимостью, какъ будто они вышли изъ одной общей мысли. Это единство, основанное главнымъ образомъ на неразрывной связи личнаго духа съ жизнью общества, было теперь нарушено; однимъ изъ проявленій этого разлада было рѣзкое отдѣленіе образованнаго меньшинства отъ неученой массы, отдѣленіе, подготовлявшееся уже въ предшествующую пору развитія, приведшее къ односторонней, научной специализаціи, которая съ своей стороны усиливала чувство личной особенности. Крайнее развитіе индивидуализма — выдающаяся черта, родовой признакъ этого общества, вышедшаго изъ колеи бытовыхъ, политическихъ и религіозныхъ преданій (стр. 15-17).

Таковы историческія отношенія, на почвѣ ко-

торыхъ выросла эллинистическая эротика, съ ея новыми сюжетами, съ новыми задачами поэзіи, далеко отводящими ее отъ идеаловъ классической эпохи. Нѣсколько словъ въ объясненіе этого новаго явленія будутъ не лишними.

Распространяясь по варварскимъ областямъ, греческая образованность, на сколько она становилась географически экспансивнѣе, на столько теряла въ интенсивности своего національнаго характера. Греческія идеи, преданія, образы проникли далеко за предѣлы родины, но на новой почвѣ теряютъ постепенно свой живой смыслъ: внѣшняя популярность не уравновѣшивается внутреннимъ пониманіемъ, симпатіей. Въ самомъ дѣлѣ: религіозная поэзія Эллады обусловлена племенными мѣстными отношеніями; тѣмъ болѣе — эпическая сага, непосредственно почерпающая свои соки изъ земли, изъ которой впервые вышли ея герои-автохтоны, выразители древне-греческаго народнаго сознанія. И вотъ эта сага, эта поэзія переносится на востокъ; это палладіумъ греческой культуры, поддерживавшій духовныя связи завоевателей-колонистовъ съ родиной. Вскорѣ связи слабѣютъ: общее разложеніе религіознаго чувства, долженствовавшее быть особенно сильнымъ въ областяхъ, гдѣ религія была занесенная, обезцвѣтило миѳы, обезличило боговъ; прочность религіознаго пониманія уступила мѣсто личнымъ толкованіямъ, и въ средѣ типическихъ образовъ древняго Олимпа чаще и чаще встрѣчается блѣдный, отвлеченный образъ Тихэ, судьбы. Что совершилось въ области миѳа, совершилось одновременно и на почвѣ народнаго эпоса: тамъ и здѣсь ослабѣлъ элементъ вѣры, съ одной стороны, въ религіозное значеніе миѳа, съ другой — въ народныхъ

основы эпоса; вдали отъ родины притупилось
пониманіе этой народности, и индивидуальное
чувство претворило по-своему ея завѣтные типы,
какъ претворило образы боговъ. Это повсемѣст-
ное вторженіе индивидуализма опредѣли-
ло содержаніе новой поэзіи: если она беретъ
свои сюжеты изъ числа эпическо-миѳическихъ, за-
вѣщанныхъ стариною, то понимаетъ ихъ какъ поэ-
тическія, абстрактныя темы, внося въ нихъ свои
идеи, не считаясь съ тѣмъ, что въ нихъ было
традиціоннаго, освященнаго вѣковымъ культомъ.
Когда сталъ возможнымъ этотъ шагъ, откры-
лись пути для введенія въ поэзію и новыхъ, не
традиціонныхъ сюжетовъ. Когда религіозная
легенда и героическая сага возбуждаютъ только
поэтическій интересъ, почему было не расширить
предѣлы поэтическихъ вымысловъ? Варварскія
страны, колонизованныя Греками, представ-
ляли богатый запасъ мѣстныхъ сказаній, ко-
торыхъ религіозный смыслъ былъ для Грека не
обязателенъ. Еслибъ онъ овладѣлъ ими въ эпоху
разцвѣта своей религіозной мысли, онъ ввелъ бы
въ ея волшебный кругъ эти восточныя сказки;
въ эпоху религіознаго упадка, о которомъ идетъ
рѣчь, о такомъ внутреннемъ претвореніи не бы-
ло и рѣчи: мѣстныя преданія востока являют-
ся сразу поэтическими темами, съ которыми сво-
бодно могъ обращаться личный художникъ; впо-
слѣдствіи къ этимъ восточнымъ легендамъ присое-
динились и мѣстныя греческія, почему-то не приуро-
чившіяся дотолѣ къ цикламъ народнаго миѳа и эпо-
са. Тѣ и другія легенды записываются, ихъ со-
бираютъ историки-антиквары, какъ предметъ

ученаго археологическаго любопытства, какъ непочатой матерiалъ для поэтическаго творчества.

Итакъ главная идея этого развитiя - идея космополитизма. Она проведена въ томъ романѣ, которому Роде удѣлилъ мало мѣста, - въ романѣ объ Александрѣ Великомъ. Что касается идеи индивидуальной жизни, то въ этой области мы встрѣтимся съ именами Гелiодора, Лонга и др. Я начну обзоръ греческихъ романовъ съ романа объ Александрѣ В. или съ т. называемаго Псевдокаллисфена. Текстъ изданъ въ: „Arriani anabasis et indica, recens. Fr. Dübner. Pseudo-Callisthenis historiam fabulosam ex tribus codicibus nunc primum edidit Carolus Müller. Parisiis. ed. Ambrosio Firmin Didot. 1846. стр. 3-151. Перечень и описанiе рукописей сдѣлалъ:

Berger de Xivrey въ Notices et Extraits d. Manuscrits de la bibliothèque royale tom. XIII, p. 162 и слд. 219-307.

— Zacher : Pseudo-callisthenes. 1867.
— Weissmann : въ изд. Alexanderlied.
— Grion : I fatti di Alessandro Magno.
— Rohde : Der griech. Roman (стр. 182-190).

На славянской почвѣ изданiя этого романа сдѣланы были:

— Ягичемъ: Zivot Aleksandra Velikoga. U Zagrebu. 1871; - имъ же изд.: Zivot Aleksandra Velikoga po tekstu recensije bugarske, въ Starine V, 1873 года.
— Новаковичемъ: Приповетка о Александру Великом у Београду, 1878.

Баснословное сказаніе о подвигахъ Алексан-
дра Македонскаго, приписанное Псевдо-Каллис-
ѳену, принадлежало къ числу произведеній
особенно любимыхъ въ средніе вѣка, послужило
основаніемъ для массы пересказовъ и обошло всѣ
западныя литературы; оно оставило также
слѣдъ и въ литературахъ славянскихъ, не ис-
ключая русской. По мнѣнію Zacher'а, оно сло-
жилось около 200 г. по Р.Х. въ александрійской
средѣ, что подтверждается проведеніемъ, въ одной
изъ редакцій этого романа, мѣстныхъ александ-
рійскихъ интересовъ: въ другихъ редакціяхъ это
сглаживается, уступая мѣсто интересамъ аб-
страктнымъ, христіанскимъ. Роде не принимаетъ
хронологіи, предложенной Цахеромъ: по его мнѣ-
нію, первичная редакція, въ которой собрались
воедино народныя представленія объ Александрѣ,
относится къ эпохѣ послѣднихъ Птоломеевъ.
Въ началѣ IV в. Псевдо-Каллисѳенъ былъ переведенъ
на латинскій языкъ Юліемъ Валеріемъ, а въ V-VI
вв. на армянскій. Въ византійскомъ мірѣ популяр-
ность Псевдо-Каллисѳеновой повѣсти засвидѣтель-
ствована передѣлками, которымъ она подвергалась,
что и объясняетъ разнообразіе ея византійскихъ редак-
цій. Одна изъ нихъ переведена была въ X столѣ-
тіи на лат. яз. константинопольскимъ
архипресвитеромъ Львомъ и дала главный
матеріалъ для западно-европейскихъ поэтическихъ
обработокъ текста Псевдо-Каллисѳена, который
сталъ извѣстенъ и мугаммеданскому востоку.
Въ болгарскомъ переводѣ византійской лѣто-
писи Іоанна Малалы между 7-й и 8-й книгами
сдѣлана интересная вставка: „книгы Александрѣ,"
т.е. славянскій переводъ Псевдо-Каллисѳена. Эта

вставка находится въ рукописи (XV в.), принадлежащей московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ и списанной съ рукописи 1261 года. Стало быть, уже около половины XIII в. извѣстенъ былъ славянскій переводъ Александровой повѣсти. Такая же вставка въ двухъ редакціяхъ Эллинскаго лѣтописца взята изъ того-же перевода, существенно отличающагося отъ особой сербско-болгарской редакціи, объ источникахъ которой я трактую въ моей новой работѣ.

Содержаніе Псевдо-Каллисѳена.

Содержаніе этого романа довольно скучное, но намъ должно познакомиться съ самымъ ходомъ разсказа. Что повѣсть сложилась въ Египтѣ, это доказываетъ стремленіе привязать Александра къ мѣстнымъ александрійскимъ преданіямъ. — — Говорятъ, что Александръ былъ сынъ Филип=повъ; это ложь: онъ былъ сынъ египетскаго царя-волхва Нектанеба. Когда Дарій, царь персидскій, напалъ на Египетъ, Нектанебъ узналъ чарованіемъ, что его войску быть поражену, и ночью бѣжалъ переодѣтый, оставивъ по себѣ руко=писаніе на одной изъ колоннъ. Въ немъ онъ объяв=лялъ своимъ милымъ египтянамъ, что удаляется отъ нихъ, не будучи въ состояніи видѣть ихъ горя, но черезъ 30 лѣтъ вернется юный и сильный и подклонитъ къ ихъ стопамъ ихъ враговъ персовъ. Прибывъ въ Македонію, ~~Филиппъ~~ Нектанебъ сказывается врачемъ и звѣздочетомъ. У царя македонскаго Филиппа была прекрасная жена Олимпіада. И вотъ въ отсутствіе Филиппа Нектанебъ знакомится съ нею и убѣждаетъ ее, что она взыскана Аммо-

номъ. Самъ онъ является къ ней въ образѣ бога Аммона; а образъ этотъ былъ таковъ: глава орлиная, рога василисковы, хвостъ аспидовъ, ноги львиныя, крылья грифа золотыя и червленыя. Такъ прельстилъ онъ царицу. Когда настало время рожденія, Нектанебъ снова является къ ней: потерпи, говоритъ онъ ей, пока не наступитъ благополучный часъ; если ты родишь теперь, то родишь раба и непотребнаго человѣка; если потерпишь, „доколе небеске планите на уставу стану", то родишь царя царямъ и мудрѣйшаго мужа. Она родитъ Александра. Филиппъ признаетъ его своимъ сыномъ, хотя и удивляется, почему тотъ на него не положъ. Александръ не былъ положъ ни на Филиппа, ни на Олимпіаду, ни на Нектанеба: онъ былъ ἰδίῳ τύπῳ κεκοσμημένος. Воспитателемъ его былъ Леонидъ; грамотѣ училъ Полиникъ, музыкѣ Левкиппъ съ Лемноса, геометріи Менеклъ, риторикѣ Анаксименъ, философіи Аристотель. Разъ Нектанебъ въ вечерній часъ, въ пустынномъ мѣстѣ показывалъ Александру звѣзды, толкуя ихъ значенье. Александръ заманилъ его къ оврагу и столкнулъ, такъ что Нектанебъ получилъ при паденіи смертельный ушибъ. Александръ сталъ издѣваться надъ умирающимъ звѣздочетомъ: вотъ ты читаешь будущее по звѣздамъ, а не зналъ, что тебѣ угрожаетъ погибель. „Нѣтъ, отвѣчалъ Нектанебъ, я это зналъ, но смертный человѣкъ не воленъ противъ рока, а мнѣ было предсказано, что меня убьетъ мой сынъ. И онъ разсказалъ

Имп. Прохбовой под. Ст. Б. Пр. Ф. № 123.

изумленному Александру тайну его рожденія. Слѣдуетъ далѣе рядъ историческихъ указаній, между прочимъ объ укрощеніи чуднаго вологлаваго коня (Букефала), о побѣдѣ Александра надъ какимъ-то Николаемъ, царемъ Акарнанъ, съ которымъ онъ состязался въ конномъ ристаніи въ городѣ Писѣ (близъ Олимпіи). Вернувшись съ побѣднымъ вѣнкомъ въ Македонію, Александръ примиряетъ Филиппа съ Олимпіадой.

По смерти Филиппа (убитаго въ театрѣ Павсаніей) Дарій шлетъ Александру высокомѣрное письмо и дѣтскія игрушки, которыми ему будто бы всего приличнѣе заниматься, какъ ребенку. Этотъ вызовъ приготовляетъ дальнѣйшее развитіе повѣсти, отъ котораго насъ отдѣляютъ пока другія положенія Александра. Онъ предпринимаетъ походъ черезъ Ѳракію, Ликію, Римъ, Карѳагенъ и Ливію. Въ Мемфисѣ Ал. увидѣлъ высокую статую изъ чернаго камня съ надписью на базисѣ: „убѣжавшій царь вернется снова въ Египетъ не старымъ, но юнымъ и покоритъ враговъ нашихъ Персовъ". Между тѣмъ Дарій стоитъ уже съ войскомъ на Евфратѣ; его битвы съ Александромъ, отвѣчая близко историческимъ фактамъ, обставлены романическими подробностями. Дарій побѣжденъ, семья его попалась въ плѣнъ. Далѣе разсказъ выходитъ изъ исторической колеи: Александръ возвращается въ Грецію, разрушаетъ Ѳивы, но не входитъ въ Аѳины, щадя эту представительницу старой греческой свободы. Затѣмъ

Дарій пишетъ второе письмо въ высокомѣрномъ тонѣ: „мнѣ пишутъ, что ты хорошо обходишься съ моей семьей; на будущее время можешь ихъ не щадить, потому что они дѣти твоего врага: обходись, пожалуй, съ ними хорошо, всетаки ты не будешь моимъ другомъ....". Въ отвѣтномъ письмѣ Александръ упрекаетъ Дарія въ самохвальствѣ: „я поступаю хорошо съ твоей семьей не изъ страха и не въ ожиданіи признательности, а потому, что я человѣкъ и поступаю такъ изъ человѣчности, которой и впредь останусь вѣренъ."

Дальнѣйшее теченіе разсказа прерывается рядомъ писемъ, которыя отчасти подвигаютъ дѣйствіе впередъ. Мать Дарія Родогуна пишетъ сыну слезное посланіе, прося его прекратить борьбу. Рядъ писемъ прерывается сновидѣніемъ, въ которомъ Александру является Эрмій (въ славянской редакціи: Іеремія пророкъ!). Дарій межъ тѣмъ убитъ своими властелями Бессомъ и Аріобарзаномъ. Измѣнники казнены, Александръ пишетъ письма къ будущей своей женѣ Роксанѣ, дочери покойнаго Дарія и къ своей матери Олимпіадѣ.

Въ третьей книгѣ Псевдо-Каллисѳена описывается походъ въ Индію. Путь лежитъ на востокъ, до окраинъ земли, среди чудесъ и диковинокъ: дикихъ женщинъ, шестиногихъ и шестирукихъ людей, исполинскихъ муравьевъ и чудовищныхъ раковъ и т. п. Перспектива всесвѣтнаго царства развертывается шире и вмѣстѣ съ ней памятники падшаго величія, напоминающіе о смерти. На макарійскомъ остро-

вѣ Александръ находитъ гимнософистовъ
(въ серб. болг. редакціи: нагомудрци), ведущихъ
ангельскую жизнь, непричастныхъ людскимъ
смутамъ; ему жаль своихъ македонянъ, а то
бы онъ остался съ ними. Эвантъ, царь блажен-
ныхъ людей, говоритъ ему: иди съ миромъ; когда
ты овладѣешь всею землею, ты возвратишься
въ нее, не видавъ своей родины. Мы опять
вступаемъ въ область болѣе опредѣленныхъ отно-
шеній, напоминающихъ исторію: Александръ
побѣждаетъ Пора; Амазонки признаютъ его
господство. Онъ пишетъ письмо Аристотелю,
разсказывая ему все видѣнное въ Индіи. Эпи-
зодъ о царицѣ Кандакіи, — очевидно, дублетъ
позднѣйшаго времени. Александръ готовится
идти въ Вавилонъ; пророкъ Іеремія (по сербо-
-болгарской редакціи) является ему во снѣ и
вѣщаетъ: „се бо число 40-го лѣта свершает-
ся, четверосъставнаго тѣла твоего естество воз-
вратитися имать въ землю, отъ неяже взято
бысть." Александръ умираетъ въ Вавилонѣ, от-
равленный. Таковъ текстъ по редакціи А,
которая является наиболѣе древней. Редакція
С принадлежитъ болѣе поздней порѣ; тутъ алек-
сандрійскій элементъ и синкретизмъ въ рели-
гіозномъ отношеніи сглаживается; въ ней про-
глядываетъ чуть ли не христіанское міровоз-
зрѣніе; вообще, видна рука византійца, не
такъ понявшаго текстъ, какъ онъ понятъ въ
редакціи А. Въ послѣдней богъ Эрмій ве-
литъ Александру явиться къ Дарію пере-
одѣтымъ. Византійскій авторъ замѣнилъ
Эрмія пророкомъ Іереміей. Александръ за-
ходитъ въ Іерусалимъ. Въ то время іе=

русалимскимъ господствомъ и царствомъ
обладалъ пророкъ бога Саваоѳа, Іеремія.
Александръ, узнавъ, что евреи поклоняют-
ся единому богу, творцу неба и земли, го-
воритъ: « да вѣрую и азъ въ нь и исповѣ-
дую его ... и богъ вашъ да будетъ мнѣ богъ,
и миръ его съ мною да будетъ ». Въ книгѣ
II гл. 6 сербскаго текста Іеремія является
во снѣ Александру и ободряетъ его къ битвѣ
противъ Дарія: носи камень на головѣ ка-
мень съ именемъ великаго бога Саваоѳа,
который я далъ тебѣ въ Іерусалимѣ и призы-
вая Господне имя, иди въ бой: ты побѣдишь.
У Псевдокаллисѳена (II, гл. 13) Аммонъ, явившись
Александру во снѣ въ образѣ Гермія (ἐν σχή-
ματι Ἑρμοῦ), велитъ ему самому отправить-
ся къ Дарію въ качествѣ своего собственна-
го посла; очевидно, что Гермій = Іереміи серб.
редакціи. Въ послѣдней Іеремія проходитъ отъ
начала и до конца, онъ перенесенъ и къ смер-
ти Александра. Въ день отравленія Алек-
сандра (III, гл. 29) іереи изъ Іерусалима принесли
ему вѣсть о смерти Іереміи, сильно опеча-
ливщую царя. Въ то-же время ему докладыва-
ваютъ, что въ Александріи невозможно жить
отъ великихъ змѣй, исходящихъ изъ Нила и
уязвляющихъ людей. Александръ отвѣчалъ:
« идете в Іерусалимъ и кости іеврейскаго
пророка Иеремие възьмше и на крестъ сихъ
од градъ оузичете (оу зьдь), того-бо молитвою
іедъ змиинъ исцѣляетъ. И отъ толѣ и до днесь
оу Александріи змиа чловѣка оухапати не
можетъ ». Новаковичъ ставитъ это въ

связь съ южнославянскимъ представленіемъ о Іереміи, какъ отгоняющемъ змѣй. Дѣйствительно, у Сербовъ 1-ое мая посвящено чествованію Іереміи, причемъ справляются обряды и поются пѣсни, отражающія въ себѣ загадочное вѣрованье въ подобную силу Іереміи отгонять змѣй. Новаковичъ, работа котораго является, кажется, единственною по этому вопросу, не даетъ отвѣта на очень естественный вопросъ: откуда же, въ концѣ концевъ, взялось это вѣрованье, взятое, разумѣется, не изъ воздуха? На этотъ вопросъ я постарался отвѣтить въ моей пока еще не напечатанной работѣ: „Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи" *) Оказалось, что легенда о Іереміи помѣщена въ Пасхальной хроникѣ, въ статьѣ о пророкахъ, приписываемой то Дорофею, то Епифанію, епископу кипрскому. Статья Епифанія, воспринятая и въ лѣтописяхъ Симеона Логоѳета, помѣчена 1291 годомъ, причемъ о ней говорится, какъ о копіи съ рукописи 759 года. Подробности Епифаніевой легенды повторены въ отреченной повѣсти „о плачѣ и орыданіи пророка Іереміи" и „о запустѣніи Іерусалима", затѣмъ въ Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφόρους καὶ ἀξιακούστους ἱστορίας... συλλεχθὲν παρὰ τοῦ ἱερωτάτου Μητροπολίτου Μονεμβασίας κυρίου Δωροθέου и т. д., далѣе въ Минологіи императора Василія и у западныхъ историковъ пятаго крестоваго похода. Второй яс

*) А. Н. Веселовскій дозволилъ составителю этихъ лекцій ознакомиться съ его работой по рукописи, откуда и взяты всѣ нижеслѣдующіе результаты.

въ область, вдаваться въ которой надлежитъ оріенталистамъ, мы узнаемъ, что главнымъ богомъ „господиномъ" Гермополя (въ Египтѣ) былъ Тотъ (отождествляемый греками съ Гермiемъ), имя котораго означаетъ „ибисъ". По словамъ Геродота, эту птицу чествовали за то, что она истребляетъ змѣй, но и самъ Тотъ является въ заклинаніяхъ, умоляющихъ его удалить крокодиловъ и т.д. Позднѣйшія арабскія свидѣтельства указывали гробницу Гермія въ одной изъ пирамидъ, либо въ зданіи Каира, носившемъ названіе: Аби-Hermas. Вотъ откуда, можетъ быть (это пока моя личная гипотеза), возникла легенда о Іереміи, зашедшая и въ сербскую редакцію Александріи, и отразившаяся въ обрядахъ и пѣсняхъ 1-го мая. Что память о Іереміи, празднуемая 1-го мая, стоитъ въ связи съ Александріей, это видно изъ слѣдующаго. Въ рукописномъ сборникѣ Пульевскаго помѣщена проповѣдь, произнесенная какимъ-то македонскимъ священникомъ въ день Іереміи. Оказывается, что эта проповѣдь не что иное, какъ пересказъ Александріи.

Греческій романъ Псевдокаллисѳена разными путями проникъ на европейскій западъ, гдѣ вызвалъ множество переводовъ и пересказовъ. Для западнаго человѣка это была просто богатая тема для амплификацій и пріуроченій, въ результатѣ которыхъ Александръ Великій обратился въ типъ феодально-рыцарской фантастики. Другое дѣло на востокѣ: для восточныхъ поэтовъ эта тема была національная; пересказывая на народныхъ языкахъ грече-

скій романъ, развивая и продолжая его по-своему, они только возвращали себѣ свое наслѣдіе, старый идеальный типъ, создавшійся на почвѣ греко-восточныхъ отношеній.

Главная идея романа — космополитизмъ. Во всей Александріи самое меньшее вниманіе обращено на противоположеніе варварству эллинизма. Все дѣло состоитъ въ высшей гуманности, цивилизаціи духа. Здѣсь грекъ, индусъ и персъ братаются: между ними нѣтъ разницы. Въ религіозномъ отношеніи, въ соотвѣтствіи идеѣ космополитизма, въ романѣ царитъ религіозный синкретизмъ: начиная съ Рима и кончая Египтомъ и Индіей, отношеніе Александра къ божеству всюду одно и то же: Аммонъ называетъ его своимъ сыномъ, Александръ преклоняется передъ еврейскимъ богомъ, онъ стоитъ за единаго бога, онъ бесѣдуетъ мирно съ брахманами о предметахъ религіозныхъ и т. д. Таковъ первый греческій романъ, который явился съ одной стороны отраженіемъ своего времени, а съ другой послужилъ образцемъ для позднѣйшихъ произведеній. —

Роде (стр. 187 и слд.), разобравъ наслоенія, заслонившія послѣдовательно первичный текстъ, приходитъ къ заключенію, что самую древнюю его часть составляютъ письма Александра Великаго къ Аристотелю и матери, говорящія о баснословныхъ странахъ и диковинныхъ людяхъ совершенно въ стилѣ фантастическихъ путешествій, интересъ къ которымъ возбудился между греческими людьми подъ вліяніемъ востока. Эти письма, очевид-

но, составлена отдельно отъ лежащаго предъ нами разсказа, которому они подчас даже противорѣчатъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Но съ другой стороны ихъ нельзя выкинуть, такъ какъ иначе получатся ничѣмъ незаполненные пробѣлы. Уже въ самомъ планѣ романа сдѣланъ разсчетъ на эти письма. ... Нѣтъ сомнѣнія, что прежде чѣмъ сага сгруппировалась въ нѣчто цѣлое, эти письма уже ходили по рукамъ." *) Неизвѣстный авторъ связалъ эти письма нитью разсказа, но не всегда сумѣлъ различныя варіанты писемъ. Вообще, мы имѣемъ дѣло съ личнымъ починомъ. — —

Географія Александріи самая широкая. Александръ заходилъ въ страну, граничащую съ островами блаженныхъ, онъ побывалъ на берегахъ Чернаго или Азовскаго моря, въ Римѣ, Карфагенѣ и Ливіи. Это та географія, съ которой мы встрѣтимся потомъ въ Утопіяхъ", въ Civitas solis Кампанеллы и т. п. Развитіе литературы фантастическихъ путешествій въ несуществующія страны, къ людямъ, живущимъ въ утопическомъ обществахъ, — таковъ-же голосъ времени, какъ и развитіе идиллическаго рода: тамъ и здѣсь одно и то же патологическое стремленіе дряхлаго общества вырваться изъ города въ природу, изъ узкой нормы гражданственности къ болѣе широкой и свободной нормѣ, которую слѣдовало искать не рядомъ съ собою, не въ иной культурной средѣ, гдѣ все то-же, а тамъ, гдѣ-то за горизонтомъ географически знакомаго неба.

*) Rohde: Gr. Rom. стр. 189.

Тотъ же элементъ странствованій, тѣ же широкіе географическіе горизонты являются необходимыми въ организмѣ греческихъ эротическихъ романовъ.

Рядъ греческихъ романистовъ начинается съ II вѣка и тянется вплоть до VII в. по Р. Х. Древнѣйшимъ изъ нихъ является Антоній Діогенъ. Опредѣлить время его жизни очень трудно; по мнѣнію Роде (стр. 258) Антоній жилъ раньше Ямвлиха, слѣдовательно раньше второй половины II столѣтія. Его жизнь должна совпадать съ первымъ временемъ возрожденнаго пиѳагореизма, т. е. съ первымъ столѣтіемъ христіанской эры. За нимъ слѣдуетъ Ямвлихъ, котораго Роде относитъ къ половинѣ II вѣка. Ксенофонтъ Эфесскій жилъ по всей вѣроятности на границѣ II и III вѣковъ, въ обществѣ еще не тронутомъ вліяніемъ христіанскихъ идей. Въ число этихъ романистовъ Роде включаетъ еще анонимнаго автора романа объ Аполлоніи Тирскомъ. Этотъ романъ извѣстенъ намъ лишь въ латинскомъ пересказѣ, который цитуется уже въ грамматическомъ трактатѣ de dubiis nominibus VII вѣка (помѣщ. въ Grammatici latini, edit. Кейля, V. p. 579), а предполагаемый греческій оригиналъ нельзя, по мнѣнію Роде, отнести ко времени раньше III вѣка. Переходя къ Геліодору, время котораго опредѣляется приблизительно половиною III вѣка, Роде отрицаетъ его тожественность съ сожженнымъ епископомъ Трикки и какія бы то ни было признаки христіанскихъ идей въ его романѣ: то, что старѣйшимъ изслѣдователямъ

казалось отблескомъ христіанства, не что
иное, какъ ново-пиоагорейская теологія, из-
вѣстная намъ изъ отрывковъ псевдо-пиоаго-
рейскихъ писаній, сохраненныхъ Стобеемъ, и
встрѣчающаяся у Плутарха и другихъ фило-
софовъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Въ
Ахиллѣ Таціи мы встрѣчаемъ впервые
романиста христіанина, что легко объяснить
и временемъ, къ которому его относитъ Роде:
половина V вѣка. Харитонъ Афродисій-
скій также христіанинъ. Это послѣдній изъ
романистовъ, стоящихъ на крайней межѣ
греческаго культурнаго періода. Если въ
обзорѣ Роде Лонгъ * помѣщенъ послѣ Хари-
тона, то лишь потому, что какъ предста-
вителя особаго романическаго жанра, пасту-
шескаго, его слѣдовало поставить особо: во
сущности, Лонгъ, можетъ быть, древнѣе Ахил-
ла Тація. Всѣ эти романы напечатаны
Hercher'омъ въ Scriptores erotici graeci
(2 т.т. 1858–1859 г.г.), въ общедоступной коллекціи
Teubner'a. Содержаніе романовъ пересказа-
но у Роде, въ 9 выпускѣ „Всеобщей литературы"
Корша и въ диссертаціи г. Кирпични-
кова („Греческій романъ въ новой литературѣ.
– Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ"). Нельзя не
пожалѣть, что сдѣланныя г. Кирпичнико-
вымъ извлеченія не совсѣмъ отвѣчаютъ цѣ-
ли: оправдать характеристику романовъ,
предложенную въ текстѣ. Для послѣдней важ-
нымъ критеріемъ является стиль разсказа,
пріемы изложенія, излюбленныя риторическіе

---

*) По мнѣнію Rohde, его званіе Лонгомъ, какъ стоя-
щее въ рукописи Λόγου ποιμενικῶν, должно быть
возникло, по ошибкѣ, изъ ποιμενικῶν λόγος.

прикрасъ: все это теряется въ извлеченіи. Переводъ наиболѣе характерныхъ эпизодовъ того или другого романа, при краткомъ изложеніи общаго хода дѣйствія, былъ бы гораздо полезнѣе. Для* важно знакомство съ техникой греческаго романа, на которую повліяла софистика. Тема эротическаго романа была подсказана александрійской эротикой; риторы-софисты развили ее общими мѣстами: описаніями, любовными письмами, длинными рѣчами дѣйствующихъ лицъ; все это уложилось въ цвѣтистыя формы мозаичной, полупоэтической прозы, свойственной эпохѣ, еще понимающей, но уже не творящей поэзію. Отвлеките отъ романа его риторическій балластъ, и мы станемъ лицемъ къ лицу съ эротическими замыслами Александрійцевъ, съ тѣми-же представленіями о любви и женщинѣ. Греческій романъ IV–V вв. главнымъ образомъ эротическій, все остальное въ немъ аксессуаръ, вопросъ стиля: и приключенія съ разбойниками, и неожиданныя встрѣчи и далекія странствованія — общее мѣсто, введенное въ моду географическими романами. Греческій романистъ заставляетъ своего героя и героиню пройти черезъ цѣлый рядъ внѣшнихъ приключеній. Стало быть, значеніе элемента приключеній и странствованій въ греческомъ романѣ — чисто стилистическое, échafaudage (т.е. лѣса) для анализа чувства любви. Этимъ объясняется обычай романистовъ начинать не съ самаго начала: у Геліодора напр. фабула начинается слагаться лишь въ серединѣ книги. „У гераклеотскаго устья Нила толпа разбойниковъ находитъ безчисленные трупы и слѣ-

(*) пропущено: насъ.

ды прерваннаго праздничнаго пира; на зем-
ли лежитъ тяжелораненный юноша; прелестная
дѣвушка, одѣтая Артемидой, съ распущенными
волосами, старается привести его въ чувство.
На берегу лежитъ корабль, потерпѣвшій кру-
шеніе. Разбойники хотятъ овладѣть этою юной
парочкой, но ихъ прогоняетъ другая толпа разбой-
никовъ, которые и уводятъ дѣвушку и юношу въ
свой притонъ на одномъ изъ островковъ нильскаго
устья ... и т.д." Такъ начинается разсказъ
въ Эѳіопикахъ Геліодора, и только въ сере-
динѣ книги мы узнаемъ, въ чемъ дѣло.

Содержаніе романа Геліодора.

Разбойники отдаютъ Ѳеагена и
Книга I. (такъ звали юношу и дѣвушку) подъ
Хариклею, который былъ взятъ
надзоръ греку Кнемону, Ночью Кнемонъ раз-
въ плѣнъ нѣсколько раньше. Онъ родомъ
сказываетъ имъ исторію своей жизни. но онъ от-
изъ Аѳинъ. Мачиха полюбила его, отказомъ, она
вергъ ея любовь; раздраженная хочетъ его у-
сказала его отцу, будто Кнемонъ и Кнемонъ подверг-
бить. Отецъ повѣрилъ ей раньше дѣйство-
ся изгнанію. Служанка Ѳизба, интригу,
вавшая за одно съ мачихой, разоблачила смертью. —
и госпожа поплатилась за клевету разбойниковъ Ѳіамисъ,
На другое утро атамань потребовалъ изъ
исполненный благородства, Она выдаетъ
всей добычи одну Хариклею. Эфеса и
себя и Ѳеагена за уроженцевъ откладываетъ свадь-
подъ разными предлогами не отказывается
бу съ атаманомъ, хотя и Вскорѣ на разбой-
прямо выйти за него замужъ. шайка, которую
ничій островъ нападаетъ та

Өіамисъ прогналъ въ устьѣ Нила. Спрятавъ Хариклею въ подземельѣ, Өіамисъ спѣшитъ на бой. Видя свое дѣло проиграннымъ, онъ крадется въ подземелье и закалываетъ какую-то гречанку, которую онъ принялъ за Хариклею. Снова ринувшись въ бой, Ө. попадаетъ въ плѣнъ, и его приспѣшники либо убиты, либо разсѣяны. Побѣдители подожгли хижины и удалились. —

Книга II. Ночью Кнемонъ и Өеагенъ вылѣзаютъ изъ тростника, въ которомъ они досель таились. Они спѣшатъ въ подземелье и находятъ тамъ женскій трупъ. Өеагенъ въ отчаяніи: онъ думаетъ, что это Хариклея. Но вдругъ въ одномъ изъ развѣтвленій подземелья слышится голосъ: то Хариклея зоветъ Өеагена. Она выходитъ; при свѣтѣ факела въ трупѣ узнаютъ Өизбу, которую посадилъ сюда влюбленный въ нее разбойникъ. Разбойникъ Өермуөисъ является въ подземелье. При видѣ мертвой Өизбы онъ убитъ горемъ. Кнемонъ оправдывается, что они неповинны въ смерти Өизбы, и отправляется съ Өермуөисомъ искать Өіамиса, который можетъ дать отчетъ о смерти Өизбы. На дорогѣ Өермуөисъ умираетъ, укушенный змѣей, а Кнемонъ знакомится съ однимъ старымъ египтяниномъ Калазирисомъ и входитъ съ нимъ въ одну деревню, въ домъ нѣкоего Навзикла. Послѣдняго не было дома, но его дочери приняли посѣтителей радушно. Навзиклъ вмѣстѣ съ войскомъ персидскаго ~~сатрапа~~ фрурарха Митрана отправился въ погоню за разбойниками, похитившими у него рабыню Өизбу, которую онъ хотѣлъ продать эөіопскому царю. За выпивкой Калазирисъ разсказалъ Кнемону слѣдующее. Онъ былъ прежде пророкомъ въ Мемфисѣ. Его завлекала въ свои сѣти өракійская гетера Родописъ

а, какъ пророкъ, онъ зналъ, что двое его сыновей вступятъ никогда другъ съ другомъ въ кровавую ссору; не желая этого видѣть и чтобъ отдѣлаться отъ гетеры, Калазирисъ пустился въ путь и забрелъ въ Дельфы, гдѣ свелъ дружбу съ тамошнимъ жрецомъ Хариклемъ. И вотъ что разсказалъ Хариклъ Калазирису. Разъ онъ, чтобъ разогнать тоску по умершей женѣ и дочери, отправился въ Египетъ. Тамъ посланникъ эѳіопскаго царя передалъ ему семилѣтнюю дѣвочку, покинутую ея матерью. Хариклъ взялъ Хариклею съ собою въ Дельфы и воспиталъ, какъ дочь. Она выросла, стала красавицей и, сдѣлавшись жрицей Діаны, не захотѣла выйти замужъ ни за кого. Это печалило Харикла, т. к. онъ прочилъ ей въ женихи своего племянника. Приближалось время пиѳійскаго празднества; къ Хариклу явился юноша Ѳеагенъ, по статности равный одному Ахиллу, и пожелалъ вопросить Пиѳію. Она предсказала, что Ѳеагену и Хариклеѣ предстоитъ долгое блужданіе до „темноцвѣтной страны солнца." Никто этого не понялъ, а затѣмъ среди приготовленій къ празднеству всѣ и забыли о предсказаніи. —

Книга 3.4. Во время праздничной процессіи Хариклея и Ѳеаг. впервые узнали другъ друга и почувствовали взаимную любовь. Они повѣдали сердечную тайну Калазирису, а тотъ сказалъ Хариклу, что сердце дѣвушки растаяло, но какое-то волшебство препятствуетъ ей полюбить Алкамена, ~~[illegible]~~ племянника Харикла. Онъ разсматриваетъ повязку, которую Хариклъ получилъ вмѣстѣ съ Хариклеей. Изъ эѳіопской надписи на повязкѣ оказалось, что эѳіопская царица Персина, будучи беременной, разсматривала картину, на которой изображена была бѣлокурая Андромеда. Вслѣдствіе этого она родила своему темнокожему супругу Гидаспу бѣлолицую дѣвочку. Боясь, что

мужъ заподозритъ ее въ невѣрности, Персина подкинула ребенка, запрятавъ въ пеленкахъ магическое кольцо, драгоцѣнныя цѣпи и упомянутую повязку. — Калазирисъ разсказалъ объ этомъ Хариклеѣ. И вотъ разъ, ночью, Θеагенъ похитилъ свою милую.

Книга V. Калазирисъ и влюбленная парочка ѣдутъ на корабль въ Юароагенъ.... Приходъ Навзикла прервалъ разсказъ Калазириса. Навзиклъ сообщаетъ, что раздобылъ дѣвушку получше Θизбы. Оказывается, что это не кто иная, какъ Хариклея. Дѣло это случилось такъ: персидскіе солдаты застигли Θеагена и Хариклею, Навзиклъ указалъ, будто это и есть его рабыня Θизба, а Θеагена фрурархъ Митранъ отослалъ къ египетскому сатрапу Ороондату. — Калазирисъ покупаетъ Хариклею у Навзикла. Затѣмъ онъ доканчиваетъ прерванный разсказъ: корабль, на которомъ они ѣхали, остановился зимовать у Закинθа. — Старый рыбакъ Тирренъ радушно принялъ ихъ въ свою хижину и сообщилъ, что начальникъ финикійскихъ пиратовъ Трахинъ признался ему въ любви къ Хариклеѣ. Пираты нападаютъ на корабль, на которомъ продолжали путешествіе Θеагенъ, Хариклея и Калазирисъ; происходитъ неравный бой, пираты одерживаютъ верхъ и берутъ ихъ въ плѣнъ. Буря заноситъ пиратовъ къ устью Нила. На берегу устраивается попойка, затѣмъ Трахинъ поссорился съ пиратомъ Пелоромъ изъ-за Хариклеи: они оба были въ нее влюблены. Въ результатѣ произошла общая свалка, всѣ были перебиты, а Θеагенъ тяжело раненъ.

Собственно говоря, именно съ этого эпизода и начинается романъ Геліодора. Очевидно, этотъ пріемъ постепеннаго накопленія имѣетъ въ виду

заинтересовать читателя. Продолжаю пересказъ содержанія:

Книга VI. На слѣдующее утро трое мужчинъ отправились отыскивать Ѳеагена. Они встрѣчаютъ на дорогѣ одного Навзиклова пріятеля. Изъ словъ послѣдняго оказывается, что Ѳеагенъ опять захваченъ разбойниками, у которыхъ хочетъ отнять его Митранъ. Всѣ трое возвращаются назадъ къ Харикле. Навзиклъ выдаетъ свою дочь замужъ за Кнемона, который и остается въ его домѣ, а Калазирисъ и Хариклея, переодѣвшись нищими, идутъ разъискивать Ѳеагена. У одной деревни они находятъ множество труповъ: видно, что тутъ произошла схватка. Какая-то старуха объяснила имъ, что разбойники напали на солдатъ Митрана и перебили ихъ и самого вождя.

Книга VII. Атаманъ разбойниковъ Ѳіамисъ со своею шайкой и съ Ѳеагеномъ отправился въ Мемфисъ. Онъ, какъ старшій сынъ бывшаго пророка Калазириса, имѣлъ право на пророческое званіе, но его младшій братъ Петозирисъ наклеветалъ на него сатрапу Ороондату, будто Ѳіамисъ находится въ преступной связи съ его красавицей женой; Ѳіамисъ долженъ былъ бѣжать и лишился званія пророка. Теперь разбойники, подойдя къ Мемфису, потребовали, чтобъ Ѳіамису возвращено было званіе пророка. По волѣ Арзаки, жены Ороондата, находившагося въ то время въ отсутствіи, оба брата должны были единоборствомъ рѣшить споръ. Начался бой, Арзака слѣдила за нимъ съ городской стѣны, собрались поглазѣть и горожане. Ѳіамисъ уже готовился пронзить Петозириса, какъ вдругъ, словно deus ex machina, посреди враждующихъ сыновей появился Калазирисъ,

Литографія Трофимова, Петербургской стор. Большой, № 23.

только что прибывшій съ Хариклеей. Онъ ски-
дываетъ съ себя нищенскую одежду, его узнаютъ;
бой прекращенъ; отецъ и сыновья идутъ посреди
ликующаго народа въ городъ, въ храмъ Изиды. Ха-
риклея, снова свидѣвшаяся со своимъ милымъ,
слѣдуетъ за ними. — Арзака почувствовала
страстное влеченіе къ Θеагену. Она не знаетъ, какъ
пособить своему горю, но Кибела, ея старая слу-
жанка обѣщаетъ ей помочь. Она идетъ утромъ въ храмъ
Изиды и узнаетъ тамъ, что старый Каласирисъ послѣ
веселаго пира мирно скончался. Воспользовавшись этимъ
предлогомъ, она совѣтуетъ Θеагену и Хариклеѣ
переселиться въ замокъ Арзаки. Послѣдняя встрѣ-
чаетъ ихъ очень радушно; но ни доброта Арзаки,
ни увѣщанія Кибелы не дѣйствуютъ на Θеагена.
Тогда Ахеменъ, сынъ Киб., объявилъ, что Θеагенъ не кто
иной, какъ военнопленный рабъ, котораго велъ въ Мем-
фисъ Митранъ. Арзака обручила Ахемена съ
Хариклеей, а Θеагена сдѣлала своимъ кравчимъ.
Онъ объявляетъ, что согласенъ исполнять всѣ ея
желанья, но съ условіемъ, чтобъ Хариклея не была от-
дана за-мужъ за Ахемена. Арзака соглашает-
ся.

Книга VIII: Не смотря на условіе, Θеагенъ про-
должаетъ упорствовать, такъ что Арзака приказы-
ваетъ главному эвнуху Евфрату наказать Θеагена
и подвергнуть заточенію, а Хариклеѣ приказала дать
отравленнаго питья. Но кубки перемѣшались, и
ядъ пришелся на долю Кибелы, которая и умираетъ.
Хариклея, обвиненная въ убійствѣ, присуждена
къ сожженію: пламя костра отодвигается отъ нея
назадъ, потому что она носитъ на себѣ магическое
кольце, которое мать положила ей въ пеленки, о чемъ
было говорено выше (см. содержаніе книгъ III–IV). Ее броси-
ли въ ту темницу, въ которую былъ заточенъ Θеагенъ.

— Между тѣмъ Ахеменъ, лишившись Хариклеи, поспѣшилъ въ Ѳивы къ Ороондату и разсказалъ ему, что дѣлается въ его домѣ. Ороондатъ въ то время воевалъ съ эѳіопскимъ царемъ Гидаспомъ, поэтому не могъ лично явиться въ Мемфисъ и послалъ туда эвнуха Багоаса за Ѳеагеномъ и Хариклеей. На пути изъ Мемфиса къ Ѳивамъ они узнаютъ, что Арзака покончила съ собой самоубійствомъ. Такъ какъ Ороондатъ въ это время вышелъ уже изъ Ѳивъ къ Сіэнѣ, которой угрожали эѳіопы, то и Багоасъ отправился туда же. Но эѳіопскіе лазутчики напали на его поѣздъ врасплохъ и привели всѣхъ ихъ къ своему царю.

Книга IX: Между тѣмъ Гидаспъ заперъ Ороондата въ Сіенѣ. Ороондатъ ночью уходитъ изъ города со своимъ отрядомъ въ Элефантину. Гидаспъ, царь Эѳіоповъ овладѣлъ Сіеной, но долженъ вступить въ бой съ Ороондатомъ, который получилъ подкрѣпленіе изъ Элефантины. Персы разбиты, Ахеменъ убитъ, Ороондатъ взятъ въ плѣнъ, но отпущенъ на свободу Гидаспомъ. Послѣдній возвращается въ Сіену и обозрѣваетъ достопримѣчательности города. На другой день ему торжественно сидящему на тронѣ представляютъ добычу, а въ томъ числѣ Ѳеагена и Хариклею. Несмотря на увѣщанія Ѳ., Хариклея все еще не открывается отцу. Обоихъ ихъ, по эѳіопскому обычаю, обрекаютъ на закланіе въ честь боговъ.

Книга X: Гидаспъ возвращается въ свое царство. У Мерои на лугу его встрѣчаютъ народъ, царица, гимнософисты. Приносятъ въ жертву богамъ животныхъ. Но этого мало: народъ требуетъ человѣческихъ жертвъ. Принести въ жертву богамъ можно только непорочную дѣвушку и чистаго юношу. Прои-

ходитъ испытаніе цѣломудрія и дѣвственности на золотомъ алтарѣ: несохранившимъ своего дѣвства алтарь сжигаетъ подошвы. Ѳ. и Х. выдерживаютъ испытаніе. Предъ началомъ ужаснаго жертвоприношенія, гимнософисты, которымъ это зрѣлище не по душѣ, собираются уходить. Тогда Х. падаетъ къ ногамъ Сисимиора, главы гимнософистовъ, и открываетъ ему свое происхожденіе. Показаніе Сисимиора, который нѣкогда свѣручно передалъ Хариклею Хариклу, повязка, собственное признаніе Персины, наконецъ, странное родимое пятно на тѣлѣ Х. — все это убѣждаетъ Гидаспа, что Х. его законная дочь: народъ соглашается не приносить ея въ жертву. Теперь она должна признаться, что Ѳеагенъ ей не братъ, а чужой. По случаю побѣды, къ Гидаспу являются посольства и, прежде всего, Мерозъ, племянникъ царя. Г. обѣщаетъ ему руку своей дочери. Приходятъ послы арабовъ, троглодитовъ и блемміевъ, неся съ собой дань и подарки; наконецъ, послы авксумитовъ приводятъ съ собою жираффу. Увидѣвъ ее, жертвенныя животныя взбѣсились. Ѳеагенъ смѣло укрощаетъ дикаго быка. Восхищенный народъ требуетъ, чтобъ юноша вступилъ въ единоборство съ однимъ дороднымъ Эѳіопомъ, котораго привелъ съ собою Мерозъ. ... Ѳеагенъ одолѣваетъ своего нерасторопнаго противника. Король велитъ ему просить какой-угодно милости и Ѳ. проситъ, чтобъ онъ былъ закланъ рукою Хариклеи. Ему отказываютъ въ этомъ, такъ какъ жертву должна свершить женщина, а Хариклея еще дѣвушка. Наконецъ, приходятъ послы Ороондата съ письмомъ, въ которомъ сатрапъ проситъ возвратить старому греку, прибывшему съ посольствомъ, его дочь, которая находится, вѣроятно, въ

числѣ военноплѣнныхъ. Оказывается, что это Хариклъ. Онъ тщетно ищетъ среди плѣнницъ свою пріемную дочь. За то онъ узнаетъ Өеагена и съ яростью бросается на похитителя его милой Хариклеи. Сисимиоръ узналъ Харикла и разсказалъ все, какъ было. По его предложенію, человѣческія жертвы отмѣняются, а блужданія Өеагена и Хариклеи завершаются свадьбой. (По пересказу Роде: Gr. Rom. стр. 424–432.)

Таковъ остовъ романа, за вычетомъ всѣхъ риторическихъ прикрасъ и въ изобиліи разсѣянныхъ описаній. По этому пересказу вы можете судить только о манерѣ Геліодора не доводить читателя сразу до полнаго откровенія. Романъ Геліодора принадлежитъ къ первой группѣ греческихъ романовъ. Выдающимся романомъ второй группы, однимъ изъ самыхъ поэтическихъ, является романъ Лонга о Дафнисѣ и Хлоѣ. Греческій романъ — первое повѣствовательное произведеніе, написанное прозой, съ сюжетомъ изъ обыденной жизни, нѣсколько идеализованной, причемъ центральное мѣсто отведено любви. Это явленіе общее романамъ 1-ой и 2-ой группы. Любовь обыкновенно загорается на свиданіи — въ храмѣ, на праздникѣ, потому, вѣроятно, что въ обиходѣ старо-греческой жизни это было единственное мѣсто, гдѣ юноша и дѣвушка могли свидѣться; но только что они успѣли спознаться, полюбить другъ друга, какъ разлучены насильно и принуждены плутать по значительнымъ географическимъ пространствамъ, прежде чѣмъ сойтись снова въ концѣ романа. Въ рядѣ приключеній, которымъ подвергаются ге-

рой и героиня, замѣтенъ рецептъ греческаго романа, который обусловилъ схему позднѣйшихъ романовъ. Ингредiентомъ этого рецепта является прежде всего похищенiе разбойниками; эти похищенiя двоятся, троятся, особенно въ романахъ первой группы. Приключенiя служатъ анализу чувства, они являются чѣмъ-то роковымъ, случайнымъ и представляютъ собою первичный неискусный прiемъ анализа. У Гелiодора послѣ всей путаницы приключенiй отецъ узнаетъ сыновей, героиня узнаетъ отца и мать. Это ἀναγνωρισμός, recognitio, прiемъ извѣстный изъ средней комедiи. Рядъ описанiй даютъ богатый матерiалъ для историка, но только теперь начинаютъ имъ пользоваться, какъ слѣдуетъ. Описанiе празднествъ очень важно для ознакомленiя съ бытомъ, но я не имѣю времени приводить примѣры этихъ описанiй, предоставляя каждому изъ васъ сдѣлать это на свой страхъ. *)

Греческiй романъ весь построенъ на чувствѣ любви. Но тутъ возникаетъ вопросъ: насколько эта любовь отражаетъ дѣйствительную жизнь. Вопросъ этотъ можно будетъ обобщить въ смыслѣ общаго литературнаго метода и поставить его въ такомъ видѣ: въ какой мѣрѣ литературный матерiалъ можетъ служить къ характеристикѣ дѣйствительныхъ бытовыхъ отношенiй. Для Роде представляется крайне страннымъ мѣсто, удѣленное любви, въ греческихъ романахъ въ то время, когда въ жизни, по его мнѣнiю, не было для этого условiй

*) Переводовъ Гелiодора очень много; въ нашей библiотекѣ имѣется перев. франц. англ. и нѣмецкiй Jacobs'a.

Онъ думаетъ, что это опоэтизированіе любви не имѣло данныхъ въ жизни, что сантиментальные порывы влюбленныхъ слишкомъ холодны и безцвѣтны, а типы женской добродѣтели и мужественнаго подвига слишкомъ отвлеченны, чтобы въ нихъ можно было не признать шаблонныхъ порожденій риторской фантазіи. На это можно сказать, что мы тѣмъ менѣе въ правѣ повѣрять идеальное содержаніе романовъ по реальнымъ отношеніямъ жизни, чѣмъ менѣе мы знаемъ эту жизнь. Итакъ, наше незнаніе греческой жизни въ тотъ періодъ и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ создался греческій романъ, не позволяетъ намъ заподозрить его реальность. Тѣмъ не менѣе, сомнѣніе, выраженное Роде, остается въ извѣстной силѣ, если умѣрить его до того положенія, что въ греческомъ романѣ черты реальности затемнены формулой, общимъ подражательнымъ мѣстомъ.

Разбирая книгу Альвина Шульца *) указалъ на другую крайность, на тотъ пріемъ, въ силу котораго всякая подробность, попадающаяся въ литературномъ памятникѣ, берется на вѣру, переносится въ жизнь, какъ нѣчто достовѣрно историческое. По Шульцу (онъ археологъ по призванію), „средневѣковые поэты ничего не выдумывали (разумѣется, въ смыслѣ бытовыхъ характеристикъ), ихъ показанія всегда безусловно достовѣрны, они окружаютъ своихъ героевъ и

*) Alwin Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Leipz. 1877-80. Два тома. Рецензія А. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. за 1882, № 6. стр. 283 — 294.

героинь роскошью и великолѣпіемъ, загромождаютъ драгоцѣнностями ихъ замки, одѣваютъ ихъ въ самыя рѣдкія, дорогія одежды: но вѣдь эта роскошь дѣйствительно существовала, хотя она и рѣдко, лишь по праздникамъ, являлась на показъ; то, что̀ поэты изображаютъ, они либо видѣли сами, либо имъ о томъ разсказали; они ничего не выдумывали." (Schultz, см. Vorrede, стр. IX–X.). Встрѣчаясь съ описаніемъ стѣнъ замка, стѣнныхъ зубцевъ, расписанныхъ красками и золотомъ, Шульцъ вѣритъ въ реальность этого описанія. Если идти этимъ путемъ, то и богато разукрашенный мудрый воронъ въ поэмѣ объ Освальдѣ, и чудеса храма во второмъ Титурелѣ и поющія пуговицы Гурилы явятся отраженіемъ какой-то сходной дѣйствительности. Очевидно, что въ вопросѣ о пригодности поэтическаго матеріала для культурно-историческихъ наведеній должно примѣнять строго выработанный методъ, а не довольствоваться золотой серединой. Возвращаясь къ греческому роману, мы видимъ, что тамъ любовь завязывается въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ реальной жизни. Любовь не проникаетъ въ семейную обстановку, она завязывается въ храмѣ, во время храмоваго празднества, и эта обстановка, усвоенная и Боккаччьо въ его пересказахъ средневѣковыхъ поэмъ, взята изъ реальной жизни, а не измышлена фантазіей романистовъ. Остается еще одинъ вопросъ: какъ понималась въ романѣ любовь? По совершеніи справокъ оказывается, что въ пониманіи любви у греческихъ романистовъ проходитъ въ сущности старая идея: любовь — чувство роковое, отъ кото-

-раго трудно отдѣлаться. Оно вызывается красотою, вслѣдствіе чего оба влюбленныхъ, по необходимости, прекрасны: ихъ глаза блестятъ какъ молніи, нѣжный цвѣтъ кожи подобенъ свѣту мѣсяца, молоку, либо снѣгу, изъ-подъ котораго пробиваются розы ланитъ. Вліяніе любви описывается постоянно какъ симптомы настоящей душевной болѣзни. Противъ любви не найти лѣкарства, а поводы къ свиданію представляются рѣдко: влюбленный чаще всего принужденъ ограничиваться тѣмъ, что вздыхаетъ въ одиночествѣ, вырѣзывая на корѣ деревьевъ имя своей милой, ступая по ея слѣдамъ, гадая цвѣтами. Еще сильнѣе страдаетъ дѣвушка въ затворничествѣ гинекея.

Романы второго типа: Лонгъ и Діонъ Хризостомъ.

Не разбирая другихъ романовъ перваго типа перехожу къ романамъ второго типа, носящимъ характеръ идилліи. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ пастушескимъ романомъ Лонга о Дафнисѣ и Хлоѣ, который стоитъ одиноко, но, идя отъ Лонга, мы прійдемъ прямо къ пасторальному роману Англіи, Франціи и Италіи. Роде не совсѣмъ точно уяснилъ характеръ этого романа. Онъ полагаетъ, что чувство природы, любовь къ сельской жизни въ романѣ Лонга есть просто литературное, стилистическое развитіе описаній природы въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ романѣ Геліодора, гдѣ еще нѣтъ пейзажа, а только чертежъ садовъ и т. д. Но между

Геліодоромъ и Лонгомъ огромная разница. Характеристическая особенность Лонга — это чувство природы, о которомъ трактуетъ книга Альфреда Бизе *). „Подъ Naturgefühl, sentiment de la nature разумѣется то особое лично-эстетическое ощущеніе природы, которое является въ жизни культурныхъ народовъ въ извѣстную, сравнительно позднюю пору ихъ развитія, и находитъ въ себѣ опредѣленное выраженіе въ ихъ поэзіи и искусствѣ. Оно сопровождается исключительнымъ, иногда болѣзненнымъ развитіемъ личнаго сознанія и упадкомъ религіозно-общественнаго строя; является вкусъ къ пейзажу, безъ необходимаго отношенія къ наполняющей его человѣческой жизни. Человѣкъ любитъ уединяться въ природу, въ области, куда до той поры рѣдко заглядывалъ: въ укромные, глухіе уголки природной жизни, либо на высь горъ; виды à vol d'oiseau, уносящіе фантазію далеко за предѣлы видимаго, либо микроскопическіе пейзажи, заключающіе всю поэзію въ предѣлы роднаго островка, въ очертаніе деревенскаго горизонта — таковы излюбленные сюжеты, дающіе окраску цѣлымъ литературнымъ и культурнымъ періодамъ."[2)] Такъ случилось въ XVIII вѣкѣ съ Руссо, такъ было съ французскими реалистами XVII в.; та-же струя проходитъ у средневѣковыхъ мистиковъ и у Петрарки. „Всюду это новое откровеніе природы являлось отзвукомъ и выраженіемъ чего-то совершившагося

---

*) Alfred Biese: Die Entwickelung des Naturgefühls bei den Griechen. Kiel. 1882. Рецензія А. Веселовскаго въ журналѣ М. Н. Пр. за 1883, сентябрь.

2) см. Рецензію А. Веселовскаго.

въ общественномъ сознаніи." *) Романъ Лонга потенцированная эллинистическая идиллія, со стороны техники Naturgefühl заслуживаетъ болѣе тщательнаго разбора. Уже самый замыселъ романа, разсказывающаго о любви пастуха и пастушки въ глухомъ уголкѣ Лесбоса, стоитъ въ непосредственной связи съ тѣмъ стремленіемъ къ природѣ, къ простотѣ деревенской жизни, къ „опрощенію", которое всегда сопровождаетъ развитіе Naturgefühl. Людямъ прівлась городская жизнь: деревня многимъ лучше, говорятъ они. Но первое откровеніе деревни, природнаго быта, воспринимаемое горожаниномъ, никогда не обходится безъ извѣстнаго, частью безсознательнаго, частью реторическаго шаржа." xx) Какъ современная намъ литература прежде, чѣмъ открыть настоящихъ крестьянъ увлекалась пейзанами, такъ было и съ Лонгомъ. Я перескажу вамъ содержаніе его романа, и нѣкоторые эпизоды представлю въ переводѣ, что для Лонга особенно необходимо.

Содержаніе „ποιμενικῶν τῶν κατὰ Δάφνιν καὶ Χλόην." —

Предисловіе. Авторъ, охотясь на Лесбосѣ, забрелъ въ рощу нимфъ тамъ онъ увидѣлъ чудную картину, полную эротическихъ сценъ. Содержаніе картины онъ намѣренъ пересказать въ своемъ романѣ.

Книга 1-ая: Въ имѣніи богатаго митиленца на Лесбосѣ козій пастухъ Ламонъ, отыскивая заблудшую козу, нашелъ ее въ ту минуту, когда

*) ibid. xx) ibid.

она кормила мальчика, лежавшаго на землѣ. Ламонъ взялъ ребенка и усыновилъ его. Два года спустя, пастухъ овецъ Дріасъ нашелъ въ гротѣ нимфъ дѣвочку, которую кормила овца. Онъ тоже взялъ найденыша, удочерилъ и сталъ воспитывать въ своей хижинѣ. — Когда мальчику было 15, а дѣвочкѣ 13, ихъ пріемнымъ отцамъ нимфы съ помощью сновидѣнья внушили мысль послать Дафниса и Хлою на общій лугъ. Общія обязанности и общія игры завязываютъ между молодой парочкой сердечную дружбу.„ Было начало весны, все цвѣло въ лѣсахъ, долинахъ и на горахъ, слышалось жужжанiе пчелъ, птицы пѣли и рѣзвились ягнята... Видя такое общее веселье, они, молодые и впечатлительные, подражали всему, что видѣли и слышали. Пѣли ли птицы, они начинали пѣть; рѣзвились ягнята, они принимались плясать — и, какъ пчелы, собирали цвѣты: иные прикалывали себѣ на грудь, изъ другихъ вили вѣнки и приносили ихъ въ жертву нимфамъ. « Но Эротъ не зѣвалъ. Разъ, гоняясь за разодравшимися козлами, Дафнисъ упалъ въ волчью яму. Хлоя вытащила его оттуда съ помощью пастуха Дорко. Лицо Дафниса и волоса были въ грязи, испачкано было и остальное тѣло. Они пришли въ святилище нимфъ; Хлоя сняла съ него одежду, а онъ подошелъ къ источнику и вымылъ себѣ волосы и все тѣло. Онъ показался Хлоѣ красивымъ, а такъ какъ раньше Дафнисъ ей не казался красавцемъ, то она и подумала, что красота — результатъ омовенья. Когда она мыла ему спину, ~~то~~ почувствовала что-то непонятное. Хлоя полюбила Дафниса, не зная того, что съ нею дѣлается; она не ѣстъ, не спитъ, забросила стадо,

она то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. „Ни одинъ быкъ, укушенный оводомъ, не страдалъ какъ она.” Но слово „любовь” не приходило ей на языкъ. — Въ Хлою влюбился Дорко, юноша хорошо знавшій дѣла любви. Происходитъ его состязаніе съ Дафнисомъ; послѣдній побѣждаетъ и получаетъ отъ Хлои въ награду первый поцѣлуй, который пробуждаетъ въ немъ какое-то невѣдомое желаніе. Дріасъ отказываетъ Дорко выдать Хлою за него замужъ. Тогда Дорко, накинувъ на себя волчью шкуру, рѣшилъ подкараулить Хлою у водопоя и похитить. Но собаки набросились на него, и Дорко былъ радъ, что Дафнисъ и Хлоя выручили его изъ бѣды. „Наступило лѣто, и все въ природѣ было на вершинѣ своей красоты: деревья обвѣшаны плодами, поля покрыты житомъ. Поютъ цикады... казалось, поютъ и рѣки, медленно двигаясь мимо береговъ; поетъ вѣтеръ, проносясь сквозь лѣсъ пиній; плоды падаютъ съ деревьевъ, точно опьяненные любовью.” Время года усиливало желаніе. — Объ эту пору къ берегу пристали тирійскіе разбойники: они похищаютъ прелестнаго Дафниса, а Дорко смертельно раненъ; умирая, онъ вручаетъ Хлоѣ свирѣль и велитъ ей дуть въ нее. Она играетъ на свирѣли, стада Дорко прыгаютъ съ разбойничьяго корабля въ воду, корабль опрокидывается, а разбойники тонутъ, но Дафнисъ спасается. Онъ и Хлоя хоронятъ добраго Дорко.

Вторая книга: „Осень была уже въ полномъ разгарѣ, а сборъ винограда приближался быстрыми шагами; на полѣ всѣ были за работой. Одинъ чинилъ виноградные тиски; другой чистилъ кадки, третій плелъ корзинки. — Кто оттачивалъ маленькій серпъ для срѣзыванія лозъ, кто хлопоталъ·

надъ камнемъ, которымъ выдавливаютъ сокъ; начинается сборъ винограда, сопровождающійся шумнымъ весельемъ. Дафнисъ и Хлоя покидаютъ общее веселье, чтобъ вернуться къ своимъ стадамъ. — Старикъ Филетасъ сообщилъ имъ, что видѣлъ въ своемъ саду малютку Эрота, который возвѣстилъ ему, что хочетъ соединить любовью Дафниса и Хлою. Филетасъ толкуетъ юной четѣ, что такое любовь, что должны дѣлать влюбленные. Его толкованія довольно прозрачны. Д. и Хлоя, слѣдуя его рецепту, продѣлываютъ всѣ любовные пріемы, но не догадываются о самомъ главномъ, о которомъ Филетасъ выразился не совсѣмъ ясно. Ихъ опыты удовлетворить свою страсть прерваны страннымъ происшествіемъ. — Богатые юноши изъ Меѳимны, плывя вдоль берега на корабдѣ, прибыли къ тому мѣсту, гдѣ забавлялись Д. и Х. Они вышли на берегъ поохотиться, между тѣмъ одна изъ козъ Д. перегрызла канатъ, которымъ привязанъ былъ къ берегу корабль; волны относятъ его отъ берега, а Меѳимнейцы нападаютъ на Д., но за него заступились сбѣжавшіеся сельчане, которые и прогнали Меѳимнейцевъ. Послѣдніе, вернувшись, пожаловались на Митиленцевъ; собрали 10 кораблей и напали на послѣднихъ. Они овладѣли Хлоей. Но Панъ по просьбѣ нимфъ наводитъ на похитителей паническій страхъ, такъ что они возвращаютъ назадъ и стада и Хлою. Свидѣвшись снова Д. и Х. клянутся въ вѣчной любви.

Книга III. Наступила зима; всѣ попрятались въ свои жилища. Дафнисъ, стараясь какъ-нибудь повидать свою милую, идетъ ко двору

Дріаса, ловитъ тамъ птицъ съ помощью пру-
тика, намазаннаго клеемъ, и ждетъ, не выйдетъ
ли Хлоя. Но вотъ на порогѣ показался самъ
Дріасъ и пригласилъ его войти въ домъ. Дріасъ
угостилъ его и заставилъ переночевать. Поутру
Дафнисъ улучилъ минуту и снова поклялся Хлоѣ
въ любви. — Воротилась весна, Дафнисъ про-
должаетъ любовные опыты (передавать кото-
рые здѣсь не удобно), но все не можетъ дойти до
главнаго. Досужая сосѣдка Ликеніонъ вздума-
ла сдѣлать Дафниса своимъ любовн[иком]ъ, но
видитъ, что онъ занятъ Хлоей. Она начала за
ними слѣдить. Разъ, спрятавшись въ кустахъ,
Ликеніонъ подслушала разговоръ влюбленныхъ, под-
смотрѣла всѣ ихъ эксперименты и догадалась, что
Д. и Х. не знаютъ одной простой вещи. Поэтому,
изъ состраданія, она рѣшилась посвятить Д. въ
тайны Эрота, познакомить съ ними на примѣрѣ
да кстати удовлетворить и свою похоть. Подъ
предлогомъ, что она боится одна идти въ лѣсъ, Ли-
кеніонъ заманила туда Д. и научила, чему слѣдо-
вало. Д. тотчасъ же бѣжитъ къ Хлоѣ, чтобы,
промѣшкавъ, не позабыть урока: Въ это время
несется вдоль берега судно, моряки поютъ, и
эхо вторитъ ихъ пѣснѣ въ лѣсу. Хлоя смот-
ритъ то на море, то на лѣсъ и спрашиваетъ
Дафниса: нѣтъ ли моря и пловцовъ и по ту
сторону лѣса: она не знаетъ, что такое эхо,
и Дафнисъ разсказ[ываетъ] миѳъ о ней. — Отношенія
Д. къ Х. оставались невинными: наставленія
Ликеніонъ пугали Дафниса и не были имъ
исполнены. — Хлоѣ пора выходить замужъ; къ-

ней сватаются богатые женихи, Д. — бѣденъ, онъ въ отчаяніи, но нимфы во снѣ объявляютъ ему, что онъ найдетъ на берегу кладъ въ 3000 драхмъ, который выброшенъ волнами съ корабля меѳимнейцевъ. Д. находитъ деньги и сватается за Хлою. Дріасъ обѣщаетъ выдать за него Х., но предварительно надобно попросить разрѣшенія у хозяевъ, на землѣ которыхъ жили Дріасъ и Ламонъ.

Книга IV. Къ концу лѣта крестьяне узнаютъ, что скоро прибудетъ ихъ господинъ, богатый митиленецъ Діонисофанъ. Ламонъ приводитъ въ порядокъ роскошный садъ, но отверженный женихъ Хлои Ламписъ портитъ ночью цвѣты изъ мести, чтобъ навлечь гнѣвъ хозяина. Сынъ Діонисофана Астилъ прощаетъ Ламона. Вскорѣ пріѣзжаетъ и самъ Діонисофанъ съ большою свитой и съ женой Клеаристой. Гнаѳонъ, паразитъ Астила, выпрашиваетъ себѣ у него въ подарокъ Дафниса для нехорошихъ цѣлей, но Астилъ хочетъ взять его себѣ въ рабы. Тогда Ламонъ заявилъ, что Дафнисъ не его сынъ а найденъ имъ въ лѣсу. Онъ показываетъ знаменья, которыя нашелъ при мальчикѣ. Оказывается, что Дафнисъ — четвертый сынъ Діонисофана, который водкинулъ его, чтобъ не раздроблять свое имѣніе. Но изъ трехъ остальныхъ сыновей двое уже умерли и Діонисофанъ съ радостью принимаетъ къ себѣ Дафниса. Между тѣмъ Ламписъ похищаетъ Хлою силою, но Гнаѳонъ, чтобъ угодить Даф-у, нагоняетъ похитителя и отнимаетъ у него Хлою. Діонисоф. соглашается на бракъ Д. съ Х; всѣ ѣдутъ въ городъ. Во время пира одинъ богачъ Мегаклъ узнаетъ въ Хлоѣ свою дочь, которую онъ нѣкогда подкинулъ, будучи очень бѣденъ. Справляется веселая свадьба передъ гротомъ нимфъ, а за нею слѣдуетъ сельская жизнь Д. и Х. въ идиллическомъ довольствѣ.

Романъ Лонга - прототипъ пастушескаго
романа новой Европы, которому предстояло
мирное развитіе отъ Аркадіи - Санназара
и Діаны Монтемайора къ Астреѣ
Онорэ Д'Юрфе (1567-1625). Хотя Лонгъ и
стоитъ, повидимому, одиноко, но его романъ
соотвѣтствуетъ цѣлому литературному направ-
ленію: идиллическому. Разбирая его, вы замѣти-
те такіе пріемы романической техники, кото-
рыхъ мы не замѣтили при разборѣ романовъ 1ой
группы. 1) Прежде всего вы встрѣчаете здѣсь идеа-
лизацію природы. Это не рисовка, а результатъ пер-
ваго откровенія деревни передъ горожаниномъ. От-
сюда шаржъ, доходящій иногда до дѣтскости, до без-
вкусія. Особенно бросается въ глаза наивность
Хлои и Дафниса, выдержанная очень цѣльно. Они
не понимаютъ, что такое любовь, какъ будто кру-
гомъ нѣтъ людей, уже любившихъ; ихъ простота
немыслима именно въ пастушескомъ быту.
Не повторяя здѣсь другихъ эпизодовъ, укажу еще
одинъ. Дафнисъ оказывается сыномъ богатаго чело-
вѣка. Признаніе совершилось, отецъ обрадованъ,
говоритъ, что оставитъ Дафнису и другому своему
сыну Астилу много золота, серебра и угодій, а
Дафнису особливо и то мѣстечко, гдѣ онъ
выросъ и пасъ своихъ козъ. Дафнисъ вскакива-
етъ: „хорошо, что ты мнѣ напомнилъ о нихъ,
отецъ! Чай, они пить хотятъ и ждутъ, чтобъ
я далъ имъ имъ знакъ моей свирѣлью." Всѣ
разсмѣялись, что, ставъ бариномъ, онъ захотѣлъ
быть пастухомъ. — 2) Романъ Лонга пред-
ставляетъ шагъ впередъ на пути къ психо=

С. П. б. Литогр. Гробовой. Пет. ст. 5 пр. д. № 23.

логическому анализу: обычная декорація романовъ удалена, либо стала побочнымъ аксессуаромъ; вмѣсто того, чтобы блуждать, встрѣчаться и снова сходиться на далекихъ путяхъ, герой и героиня уединены на островѣ Лесбосъ, живутъ въ скромной пастушеской средѣ. При такихъ условіяхъ попытка разсказать исторію страсти вызывала по необходимости то, что нѣмцы зовутъ Klein malerei: обращеніе къ жанру, пейзажу, къ болѣе мелкому, внутреннему анализу сердечныхъ ощущеній. - Предыдущее развитіе греческой литературы представляло нѣкоторыя, правда, немногія данныя для такого развитія. Пейзажный жанръ, идеализація природнаго быта нашла себѣ выраженіе и въ идилликахъ, и въ Діонѣ Хризостомѣ, писателѣ I вѣка по Р. Х. И Діонъ, и Лонгъ изображаетъ намъ деревенскія отношенія; какъ всюду начинающійся литературный реализмъ — они тенденціозны, разница въ сюжетахъ: небольшой любовный эпизодъ въ „Охотникѣ" Діона развитъ у Лонга въ цѣлый романъ о любви Дафниса и Хлои.

Разсказъ Діона, веденный отъ его лица, хочетъ познакомить читателей, какою особою жизнью живутъ иные люди въ срединѣ Эллады, жизнью, о существованіи которой не подозрѣваютъ культурные горожане. Однажды буря разбила его лодку у Эвбеи, гдѣ его встрѣтилъ на берегу и пригласилъ къ себѣ въ хижину охотникъ. - Охотникъ - это типъ человѣка идеальнаго въ своей невоздѣланности. На пути къ хижи-

кѣ охотникъ разсказываетъ Діону о себѣ и —
о своемъ родѣ: въ этомъ состоитъ главное содер-
жаніе этой классической робинзонады, не богатой
внѣшнимъ содержаніемъ. Отецъ разсказчика пасъ
вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ стада одного эвбей-
скаго богача. По смерти послѣдняго (говорятъ,
императоръ велѣлъ его убить изъ-за его богатства)
все его имѣніе было конфисковано, стада проданы,
- и, оставшись непричемъ, пастухи устроились, какъ
могли: поставили себѣ двѣ хаты, окружили дворъ
частоколомъ, не очень-то крѣпкимъ: только для те-
лятъ и на лѣтнее время. Зимой они пасли своихъ
коровъ въ долинѣ, гдѣ много было корму, лѣтомъ
- въ горахъ. Мѣсто хорошее: есть стокъ; по
обѣ стороны глубокій, тѣнистый оврагъ, въ
которомъ течетъ рѣчка, не быстрая, такъ что
коровъ и телятъ прогонять удобно, - съ чистой
водой: родникъ не далеко; въ теченіе всего лѣ-
та вѣтеръ освѣжаетъ лощину; подъ высокими,
рѣдко разбросанными деревьями простираются
ся великолѣпные луга, все лѣто покрытые
отличною травою, такъ что нечего далеко отго-
нять стадо. Въ началѣ колонисты обработыва-
ли лишь небольшой клочокъ земли, рядомъ съ жи-
льемъ; потомъ увеличили запашку, на зиму спра-
вили лучше хаты и дворъ; лѣтомъ и особен-
но зимой охота была имъ подспорьемъ. Первые
колонисты уже умерли, оставивъ двухъ сыновей,
которые переженились на сестрахъ другъ друга;
одинъ изъ нихъ и есть разсказчикъ, который да-
лѣе уже говоритъ о себѣ. Товарищъ его жи-

когда не бывалъ въ городѣ; самъ онъ былъ дважды: одинъ разъ еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ отцемъ; въ другой — по особому случаю, который даетъ Діону поводъ къ тенденціозному противопоставленію города и деревни. « Однажды пришелъ къ намъ какой-то человѣкъ, разсказываетъ охотникъ, требовалъ съ насъ денегъ и затѣмъ увлекъ меня въ городъ подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо выяснить тамъ мое положеніе.» Въ городѣ его ведутъ въ театръ, и мы присутствуемъ при сценѣ народнаго собранія, изображеннаго съ сознательнымъ шаржемъ. Театръ — полукруглая разсѣлина, не природная, а построенная изъ камней, разсказываетъ охотникъ; но ты смѣешься надъ моимъ подробнымъ описаніемъ того, что самъ хорошо знаешь. Въ началѣ народъ что-то такое дѣлалъ: то раздавались веселые крики, когда они были чѣмъ-нибудь довольны, — то крики гнѣвные. Ихъ гнѣвъ былъ ужасенъ: люди, на которыхъ они такъ набрасывались, выходили изъ себя, одни бѣгали вокругъ съ мольбою, другіе сбрасывали съ себя отъ ужаса одежду. Однажды я чуть не упалъ отъ ихъ крика, такъ внезапно онъ поднялся, точно вихрь или гроза. Нѣкоторые люди выходили изъ толпы и говорили къ народу, одни коротко, другіе пространно; однихъ слушали, другихъ не допускали даже къ слову. Когда они успокоились, вывели меня, и одинъ началъ держать рѣчь: Сограждане! передъ вами одинъ изъ тѣхъ людей, которые съ давнихъ поръ пользуются государственными землями, пасутъ въ нашихъ горахъ

занимаются хлѣбопашествомъ и золотомъ, на=
строили зданій, развели виноградники — не пла-
тя податей, необремененные никакими обязанно-
стями, точно благодѣтели города; я думаю, они
сюда никогда и не показывались. — Я кивнулъ
ему въ знакъ согласія, а народъ засмѣялся, увидавъ
это. Смѣхъ раздражилъ оратора, который про-
должалъ: Если вы считаете, что это въ порядкѣ
вещей, то вскорѣ всѣ бросятся обирать государст-
венное имущество, подѣлятъ между собою город-
скую казну и землю: стоитъ только допустить,
чтобы такія животныя завладѣли безвозмездно
нѣсколькими тысячами плэтровъ лучшей па=
хатной земли, съ которыхъ каждому изъ васъ
подобало бы получить по три аттическихъ ме-
ры (χοῖνιξ) жита. — Какъ услышалъ я это, гром-
ко засмѣялся, но не засмѣялся народъ, а зашумѣлъ,
тогда какъ ораторъ, обративъ на меня гнѣвные
взоры, продолжалъ: видите-ли, какъ издѣвает-
ся надъ вами этотъ дерзкій оборвышъ? Его слѣ-
дуетъ схватить вмѣстѣ съ его сообщниками:
я слышалъ, что у нихъ два предводителя въ
шайкѣ, захватившей почти всѣ земли въ горахъ.
Я не далекъ отъ мысли, что они же присваиваютъ
себѣ грузъ судовъ, разбившихся у ихъ берега; от-
куда бы явились у нихъ столь прекрасныя
поля и деревни, такое богатство въ стадахъ и
рабахъ? Не смотрите на его рубище и
на покрывающую его шкуру: онъ отводитъ вамъ
глаза, будто онъ нищъ и убогъ. Я боюсь его;
онъ навѣрно изъ тѣхъ, кто зажигаетъ на горахъ

вѣстовые огни для корабельщиковъ, чтобы привлечь ихъ къ берегу, гдѣ разбиваются ихъ суда. — Когда онъ сказалъ это и еще многое въ томъ же родѣ, народъ разсвирѣпѣлъ, а я ощутилъ страхъ, боясь, чтобы они что-либо со мною не сдѣлали. — Тогда выступилъ другой ораторъ и сталъ говорить въ мою защиту; затѣмъ поднялась ссора между обвинителемъ и защитникомъ; наконецъ, и мнѣ велѣли сказать слово. — Что́ же я стану говорить? — спросилъ я. — Да противъ того, что́ было здѣсь сказано, отвѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ. — Въ такомъ случаѣ я скажу, что все, что́ говорилъ вотъ этотъ — чистая ложь. Мнѣ казалось, что я грежу, когда онъ разсказывалъ о какихъ-то поляхъ и деревняхъ. У насъ нѣтъ ни того, ни другаго, ни лошадей, ни скота. Дай-то Богъ, чтобы все это было: самимъ бы быть богатымъ и вамъ удѣлить. Разумѣется, мы довольны и тѣмъ, что́ имѣемъ, и готовы подѣлиться съ вами; хотите — все берите, мы пріобрѣтемъ снова. Этими словами они остались довольны и спросили меня: сколько мы могли бы дать народу? Четыре хорошихъ оленьихъ шкуры; а когда эти слова вызвали негодованіе, прибавилъ: „медвѣжьи шкуры высохли, козлиныя никуда не годны: однѣ стары, другія коротки; впрочемъ, какъ хотите, возьмите и ихъ. А чтобы вы не спрашивали болѣе о томъ, что́ у насъ есть, я все пересчитаю: восемь козъ, одна куцая корова, и отъ нея прекрасный теленокъ; четыре серпа, четыре мотыки, три копья

и по охотничьему ножу на брата. О глиня-
ной посудѣ говорить нечего; затѣмъ у насъ
есть жены и отъ нихъ дѣти. Живемъ мы въ
двухъ хорошихъ избахъ, и еще третья есть у
насъ, гдѣ хранится жито и кожи.— И закопа-
ны ваши деньги,— прибавилъ ораторъ.— Пойди
самъ и выкопай ихъ, неразумный, отвѣтилъ я.
Кто же когда закапывалъ деньги. Вѣдь онѣ не
растутъ.— Тутъ всѣ разсмѣялись, вѣроятно,
издѣваясь надъ нимъ.

Въ это время узналъ обвиняемаго какой-то
человѣкъ изъ толпы и указалъ на него, какъ на
своего спасителя, пріютившаго и обогрѣвша-
го его самого съ товарищемъ, когда буря разбила
ихъ корабль о каферейскій берегъ. Толпа,
только-что остервененная, вдругъ измѣнила
настроеніе: спасителя привѣтствуютъ кли-
ками, его приглашаютъ на общественный
пиръ, насильно надѣваютъ на него парадныя
одежды, отдаютъ земли, о которыхъ шла рѣчь,
въ безподатное пользованіе и предлагаютъ
деньги. Отъ нихъ онъ отказывается: пусть
лучше отдадутъ ихъ тому оратору, чтобы за-
копалъ: это дѣло онъ, видимо, разумѣетъ.—
„Съ тѣхъ поръ никто насъ не безпокоилъ."

Такъ кончается разсказъ охотника — и
Діонъ вводитъ насъ въ концѣ повѣсти въ
идеальный деревенскій intérieur. Они
пришли, наконецъ, въ хижину. „Эти люди
казались мнѣ счастливѣе всѣхъ, какихъ
я когда либо зналъ," говоритъ Діонъ, „а
зналъ я домашнюю жизнь не только бога-

-тыхъ частныхъ лицъ, но сатраповъ и императоровъ, которые никогда не представлялись мнѣ столь несчастными, какъ по сравненію съ этими людьми, въ своей бѣдности и свободѣ больше наслаждавшимися пищей и питьемъ, чѣмъ тѣ." Взрослая дочь хозяина прислуживала намъ, продолжаетъ авторъ; о другой мнѣ сказали, что она отдана замужъ въ деревню за богатаго человѣка. — А эту за кого-же ты отдашь? спрашиваетъ гость. — Она выйдетъ за такого же бѣдняка и охотника, какъ мы, отвѣчалъ отецъ, и поглядѣлъ, улыбаясь, на красиваго юношу, только-что передъ тѣмъ вошедшаго въ хату и державшаго въ рукахъ зайца, котораго поднесъ дѣвушкѣ. — Отчего же не отдадите вы его за него? или жениха поджидаете изъ деревни? — Нѣтъ, женихъ не далеко, здѣсь въ домѣ, и свадьбу мы сыграемъ скоро, какъ только выберется счастливый день, когда будетъ полная луна и воздухъ прозраченъ. — А что, онъ въ самомъ дѣлѣ хорошій охотникъ? спросилъ я. — Я догоняю оленя, вмѣшался юноша, — могу изловить вепря, и вотъ зайца поймалъ въ тенета: ночь была свѣтлая, и мѣсяцъ такой полный, какимъ я его никогда не видѣлъ. — Тутъ засмѣялись отцы дѣвушки и жениха, а послѣдній покраснѣлъ и притихъ. Дѣло стало за жертвеннымъ животнымъ — но юноша объ этомъ уже позаботился: онъ давно прикармливалъ позади своей хаты пойманнаго имъ поросенка. —

— То-то смѣялась твоя мать, замѣтилъ отецъ, когда я дивился, кто это хрюкаетъ и куда идетъ столько ячменю! — Мать жениха тоже говоритъ за сына, который стоялъ около нея, смотря на будущаго тестя. А тотъ улыбается. — Вѣдь вотъ кто медлитъ, говоритъ онъ, указывая на жениха; ему хочется еще больше откормить свинью. — Да вѣдь она ужъ лопается отъ жиру. — Я пришелъ къ нему на помощь: смотрите, какъ бы онъ самъ у васъ не исхолъ, пока упитывается свинья. — Правду говоритъ пріѣзжій, замѣтила мать: онъ совсѣмъ похудѣлъ у меня; недавно я замѣтила, какъ онъ вышелъ изъ дома ночью. — Собаки лаяли, я и пошелъ посмотрѣть, отвѣчалъ сынъ. — Нѣтъ, не собаки: я видѣла, какъ ты безпокойными шагами ходилъ взадъ и впередъ. Зачѣмъ намъ дольше его мучить? — Съ этими словами она обняла мать дѣвушки, а та, обратившись къ мужу, сказала: сдѣлаемъ по ихъ желанію. Рѣшили свадьбѣ быть черезъ три дня; меня они просили остаться до того времени, на что я съ удовольствіемъ согласился.

Такова классическая „Dorfgeschichte" Діона, на которую, къ сожалѣнію, не обратилъ вниманія г. Кирпичниковъ. Характеристика романа Лонга могла бы только выиграть отъ такого сопоставленія. Въ самомъ дѣлѣ: остав-

те въ разсказѣ Діона нѣсколько тенденціозную деревенскую обстановку, выдвиньте на первый планъ сельскую влюбленную парочку, играющую у Діона лишь эпизодическую роль – и основныя черты романа Лонга будутъ готовы. Его герои: пастухъ и пастушка, Дафнисъ и Хлоя, любятъ другъ друга нѣсколько вычурно-наивно, что даетъ спеціальную окраску всему разсказу. Перенесеніе центра тяжести на отношенія Дафниса и Хлои вызвало преобладаніе эротическаго элемента; ограниченность деревенскаго кругозора, при отсутствіи внѣшнихъ событій, которыми прежніе романисты измѣряли развитіе страсти, вызвало потребность болѣе мелочнаго, внутренняго анализа. Весь романъ занятъ развитіемъ любви Дафниса и Хлои; внѣшнихъ событій въ этой исторіи мало, или они являются эпизодами; а между тѣмъ развитіе совершается на мелочныхъ фактахъ, и вы чувствуете его теченіе, постепенный переходъ отъ непосредственно-наивнаго міросозерцанія – къ сознательности. Я укажу на одинъ изъ пріемовъ этого анализа: на субъективное пониманіе природы. Исторія страсти развивается въ постоянномъ сочувствіи съ природой, или, лучше, лѣто, осень и зима смѣняются какъ будто затѣмъ, чтобы найти отраженіе въ сердцѣ любовниковъ. Во всемъ этомъ виденъ со-

значительный стилистическій и вмѣстѣ психологическій пріемъ, который представляетъ богатый матеріалъ для опредѣленія романа, какъ момента историческаго и стилистическаго развитія.

Римскіе романы. Апулей и Петроній.

Переходъ отъ эллинистическаго романа къ римскому, о которомъ я скажу лишь немногое, очень естественъ, такъ какъ римскій романъ находился подъ вліяніемъ греческаго: Апулей скопировалъ своего „золотаго осла“ съ „Осла“ Лукіана, а первоначальнымъ источникомъ обоихъ этихъ произведеній были разсказы Лукія Patrensis.

Названіе „золотой“ оселъ дано роману Апулея съ цѣлью выразить этимъ превосходныя качества романа. Стало быть, это названіе должно понимать въ томъ же смыслѣ, какъ и „золотыя стихотворенія“ Пиѳагора, и Legenda aurea Якова de Voragine.* Но уже Августинъ принималъ Asinus aureus за настоящее заглавіе, хотя въ романѣ золотаго осла нигдѣ нѣтъ. Его полный титулъ: Metamorphoseôn sive de Asino Aureo libri XI, показываетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ романомъ въ превращеніяхъ. Послѣдній элементъ царитъ и у Лукія, и у Лукіана, но у Апулея сюда подмѣшанъ значительный фило-

---

*) Dunlop-Liebrecht. Gesch. d. Prosadichtung, стр. 41, и прим. 89 (стр. 464).

софскій элементъ. Кромѣ того, и у Петронія въ его „Satiricon sc. libri", и у Апулея присутствуетъ элементъ народной сказки. Такъ у Петронія (с. 111, 112) есть извѣстный эпизодъ „о вдовицѣ эфесской". Вотъ онъ:

— Одна знатная эфесянка, по смерти своего мужа, не довольствуясь обычными знаками печали, спустилась въ гробницу, гдѣ лежалъ трупъ ея мужа, чтобъ отдаться грусти. Неподалеку простой солдатъ сторожилъ трупъ распятаго на крестѣ преступника, чтобы его не похитили родственники. Увидѣвъ, что въ гробницѣ горитъ огонь, солдатъ спустился въ нее и былъ пораженъ красотою печальной вдовицы; онъ съумѣлъ уговорить ее поѣсть, попить и не отказываться отъ жизни. Въ ту же ночь, еще недавно изнывавшая отъ печали, все въ томъ же траурномъ одѣяніи, вдовица на гробѣ своего незабвеннаго мужа отдалась этому незнакомому солдату. Послѣдній, покинувъ, наконецъ, это странное брачное ложе, вышелъ изъ гробницы и увидѣлъ, что въ его отсутствіе кто-то похитилъ трупъ преступника. Онъ возвращается къ своей возлюбленной, чтобъ сообщить ей о своемъ горѣ. И каково удивленіе: вдовица предлагаетъ ему пригвоздить къ кресту трупъ своего оплаканнаго мужа взамѣнъ похищеннаго преступника.

— Эта сказка, которою средневѣковые юмористы пользовались для подтвержденія излюбленной мысли, что жены — грѣховницы отъ рожденія, эта сказка повторяется не разъ, начиная съ Китая и кончая Боккаччо и Воль-

теромъ. Различныя варьяціи на ту же тему встрѣчаются въ Cento novelle antiche № 56, у Аннибала Кампеджи, у Сентъ-Эвремона, Лафонтэна, у Іоанна Салисберійскаго въ его de Nugis Curialium, а патеръ Du Halde въ своемъ „Description de la Chine (III., p. 405), говоритъ, что и въ Китаѣ разсказывается исторія въ такомъ же родѣ*).

Такихъ народныхъ сказокъ не мало у Апулея; одна изъ нихъ „объ Амурѣ и Психеѣ" извѣстна и у насъ, и въ Индіи, а съ ея переводами знакомитъ насъ Отто Янъ. По словамъ Либрехта**) „эта сказка, вѣроятно, индійскаго происхожденія; по крайней мѣрѣ, на нее въ главныхъ чертахъ очень походитъ сказка о „дочери дровосѣка", сообщенная Брокгаузомъ въ его нѣмецкомъ переводѣ собранія сказокъ „Somadeva Bhatta". (Ч. 2. стр. 190 сл. и ч. 1. стр. XVIII.). Пересказывать романъ Апулея было бы довольно долго: вы можете познакомиться съ нимъ сами, тѣмъ болѣе, что имѣется русскій переводъ (Апулей: Золотой оселъ. Латинск. нравоучит. ром. 2-го вѣка по Р. Х. СПб. 1870 г.). Содержаніе его вкратцѣ сводится къ слѣдующему: Апулей, превращенный въ осла, уведенъ разбойниками въ ихъ притонъ. На слѣдующій день разбойники приводятъ въ свою пещеру молодую дѣвушку, похищенную изъ-подъ вѣнца. Разбойники снова уходятъ на добычу; дѣ=

*) Dunlop-Liebrecht., стр. 41. **) Ibid. стр. 465 (прим. 99).

вушка остается одна съ какой-то старухой, служанкой разбойниковъ. Послѣдняя, утѣшая горюющую дѣвушку, разсказываетъ ей сказку объ „Амурѣ и Психеѣ". Различныя приключенія въ притонѣ разбойниковъ замѣчательно совпадаютъ съ похожденіями Жиль-Блаза въ извѣстномъ романѣ Лесажа (-Удивительныя похожденія Жиль Блаза де-Сантильяна. Пер. съ франц. М. 1874. изд. Леухина). Передавать содержаніе сказки объ Амурѣ и Психеѣ, которою воспользовались Лафонтэнъ и Богдановичъ („Душенька"), не считаю нужнымъ.

Римскій романъ, такимъ образомъ, представляетъ собою переживаніе греческихъ мотивовъ; онъ не внесъ ничего новаго, но зато сдѣлался „мостомъ", связующимъ старую Грецію съ новой Европой: Боккаччьо перевелъ почти дословно нѣкоторые разсказы изъ Апулеевыхъ Метаморфозъ.

Христіанскій романъ.

Подъ христіанскимъ романомъ я разумѣю рядъ апокрифовъ, не признанныхъ церковью и ~~въ~~ не включенныхъ ею въ канонъ. Мы будемъ говорить о нихъ, какъ о романахъ, которые могли исходить отъ одного лица, но были основаны на легендахъ. Для насъ интересно

познакомиться съ ихъ техникою, стилемъ, интересна ихъ бытовая сторона а канонъ мы оставимъ въ покоѣ. Эта апокрифиче= ская литература несравненно скорѣе мо= жетъ быть названа началомъ христіан- скаго эпоса, чѣмъ какое-нибудь подража= ніе Энеидѣ. Эти апокрифы повліяли на развитіе свѣтской литературы. Въ курсѣ „Исторіи лирики и драмы" я коснулся между прочимъ „дѣяній апостола Павла и Феклы", которыя опредѣлили цѣлый кругъ литературы. Нѣкоторые пріемы, сцены стали излюбленными мотивами позднѣйшаго леген- дарнаго творчества. Такъ исповѣдь Кипріа- на, разобранная мною въ томъ-же курсѣ, сдѣ- лалась провозвѣстницей западной легенды о Фаустѣ. Мнѣ придется еще говорить о неиз- данномъ житіи Ксантиппы, Поликсены и Ревекки, которое нѣкоторыми пріемами напоминаетъ „дѣянія Павла и Феклы".

Я начну обзоръ христіанскихъ романовъ съ произведенія, которое можетъ считаться ти- помъ христіанскаго романа. Это — Κλημέντια (Clementina), приписанныя римскому папѣ Клименту, но не впопадъ, ибо этотъ па= мятникъ принадлежитъ нѣсколько другому времени. Онъ сохранился въ 2-хъ текстахъ: греческій текстъ, носящій названіе „Гоми= ліи" (числомъ 20), напечатанъ Migne'емъ въ Patrologiae cursus completus (series graeca, т. 2…)

но это изданіе, снабженное латинскимъ переводомъ, сдѣлано неисправно; лучшее критическое изданіе принадлежитъ Paul de Lagarde (Clementina. Leipz. 1865.). Кромѣ того сохранился старинный латинскій переводъ подъ заглавіемъ „Recognitiones", принадлежащій перу Руфина; тутъ попадаются подробности, которыхъ нѣтъ въ греческомъ оригиналѣ. Въ латинскомъ текстѣ выдвигается впередъ романъ въ ущербъ поучительности.

Содержаніе этого Ich-roman'a (если придерживаться терминологіи Шпильгагена) я изложу нѣсколько подробнѣе, такъ какъ вамъ онъ, вѣроятно, мало извѣстенъ, да и въ ученой литературѣ я нигдѣ не встрѣтилъ довольно полнаго пересказа. Нападая на него, церковь имѣла извѣстное право, потому что въ немъ есть элементъ завѣдомо ложный. Типъ апостола Петра въ немъ не евангельскій, онъ смягченъ, на что повліялъ, вѣроятно, образъ апостола Павла. Но за то романъ этотъ лучше многихъ памятниковъ вводитъ насъ въ пониманіе борьбы язычества съ христіанствомъ.

Содержаніе.

Первая гомилія. „Я Климентъ, будучи римскимъ гражданиномъ, провелъ первую молодость добродѣтельно: мысль моя отвращалась отъ похоти, ибо мнѣ всегда была присуща (не знаю, откуда взявшаяся) дума о смерти, не разъ твердившая мнѣ, что послѣ смерти меня не будетъ, что безпредѣльное время предастъ все забвенію

С. П. У.

что я не буду существовать; меня тревожила мысль и о томъ, созданъ ли былъ міръ и чѣмъ онъ былъ до созданія (существовалъ ли и будетъ ли существовать вѣчно или былъ созданъ и разрушится) и чѣмъ будетъ по разрушеніи, будетъ ли молчаніе и забвеніе или нѣчто такое, о чемъ теперь и помыслить невозможно." Климентъ пока еще язычникъ и, какъ позднѣе Кипріанъ, ищетъ отвѣта на свои сомнѣнія въ различныхъ философемахъ, но, противорѣчащія другъ другу, онѣ не могутъ удовлетворить Климента. Онъ готовъ обратиться въ Египетъ къ тамошнимъ магамъ. Но среди думъ и сборовъ до Климента доходитъ молва, что въ Іудеѣ явился нѣкто, проповѣдующій наступленіе царства Божія, что „есть неземная сила въ немъ: слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье, даритъ и силу и движенье, тому, кто былъ и слабъ и хромъ." *) И вотъ Климентъ рѣшился плыть въ Іудею, но противные вѣтры занесли его въ Александрію (тотъ же пріемъ мы увидимъ и въ житіи Ксантиппы). Желая поговорить съ кѣмъ-нибудь видѣвшимъ Іисуса воочію, Климентъ сводитъ знакомство съ евреемъ Варнавой, однимъ изъ учениковъ Христа. Онъ разсказываетъ Клименту объ Іисусѣ, а философы насмѣхаются надъ нимъ. Охваченный какимъ-то

*) Стихи гр. А. Толстаго изъ поэмы: „Грѣшница" до такой степени совпадаютъ съ греч. текстомъ, что составитель могъ привести ихъ здѣсь очень кстати. Сходство отъ того, что оба автора черпали изъ одного источника — Евангелія. А. 7-й гл. романа.

[illegible] обозр. Всемірной Лит. Гробовой. Пет. ст. б. п. г. №25. 10 Марта 1874 года.

невѣдомымъ порывомъ, Климентъ сталъ публично защищать Варнаву, доказывая имъ, что они не философы, ищущіе истины, а суетные филологи*), для которыхъ дороже всего ихъ силлогизмы. „Не зная собственной выгоды, вы, во вредъ себѣ, смѣетесь надъ истиной, которая, къ стыду вашему, утвердилась среди варваровъ.“ Черезъ нѣсколько дней Климентъ отплылъ въ Іудею и прибылъ въ Кесарію. Отыскивая человѣка, который бы его пріютилъ въ своемъ домѣ, Климентъ узналъ, что въ городѣ пребываетъ какой-то Петръ изъ Іудеи, главный ученикъ І.Х. и что завтра онъ будетъ вести словопреніе съ самаряниномъ Симономъ. Климентъ отправился въ домъ Петра и былъ введенъ туда Варнавой и принятъ радушно послѣднимъ. Климентъ прежде всего задалъ Петру вопросъ, который его такъ тревожилъ: созданъ ли міръ и кѣмъ, разрушится онъ или нѣтъ, что будетъ съ нимъ впослѣдствіи, безсмертна ли душа, отвѣтственна ли она за грѣхи и можетъ ли быть судима. На это Петръ даетъ длинный отвѣтъ.

Вторая гомилія. Наставленіе продолжается и на слѣдующій день. Наконецъ, ученики Петра разсказываютъ Клименту о Симонѣ. У Іоанна Крестителя, предтечи Христа, было 30 учениковъ по числу 30 дней луннаго мѣсяца (а такъ какъ 30-ый день неполный, то и въ числѣ учениковъ Іоанна 30-е мѣсто

---

* очевидно, въ буквальномъ, а не современномъ смыслѣ этого слова. Прим. составителя.

занимала нѣкая Елена, которая, какъ жен-
щина, была равна половинѣ мужчинѣ). Си-
монъ былъ главнымъ ученикомъ Іоанна. Когда
послѣдній былъ обезглавленъ, мѣсто его занялъ
Досиѳей, такъ какъ Симонъ въ то время на-
ходился въ Египтѣ, гдѣ изучалъ магію. А До-
сиѳей, воспользовавшись случаемъ, сталъ рас-
пространять слухъ, будто Симонъ умеръ.
Но вотъ, спустя немного, явился Симонъ и
началъ увѣрять учениковъ, что Досиѳей не-
свѣдущъ въ законѣ. Разгнѣванный Досиѳей
замахнулся на Симона жезломъ, но онъ про-
шелъ словно черезъ дымъ, не причинивъ Симо-
ну никакого вреда. Пораженный чудомъ До-
сиѳей уступилъ свое мѣсто Симону, а самъ не-
много спустя умеръ. Симонъ, взявъ съ собою
Елену, пустился странствовать, утверждая
всюду, что Елена — та высшая мудрость и высо-
шая сущность (λαμμήτοςα οὐσίαν καὶ σοφίαν),
изъ-за которой сражались греки и варвары,
считая ее олицетвореніемъ истины. — Симонъ
дѣлаетъ удивительныя вещи: заставляетъ
статуи ходить, превращаетъ камни въ хлѣбы,
летаетъ по воздуху и т. д. Онъ создаетъ чело-
вѣка изъ воздуха, превращая воздухъ въ во-
ду, а воду въ кровь и образуя изъ крови
мясо; затѣмъ онъ снова разлагаетъ своего
hamunculus'а, превращая его въ воздухъ.
Если вспомнить, что въ концѣ Климентинъ
Симонъ передаетъ свой образъ Фаусту, отцу
Климента, если прибавить къ этому Елену
и homunculus, то вы и получите главную
основу для народной нѣмецкой книги и для

Гетевскаго Фауста. Гомилія заканчивается наставленіемъ Петра къ Клименту, на чемъ я не буду останавливаться, такъ какъ меня интересуетъ лишь историко-литературная сторона, а богословія я не касаюсь. — Симонъ удаляется въ Тиръ, и Петръ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, отправивъ впереди себя Аквилу, Никиту и Климента. Оттуда они пишутъ Петру о томъ, что замышляетъ Симонъ въ Тирѣ (гомилія 4-ая): онъ называетъ Петра магомъ и обманщикомъ и мутитъ народъ. Затѣмъ Симонъ удалился въ Сидонъ, оставивъ въ Тирѣ своихъ учениковъ грамматика Аппіона, астролога Аннубіона и эпикурейца Аѳинодора изъ Аѳинъ. Между Климентомъ и Аппіономъ завязывается диспутъ въ саду; не окончивъ его въ первый день, они хотятъ продолжать и на слѣдующій день, но Аппіонъ не явился по болѣзни и Климентъ разсказалъ присутствующимъ, какъ однажды въ Римѣ онъ былъ боленъ, а Аппіонъ, который находился въ дружбѣ съ его отцемъ, спросилъ о причинѣ его недуга. Климентъ отвѣчалъ, что у него болитъ душа. Аппіонъ, понявъ это въ томъ смыслѣ, что Климентъ влюбленъ, посовѣтовалъ обратиться къ магамъ, которые бы приворожили къ нему его милую, но Климентъ отвергъ это средство. Тогда Аппіонъ посовѣтовалъ написать ей письмо и самъ его написалъ за Климента.

Климентъ, продолжая эту маленькую комедію, написалъ собственноручно отвѣтъ отъ своей мнимой возлюбленной и передалъ его Аппіону. Послѣдній, прочитавъ письмо, рѣшилъ, что на красавицу сильно повліяла пропаганда какого-нибудь іудея, и посовѣтовалъ Клименту „оставить надежду навсегда". Не желая больше водить Аппіона за носъ, Климентъ признался ему, что ни въ какую дѣвушку онъ не влюблялся и что недугъ его происходитъ отъ незнанія, гдѣ найти отвѣтъ на тревожившіе его вопросы. Все это было, когда Климентъ жилъ еще въ Римѣ. Въ завершеніе разсказа онъ читаетъ во всеуслышаніе упомянутое выше письмо Аппіона и отвѣтъ вымышленной красавицы. Аппіонъ доказываетъ рядомъ ссылокъ на миѳологію, что Эротъ — первѣйшій изъ боговъ и что красавица не должна отвергать любовь Климента. Изъ его ссылокъ видно, что сами боги не брезговали всевозможными видами плотской любви отъ педерастіи до кровосмѣшенія включительно. — Отвѣтъ воображаемой красавицы, т. е. самого Климента, составляетъ разительный контрастъ съ Аппіоновымъ воззрѣніемъ на любовь; этотъ отвѣтъ, очевидно, былъ данъ новымъ, христіанскимъ ученіемъ.

— На третій день (гомил. 6) Климентъ заводитъ рѣчь съ Аппіономъ о языческихъ богахъ, которыхъ тотъ въ упомянутомъ письмѣ понималъ очень конкретно. Аппіонъ

признается, что въ ту пору онъ, изъ люб-
ви къ Клименту, скрылъ отъ него всю
правду, и развиваетъ исповѣдуемую имъ
теорію о богахъ. Въ сущности онъ не вѣритъ
въ языческихъ боговъ, и его воззрѣніе на нихъ
не больше, какъ философско-аллегорическое:
боги спущены имъ до значенія символическихъ
образовъ. —

Гом. 7-ая. Петръ явился въ Тиръ, проповѣ-
дуетъ, творитъ чудеса и затѣмъ, неотступно
преслѣдуя Симона, отправляется въ Сидонъ,
а Симонъ между тѣмъ уже удалился въ Беритъ,
куда послѣдовалъ и Петръ. При входѣ послѣд-
няго въ городъ, тамъ произошло землетрясеніе.
Симонъ съ Аппіономъ и другими своими приспѣш-
никами стали бунтовать народъ противъ Петра,
увѣряя, что это онъ причинилъ землетрясеніе.
На это Петръ отвѣчалъ: „мужи, то, о чемъ говорятъ
сіи люди, я въ силахъ сдѣлать по волѣ Божіей
и, если вы не вѣрите моимъ словамъ, я готовъ
сдвинуть съ основанія весь вашъ городъ." На-
родъ, смущенный его рѣчью, выгоняетъ Симона
кольями изъ города. Петръ слѣдомъ за нимъ
отправляется сперва въ Библъ, а потомъ въ
Триполь.

Въ гомиліи 8-ой Петръ произноситъ рѣчь, ко-
торая заставляетъ заподозрить Клименти-
ны, какъ памятникъ кабалическій. Дѣло идетъ
о смѣшеніи ангеловъ съ женщинами, кото-
рыя и породили гигантовъ. Такой же апокри-
фическій элементъ замѣчается и въ 9-ой гоми-
ліи, которая отзывается нѣсколько Зороастромъ

Нѣкоторыя мѣста этой гомиліи напоминаютъ Псевдо-Меѳодія (Патарскаго) и другіе старорусскіе и старославянскіе памятники.

Въ гомиліи 11-ой начинается элементъ recognitiones, ἀναγνωρισμοί, сближающій Климентины съ техникой греческихъ романовъ. Петръ въ бесѣдѣ съ Климентомъ спрашиваетъ, есть ли у него родные. И вотъ Кл. отвѣчаетъ, что его семья сродни Кесарю, что у него было 2 брата Фаустинъ и Фаустиніанъ. Матери его Маттидіи при его рожденіи былъ сонъ, что она должна удалиться на 10 лѣтъ съ Фаустиномъ и Фаустиніаномъ въ Грецію: иначе, она умретъ вмѣстѣ съ ними. Отецъ Климента Фаустъ снарядилъ жену въ путь и посадилъ на судно, отправлявшееся въ Аѳины, а Климента оставилъ при себѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, а Фаустъ все не получаетъ никакой вѣсти о женѣ, и, наконецъ, оставивъ Климента по 12-году въ Римѣ, самъ отправился на поиски, но до сихъ поръ не возвращался, такъ что Кл. не знаетъ даже, живъ ли его отецъ. — Тутъ начинается первое признаніе родственниковъ. Часть товарищей Петра проситъ его отправиться завтра на разсвѣтѣ на сосѣдній островъ Арадъ. Тамъ Петръ увидѣлъ у порога хижины женщину, просящую милостыню. Онъ спросилъ: отчего ты позоришь себя и, имѣя руки, не работаешь? — Я искусала ихъ отъ тоски, отвѣчала она и разсказала свою исторію, отказавшись назвать свое имя и родину. Она вышла за мужъ за знатнаго человѣка, родила ему двойню, а затѣмъ еще 3-го сына

Объ эту пору въ нее влюбился мужнинъ братъ и она, не желая впасть въ прелюбодѣяніе или поссорить братьевъ въ томъ случаѣ, если бы она открыла все мужу, сочла за лучше удалиться на нѣкоторое время куда-нибудь изъ своего дома, надѣясь, что влюбленный, наконецъ, охладѣетъ; а третьяго сына оставила при мужѣ въ утѣшеніе. Чтобъ оправдать чѣмъ-нибудь свою поѣздку, она сочинила сонъ (въ томъ же родѣ, что и разсказанный Климентомъ Петру). Корабль, на которомъ она ѣхала, ночью потерпѣлъ крушеніе у острова Арада; всѣ утонули: одна она спаслась. На утро стала искать трупы своихъ дѣтей, не могла найти и принялась рыдать; женщины, жившія тамъ утѣшали ее, но все было тщетно. Она была принята въ домъ одною старухой, но все тосковала и отъ тоски искусала себѣ руки. — Петръ догадывается, что это мать Климента, онъ спрашиваетъ какъ зовутъ ее и ея дѣтей, и ея мужа. — Стараясь сохранить втайнѣ свое имя, она исказила имена мужа и дѣтей. Петръ, думая, что она говоритъ правду и досадуя, что его догадка не оправдалась, сказалъ: я хотѣлъ было тебя порадовать, такъ какъ у меня есть ученикъ, который разсказывалъ мнѣ такую же исторію про свою мать. Женщина спросила, какъ зовутъ его ученика, и услышавъ имя Климента, который въ это время находился на суднѣ, стала упрашивать Петра свести ее скорѣе къ сыну. Петръ велѣлъ ей молчать, пока они не уйдутъ съ острова и, взявъ ее за руку, повелъ на судно. Увидѣвъ Климента, она не выдержала и поцѣловала его, а онъ, не зная, въ чемъ дѣло, принялъ ее за безумную и оттолкнулъ

ее отъ себя. „Вѣдь, ты мать оттолкнулъ", говоритъ ему Петръ. Климентъ заплакалъ и сталъ цѣловать ее; онъ хотѣлъ немедленно ѣхать съ нею съ острова, но ее ждетъ дома бѣдная убогая старуха, съ которою она живетъ вмѣстѣ. Петръ исцѣляетъ ихъ обѣихъ; а Климентъ далъ старухѣ 1000 драхмъ, и затѣмъ всѣ отправились въ Антіохію. За обѣдомъ Климентъ сказалъ, что его мать поступила человѣколюбиво со старухою, которая приняла ее во свой домъ. По этому поводу Петръ повелъ рѣчь о человѣчности, говоря, что слѣдуетъ отличать ἐλεήμων отъ φιλάνθρωπος. Мать Климента лишь ἐλεήμων, а φιλάνθρωπος-тотъ, кто и врагамъ благотворитъ. По дорогѣ къ Лаодикеѣ (гом. 13.) мать узнаетъ отъ Климента, что и отецъ его пропалъ безъ вѣсти. У воротъ Лаодикеи ихъ встрѣтили Никита и Акила, которые спросили у Петра, что это за женщина съ нимъ. Петръ разсказалъ имъ ея исторію, а они, дослушавъ до конца, объявили, что, очевидно, они ея дѣти Фаустинъ и Фаустиніанъ, такъ какъ ихъ исторія аналогична съ исторіей Маттидіи. Оказывается, что когда корабль былъ разбитъ бурей, ихъ похитили пираты и продали Кесарю; сначала они находились подъ вліяніемъ мага Симона, пока Закхей не ввелъ ихъ въ общину Петра. — Гом. 14. Петръ креститъ Маттидію въ морѣ. Въ это время изъ потаеннаго мѣста

наблюдалъ за ними какой-то старикъ работникъ. Когда обрядъ окончился, онъ подошелъ къ Петру и сталъ убѣждать его, что Христіане заблуждаются, что ни Бога, ни Провидѣнія нѣтъ: все, что ни случается съ людьми, написано на роду (γενέσει πάντα ὑπόκειται). Это онъ знаетъ по собственному опыту: онъ былъ богатъ, благочестивъ, милосерденъ, но отъ судьбы, отъ того, что на роду написано, уйти не могъ. По понятіямъ разсказчика, эта судьба тѣсно связана съ вліяніемъ свѣтилъ. „Я, продолжалъ старикъ, былъ когда-то въ Римѣ астрологомъ, былъ близокъ къ одному знатному человѣку изъ дома Кесаря и хорошо предвидѣлъ γένεσιν его самого и его жены; я зналъ, что ей суждено творить блудъ, слюбиться со своимъ рабомъ и погибнуть на чужбинѣ въ водахъ. Такъ и случилось: она воспылала страстью къ рабу, бѣжала съ нимъ отъ мужа и погибла въ морѣ. Объ этомъ разсказалъ ему братъ ея мужа, котораго она тоже завлекала въ свои сѣти, но была имъ отвергнута. Тогда она выдумала сонъ, будто бы ей велѣно покинуть Римъ съ 2 сыновьями и удалиться въ Грецію. (какъ видите, разсказъ старика тождественъ съ разсказомъ Маттидіи). „Не получая извѣстій отъ жены, мужъ взялъ меня съ собою и отправился на розыски... Мы прибыли въ Селевкію, гдѣ онъ и умеръ, нѣсколько дней спустя, отъ горя. Я же продался въ рабство и вотъ съ той поры и досель

снискивая себѣ пропитаніе трудомъ."
Петръ догадывается и для вящшаго подтвер-
жденія своей догадки спрашиваетъ его
какъ звали умершаго. „Фаустомъ, отвѣчаетъ тотъ.
А сыновей? — „Фаустиномъ, Фаустиніаномъ
и Климентомъ. Петръ привелъ разсказчика
къ Маттидіи. Онъ узнаетъ ее, она его: оказы-
вается, что это нѣкто иной, какъ ея мужъ,
который сначала выдалъ себя Петру за другаго,
желая скрыть свое имя. Происходитъ общее
признаніе, общее веселье. Фаустъ говоритъ, что
вѣрить въ родъ научилъ его Анубіонъ. По этo-
му поводу Петръ хочетъ устроить диспутъ
съ Анубіономъ, но диспутъ не состоялся.

Гом. 15-19. Петръ 4 дня состязается съ Симо-
номъ, который и удаляется, пораженный
Петромъ.

Гом. 20. Петръ бесѣдуетъ съ учениками о
природѣ зла; въ это время приходитъ вѣсть, что
изъ Антіохіи прибыли Аппіонъ и
Анубіонъ и остановились у Симона.
Фаустъ хочетъ повидать своихъ старыхъ зна-
комцевъ, да кстати и пригласить
Анубіона на диспутъ съ Климентомъ.
Но на другой день онъ возвращается, под-
вергнувшись странной метаморфозѣ: Си-
монъ своими чарами передалъ ему свой образъ,
такъ что только по голосу напоминалъ онъ
Фауста и за послѣдняго призналъ его одинъ
Петръ. А сдѣлалъ этого Симонъ, вотъ поче-
му. Когда еще онъ находился въ Антіохіи,

туда прибылъ гекатонтархъ (сотникъ) Корнилій, новый префектъ города, исцѣленный Спасителемъ въ Кесаріи. Видя, что Симонъ возстановилъ противъ Петра все населеніе, и желая какъ-нибудь выжить докучнаго мага изъ города, онъ пускаетъ слухъ, будто кесарь приказалъ ему схватить Симона. Послѣдній въ страхѣ бѣжалъ изъ Антіохіи и чтобъ избѣжать всякой опасности передалъ свой образъ Фаусту.—

Фаустъ въ отчаяніи, обливается слезами; его утѣшаютъ; между тѣмъ пришелъ Анубіонъ и разсказалъ все, какъ было: Симонъ подвергъ Фауста метаморфозѣ за то, что его сыновья сдѣлались учениками Петра, а самъ въ ту же ночь уѣхалъ въ Іудею. Петръ обѣщаетъ исцѣлить Фауста, но предварительно прибѣгаетъ къ обману: онъ велитъ Фаусту ѣхать съ Маттидіей[5] въ Антіохію и публично, разыгрывая Симона, признать себя магомъ и обманщикомъ, отречься отъ всѣхъ нападокъ на Петра и посовѣтовать народу внимать словамъ послѣдняго. На другой день къ Петру явились Аппіонъ и Афинодоръ и спросили: гдѣ Фаустъ? — „Не знаю, отвѣчалъ Петръ, какъ ушелъ къ вамъ, съ того вечера пропалъ безъ вѣсти. А вчера приходилъ его искать Симонъ. Аппіонъ, думая, что Петръ дѣйствительно ничего не знаетъ, сказалъ: мы слышали, что Симонъ уѣхалъ съ Фаустомъ, уговоривъ его отречься отъ Петра. Ну а такъ какъ его здѣсь нѣтъ, то значитъ, слухъ сей вѣренъ.

Фаустъ сыгралъ роль отлично: зрители Антіохіи почувствовали къ Петру силь=ную любовь и готовились наложить руки на злополучнаго Фауста, принимая его, какъ и слѣдовало ожидать, за настоящаго Симона. Узнавъ объ этомъ, Петръ поспѣшилъ въ Антіохію и спасъ Фауста. — 20-ая гомилія дошла до насъ со многими лакунами: въ 21 главѣ, между прочимъ, Аннубіонъ обѣщаетъ состязаться въ Антіохіи по вопросу о γένεσις, но въ дошедшемъ до насъ текстѣ обѣщаніе Аннубіона не исполнено.

Познакомившись съ содержаніемъ романа, вы видите, что самое дѣйствіе построено на мотивѣ любви мужнина брата къ его женѣ. Любовь является необходимымъ ингредіентомъ, хотя и отвергается. Мотивъ преслѣдованія, похищенія, судьбы, вѣщихъ сновидѣній, все это излюбленные пріемы греческой романтики, покоющіеся въ данномъ случаѣ на христіанской почвѣ. Интересно сравнить Clementina съ повѣстью объ Аполлоніи Тирскомъ. Она была извѣстна у насъ и на западѣ, какъ народная книга. Греческій оригиналъ, нынѣ у=траченный, былъ обработанъ, вѣроятно, на основаніи сказочныхъ данныхъ, какимъ-нибудь подражателемъ Ксенофонта Эфесскаго. Латино-христіанскій пересказчикъ повѣсти внесъ въ нее черты христіанскаго колорита, такъ что она могла пріурочиться и въ сбор-

ники Римскихъ Дѣяній, гдѣ къ ней
приложена обычная морализація и
соотвѣтствующее тому заглавіе: „о вре=
менной печали, перемѣняющейся въ
вѣчную радость.“

Содержаніе повѣсти:

[Галаховъ: Исторія русс. лит. I томъ. Отд. стр. 436–37.
А. Веселовскій: Рецензія на книгу Роде. Ж. М. Н. Пр. 1876.
N. 12 стр. 123–125; Rohde E., der Griech. Roman und
seine Vorläufer, стр. 408–411. Изд.: „Historia
Apollonii regis Tyri“ принадлежитъ Riese
(1871).]

I. Въ Антіохіи царитъ царь Антіохъ, живя
въ прелюбодѣйной связи со своею дочерью.
Чтобъ удалить отъ нея жениховъ, онъ предла-
гаетъ имъ загадки: кто неразрѣшалъ ихъ,
тому отрубали голову, но та же участь по-
стигала иногда и отгадчиковъ: головы казнен-
ныхъ вывѣшивались надъ вратами дворца
во устрашеніе дальнѣйшихъ попытокъ сватов-
ства. Аполлоній Тирскій является въ Антіохію
и разрѣшаетъ загадки царя, но не только полу-
чаетъ отказъ, а ему угрожаютъ и смертью. Ночью
онъ тайкомъ удаляется на корабль, между
тѣмъ какъ Антіохъ объявляетъ награду
тому, кто представитъ Аполлонія, живаго
или мертваго, и посылаетъ за нимъ пого-
ню.

II. Аполлоній скитается; на пути въ Киреней-
скій Пентаполисъ буря разбиваетъ его ко=
рабль; онъ одинъ спасается, живетъ у рыба-
ка; отправившись въ городъ, удивляетъ царя

Архистрата и его дочь искусною игрою въ мячъ, мимическими и музыкальными упражненіями. Архистратъ оставляетъ его при дворѣ по просьбѣ дочери, которую Аполлоній обучаетъ музыкѣ. Три вельможные юноши сватаются за нее: она предпочитаетъ Аполлонія, и Архистратъ соединяетъ ихъ брачными узами. По прошествіи нѣкотораго времени, Аполлоній узнаетъ отъ одного тирскаго корабельщика, что Антіохъ и его дочь убиты молніей, и что царская власть уготовлена для него. Аполл. отправляется вмѣстѣ съ своею супругой, чтобы принять власть; на кораблѣ его жена разрѣшается отъ бремени дочерью, но сама погружается въ такое состояніе онѣмѣнія, что ее считаютъ мертвою и бросаютъ въ море въ крѣпко закупоренномъ ящикѣ. Ящикъ прибило къ берегу у Эфеса; ее готовятся предать сожженію, но ученикъ врача Херэмона замѣтилъ въ ней признаки жизни и оживилъ ее. Она поселяется въ Эфесѣ въ обществѣ дѣвственныхъ жрицъ Артемида. Между тѣмъ прибылъ въ Тарсъ Аполл-ій; онъ передаетъ свою дочь Тарсію на воспитаніе Странгвилліону и его женѣ Діонисіи, а самъ отправляется странствовать далѣе, въ Египетъ. Діонисія, возненавидѣвшая Тарсію за ея красоту, которая выставляла въ яркомъ свѣтѣ безобразіе ея собственной дочери, велитъ своему рабу убить ввѣренную ей дѣвушку. Тотъ готовится исполнить это приказаніе на берегу моря, но являются во-время пираты, которые

похищаютъ Тарсію и продаютъ ее содержателю публичнаго дома въ Митиленѣ. Здѣсь ей удается, просьбами и слезами, сохранить свою дѣвственность и возбудить особый интересъ въ одномъ изъ именитыхъ людей города, Аѳинагорѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Тарсъ Аполлоній; Діонисія сообщаетъ ему о скоропостижной смерти его дочери, которой она велѣла поставить памятникъ. Новое горе Аполлонія и новыя странствованія: его корабль, направленный въ Тиръ, занесенъ въ Митилену. Въ [illegible] время, какъ корабельщики принимаютъ участіе въ городскомъ праздникѣ нептуналій, приглашенный ими Аѳинагоръ узнаетъ о горѣ, постигшемъ ихъ хозяина, спускается къ нему въ трюмъ корабля и старается его утѣшить, но напрасно; затѣмъ, пораженный созвучіемъ имени Аполлонія съ извѣстнымъ ему именемъ отца Тарсіи, онъ посылаетъ за нею, и Тарсія пытается развеселить отца, который не узнаетъ ея: она поетъ передъ нимъ, иносказательно раскрывая свою судьбу, хочетъ развеселить его загадками, которыя онъ разрѣшаетъ; онъ нѣсколько разъ отсылаетъ ее отъ себя, отталкиваетъ; она бросается въ слезы и жалобы на свою участь; тутъ Аполлоній узнаетъ ее. Другое признаніе совершается позже: вѣщій сонъ открываетъ Аполлонію мѣстопребываніе его жены; вмѣстѣ съ Тарсіей, вышедшей между тѣмъ замужъ за Аѳинагора, онъ ѣдетъ въ Эфесъ, гдѣ находитъ жену, и встрѣ-

вмѣстѣ отправляются въ Антіохію, гдѣ Аполлоній принимаетъ наконецъ доставшуюся ему царскую власть.

Chassang относитъ къ числу христіанскихъ романовъ сочиненіе Палладія, епископа Эленопольскаго „о народахъ Индіи и о брагманахъ“, давшее матеріалъ для Псевдо-Каллисѳена, но оно отнюдь не можетъ быть названо романомъ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Его можно, пожалуй, назвать fiction. За то съ большимъ правомъ мы можемъ назвать романомъ неизданное досель житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки *), написанное будто-бы Онисимомъ, ученикомъ ап. Павла. По словамъ Поттгаста **), оно было извѣстно уже въ прошломъ столѣтіи Florez'у, который упоминаетъ объ этомъ житіи въ своей объемистой España Sagrada ***). Какъ вообще источники христіанскаго романа были двоякаго рода: апокрифы и греческіе романы, такъ и въ данномъ житіи замѣтно во-первыхъ сильное вліяніе апокрифическихъ дѣяній ап. Павла и Ѳеклы, а во-вторыхъ,

---

*) Βίος καὶ πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ ὁσίων γυναικῶν Ξανθίππης, Πολυξένης καὶ Ῥεββέκκης συγγραφεὶς παρ᾽ Ὀνήσιμον ἀποστόλου μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Παύλου. Сборникъ Моск. Синод. библ. N. CLXII, л. 259.

**) Potthast. Bibliotheca historica medii aevi.

***) Florez, P. Henrique: España Sagrada. Theatro geographico-historico de la Iglesia de España. T. III-iu. Appendix 8ᵒᵘ. (Все изд. въ 46 т. 4ᵒ pet. Madrid. 1754–1836).

съ разрѣшенія пр. Веселовскаго. Е.П. Гунъ

Литогр. Гробовой. Пет. ст. Б. пр. д. 23.

приёмы разработки житія не что иное, какъ приёмы греческаго романа, что предстанетъ предъ вами воочію при ознакомленіи съ содержаніемъ житія.

Содержаніе житія Поликсены, Ксантиппы и Ревекки.

Когда Павелъ былъ въ Римѣ, онъ встрѣтилъ тамъ раба, который былъ посланъ туда съ письмами изъ Испаніи однимъ именитымъ мужемъ. Рабъ былъ пораженъ чудною проповѣдью ап. Павла и не могъ насытиться чудною, божественною рѣчью. Съ великою грустью вернулся онъ въ Испанію. Тутъ онъ болѣетъ нравственно: онъ не можетъ высказать кому-либо то, что у него засѣло въ душѣ, такъ какъ господинъ его язычникъ. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ. – Что съ тобою? спрашиваетъ его господинъ, отчего ты такъ измѣнился въ лицѣ? – Рабъ отвѣчаетъ, что у него на душѣ великая скорбь, которой не можетъ вылѣчить врачъ его господина. – „Развѣ отъ этого никто не исцѣлялся? спрашиваетъ послѣдній. – „Нѣтъ, отвѣчаетъ рабъ, да и гдѣ найти врача! Былъ одинъ, но его оставилъ я въ Римѣ." – „Чтожъ, я пошлю тебя снова въ Римъ," говоритъ господинъ. Въ это время жена его Ксантиппа, услышавъ ихъ разговоръ, спросила раба, какъ зовутъ этого врача и что это за лѣченье. „Оно состоитъ въ крещеніи и мѵропомазаніи", отвѣчаетъ рабъ. Онъ умираетъ, уже повліявъ на жену Прова. Ксантиппа грустить, страдаетъ безсонни-

цей[3]. Она сѣтуетъ въ своемъ гинекеѣ, что не узнала имени того, который просвѣтилъ ея раба. На другое утро мужъ видитъ ее съ глазами, воспаленными отъ слезъ. Пробъ безпокоится, а она проситъ его не тревожиться и оставить ее въ покоѣ. Онъ соглашается, лишь бы угодить ей. Ксантиппа идетъ въ садъ, вдыхаетъ въ себя ароматъ цвѣтовъ, прислушивается къ нестройному щебетанью птицъ и говоритъ сама съ собою. Вернувшись въ гинекей, она молится, чтобъ пришелъ къ ней тотъ врачъ, о которомъ говорилъ ей рабъ. Въ это время Павелъ входитъ въ городъ: она слышитъ его голосъ, рѣчь, слышитъ его шаги; ей хотѣлось бы дотронуться до края его одежды, но ей нельзя выйти на улицу. Пробъ подошелъ къ Павлу и пригласилъ войти къ нему въ домъ. При видѣ апостола отверзлись очи Ксанѳиппы, и она поняла, что это Павелъ, провозвѣстникъ Божій. Она бросилась ему въ ноги, и только силой заставилъ онъ ее встать, а она поспѣшила принести ему золоченое кресло. Павелъ успокоиваетъ ея страстную поспѣшность: Богъ все устроитъ со временемъ, говоритъ онъ. Между тѣмъ о прибытіи Павла прослышали многіе, видѣвшіе въ Римѣ его чудеса, и стали входить въ домъ Проба. Ему это не нравится: его домъ не гостиница, а Ксантиппа сѣтуетъ, что Павелъ, не желая вносить разладъ въ ихъ семью, удаляется отъ нихъ въ домъ Феофила*), гдѣ

*) читай: Филоѳея.

и устраивается первая христіанская церковь. Пробъ, смущаемый духомъ зла, запираетъ жену въ ея комнатѣ. Ксантиппа рада, что Павелъ остановился у Филоѳея: Филоѳей, думаетъ она, убѣдитъ Проба принять христіанство. Ночью, когда Пробъ заснулъ послѣ попойки, она, подкупивъ своихъ сторожей, идетъ къ Павлу, принимаетъ отъ него крещеніе и успѣваетъ возвратиться прежде, чѣмъ Пробъ проснулся. Между тѣмъ Пробъ видѣлъ страшный сонъ; звѣздочеты толкуютъ его въ томъ смыслѣ, что онъ несомнѣнно долженъ креститься. Онъ посылаетъ посмотрѣть, жива ли Ксантиппа: она уже 20 дней не принимала пищи. Посланные застаютъ ее славословящей и бросаются ей въ ноги: пусть помолится о нихъ, чтобъ и они пріобщились къ Христову стаду. Пробъ съ женою и съ остальною семьей отправляется къ Павлу, который ихъ и креститъ. Такъ кончается то, что можно бы назвать 1-ою частью легенды.

II.

У Ксантиппы сестра Поликсена, за нею ухаживаетъ одинъ изъ сильныхъ людей города. Однажды, когда Пробъ и Ксантиппа и нянька пошли на проповѣдь, а Поликсена осталась одна, женихъ, замѣтивъ, что двери раскрыты, вошелъ въ домъ и похитилъ Поликсену, которая его не любила. Человѣкъ хищный, способный на все злое, онъ притащилъ ее къ морю. Въ своихъ сѣтованіяхъ

Поликсена дважды ссылается на изреченіе оракула: Ксантиппа за большія деньги выписала изъ Рима книги; принявшись читать ихъ, она напала на мѣсто, что Поликсена подвергнется многимъ странствованіямъ. *) „Теперь, говоритъ дѣвушка, сбылись на мнѣ слова того пророчества." Похититель везетъ ее въ Вавилонъ: тамъ у него братъ топархъ. Между тѣмъ подулъ противный вѣтеръ, а въ это время Петръ, побуждаемый видѣніемъ спѣшитъ въ Римъ, потому что тамъ, по уходѣ Павла въ Испанію, появился лживый магъ, именемъ Симонъ, который разрушилъ церковь, насажденную тамъ Павломъ. На пути Петръ слышитъ голосъ съ неба: Петръ! завтра ты встрѣтишь судно, плывущее изъ Испаніи; итакъ, встань и помолись о душѣ, томящейся на этомъ суднѣ. Петръ молится, а демоны говорятъ магамъ, бывшимъ на кораблѣ Поликсены, что они не въ силахъ противостоять Петру, и совѣтуютъ перемѣнить путь корабля. Корабль пристаетъ къ берегамъ Эллады, гдѣ находился въ то время апостолъ Филиппъ. Вслѣдствіе бывшаго ему откровенія, онъ выходитъ съ народомъ на берегъ: всѣ бывшіе на кораблѣ, измученные бурей, попадали на землю, словно мертвые. Филиппъ сдаетъ Поликсену на руки одному изъ своихъ учениковъ, а самъ идетъ, славя Бога. Между ученикомъ Фил. и похитителемъ Поликсены, оправившимся отъ морской болѣзни, заходитъ споръ о ней: похити-

*) см. на слѣд. стр.

тель, нашедшій поддержку въ одномъ родственникѣ, мѣстномъ комитѣ, готовится дѣйствовать силой; пріютившій Поликсену готовится выйти на встрѣчу одинъ, съ одеждою Филиппа взамѣнъ оружія, а въ это время его извѣщаютъ, что Поликсена скрылась куда-то ночью. Онъ предается горю, а между тѣмъ рабы говорятъ ему, что его домъ окруженъ уже такою толпой, какой не вмѣститъ и городъ. Онъ хочетъ умереть, рабы сначала думаютъ бѣжать, но затѣмъ въ числѣ 30 человѣкъ выходятъ противъ враговъ съ знаменіемъ креста и одеждой Филиппа: 5000 избили, а остальныхъ обратили въ бѣгство.

Поликсена, не желая навлечь грозу на домъ, гдѣ ее пріютили, идетъ ночью, куда глаза глядятъ; она забрела въ дикія горы, въ логовище львицы. Завидѣвъ львицу,* Поликсена заклинаетъ ее именемъ Павлова бога не трогать ее, не удостоившуюся еще крещенія, и львица останавливается вдали, смотря на Поликсену; львица выводитъ её изъ лѣсу, а Поликсена молится, чтобъ она никогда не попадалась въ руки охотника. Поликсена выходитъ на большую дорогу и плачетъ, не зная, куда ей идти. Въ это время шелъ по той дорогѣ апостолъ Андрей; она подбѣжала къ нему: я вижу по рѣчамъ твоимъ и по

*) Передъ этимъ Пол. сѣтуетъ: о мать моя! словно ты предвидѣла мое скитанье (ξενιτείαν), назвавъ меня Поликсеной (= много странствующая).

лицу, что ты служишь тому-же Богу, какъ и Павелъ. „А какъ ты знаешь Павла и какъ сюда попала?", спросилъ Андрей, и Поликсена разсказала ему свою исторію; она проситъ окрестить ее. Они находятъ источникъ, и въ то время, какъ Андрей молится надъ нимъ, къ нему подошла какая-то дѣвушка Ревекка, еврейка, бывшая здѣсь въ плѣну. По виду она заключила, что Андрей изъ числа апостоловъ, и проситъ окрестить и ее. Андрей креститъ обѣихъ, велитъ имъ не разлучаться и уходитъ отъ нихъ. Куда имъ идти? Поликсена совѣтуетъ идти въ горы къ львицѣ. И вотъ, по волѣ Божіей, встрѣчаютъ они пастуха. Онъ предлагаетъ отвѣдать его хлѣба и даетъ по серебренику. Онъ хочетъ угостить ихъ виномъ, но предварительно спрашиваетъ, какой онѣ вѣры, потому что вино у него эллинское. „Мы вина не вкушаемъ, отвѣчаетъ Пол., а вѣруемъ въ Павлова Бога." Оказывается, что пастухъ тоже христіанинъ: онъ былъ крещенъ Филиппомъ, который училъ его раздать имущество неимущимъ. Онъ радъ, что встрѣтилъ ихъ и предлагаетъ проводить ихъ до морскаго берега, откуда бы онѣ могли переправиться въ Испанію. Пастухъ совѣтуетъ Поликсенѣ облечься въ мужское платье, чтобъ кто-нибудь не похитилъ ее за красоту. Переночевавъ въ гостинницѣ, они продолжаютъ

путь. Въ эту пору проѣзжалъ нѣкій эпархъ, завидѣвъ дѣвушекъ, онъ приказалъ схватить Поликсену и посадить къ нему на колесницу: Ревекка досталась одному воину. Пастухъ бѣжитъ сзади съ воплями, но его отгоняютъ побоями. Опечаленный, идетъ (онъ) къ ап. Филиппу. Тотъ утѣшаетъ его: Поликсену онъ знаетъ, ей ничего не сдѣлается, а изъ-за скитаній ея многія познаютъ Бога. — Между тѣмъ эпархъ увезъ Пол. въ свой городъ и заперъ ἐν κουβουκλείῳ. Поликсена молится, но вотъ приходятъ служители эпарха, чтобъ отвести ее на ложе господина. Она убѣждаетъ ихъ не трогать ея, и слуги соглашаются, а эпарху докладываютъ, что она больна лихорадкой. Эпархъ велитъ оставить ее въ покоѣ. Настала ночь; къ Поликсенѣ входитъ сынъ эпарха; онъ не велитъ ей страшиться: онъ тоже знаетъ Христа отъ одного человѣка, который проповѣдовалъ въ Антіохіи (т.е. отъ Павла) и за которымъ, увѣровавъ, послѣдовала какая-то дѣвушка (по имени Θекла). Юноша велитъ Поликс. облечься въ его одежду и поспѣшитъ къ морю, куда придетъ и онъ, взявъ денегъ на дорогу. Кто-то изъ рабовъ, подслушавъ ихъ разговоръ, донесъ о немъ эпарху, а тотъ, въ гнѣвѣ, велитъ бросить ихъ звѣрямъ, но выпущенная на нихъ львица припадаетъ къ ногамъ Поликсены и лижетъ ихъ.x) Это чу=

x) Эта сцена лучше описана въ дѣяніяхъ Павла и Θеклы, но здѣсь болѣе мотивирована: львица та самая, которую видѣла Поликсена раньше.

до побуждаетъ эпарха и народъ увѣровать
въ Павлова Бога. Поликсена говоритъ имъ,
что вскорѣ явится къ нимъ человѣкъ Божій,
который и наставитъ ихъ въ вѣрѣ. Поликсе-
на спѣшитъ отправиться въ Испанію, а въ
это время Онисимъ плылъ туда же къ Павлу и
на пути получилъ откровеніе, что онъ долженъ
посѣтить Элладу, чтобы взять съ берега двухъ
дѣвушекъ и молодаго юношу и отвезти ихъ къ
Павлу. Онисимъ встрѣчаетъ на берегу Поли-
ксену, Ревекку и сына эпарха, искавшихъ суд-
на. Они хотятъ отплыть тотчасъ, но, по
волѣ Божіей, ихъ задерживаетъ буря. Въ это
время бывшій съ Онисимомъ Лукій, уче-
никъ Павла, проповѣдуетъ слово Божіе,
вслѣдствіе чего увѣровало 20.000. человѣкъ.
„Когда настала удобная къ отплытію ми-
нута, разсказываетъ Онисимъ, эпархъ удер-
жалъ насъ еще на недѣлю, пока не обрати-
лись къ истинной вѣрѣ всѣ, тамъ бывшіе."
Наконецъ, они пустились въ путь и черезъ
20 дней пристали къ одному острову на
отдыхъ. Какіе-то дикіе люди, увидѣвъ
Поликсену, готовились напасть на нихъ, но
послѣдніе побѣдили *). Поликсена, чтобъ не
попасться въ плѣнъ, бросилась, было, въ море,
но кормчій спасъ ее, безъ всякаго вреда. —
Наконецъ, они прибываютъ въ Испанію. Ксан-
типпа падаетъ въ обморокъ и, прійдя въ чув-
ство, говоритъ, что 40 дней молилась, не вкусо-

*) Слич. дѣянія ап. Андрея.

дя изъ дому, прося Бога сохранить дѣвственность Поликсены. Похититель Поликсены и сынъ эпарха, ея новый женихъ, крестятся. Происходитъ всеобщая радость. По смерти Проба и удаленіи ап. Павла въ Римъ, всѣ три женщины просвѣтили многихъ, а по смерти ихъ были многія чудеса.

Таково содержаніе романа, пересказъ котораго является здѣсь впервые. Теперь спрашивается, что принадлежитъ тутъ роману и что церкви, которая мало читала это житіе, если когда нибудь читала. Слѣды греческихъ романовъ очевидны для всякаго: блужданія Поликсены предопредѣлены оракуломъ (пріемъ, свойственный греческимъ романистамъ, напр. Геліодору съ его братіей); тутъ не забыта старая манера выводить на сцену похищенія, бури и т. д. Съ другой стороны въ житіи замѣтно вліяніе апокрифовъ, напр. легенды о Кипріанѣ и дѣяній ап. Павла и Ѳеклы. Кое что новое внесено христіанствомъ, но главнымъ образомъ для именъ. Зато вліяніе апокрифовъ несравненно сильнѣе. Вопросу объ апокрифахъ посвящена хорошая работа Липсіуса (Die apocryphen, Apostelgeschichten und Apostellegenden. 1883. 2 тома).

Таковъ романъ первой поры христіанства. Теперь я перейду къ роману, отразившему ту пору, когда пошли въ ходъ идеалы аскетизма, получившіе реальную и литерат. обработку въ т. наз. Патерикѣ. Я имѣю въ виду романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ въ старые годы приписывалась Іоанну Дамаскину: Преданіе объ этомъ ходило уже въ XI вѣкѣ, преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднимаетъ снова, опирая свое мнѣніе на разборѣ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ видѣ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка. Это говорили и другіе [Цоттенбергъ и Мейеръ], не считая однако Дамаскина авторомъ разбираемой повѣсти. Г. Петровъ*) не безъ основанія называетъ ее индійскимъ патерикомъ. Дѣло въ томъ, что по указаніямъ Либрехта**) и Бартелеми Сентъ-Илера***) сдѣлано было открытіе, сводящееся къ слѣдующему: оказывается, что мы имѣемъ передъ собою всецѣлую перелицовку, по христіанскимъ понятіямъ восточнаго оригинала. Такимъ оригиналомъ, по Либрехту, былъ эпизодъ изъ житія Будды, зашедшій путемъ устной пе-

*) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Иноземные источники. Казань 1875 стр. 170.

**) Die Quellen des „Barlaam und Josaphat" [въ журналѣ Jahrbuch f. rom. u. engl. Liter. Bd. II. 1860 стр. 314–384.

***) Barthélemy Saint-Hilaire: Le Bouddha et sa Religion. (Paris 1860).

редали въ христіанскую среду, записанный по гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ и приложенный къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма. Въ концѣ 1883 года Уиле, извѣстный толкователь Марко Поло, напечаталъ въ англійскомъ журналѣ Academy [№ 591] небольшую замѣтку, изъ которой видно, что уже португальскій историкъ Діого ди Коуто указывалъ на тождество Іосафа съ Буддой. Повѣсть эта обошла всю западную и восточную Европу въ переводахъ либо съ греческаго оригинала, либо изъ пошедшаго отъ него латинскаго перевода; она дала сюжеты драмъ и народной духовной пѣснѣ и заняла видное мѣсто въ аскетической литературѣ. Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и италіанскихъ текстахъ житія собраны были въ извѣстномъ изданіи Мейера и Цотенберга*. Существуютъ отрывки старо-нѣмецкаго перевода, есть северная Barlaam-saga, есть старо-англійскій переводъ и отрывки французскаго перевода, сдѣланные въ началѣ XIII вѣка прямо съ греческаго подлинника. Укажу, наконецъ,

* Barlaam und Josaphat, französisches Gedicht des XIII Jhrh. von Gui de Cambrai. Stutg. 1864. стр. 315 и слѣд.

на итальянское Rappresentazione di Barlaam e Josaphat Бернардо Пульчи [изд. D'Ancona]. Интересно замѣтить, что въ Тосканѣ легенда о Варлаамѣ и Іосафѣ до сихъ поръ служитъ сюжетомъ полународной драмы, изъ цикла тѣхъ, которыя разыгрываются въ маѣ и носятъ потому названіе Maggi. Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ своимъ вліяніемъ коснулась между прочимъ и искусства: такъ притча объ единорогѣ, вложенная въ уста Варлаама дала содержаніе одному рельефу на вратахъ пармскаго баптистерія [1196-1283 г.] а также на Васильевскихъ воротахъ новгородскаго Софійскаго собора*). Греческій текстъ повѣсти изданъ Буассонадомъ**) [Boissonade]; на русскомъ языкѣ она имѣется въ Четьи Минеяхъ; русскія рукописи и старопечатныя изданія перечислены г. Кирпичниковымъ [гл. III, 169 и слд.], куда я и отсылаю за справками тѣхъ, кому онѣ понадобятся.

Содержаніе повѣсти:

[Кирпичниковъ: Греческіе романы въ новой литературѣ. - Повѣсти о Варлаамѣ и

*) А. Веселовскій: Славян. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. СПб. 1872. стр. 161. **) Въ Anecdota graeca.

Іоасафъ. Харьковъ 1876. прилож. Галаховъ: Истор. Русс. Лит. I т. I отд. стр. 422-26. (А. Веселовскаго) Dunlop-Liebrecht, стр. 27-31.]

Индійскій царь Авеннеръ идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну. Когда одинъ изъ главныхъ приближенныхъ царя пошелъ въ отшельники, ненависть Авеннера къ христіанству усилилась еще больше. Въ это время у него, дотолѣ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ пророчатъ ему будущее богатство и могущество; одинъ только искуснѣйшій изъ всѣхъ говоритъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобы избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить сыну отдѣльную палату, съ богатыми покоями, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и строго запретилъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуютъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что-бы то

ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.
Въ своемъ искусственномъ заключеніи Іоасафъ совершенствовался и тѣломъ и душей, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держатъ въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того у одного изъ своихъ воспитателей, а затѣмъ и у самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ. „Знай, говоритъ ему царевичъ, что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ": онъ не иначе освободится отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалять съ дороги царевича все могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узналъ изъ распросовъ, что такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя онъ увидѣлъ старика со сморщеннымъ лицемъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ — и узналъ, что такое старость и неизбѣжная для всякаго

человѣка смерть. „Горестна эта жизнь", подумалъ царевичъ: „и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти! И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что будетъ потомъ со мною? Обращусь-ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь?". — Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить. Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустынникъ, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Варлаамъ. Узнавъ, по откровенію, о душевномъ гладѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца прибылъ въ землю индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іоасафа, онъ говоритъ, что привезъ драгоцѣнный камень, который готовъ продать царевичу: такой драгоцѣнности еще не видано: сердца слѣпыхъ онъ освѣщаетъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глупыхъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ, обладатель его пользуется всѣми благами — но онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чистое здоровое зрѣніе и цѣломудренное тѣло. Царевичъ проситъ показать ему этотъ камень.

Прежде нежели исполнить твое желаніе, отвѣчаетъ Варлаамъ, я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоемъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественные сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ-за тебя совершилъ я этотъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видѣлъ и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде.

-Такъ мотивированы въ легендѣ слѣдующія за тѣмъ поученія Варлаама, которыя, постепенно раскрывая передъ царевичемъ нравственное и учительное содержаніе христіанства, приготовляютъ его къ принятію крещенія. Поучая Іоасафа, Варлаамъ пользуется формой аполога, который либо является въ подтвержденіе какого-нибудь поученія, либо, предваряя его, вызываетъ иносказательное толкованіе и также сводится къ поученію. Матеріалъ апологовъ заимствованъ отчасти изъ евангельскихъ притчъ, но въ большей мѣрѣ изъ восточныхъ разсказовъ, иногда лишь внѣшнимъ образомъ пріуроченныхъ къ выраженію христіанской идеи. Вотъ одна изъ этихъ притчъ [апологовъ]: Люди, вполнѣ отдавшіеся настоящему и забывшіе о будущемъ, вѣчно погруженные

Гл. из дробовой. Пет. ст. б. п. д. 53-54.

съ разрѣшенія
проф. Веселовскаго.

л. 9 исп. романа.

въ чувственныя наслажденія, — похожи на человѣка, который бѣжитъ отъ лица бѣшенаго единорога и валится въ яму. Падая туда онъ распростеръ руки, ощупалъ дерево и сильно ухватился за него, найдя для своихъ ногъ твердую опору, онъ счелъ себя въ полной безопасности. Но, осмотрѣвшись, онъ увидалъ двухъ мышей, одну бѣлую, а другую черную, грызущихъ безостановочно корень дерева, за которое онъ держался, и онѣ уже близки были къ концу. Взглянувъ на дно пропасти, онъ замѣтилъ дракона страшнаго вида, смотрящаго вверхъ съ яростью и ужасно разѣвающаго пасть въ намѣреніи пожрать его. Взглянувъ туда, гдѣ стояли его ноги, онъ увидалъ четыре аспидовы головы, выходящія изъ той стѣнки, на которой онъ держался. Поднявъ глаза, онъ увидалъ, что изъ вѣтвей этого дерева каплетъ немного меду и, забывъ обо всѣхъ опасностяхъ, обратилъ всѣ мысли на сладость этой капельки меду. Толкованіе притчи: единорогъ — смерть, пропасть — міръ, дерево жизненный путь человѣка, пожираемый и поглощаемый часами дня и ночи и понемногу приходящій къ концу;*) человѣческаго тѣла; драконъ — адъ; капля меду — сладость мірскихъ удо-

x) проп: четыре аспида — соединение четырехъ слабыхъ стихій чел...

волствій, которая не допускаетъ людей думать о спасеніи. -
Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іоасафа, также старую и изорванную.
Между тѣмъ начальникъ надъ дворцемъ царевича Зарданъ слѣдитъ съ безпокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іоасафомъ и боясь отвѣтственности передъ царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника Арахеса, человѣка мудраго и опытнаго звѣздочета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать погоню за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. Если же онъ успѣетъ скрыться, говорилъ Арахесъ, то я укажу вамъ мудраго пустынника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики, Нахора:

онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить не возможно*); мы уговоримъ его въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама и какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ. Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ споръ защитникомъ христіанства съ цѣлью дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога**), и укрѣпленный царевичемъ въ истинной правой вѣрѣ, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему демоновъ, обѣщаетъ обратить царевича. По совѣту Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлью возбудить его страсти; волшебникъ наслалъ на него демона вожделѣнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣжалъ искушенія, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту, демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ

*) Это мѣсто напоминаетъ до извѣстной степени превращенія Фауста въ Симона въ Климентинахъ.

**) Сличи съ библейскимъ разсказомъ о Валаамѣ.

христіанство. Видя безплодность своихъ начинаній Абеннеръ, слѣдуя совѣтами Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекутъ его на нашу сторону, говоритъ Арахесъ; если-жъ этого и не случится, ты все-же не лишишься сына. Іоасафъ не сопротивляется волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ сталъ наставлять народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства; подъ конецъ самъ Абеннеръ раскаялся въ своемъ нечестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ во дворецъ вельможъ и нѣкоторыхъ гражданъ, объявилъ имъ о своемъ желаніи удалиться въ пустыню. Кого желаютъ они, чтобъ онъ поставилъ надъ ними царемъ? Огорченные граждане не хотятъ отпустить

ею; тогда назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахію, Іоасафъ скрывается отъ нихъ ночью. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись во власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сенаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ, одинъ пустынникъ указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и показалъ такую способность къ лишеніямъ и бдѣнію и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самого учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, схоронивъ своего наставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынникъ, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ

и приказалъ идти въ царство Индійское возвѣстить о смерти угодниковъ. Варахія, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла ихъ нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу.

Таково содержаніе романа, которому нельзя отказать въ поэзіи, хотя бы и ограниченной прославленіемъ односторонне-аскетическаго идеала. Тѣмъ популярнѣе онъ былъ въ извѣстной средѣ читателей: его мотивы проникли въ русскій духовный эпосъ, въ легенду о царевичѣ Евстафіи, въ притчу о человѣкѣ бѣлоризцѣ Кирилла Туровскаго. Апологи Варлаама, выдѣленные изъ романа, нерѣдко встрѣчаются въ русскихъ рукописяхъ съ знаменательною помѣткой: „отъ болгарскихъ книгъ", что указываетъ на посредство болгарской книжности. Матеріалъ апологовъ, по большей части, заимствованъ изъ восточныхъ разсказовъ. Такъ притча объ единорогѣ напоминаетъ разсказъ буддійской аваданы*), въ

*) Les Avadânas, contes et apologues indiens, trad. par St.-Julien. I № 32.

которой человѣкъ, преслѣдуемый сло-
номъ, спасается въ высохшій ко-
лодезь, и слѣдуютъ тѣ же подроб-
ности, что и въ апологѣ В а р-
л а а м а: дерево, подгрызаемое
мышами, драконъ, пчелы, источаю-
щія въ уста бѣглеца пять капель
меду. Но дерево заколыхалось; оста-
токъ меда упалъ на землю; пчелы
принялись жалить человѣка, и вне-
запно появившійся огонь истребилъ
дерево. Огонь толкуется какъ ста-
рость и немощь. —

Христіанская окраска легенды до-
статочно ясна и не требуетъ до-
казательствъ; но всегда ли была
она таковою? Другими словами:
какова историческая основа приве-
деннаго вышесказанія? Существо-
валъ ли индійскій царевичъ І о а-
с а ф ъ, или онъ не что иное, какъ
Б у д д а, а житіе В а р л а а м а
и І о а с а ф а — христіанская пе-
ределка легендарнаго житія о-
снователя буддизма? послѣднее
предположеніе, одновременно заро-
дившееся во Франціи и Германіи
[прибавимъ сюда еще Діого ди Коу-
то, о которомъ вспомнилъ Юль,
и подробнѣе высказанное Либрехтомъ,

остается до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды путемъ устной передачи зашло въ христіанскую среду, записано по-гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ [на что указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта]. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны, дѣло идетъ о создателѣ новой религіи, а съ другой – о послѣдователѣ христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самыми цѣлями передѣлки, поможетъ намъ выдѣлить сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія. Китайскій переводъ житія Будды [Abhiniskramana-Sûtra], сдѣланный въ концѣ IV вѣка по Р. Х., переведенъ на англійскій языкъ Билемъ**). –

**) The romantic Legend of Sâkya Budda from the Chinese, by Samuel Beale (Lond, Trübner 1875).

Житіе Будды.

Будда - индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгодана. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы-снотолкователи объясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже при рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ: знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, то будетъ всемірнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона, и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокаиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобъ онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всеми свѣтскими

удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова тревожитъ отца, и снова министры совѣтуютъ: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его отъ мысли сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Я с о д а р у, М а н о д а р у и Г о т а м и; отецъ построилъ для него 3 дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ въ невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя. Царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго стѣною, трое воротъ, хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству.

Въ это время одинъ Девапу-
тра обратилъ вниманіе на Буд-
ду, уже въ теченіе 10 лѣтъ преда-
-вавшагося однимъ чувственнымъ
утѣхамъ. И вотъ ночью Будда
слышитъ наставленія невидима-
го голоса; пѣсни красавицъ, по
устроенію Девапутры, поютъ
о скоротечности всего земнаго! Въ
Буддѣ пробуждается желаніе
выйти изъ дворца въ сады. Онъ
велитъ своему возницѣ Чанда
кѣ приготовить колесницу. Чан-
дака сообщаетъ объ этомъ ца-
рю, и Суддгодана велитъ опо-
вѣстить по всему городу при
звукахъ барабана и колокола, что-
бы при выѣздѣ Будды все облек-
лось въ праздничный видъ, чтобъ
съ улицъ удалено было всё, напоми-
нающее о существованіи старости,
болѣзни, смерти и т.п. Будда
ѣдетъ и вотъ ему попадается
дряхлый старикъ; на слѣдующей
и третьей прогулкѣ—другія встрѣ-
чи: Будда видитъ больнаго и за-
тѣмъ покойника. Всякій разъ ца-
ревичъ спрашиваетъ возницу, что
это значитъ, а тотъ, вдохновенный
Девапутрой, говоритъ ему о неиз-

бѣжности старости, болѣзни и смер-ти. Всякій разъ царевичъ возвращает-ся съ полпути, а царь, обезпокоенный разсказомъ возницы, усиливаетъ при-смотръ и умножаетъ средства раз-влеченія. На послѣдней прогулкѣ Дэ-в и п у т р а являетъ царевичу образъ нищенствующаго монаха-аскета, ко-торый и объясняетъ Б у д д ѣ, что нищенствующій монахъ это тотъ, кто оставилъ міръ, домъ и друзей съ цѣлью найти себѣ освобожденіе.

Возвратившись домой, царевичъ объя-вляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. С у д д г о д а н а, сильно огорченный, начинаетъ отговаривать его; то-же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему У д а й и, сына главнаго министра; жены и красавицы удваиваютъ ласки и обольщенія. Но все тщетно: Б у д д а бѣжитъ ночью изъ дворца въ сопро-вожденіи возницы Ч а н д а к и. На слѣдующій день его хватились, но всѣ поиски были напрасны. Въ лѣсу онъ обрилъ свои волосы, обмѣ-нялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ дэвой, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Ч а н д а к у домой. Разсказъ возницы приводитъ весь

въ печаль. Двое сотниковъ, посланные Суддгоданой, находятъ Будду сидящимъ подъ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіемъ вернуться. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой.

Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брагмановъ-аскетовъ, то у пустынника Арада. Всюду онъ вступаетъ въ религіозные споры, вырабатывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ, опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ искушаетъ Будду, то являясь къ нему въ образѣ гонца, съ вѣстью, что его родственникъ Дівадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и молодыми сніями дімоновъ-красавицъ. Дочери Мары поютъ ему о земной любви; Мара соблазняетъ его образами земного величія, пугаетъ полчищами дімоновъ.

- чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Но Будда преодолѣваетъ всѣ искушенія и достигаетъ высшаго просвѣщенія.

Слѣдуетъ разсказъ о его проповѣднической дѣятельности, на которомъ я не останавливаюсь. У Будды является много послѣдователей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе и его отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемірныхъ монарховъ *).

Сходныя черты жизни Будды съ таковыми же Іоасафа бросятся въ глаза каждому; я укажу сверхъ того на возможность сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ въ той и другой легендѣ: такъ Теудасъ отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сближается съ Давадаттой; имя Іоасафа объяснялось измѣненіемъ имени Бодхисатвы [= Будды: бодхисатва, бодсадъ = Іоасафъ];

---

*) Barthélemy Saint-Hilaire. Le Bouddha et sa religion, p. 43–46.

мнѣ кажется вѣроятнымъ*) сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ясодой, героемъ одного буддійскаго разсказа о Ясадѣ. Семитическій характеръ именъ Варлаама и Абеннера обличаютъ посредство пересказчика сирійца: бар въ началѣ имени, какъ и въ имени Варѳоломея, означаетъ въ семитическихъ языкахъ: сынъ. Помѣчу здѣсь на всякій случай соображеніе академика Шифнера: что Вирйамъ, можетъ быть, не что иное, какъ апостолъ Варѳоломей, о которомъ древнее преданіе [Евсевій, св. Іеронимъ и др.] гласило что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ, по разсказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полимнія.

Отличія обоихъ житій объясняются главнымъ образомъ требованіями новаго пріуроченія: Будда самъ доходитъ до состоянія высшаго просвѣщенія; для Іоасафа путь опредѣленъ былъ въ христіанскомъ ученіи, вслѣдствіе чего необходимо было чье-нибудь руководство. Этимъ объясняется выдающаяся роль Варлаама, которому въ индійской

*) См. мою диссертацію: Славян. Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 160, съ ссылкою на статью г. Минаева „Buddhistische Fragmente" въ Mélanges Asiat. tirés du Bul. d. l'acad. d. Sc. d. St-Pét. T. IV. стр. 584. прим. 4.

легенду отличаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха. Элементъ апологовъ, остальныхъ разсказовъ присущъ обѣимъ легендамъ: въ устахъ Будды апологъ, народная сказка, должны преобразуются въ разсказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ [illegible]. Но эти апологи не могли быть удержаны въ христіанской передѣлкѣ, потому что самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Варлаама о его возрастѣ. „Около 45 лѣтъ" сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видъ тебѣ болѣе 70!" — „Лѣта моей жизни на землю ты опредѣлилъ довольно вѣрно", отвѣчалъ Варлаамъ; — „но время, проведенное мною въ ложномъ мірѣ, я за жизнь не считаю." Этотъ взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уравнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая

Лит. Гробовой. Пет. ст. б. пр. д. 23.

Съ разрѣш. проф. Веселовскаго.

фраза Варлаама различаетъ какъ бы два отдѣльныя существованія, сливившихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили Индусы.

Остановимся теперь на упомянутомъ выше разсказѣ о Ясодѣ или Ясадѣ. Этотъ разсказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды въ устахъ послѣдняго сложенъ въ его собственныя уста. Разсказъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды [съ первой ея половины: юность и богатство], представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа.

Легенда о Ясадѣ.

[Beale: The romantic legend of Sâkya Buddha from the chinese (London, Trübner, 1875) стр. 258 и слд. А. Веселовскій: Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ въ Ж. М. Н. Пр. за 1877, іюль, стр. 147–148].

Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супра-Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его

молитвы Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жену (такимъ же разсказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда будды), и у Супра-будды родился красавецъ-сынъ, котораго назвали Ясадой по причинѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно. Отецъ построилъ ему три великолѣпные дворца - одинъ для зимы, другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительною стражей. Въ это время будда проповѣдовалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра Раджа (т. е. Индра, отвѣчающій Девапутрѣ по легендѣ о буддѣ) спускается съ неба и, войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! Пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ." Услышавъ это Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправ-

ляется любоваться красотами окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча-съ нищимъ монахомъ: это былъ Будда. Ясада сходитъ съ колесницы, преклоняется предъ нимъ и за тѣмъ ѣдетъ дальше. Въ садахъ-новая встрѣча: Сакра принялъ образъ дряхлой женщины, трупъ которой былъ покрытъ червями. Это зрѣлище опечалило Ясаду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ вышелъ, и въ разсказѣ о его выходѣ встрѣчаются тѣ же черты что и въ жизни Будды: точно также ворота открываются предъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Разсказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей.

Въ этомъ разсказѣ Варлаамъ соотвѣтствуетъ Буддѣ, но тутъ нѣтъ того эпизода, въ которомъ Варлаамъ является къ Іоасафу подъ видомъ купца. Зато послѣдній эпизодъ имѣется въ разсказѣ Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенномъ мнѣ И. П. Минаевымъ. Драгоцѣнный камень, который Варлаамъ сулитъ царевичу, могъ явиться самостоятельно въ христіанскомъ пересказѣ. Но и въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ по-

довная формула была освящена: я говорю о „трехъ драгоцѣнностяхъ" буддизма (Будда, законъ и санга, т. е. община духовныхъ.)

Либрехтъ сравнивалъ житіе Варлаама и Іоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣнятъ, можетъ быть, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ. Гипотеза Либрехта несомнѣнно подлежитъ развитію, но нельзя сказать, чтобы ее можно было отрѣшить совсѣмъ, что было угодно сдѣлать г. Кирпичникову. Принимаясь доказывать христіанскую самостоятельность „Варлаама и Іоасафа", онъ поступилъ такъ: обращается къ литературѣ легендъ и находитъ въ житіяхъ христіанскихъ подвижниковъ всѣ тѣ черты, которыя въ Варлаамѣ и Іоасафѣ толкуются, какъ перенесенныя изъ буддійскаго оригинала: Варлаамъ приходитъ напр. къ Іоасафу въ образѣ купца — Оригенъ посылаетъ къ св. Варварѣ своего ученика, который выдалъ себя за медика. Преніямъ съ язычниками въ житіи Іоасафа отвѣчаютъ подобныя же въ Климентинахъ. Отецъ искушаетъ Іоасафа

женскою красотою: но тоже разсказывает-
ся о св. Витѣ, св. Кристинѣ;
въ житіяхъ угодниковъ сыновья нерѣдко
обращаютъ своихъ отцевъ и т. д. Но дѣло
въ томъ, что житіе Варлаама и
Іоасафа представляетъ нѣсколько
эпическихъ моментовъ, расположенныхъ
въ извѣстной послѣдовательности. Вотъ
для этой послѣдовательности и надо
было подыскать подходящую христіан-
скую параллель. Таковая нашлась въ
легендарной біографіи Будды и до
сихъ поръ не найдена въ области хри-
стіанскихъ легендъ. Г. Кирпичниковъ
объясняетъ сходство однихъ легендъ сход-
ствомъ культурныхъ условій, одинако-
ваго степенью умственнаго развитія.
Но такому объясненію сходства подле-
жатъ лишь первичные факты: къ
фактамъ сложнымъ это объясненіе
едва ли приложимо. Наконецъ, г. Кир-
пичниковъ готовъ допустить и заим-
ствованіе только въ обратномъ направ-
леніи: возможно ли, спрашиваетъ онъ,
предположить, что авторъ буддійской
легенды заимствовалъ эпизодъ изъ гре-
ческаго житія? Но Варлаамъ и
Іоасафъ самимъ г. Кирпичниковымъ
отнесенъ къ половинѣ VIII по Р. Х., а біо-
графія Будды извѣстна была уже въ 70хъ

годахъ нашей эры. Намъ нечего смущаться что житіе Основателя буддійской религіи очутилось въ житіи угодника, чествуемаго церковью, ибо можно сказать съ увѣренностію, что если не буддійскія идеи, то буддійскія повѣсти заходили на греческую почву. Такъ же разсказы апокрифическихъ евангелій могли заимствовать многое изъ буддійскихъ легендъ*); идеальные брахманы сказаній объ Александрѣ Великомъ проникли и въ духовную литературу: въ упомянутое нами выше произведеніе Палладія, епископа Еленопольскаго и въ отреченное хожденіе Зосимы къ рахманамъ.

Въ доказательство возможности заимствованія изъ буддійскихъ легендъ изложу вамъ результаты моей небольшой работы о Croissans-Crescens**). Вотъ вкратцѣ содержаніе романа о Croissans'ѣ.

Hues de Bordians по смерти жены влюбляется въ свою дочь Ydée и клянется взять её за себя замужъ. Переодѣтая мужчиной, она бѣжитъ отъ отца къ римскому императору Октавьяну. Послѣдній дѣлаетъ её рыцаремъ и хочетъ за нее выдать свою дочь Оливу. Оливу ведутъ въ брачный покой, туда же является опечаленная Ydée,

*) Beale, l. c. Introd. p. IX, прим. 1.

**) Croissans-Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. Приложеніе къ 39 т. Записокъ И. А. Наукъ. № 4. Спб. 1881. стр. 1-31.

она говоритъ молодой, что ей не здоровится. На слѣдующій день на вопросъ отца, хорошо ли ей за мужемъ, Олива отвѣчаетъ, что она совершенно счастлива. Когда гости разъѣхались, Ydèe рѣшается открыть Оливѣ настоящую причину своего воздержанія: она дѣвушка, убѣжала отъ грѣшныхъ вожделѣній[3] своего отца; она проситъ Оливу пощадить её. Та обѣщаетъ никогда не говорить о томъ своему отцу. Но одинъ предатель подслушалъ ихъ разговоръ и донесъ императору. Октавьянъ велитъ приготовить себѣ ванну, самъ вошелъ въ нее и позвавъ Ydèe, приказываетъ ей сдѣлать то-же. Она проситъ уволить её. Императоръ велитъ сжечь Ydèe и Оливу, если доносъ окажется вѣренъ. Въ эту минуту является ангелъ и говоритъ императору, что доносъ былъ вѣренъ, но Господь, по своей милости, превратилъ Ydèe въ мужчину, Ydèe стала Ydèsомъ; отъ него и Оливы родится сынъ Croissans. Ангелъ улетаетъ и въ этотъ день былъ зачатъ Croissans. Ему дано имя не случайно; Croissans значитъ: нарождающійся мѣсяцъ. Имя его пріурочено было къ крѣпости св. Ангела (Castel Sant Angelo), однимъ изъ средневѣковыхъ названій[3]

которой было: turris Crescentis, tour-palais Croissant и т. п. Главное, на что я обращу ваше вниманіе, половая метаморфоза. Кто знаетъ значеніе этого факта въ средѣ буддійскихъ представленій, тотъ пойметъ возможность искать буддійскія отраженія въ европейскихъ литературахъ. Такъ Вишну-пурана разсказываетъ, что М а н у, не имѣя дѣтей, принесъ жертву Митрѣ и В а р у н ѣ, прося даровать ему дѣтей мужескаго пола, но при жертвоприношеніи произошла неправильность, слѣдствіемъ которой было то, что родился не сынъ, а дочь — I д â. По милости боговъ она обращается потомъ въ мужчину и снова въ женщину. Въ этомъ видѣ она забеременѣла отъ Б u д h á ы, с ы н а м ѣ с я ц а, и родитъ сына. Наконецъ Вишну во второй разъ превращаетъ ее въ мужчину. Это попеременное превращеніе, кажется, находится въ связи съ олицетвореніемъ лунныхъ фазъ. Въ самомъ дѣлѣ подъ Б у д о й или Б у д д о й разумѣли планету М е р к у р і й, либо его правителя и, вмѣстѣ, <u>сына мѣсяца</u>. Во французской легендѣ у Y d é e - Y d e s родится сынъ C r o i s s a n t, и имя ему дано отъ <u>новаго мѣсяца</u>, который увидѣли въ небѣ въ пору его рожденія. Замѣтимъ кстати, что въ одномъ изъ итальянскихъ текс-

того семи мудрецовъ „tour Croissant"
французскаго текста передано словами:
Torre della Luna. Загадочнымъ остает-
ся мистическій колоритъ дальнѣйшаго
разсказа о Круассанѣ. Тутъ видно
пріуроченіе восточнаго разсказа къ мѣст-
нымъ римскимъ преданіямъ, можетъ быть,
вслѣдствіе тождества именъ. Crois-
sans роздалъ всё, что имѣлъ, сталъ
бѣднякомъ, уходитъ изъ Рима и, про-
давъ коня, начинаетъ скитаться. Все
это отзывается стилемъ легенды. Въ этомъ
смыслѣ интересно появленіе имени Crois-
sant въ передѣлкѣ вступительныхъ сценъ
изъ Варлаама и Іоасафа, прію-
тившейся въ романѣ о Baudouin
de Sebourc, гдѣ Croissans также
заключенъ отцемъ, желающимъ уберечь
его отъ вліяній христіанства, какъ Іоа-
сафъ Авеннеромъ, какъ Будда
(сынъ мѣсяца) Суддгоданой, и
происходятъ извѣстныя встрѣчи съ ти-
пами человѣческой немощи, которыя наво-
дятъ юношу на „спасеный путь."

Въ концѣ концевъ, должно признать для
„Варлаама и Іоасафа" нѣсколько
источниковъ, вліяніе которыхъ на этотъ
романъ еще нельзя установить вполнѣ
отчетливо, такъ какъ пока намъ при-
ходится собирать матеріалы по крохамъ.

„Варлаамъ и Іоасафъ" является какъ бы связующимъ звеномъ между романомъ греческимъ и византійскимъ, разборъ которого будетъ въ моемъ курсѣ краткимъ, такъ какъ по отношенію къ нему многое нужно было бы сдѣлать на ново, а у меня для этого нѣтъ времени, да въ сущности и не мое дѣло.

IV. Византійскій романъ.

Къ византійцамъ Роде не благоволитъ: для него они главнымъ образомъ варвары; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не приписать имъ значительной роли въ обогащеніи западныхъ литературъ новыми сюжетами.„ Великое движеніе крестовыхъ походовъ, возбудившее на широкихъ пространствахъ все, что было живаго, приведшее съ собою новые потоки жизни, вызвало то удивительное смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ, которое, связанное общимъ содержаніемъ чувства и мысли, и составляетъ сущность „романтической" поэзіи... Не трудно предположить, что измышленія романистовъ софистической и византійской поры значительно повліяли на романтическую, особенно французскую поэзію, эпохи крестовыхъ походовъ и притомъ скорѣе путемъ личнаго, устнаго общенія, чѣмъ литературнымъ. Большею

частью эти чуждые вымыслы, сознательно или безсознательно перенесенные изъ поздне-греческаго романа, такъ прочно сплелись съ содержаніемъ того или другаго западнаго произведенія, что ихъ почти невозможно выдѣлить въ чистомъ видѣ. Такое неразрывное соединеніе христіанско-рыцарскаго, восточныхъ элементовъ съ чертами греческаго романа представляетъ, по мнѣнію Роде, прелестная повѣсть о Floire и Blancheflor; дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области, могутъ открыть иные признаки тайной жизни, которою продолжалъ жить греческій романъ подъ покровомъ романской, рыцарской поэзіи. Особенно интересно было бы указать въ средневѣковой литературѣ переводы или пересказы цѣлыхъ произведеній подобнаго рода. Существованіе древнихъ латинскихъ переводовъ облегчало переложеніе на народные языки; почва для воспріятія была готова и оно совершалось, если благопріятствовали тому условія напр. въ Италіи.

Древнѣйшимъ византійскимъ романистомъ является Евстафій. Послѣдній издатель его романа о любви „Исмины и Исминія" Гильбертъ опредѣляетъ время его жизни на основаніи толкованія 2 загадокъ Евстафія. Въ толкованіи на нихъ нѣкоего Максима Олобола попадается слово Ρῶς

съ прибавкой „языческій[3] народъ". Это позволяетъ Гильбергу пріурочить загадки Евстафія ко времени до 988-89 г.г. Но такъ какъ Фотій, библіотека котораго написана была около 850 года, не упоминаетъ Евстафія, хотя перечисляетъ другихъ эротиковъ, то, значитъ, время Евстафія опредѣляется приблизительно между 850 и 988-989 годами. Роде относитъ его ко временамъ первыхъ Комненовъ. Позже его жилъ Өеодоръ Продромъ бывшій монахомъ при Іоаннѣ и Мануилѣ Комненахъ. (1118-1180). Далѣе слѣдуетъ Никита Евгеніанъ, жившій въ исходѣ XII в. подражатель Өеодора Продрома. Константинъ Манассія былъ бы 4-мъ въ ряду византійскихъ романистовъ, если бъ отъ него сохранилось больше, чѣмъ отрывки. Всѣ они изданы Hercher'омъ въ упомянутой выше коллекціи: Scriptores erotici graeci. Къ этимъ византійскимъ романамъ слѣдуетъ присоединить еще стихотворный[3] романъ о Каллимахѣ и Хризорроѣ, изданный года 2-3 назадъ Ламбромъ въ Collection des romans grecs en langue vulgaire et en vers. (Paris. 1880.)

Нѣтъ сомнѣнія, что въ византійскихъ[5] романахъ сказываются ясные слѣды подражанія, что въ нихъ тотъ же исходный планъ,

что и въ греческихъ романахъ, та же техника и стиль, только загрубѣлые, обличающіе менѣе искусную руку. Византійскіе романы представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе греческаго романа въ видѣ паденія, но въ нихъ есть и нѣчто новое, которое не стало сущимъ въ виду обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что у Евстафія, и тѣмъ болѣе у Продрома замѣчается народный элементъ. Вліяніе стиля народной рѣчи сказывается и въ самой техникѣ и въ выборѣ сюжета. Указку сверхъ того на картинки изъ дѣйствительной, реальной жизни, картинки очень цѣнныя для характеристики византійскаго быта. Онѣ замѣчены Роде у Продрома въ его стихотворномъ романѣ о Родантѣ и Досиклѣ, онѣ есть и у Никиты Евгеніана въ его „Дрозиллѣ и Хариклеѣ". Такова между прочимъ сцена (книг. VI. 273 и слд), гдѣ подгулявшая, развеселая старуха пускается въ плясъ. Интересно также появленіе мима (θαυματουργός) у Продрома въ IV книгѣ (стих. 215-309). Мимъ Сатиріонъ сначала выдѣлываетъ хитрый фокусъ: убиваетъ себя острою саблею и, обливаясь кровью, падаетъ на полъ, а потомъ оживаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и поетъ пѣсню подъ аккомпаниментъ

мира. Пѣсня его начинается припѣвомъ "Ἥλιε, διφρεῦ ἅρματος πυροτρόφου", который повторяется черезъ каждые четыре стиха, разбивая всю пѣсню на 5-ти стишныя строфы. Авторъ описываетъ и наружность мима: онъ малъ ростомъ, тощъ, вымаранъ сажей, борода и волосы на головѣ сбриты, — однимъ словомъ, онъ изображенъ реально, и мнѣ очень жаль, что я упустилъ изъ виду эту сцену, когда писалъ о скоморохахъ*) Вторженіе народнаго элемента замѣтно между прочимъ въ наименованіи Геліоса гигантомъ, что встрѣчается довольно часто и у Евстаѳія и у Продрома. Такое же представленіе о Геліосѣ встрѣчаемъ мы въ греческихъ народныхъ повѣрьяхъ: солнце рисуется въ видѣ исполина, людоѣда, пожирающаго все, что попадется подъ руку.**)

Пересказывать содержаніе всѣхъ этихъ романовъ я не буду: я пересказываю содержаніе только для ознакомленія съ манерой разсказа, съ его техникой и стилемъ, а въ данномъ случаѣ и Евстаѳій[3], и Продромъ, и Никита пишутъ по готовому рецепту, Евстаѳій[3] заимствуетъ пріемы у <u>Ахилла Татія; Продромъ копируетъ</u>

*) А. Веселовскій: Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI–X. прилож. къ 45 т. Зап. И. Ак. Н. №1. Спб. 1883. стр. 128–229. См. также: Исторію эпоса А. Веселовскаго [Лекціи за 1881/2 г.]

**) Ibid. стр. 295.

Продромъ копируетъ Геліодора и кое что беретъ у Евстадія; Никита подражаетъ Продрому, ему вѣдомы Лонгъ и Геліодоръ, такъ какъ онъ упоминаетъ о Дафнисѣ и Хлоѣ, о Феагенѣ и Хариклеѣ (кн. II. 439 и слд. 39 и слд). Но въ то же время и у Евстадія, тѣмъ болѣе у Продрома и Никиты замѣтно нѣчто новое: это вторженіе сказочныхъ мотивовъ, на что указываетъ и Роде (стр. 529. прим. 2): у Продрома есть мотивъ, напоминающій эпизодъ изъ 1001 ночи, и т. п. Итакъ, заканчивая обзоръ византійскихъ романовъ, мы должны признаться, что путь съ одной стороны паденіе стараго стиля, а съ другой зарожденіе чего-то новаго. Я перехожу къ упомянутому уже много роману о Каллимахѣ и Хризорроѣ.

Содержаніе романа о Каллимахѣ и Хризорроѣ.

[Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers publiés pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford par Spyridion P. Lambros. Paris 1880. Introd. p. LXIII–LXXXIII].

У одного царя было три сына, изъ нихъ младшій звался Каллимахомъ. Онъ любилъ всѣхъ троихъ одинаково, а потому назначилъ наслѣдникомъ послѣ себя того, кто отличится какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ. Сыновья принимаютъ предложеніе отца и отправляются искать приключеній. Долго ли, коротко ли, приходятъ они къ неприступной горѣ. Старшіе братья уже думаютъ о возвращеніи: до того упали духомъ, но Каллимахъ предлагаетъ имъ оставить войско и коней у подошвы горы и попробовать на нее взобраться. Послѣ трех-мѣсячнаго пути три принца достигаютъ плато: предъ ихъ глазами раскинулась чудесная долина, орошаемая рѣкою съ кристальною водой. Братья думаютъ отдохнуть, но Каллимахъ побуждаетъ ихъ продолжать путь. Они доходятъ до замка Дракона (Драконтокастронъ); онъ описывается чудесными чертами: камень самосвѣтъ освѣщаетъ палаты внутри, а снаружи онъ весь золотой; башни украшены драгоцѣнными камнями и перлами; у дверей драконы. Братья не рѣшаются проникнуть въ замокъ и покидаютъ Каллимаха; уходя, старшій братъ даетъ Каллимаху свой перстень: стоитъ

Съ разрѣшенія проф.
А. Веселовскаго.

СПб. Университетъ.

Лит. Гроздовой, Петерб. стор., большой пр. д. № 85.-

положить его въ ротъ, и ты сдѣлаешься крылатымъ.

Каллимахъ проникаетъ въ замокъ, перебравшись черезъ стѣну; онъ входитъ въ садъ - тамъ ни души; идетъ въ покои и видитъ накрытые столы съ вкусными яствами, но въ комнатѣ никого нѣтъ.

Каллимахъ идетъ дальше; въ одномъ богатомъ покоѣ онъ видитъ прелестную молодую дѣвушку, повѣшенную за волосы. Она хочетъ разсказать ему о своемъ горѣ, но въ эту минуту раздался хриплый голосъ и громъ: это приближается драконъ. Дѣвушка умоляетъ Каллимаха спрятаться подъ серебряной бочкой. Онъ прячется и видитъ, какъ драконъ истязаетъ дѣвушку. Потомъ драконъ поѣлъ, попилъ и заснулъ. Каллимахъ убиваетъ дракона его же мечемъ и объявляетъ освобожденной дѣвушкѣ свое имя, а трупъ дракона сжигаетъ въ банѣ, въ жаркой печкѣ. Прикрывъ свою наготу тонкою тканью, дѣвушка разсказываетъ свою исторію: ее зовутъ Хризоррой; она изъ богатой царской семьи. Драконъ влюбился въ нее и родители, изъ страха, поневолѣ согласились выдать ее за мужъ за чудовище, но она не пожелала. Драконъ пожралъ всѣхъ жителей страны, а ее заперъ въ своемъ замкѣ, но не смотря на всѣ

мученія, она сберегла свою девственность.
Каллимахъ и Хрисорроя полюбили другъ друга,
но счастье продолжалось не долго. Подъ
вечеръ [время столь удобное для любов-
ныхъ воркованій и грезъ], влюбленная па-
рочка, любовалась чудной природой, а въ
это время проходилъ мимо замка моло-
дой принцъ, владѣтель могущественнаго
царства. Увидѣвъ Хрисоррою, онъ запы-
лалъ сразу любовью и уже готовъ идти
войной, чтобъ завладѣть красавицей. Во
время сборовъ, королевичъ вдругъ забо-
лѣваетъ, но и больной рѣшается по-
слать на замокъ войско. Войско его, пора-
женное страхомъ отступаетъ: новое
мученье для влюбленнаго. Какая то
старуха съ клюкой идетъ къ нему во
дворецъ и говоритъ первому встрѣчно-
му пажу, что она можетъ вылечить
королевича. Ее вводятъ къ больному,
и тотъ разсказываетъ ей, въ чемъ дѣло.
Она обѣщаетъ дать ему золотое яблоко
съ волшебною надписью: „если кто поло-
житъ это яблоко себѣ на грудь, тотъ
пусть тотчасъ умретъ; а если кто
поднесетъ яблоко къ носу умершаго, то
послѣдній пусть оживетъ". Сготовивъ
яблоко, она съ королевичемъ и 100 воинами
идетъ къ замку дракона.
Прибывъ на мѣсто, колдунья велитъ своимъ

спутникамъ стоять вдали и выйти лишь тогда, когда услышатъ ея свистъ. Каллимахъ въ замкѣ слышитъ пронзительный голосъ дракона, идетъ изъ замка и видитъ, какъ выходитъ изъ лѣсу громадный драконъ, который хочетъ поглотить старуху-колдунью. (Этотъ драконъ былъ порожденъ ея чарами). Увидѣвъ Каллимаха, драконъ бросился на него и Каллимахъ отрубилъ ему голову. Обрадованная Хризорроя выбѣгаетъ съ ведромъ воды, чтобы вымыть руки Каллимаху. А старуха между тѣмъ подъ видомъ награды, за спасенье даетъ ему яблоко. Каллимахъ, подивившись его красотѣ, прячетъ яблоко за пазуху и умираетъ. Въ это время подходитъ Хризоррая, а старуха издаетъ свистъ, сзывая своихъ соучастниковъ. Королевичъ со своими приспѣшниками похищаетъ дѣвушку и увозитъ въ свое царство. – Между тѣмъ братья Каллимаха видятъ сонъ, что брату ихъ грозитъ опасность, и, проснувшись, ѣдутъ въ замокъ дракона. Они находятъ трупъ Каллимаха, плачутъ и хотятъ посмотрѣть на его раны, но вмѣсто ранъ находятъ яблоко, читаютъ надпись, подносятъ яблоко къ носу Каллимаха, и онъ оживаетъ. Очнувшись, онъ отправляется искать свою

милую- и по дорогѣ встрѣчаетъ работника съ остриженными волосами въ траурной одеждѣ. Каллимахъ спрашиваетъ, почему тотъ въ траурѣ. Оказывается что траур приказала носить всѣмъ жителямъ страны королева, дочь дракона, которую иной король похитилъ изъ замка дракона. Каллимахъ догадался, что это Хризорроя. Онъ входитъ въ королевскій садъ и предлагаетъ садовнику свои услуги. Тотъ нанимаетъ Каллимаха. Желая дать знать Хризорроѣ о себѣ, онъ вѣшаетъ на дерево кольцо, подаренное ему Хризоррой. Она находитъ кольцо и спрашиваетъ садовника, нѣтъ ли у него помощника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, призываетъ его къ себѣ. Свидѣвшись, оба падаютъ въ обморокъ. Очнувшись, Хризорроя радуется, что ея милый живъ. Она хочетъ съ нимъ видѣться почаще и для этого велитъ построить ей въ саду бесѣдку, гдѣ ей будетъ легче. Сюда по ночамъ прокрадывался къ ней Каллимахъ; влюбленные проводили чудныя ночи. Хризорроя стала веселѣе, и всѣ съ радостью замѣтили эту перемѣну къ лучшему, стали доискиваться причины и, наконецъ, тайна была открыта: три евнуха, приставленные къ Хризорроѣ доносятъ королю о неприличной связи Хризорроѣ съ помощникомъ садовника. Король,

бывшiй въ то время на войнѣ, пишетъ евнухамъ письмо, приказывая заточить Каллимаха, а Хризоррою почитать по прежнему. Каллимахъ заточенъ, безъ вѣдома Хризорроi; она замѣчаетъ его отсутствiе и горько плачетъ. Между тѣмъ король вернулся и велитъ привести къ нему Хризоррою и Каллимаха. Тутъ раскрывается все дѣло и король отпускаетъ влюбленныхъ съ почестью, а колдунью сжигаетъ въ печи. Влюбленные возвращаются въ свой замокъ и отдаются въ руки Амура.

Передъ вами чисто сказочная тема, какихъ не мало въ любомъ сборникѣ сказокъ, хотя бы у Аѳанасьева или у Hahn'a (griechische und – – – – albanesische Märchen.) Вамъ, напр. вѣроятно извѣстенъ сказочный мотивъ о волшебномъ яблокѣ, отъ котораго обмираютъ. Вмѣсто Каллимаха можно подставить безъ большей натяжки Ивана-царевича или просто Иванушку. Видно, что авторъ романа, взявъ сказочный мотивъ, ограничился переложенiемъ его въ стихи, какъ думаетъ Ламбръ; языкъ романа смѣсь языка вульгарнаго съ литературнымъ. Опредѣлить

время появленія этого романа, очень трудно, но, вѣроятно, онъ принадлежитъ той порѣ, когда еще не былъ утраченъ вкусъ къ эротическимъ романамъ. Онъ стоитъ на рубежѣ между Ахилломъ Таціемъ, Ксенофонтомъ Эфесскимъ, Евстаѳіемъ Макремволитомъ и тою литературой, которая вышла изъ сліянія византійскаго міра съ западноевропейскимъ.*)

Это романъ вульгарный, значительно меньше отзывающійся школьной риторикой, въ сравненіи съ предыдущими романами.

Отраженія греко-византійскаго романа въ западныхъ литературахъ.

Оказывается, что византійскій романъ не остался одинокимъ, а вызвалъ цѣлый рядъ отраженій и переводовъ на западѣ. Первый обратилъ на это вниманіе Эдельстанъ Дюмериль въ предисловіи къ Floire et Blancheflor.**). Послѣ него не было ничего сдѣлано въ этомъ направленіи,

*) Lambros. l. c. p. LXXVIII.
**) см. стр. 166.

исключая работы Жиделя [xxx]), но у послѣдняго нѣсколько другія цѣли: онъ хочетъ проводить обратное движеніе — съ запада на востокъ. Дѣйствительно, нельзя отрицать, напр. вліянія нѣмецкаго животнаго эпоса на византійскій; затѣмъ мы знаемъ византійскіе романы чисто западнаго происхожденія, которое сказывается даже въ именахъ дѣйствующихъ лицъ: такъ въ романѣ о любви Бельтандра и Хризанцы упоминаются Родофилъ (=Рудольфъ) Филармъ (=Виллермъ), Бельтандръ (=Бертрандъ). Я имѣю въ виду не эти романы, а тѣ, въ которыхъ продолжаетъ жить греческій романъ: таковы Александрія, Сказанія о Троянскихъ Дѣяніяхъ и романъ о[*] Floire и Blanchefleur. Александрія была отраженіемъ древне-греческихъ образцовъ и пользовалась громадною популярностью. Отрывки ея восходятъ даже къ XI вѣку. Она вызвала нѣсколько подражаній и переработокъ во Франціи, Германіи и въ славянскихъ земляхъ. Мода на нее была такъ велика, что, по словамъ

---

*) Édélestand Duméril: Floire et Blancheflor. Bibliothèque elzévirienne. P. Jannet, éditeur.

xxx) M. A. Ch. Gidel: Études s. l. littérature grecque moderne. Imitations en grec de nos romans de chevalerie depuis le XII siècle. Paris 1866.

бурю, болѣе десяти труверовъ ухватились за этотъ сюжетъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Lambert di Cors или le Court и Alexandre de Bernay. Они пустили въ 1184 году свой романъ „Alexandre", написанный 12-ти сложными стихами и давшій имя такъ называемымъ „александрійскимъ стихамъ". Македонскій герой превращенъ тутъ въ средневѣковаго паладина, въ героя бретонской легенды. Изъ Франціи Александрія зашла и въ Германію, гдѣ около 1140 года нѣкій попъ Лампрехтъ съ Нижняго Рейна на основаніи поэмы француза Aubry de Besançon написалъ свою пѣсню объ Александрѣ (Alexanderlied). — Въ основѣ всѣхъ переработокъ лежалъ Псевдокаллисѳенъ или лучше сказать его латинскій переводъ, сдѣланный въ 5-мъ вѣкѣ Юліемъ Валеріемъ.

Вторымъ наиболѣе популярнымъ произведеніемъ греческаго происхожденія были Троянскія Дѣянія, источникомъ которыхъ для среднихъ вѣковъ было короткое изложеніе ихъ у такъ называемыхъ Дарета и Диктиса. Писатели, скрывшіеся подъ тѣмъ и другимъ именемъ и заслонившіе для средневѣковаго человѣка авторитетъ Гомера, предлагали сжатый, схематическій перечень событій которыхъ они будто бы были очевидцами. тогда

какъ на самомъ дѣлѣ они были поздними и неумелыми компиляторами. Текстъ Диктиса сохранился лишь въ латинскомъ пересказѣ; существованіе греческаго оригинала предполагалось на основаніи частыхъ упоминаній у византійскихъ писателей: Малала не разъ ссылается на Диктиса, какъ на свой источникъ. Въ Византіи онъ долженъ былъ быть особенно популярнымъ; онъ называетъ себя грекомъ съ острова Крита, сопровождавшимъ подъ стѣны Трои Идоменея; онъ возвеличиваетъ греческихъ героевъ передъ варварами троянцами, которые ругаются надъ трупами враговъ, тогда какъ, напр. греки обходятся почтительно съ женами побѣжденныхъ. Другое дѣло — Даретъ: онъ троянецъ родомъ, сражавшійся противъ грековъ и оставшійся въ Троѣ послѣ взятія города. Освѣщеніе эпическаго разсказа выходитъ у него противоположнымъ Диктису: онъ въ извѣстномъ смыслѣ пѣснотворецъ троянъ. Отсюда его популярность на западѣ, гдѣ она поддерживалась литературной[3] басней о троянскомъ происхожденіи ново-европейскихъ народностей, любившихъ возводить свое начало къ культурнымъ преданіямъ Рима, и далѣе-къ Энею и Троѣ. Большинство европейскихъ поэмъ и разсказовъ о Троянскихъ Дѣяніяхъ почерпало свое содержаніе главнымъ образомъ изъ Дарета;

такъ Benoît de Sainte-More въ своемъ Roman de Troyes, послужившемъ въ свою очередь источникомъ прозаической Historia destructionis Trojae Гвидона de Columna. Послѣдняя извѣстна и въ русскихъ переводахъ XVII и XVIII вѣковъ. Компендій Троянскихъ Дѣяній[3] у Дареса и Диктиса слишкомъ сжаты и сухи: только богатая культурная среда могла одѣть новою плотью ихъ жалкіе основы. Троянская повѣсть, ——.——. — вставленная въ переводную лѣтопись Манассіи осталась на уровнѣ Дареса и Диктиса. Бенуа де Сантъ-Моръ жилъ въ концѣ XII вѣка и съ его почина Троянскія дѣянія пошли въ широкое обращеніе: въ Германіи пишетъ свою поэму въ 60.000 стиховъ Конрадъ Вюрцбургскій, горожанинъ, умершій въ Базелѣ въ 1287 г. Его „Троянская война", которую онъ сравниваетъ съ безпредѣльнымъ моремъ, принимающимъ въ себя безчисленныя воды, все таки осталась неоконченной.

Популярности Троянскихъ Дѣяній[3] содѣйствовала еще нижеслѣдующая басня. „Гомеръ, говоритъ Бенуа де С-Моръ, жившій болѣе 100 лѣтъ спустя послѣ Троянской войны, ввелъ въ свой разсказъ столько басней, "въ родѣ битвъ боговъ между собою. Къ счастію племянникъ Саллюстія, по имени Корнелій

занимаясь въ Аѳинахъ, нашелъ старинную книгу, писанную рукою Дарета Фригійскаго, который лично участвовалъ въ войнѣ подъ Троей. Корнелій перевелъ это сочиненіе на латинскій языкъ, и мы должны ссылаться скорѣе на его переводъ, чѣмъ на Гомера."

Поэма Бенуа де С.-Мора (болѣе 30.000 стиховъ) была переведена приблизительно въ половинѣ XIII в. (около 1264 г.) на греческій языкъ, стало быть, была возвращена своей прародинѣ *)

Литература, посвященная изслѣдованію Троянскихъ Сказаній очень обширна:

1.) Dunlop-Liebrecht (l. c. стр. 178-179).
2.) Dunger: Die Sage vom trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters u. ihren antiken Quellen. Lpz. 1869.
3.) Joly: Benoit de Sainte-More et le Roman de Troie, ou les métamorphoses d'Homère et l'épopée gréco-latine du moyen-age. Paris 1870.
4) Maszmann: Daretis Phrygii de excidio Troiae.
5.) Miklosich: Trojanska priča. Zagreb. 1871. Съ буквальнымъ латинскимъ переводомъ, который ео ipso превра

*) Сличенію поэмы С. Мора съ греч. переводомъ посвящены въ работѣ Gidel'я [см. выше] стр. 197-229.

тился въ варварскую латынь.

6) Jagič: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (въ Archiv für slavische Philologie. т. II стр. 21-25).

7) Gidel: въ приведен. сочинении. *)

8) Пыпинъ: Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.

9) А. Веселовскій въ Ист. Р. Лит. Галахова (т. I стр. 402-405.)

см. еще исторію юго-слав. литературъ Ягича, лекціи читанныя въ СПб. Унив. въ 1882/3 акад. году).

Floire и Blanceflor.

Перехожу къ 3-му намѣченному много произведенію къ роману о Floire, изданному Эдельстаномъ Дюмерилемъ. Это романъ XII-го стол., изобличающій свое греческое происхожденіе, но его греческій оригиналъ утерянъ. Какъ Александрія, какъ Троянскія дѣянія, разбираемый нами романъ прошелъ длинный путь съ востока на западъ и обратно. Въ своихъ скитаніяхъ онъ былъ занесенъ въ Германію, гдѣ его культивировалъ Конрадъ Флекке (ок. 1215) въ своемъ „Flore und Blanscheflur". Беккеръ напечаталъ въ 1845 году

*) слова: въ приведенномъ сочиненіи нѣмцы означаютъ слѣд. сокращеніемъ: a. a. O. = am angeführten Orte; другіе ученые означаютъ: l. c. = loco citato. Мы будемъ держаться послѣдняго для краткости. Прим. М. К.

въ Запискахъ Берлинской Академіи ново-греческій романъ „Διήγησις ἐξαίρετος. ἐρωτικὴ καὶ ξένη. Φλωρίου τοῦ Πανευτυχοῦς. καὶ κόρης Πλάτζια Φλώρης." Это не что иное, какъ романъ о Floire и Blancefleur, скопированный съ французскаго текста. Нѣкоторыя различія допускаютъ возможность предположить, что тутъ замѣшано посредничество Италіи, и Gidel (стр. 237-255) полагаетъ, что такимъ посредникомъ былъ Джіованни Боккаччьо, романъ котораго „Филокопо" есть передѣлка романа о Floire и Blancefleur. Можно бы подумать, что Бокаччьо имѣлъ еще передъ собою ново-греческій или византійскій подлинникъ, но въ это время онъ еще не былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ. Однако въ Италіи было много грековъ, отъ которыхъ онъ могъ услышать эту повѣсть; самъ онъ въ другомъ своемъ произведеніи ссылается разъ на „старыя исторіи Кипріянцевъ", сверхъ того Боккаччьо учился по гречески у Леонтія Пилата, калабрійскаго грека, но окончательному рѣшенію вопроса мѣшаетъ запутанность хронологіи. Что Боккаччьо не зналъ еще въ то время греческаго языка видно изъ самаго заглавія „Филокопо": оно противорѣчитъ духу греческаго языка.

Floire и Blanchefleur разлучены съ мало-
лѣтства, но подъ конецъ романа ихъ
любовь увѣнчивается. Я не стану изла-
гать содержаніе романа въ данный
моментъ; я коснусь этого, когда зай-
детъ рѣчь о Боккаччо. Замѣчу пока,
что тема романа очень простая, но
все дѣйствіе перенесено на востокъ;
главный мотивъ — любовь; все это пря-
мо обличаетъ незападное происхожде-
ніе романа. Для опредѣленія источни-
ковъ, которыми пользовался Б. каччо
для своего Филокопо, слѣдуетъ обра-
тить вниманіе на небольшую италья-
скую повѣсть (извѣстную и въ старо[illegible]
пересказѣ съ французскаго) Storia del-
la reina Rosana (напечатанную
D'Анконой) и совершенно тождествен-
ную съ Floire et Blanchefleur. Она
дозволяетъ предполагать, что авторъ
Филокопо пользовался не французскимъ
текстомъ, а другимъ источникомъ, ко-
торый былъ ближе къ предполагаемо-
му византійскому подлиннику.

Вотъ еще нѣсколько романовъ, въ кото-
рыхъ замѣтны признаки византійска-
го происхожденія. Таковъ напр. романъ
объ Иракліи. Готье d'Arras въ
XII в. по утерянному нынѣ византійско-
му источнику написалъ эпическую поэму

объ Иракліѣ, которая появилась затѣмъ и въ нѣмецкой обработкѣ*). Объ этомъ романѣ я трактую въ моей небольшой статьѣ, помѣщенной въ архивѣ Ягича**). Тамъ помѣщенъ много и пересказъ романа.

Содержаніе романа о Иракліѣ.

1. Въ Римѣ проживалъ богобоязненный мужъ, сенаторъ, по имени Миріадъ, т. е. богатѣйшій человѣкъ, милліонеръ; онъ и жена его Касина вели прекрасную жизнь и подавали много милостыни Бога ради, но въ теченіе семи лѣтъ у нихъ не было дѣтей. Они обратились съ молитвою къ Богу и были услышаны: ангелъ возвѣстилъ женѣ во время сна, чтобы она встала, разостлала богатый коверъ, покрыла его шелковою тканью и попросила бы мужа полежать съ нею; въ ту же ночь она зачнетъ того, кто будетъ умнѣйшимъ всѣхъ

---

*) Eraclius. Deutsches u. französisches Gedicht d. XII Jahrh. hrsg. von Massmann. 1842. 2) Eraclius. Deutsches Gedicht des XIII ten Jahrhunderts herausg. von Harald Graff. Strassburg. 1883г. (Quellen Forschungen 4)

**) A. Wesselofsky: Beiträge z. Erklärung d. russischen Heldenepos. [Archiv f. slavische philologie Bd. III. 577-577.

Рима. Но по утру пусть она отслужитъ обѣдню, а платъ и коверъ пожертвуетъ въ пользу алтаря и бѣдняковъ. Все исполняется по приказанію ангела и въ надлежащее время жена родила мальчика, котораго они назвали Dieudonné (Богомъ данный), а при крещеніи наименовали Иракліемъ. Въ день крестинъ святой ангелъ положилъ въ колыбель младенца письмо отъ Бога; оно можетъ быть распечатано и прочтено только мальчикомъ! А написано было въ немъ, что Богъ даруетъ ему способность распознавать женщинъ, коней и каменья.

2. Миріадъ умеръ, когда Ираклію не было еще и 10 лѣтъ. Мать на спасеніе души своего мужа раздала все свое имущество, на что согласился съ нею ея сынъ. Они основывали госпитали, аббатства и монастыри, одаривали бѣдныхъ и сиротъ, такъ что не прошло и мѣсяца, какъ мать и сынъ сдѣлались бѣднѣе послѣдняго бѣдняка въ Римѣ. А въ то время былъ такой обычай, что имѣвшій ребенка могъ его продать. И вотъ Касина рѣшилась на это, сынъ охотно согласился, однако съ тѣмъ, чтобъ она продала его за высокую цѣну. Мать обвертѣла вокругъ его шеи

Лит. Гробов. Пол. ст. в. пр. ф. 25.

свой поясъ и повела на рынокъ. Многіе подтруниваютъ надъ ней; сумма назначенная ею за мальчика, найдена слишкомъ высокою, но Ираклій увѣряетъ:

стихъ 471: Mere (fait-il), n'en doutes rien,
Car vous me venderes molt bien.
J'iere encor hui molt cier tenus,
Cil, ki m'avra, n'est pas venus.

Онъ приглянулся царскому сенешалу, но послѣдній подсмѣивается надъ суммой, которую запросила за Ираклія мать. Ираклій замѣчаетъ, что сенешаль можетъ и не покупать, если онъ ему не нравится; но что такой выгодной покупки ему не видать во вѣки вѣковъ, и Ираклій разсказалъ ему про свои три чудесныя знанія. Тогда сенешаль соглашается купить мальчика. Мать изливаетъ свое горе въ причитаньяхъ и слезахъ; сына, утѣшая, говоритъ, что она продала его не по злобѣ, но въ угоду Господу. И, дѣйствительно, она вырученныя деньги раздаетъ неимущимъ, а сама идетъ въ монастырь. Сенешаль привелъ мальчика ко двору; тамъ всѣ смѣялись, что сенешаль такъ дорого заплатилъ за мальчика. Самъ императоръ, которому Ираклій открылъ о своихъ трехъ знаніяхъ, подозрѣваетъ

въ немъ мошенника, и хочетъ его немедленно испытать: Онъ приказываетъ снести на рынокъ всѣ драгоцѣнные камни, имѣвшіеся въ Римѣ или въ окрестностяхъ и требуетъ, чтобъ Иракій выбралъ изъ нихъ самый дорогой и опредѣлилъ его стоимость: Иракій оставляетъ безъ вниманья всѣ драгоцѣнные камни; на самомъ концѣ рынка видитъ онъ человѣка, торговавшаго пряностями; при немъ невзрачный камень, который онъ нашелъ случайно и прихватилъ съ собою на рынокъ. Иракій радъ, что нашелъ желанную вещь; спрашиваетъ у торговца о цѣнѣ камня и, когда тотъ запросилъ за него шесть пфенниговъ (динаріевъ), отсчитываетъ ему 40 марокъ и несетъ камень къ императору. Послѣдній разгнѣвался на такую покупку, но Иракій увѣряетъ, что этотъ камень стоитъ столько золота, сколько имѣется въ императорской казнѣ. Иракій доказываетъ на самомъ дѣлѣ чудесныя свойства камня.

3. Императоръ захотѣлъ испробовать умѣнье Иракія распознавать коней и приказываетъ привести на рынокъ всѣхъ коней, какіе только есть въ его царствѣ: Иракій долженъ выбрать самаго лучшаго. Онъ останавливается

передъ жалкимъ жеребенкомъ, у котораго всего на всего 4 зуба, - хозяинъ жеребенка соглашается продать его за двѣ марки, хотя какой-то незнакомецъ, который далъ ему жеребенка, увѣрялъ его, что онъ обогатитъ его. Ираклій отсчитываетъ ему 40 марокъ и завѣряетъ разгнѣваннаго императора, что этотъ жеребенокъ можетъ помѣряться съ 3 лучшими лошадьми. Только (его) сперва нужно цѣлый годъ продержать на покоѣ; если пустить его теперь бѣжать, онъ не будетъ потомъ имѣть никакой цѣны. Но императоръ хочетъ испробовать жеребенка немедленно, и Ираклій садится на жеребенка, еще не вѣдавшего узды, и выдерживаетъ блистательно испытаніе, но у жеребенка надорвались силы, и онъ пропалъ.

4. Императоръ приказываетъ Ираклію выбрать дѣвушку, достойную быть его супругой. По его приказанію свозятъ въ Римъ всѣхъ знатныхъ дѣвушекъ со всего царства. Ни одна изъ нихъ не приглянулась Ираклію, такъ какъ онъ видитъ всѣ ихъ слабости и сокровенныя думы. Онъ уже пошелъ было назадъ въ дурномъ настроеніи, какъ вдругъ попадается ему на встрѣчу бѣдненько одѣтая прелестная дѣвушка,

дочь сенатора, по имени Атенаисъ (Аѳинаида). Она жила у своей тетки, такъ какъ уже давно потеряла своего отца и мать. Ираклій рекомендуетъ ее императору, какъ лучшую невѣсту. Императоръ радуется, справляетъ свадьбу и заживаетъ счастливо съ молодой женой. Прошло семь лѣтъ. И вотъ случилось императору идти на враговъ, осадившихъ его городъ; онъ хочетъ взять съ собою Ираклія и спрашиваетъ его, какъ ему оберегать жену во время своей отлучки. Тотъ отвѣчаетъ, что самое лучше - никакъ. Но императоръ хочетъ сдѣлать по своему и велитъ строго наблюдать за женой и посадить ее въ башню. На одномъ праздникѣ, на которомъ обыкновенно присутствовала императрица, она видитъ прекраснаго Пасида и влюбляется въ него: онъ былъ самый красивый изъ юношей, игравшихъ предъ нею на арфѣ. И онъ полюбилъ Аѳинаиду. Оба тоскуютъ другъ по другѣ. Одна старуха устраиваетъ имъ свиданіе, о чемъ узнаетъ вдали Ираклій и сообщаетъ императору. Послѣдній, вернувшись домой, *) любовники мужественно признаются ему, что любятъ другъ друга; по совѣту Ираклія императоръ

*) проп: призываетъ ихъ къ себѣ;

милуетъ отца, потому что самъ виновенъ въ невѣрности жены.

Готье d'Arras, разсказавъ въ первыхъ 5060 стихахъ совершенно сказочную исторію о чудесномъ мальчикѣ Иракліѣ, дѣлаетъ его въ концѣ своей поэмы (стихи 5060-6516) императоромъ, побѣдителемъ Хозроя, отнявшимъ у послѣдняго тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ. Можетъ быть, это принадлежитъ его личному почину или же покоится на народномъ преданіи, которое (что очень возможно) приписало герою-императору чисто сказочную юность. Византійскій оригиналъ этой повѣсти утраченъ или еще не найденъ, но есть небольшая поэма „Βίος καὶ πολιτεία τινὸς δοκιμωτάτου καὶ σοφωτάτου γέροντος."*) Содержаніе ея очень сходно съ сагой о Иракліѣ: тутъ является чудесный старецъ, знатокъ камней, коней и женщинъ. Онъ обѣднелъ, и сыновья, по его приказанію, продаютъ его въ рабство за дорогую цѣну. Царскіе слуги находятъ, что сыновья просятъ

*) Wagner: Carmina graeca medii aevi. Lps. 1874. p. 277-303. Пересказъ ея помѣщенъ въ статьѣ А. Wesselofsky (въ Archiv f. Slav. Philologie Ягича Bd. III. стр. 577 и слд.

за него слишкомъ дорого, но старикъ совѣтуетъ имъ купить его: они выручатъ съ лихвой, такъ какъ онъ свѣдущъ въ трехъ важныхъ вещахъ, и старикъ сообщаетъ имъ о своихъ знаніяхъ. Слуги покупаютъ. Царь доволенъ покупкой, но держитъ старика взаперти на хлѣбѣ и на водѣ. Разъ изъ далекихъ странъ явился купецъ съ драгоцѣннымъ камнемъ. Царь призвалъ старика, и тотъ объявилъ, что камень никуда не годится, потому что въ серединѣ его завелся червячокъ. Старику увеличили порцію, и отвели опять подъ арестъ. Въ другой разъ онъ догадался, что великолѣпный конь, приведенный на продажу, будучи жеребенкомъ, былъ откормленъ коровьимъ молокомъ. Старику еще увеличили порцію, и опять отвели подъ арестъ. Въ третій разъ старикъ объявилъ царю, что мать его невѣсты была развратница и что дочка, вышедши замужъ, будетъ торговать своимъ тѣломъ. Царь обрадовался, что старикъ избавилъ его отъ такой невѣсты и спросилъ его о своемъ происхожденіи. Взявъ съ царя слово, что онъ ничего съ нимъ не сдѣлаетъ, старикъ объявилъ, что царь сынъ крестьянина или булочника.

Мать царя призналась въ своемъ грѣхѣ, и царь, щедро одаривъ старика, выпустилъ его изъ подъ ареста.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ отзвукомъ саги о Иракліи. За византійское происхожденіе послѣдней говорятъ также византійскія имена дѣйствующихъ лицъ, каковы: Ираклій, Миріадъ, Пасидъ. Я думаю, что дѣйствіе перенесено въ Римъ французскимъ пересказчикомъ, а что въ оригиналѣ дѣло шло о Константинополѣ, этомъ новомъ Римѣ. Наконецъ, за византійское происхожденіе саги говорятъ бытовыя подробности, попадающіяся въ романѣ: на праздникахъ происходятъ не западно-европейскія рыцарскія игры, а игра на арфахъ, пѣніе и танцы.

Есть еще романъ съ отраженіемъ византійскаго происхожденія: это романъ объ Athis и Prophilias, дважды пересказанный Вильгельмомъ Гриммомъ *)

*) Die Sage von Athis u. Prophilias (въ Zeitschrift f. deutsches Alterthum. Herausgeg. v. Moriz Haupt. Bd. XII. 1865. стр. 185-203). - Athis и Prophilias (въ Abhandl. d. königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin, phil. hist. Klasse, 1846. стр. 347-467). Обѣ статьи перепечатаны въ Kleinere Schriften von Wilhelm Grimm herausgeg. v. Gustav Hinrichs. т. 3. Berlin 1883. стр. 212-366.

Къ числу византійскихъ отраженій я отношу и романъ XI вѣка о Руодлибѣ.*) Нѣкоторые ученые полагали, что это самый древній романъ на почвѣ европейской романтики. Въ этомъ отношеніи и Зейлеръ и Шереръ**) пошли, быть можетъ, слишкомъ далеко. Для Шерера Руодлибъ — „древнѣйшій изображенный романъ въ европейскихъ литературахъ, первый рыцарскій романъ всемірной литературы, отъ котораго идетъ непрерывное движеніе, кульминирующее въ Донъ-Кихотѣ и позднѣе обновившееся въ Виландѣ. Но именно эта непрерывность и сомнительна: Руодлибъ стоитъ настолько одиноко, что Зейлеръ назвалъ его литературнымъ чудомъ, а мы ставимъ вопросъ объ источникахъ его изображенія. Дѣло въ томъ, что въ Руодлибѣ (который, замѣчу мимоходомъ, сохранился лишь въ отрывкахъ) есть элементъ захожій, почерпнутый безыменнымъ авторомъ, можетъ быть, отъ бродячихъ mimi, joculatores, которыхъ авторъ выводитъ на сцену и которые въ самомъ дѣлѣ были распростра-

*) Онъ былъ давно изданъ Schmeller'омъ и Grimm'омъ, а въ 1832 г. появилось новое изданіе: Ruodlieb, der älteste Roman d. Mittelalters, nebst Epigrammen, herausg. v. F. Seiler. Рецензія А. Веселовскаго помѣщена въ Ж. Мин. Нар. Пр. (ч. 228, отд. 2, стр. 112-123.

**) Scherer: Gesch. d. deutschen Literatur. I-е H. стр. 68 и сл.

нителями на западѣ сказочныхъ сюжетовъ восточныхъ и византійскихъ. Я полагаю, что и самый замыселъ романа, необычный въ XI вѣкѣ, и преимущество, отданное изображенію реально-буржуазныхъ отношеній передъ героическими (см. напр. поэму о Вальтаріи), указываютъ на пришлые источники вдохновенія. Если Руодлибъ представляется для своего времени „литературнымъ чудомъ", то чудо, быть можетъ, не въ авторѣ, а въ задуманномъ, иноземномъ образцѣ, или образцахъ. Не только „этическое" содержаніе Руодлиба — чужое, но и литературный замыселъ и выраженное имъ содержаніе жизни въ извѣстной мѣрѣ — не свои. Чтобъ, судить на основаніи его показаній пору знанія рыцарскаго обихода и этикета, по меньшей мѣрѣ, такъ же опасно, какъ заключать о пониманіи чувства въ древне-русской жизни по распространенной у насъ сербской Александріи и по вычурному объясненію въ любви между Парисомъ и Еленой.

Содержаніе Руодлиба.

Руодлибъ служилъ на своей родинѣ вѣрой и правдой нѣсколькимъ господамъ, но не заслужилъ у нихъ ни слова гладкаго, ни

хлѣба мягкаго", а нажилъ непріятелей. И вотъ онъ ищетъ счастья на чужбинѣ, оставивъ домъ на попеченіе матери. На границу сосѣдняго царства онъ дружится съ охотникомъ, и тотъ убѣждаетъ его поступить на службу къ „большому царю" (rex major), у котораго и самъ служитъ. Руодлибъ соглашается; онъ - хорошій охотникъ и всѣхъ удивляетъ своимъ искусствомъ и уловкою. Вскорѣ загорѣлась война между подданными Большого царя и сосѣдняго ему, малаго (rex minor), - война, кончающаяся пораженіемъ послѣдняго, посольствомъ, въ которомъ принималъ участіе Руодлибъ, и торжественною сценой примиренія, богатою культурно-историческими подробностями въ описаніи церемоніала и драгоцѣнныхъ подарковъ. Между прочимъ выводится на сцену пара ученыхъ медвѣдей. Вернувшись ко двору, Руодлибъ застаетъ тамъ посланца своей матери: его приглашали вернуться, такъ какъ его враги перемерли или безсильны, и его ждетъ награда за прежнюю службу. Всѣ опечалены отъѣздомъ Руодлиба, а царь предлагаетъ ему на выборъ - одарить его казной или мудрыми изреченіями. Тотъ рѣшается на послѣднее, и царь даетъ ему двѣнадцать наставленій. Привожу нѣкоторыя:

1) Не довѣряйся рыжему, то-гнѣвливые дурные люди.
2.) Не сворачивай съ дурной дороги въ поле - иначе тебя станутъ бранить, а ты увлечешься гнѣвомъ.
3.) Не останавливайся въ дому, гдѣ хозяинъ старикъ, а жена молодая; заѣзжай туда, гдѣ жена старуха, а мужъ молодой.
4.) Не давай работать (?) на жеребой кобылѣ, - не то пропадетъ жеребенокъ и т. д.
10.) Увидѣвъ церковь, поручи себя покровительству святыхъ. Коли звонятъ тамъ или поютъ, зайди помолиться, это не удлиняетъ, а сокращаетъ путь.
12.) Если твое житное поле лежитъ при дорогѣ, не обводи его канавой съ цѣлью удержать прохожихъ, - не то они и канаву обойдутъ и поле истопчутъ, и ты понесешь двойной убытокъ.

Въ придачу къ этому царь даритъ Руодлибу еще два серебряные, снаружи обмазанные тѣстомъ, коровая, наполненные золотыми и разными драгоцѣнностями. Онъ долженъ вскрыть ихъ лишь въ присутствіи матери и невѣсты.

Мудрые совѣты царя осуществляются понемногу, какъ только Руодлибъ отправился въ путь. Рыжій[3] присосѣдился къ

къ нему и на перерѣзъ черезъ рѣку похи-
щаетъ у него плащъ. Подъѣзжая къ дерев-
нѣ, Руодлибъ держится торной, хотя
и грязной дороги, рыжій поѣхалъ про-
селкомъ черезъ поля, за что и избитъ
крестьянами. Руодлибъ остановился
на ночлегъ въ домѣ, гдѣ хозяйка, женщи-
на въ лѣтахъ, вышла вторично бра-
комъ за молодаго парня, а рыжій[3] —
выбралъ домъ, гдѣ у стараго, некрасива-
го мужа молодая, вѣтреная жена.
Онъ выдаетъ себя за родственника этой
женщины, шепчетъ ей на ушко, чтобъ она
не выдала его мужу и заводитъ съ нею
шашни. Старый мужъ смотритъ въ
щелку и становится свидѣтелемъ то-
го, что между родственниками не во-
дится, а ночью застаетъ гостя
вдвоемъ съ женой и въ послѣдовавшей за-
тѣмъ ссорѣ убитъ имъ. На другой день
рыжаго притягиваютъ къ суду: онъ
хотѣлъ было привлечь къ дѣлу и Руодлиба,
но это ему не удается. Рыжій казненъ.
Дальнѣйшее развитіе разсказа не пред-
ставляетъ такого соотвѣтствія между
нимъ и остальными афоризмами, что,
быть можетъ, объясняется существова-
ніемъ пропусковъ.
Руодлибъ съ однимъ своимъ молодымъ род-
ственникомъ заѣзжаетъ къ дядѣ послѣдняго

и предъ нами развертывается новая жанровая картинка, замѣчательная идиллическою свѣжестью колорита. Общество забавляется ручными птицами и игрой шпильмановъ. Руодлибъ спрашиваетъ арфу, удивляетъ всѣхъ своимъ искусствомъ: его просятъ еще сыграть, чтобъ дать поплясать его молодому родственнику и хозяйской дочкѣ. Начинается игра и пляска: молодецъ кружится какъ соколъ, дѣвушка вьется, что ласточка. Молодые люди влюбились другъ въ друга и стали играть въ кости: кто прежде побѣдитъ, выиграетъ кольцо. Руодлибъ въ это время бесѣдуетъ съ хозяйкой. Молодыхъ рѣшено повѣнчать: всѣ рады этому, тѣмъ болѣе, что бракъ спасетъ юношу отъ его связи съ какою то развратницей. Руодлибъ вернулся къ матери; ея совѣтъ сыну-жениться, чтобъ имѣть наслѣдника. Ему указываютъ и невѣсту, но Руодлибъ узнаетъ, что она въ любовной связи съ какимъ то клерикомъ: вещественнымъ доказательствомъ служатъ: головной уборъ и подвязки, забытыя ею на rendez-vous. Онъ посылаетъ къ ней свата со сверткомъ, въ которомъ были эти вещественныя доказательства, и съ предложеніемъ руки и сердца.

« Скажи ему отъ меня, говоритъ дѣвушка посланцу: сколько листьевъ на деревѣ, столько

...сътнъ, столько милованья, столо... ...ничьяго воркованья, столько зерень и ...овъ, столько ему почестей". Развер... ...свертокъ, она поражена и велитъ ...посланцу сказать Руодлибу, что еслибъ ...ни одинъ изъ мужчинъ остался на свѣтѣ ...несъ ей вмѣсто вѣна весь свѣтъ, ...тогда не пошла бы за него. — Мать ...либа видитъ вѣщій сонъ, указываю... ...на опасности и напасти, ожидаю... ...щія ея сына, который поймалъ въ западню карлика, обѣщающаго ему какъ выкупъ за свободу, показать кладъ царя Иммун...ка и его сына Hartunc'а и помочь ...добыть себѣ въ невѣсты царевну Heri... ...и т. д. На этомъ прекращается романъ, писанный латинскими стихами.

Вотъ образчикъ:

XVII, 11. Dixit: dic illi nunc de me corde fideli
Tantundem liebes veniat quantum modo loubes,
Et volucrum wunna quot sint tot dic sibi minna,
Graminis et florum quantum sit, dic et honorum

Таковъ циклъ романовъ, отразившихъ византійское содержаніе. Они отличают-ся особеннымъ характеромъ, особымъ ...типомъ, они стоятъ какъ бы на пе... ...путьи между эпическими поэмами

и будущимъ западно-европейским[illegible]
Изучая эти отраженія въ памят[illegible]
дашникахъ вы встрѣтитесь съ [illegible]
ніемъ, мало выясненнымъ: вы увид[illegible]
что типы классическаго миѳа подвер[illegible]
здѣсь значительнымъ измѣненіямъ, [illegible]
образъ Александра Велика[illegible]
сталъ въ нихъ въ совершенно н[illegible]
освѣщеніи. Такое новое освѣще[illegible]
сическихъ типовъ становится понятн[illegible]
если мы обратимъ вниманіе на то, что
чуждой, заходящей матеріалъ долже[нъ]
былъ усвоить себѣ характеръ воспр[ини]-
мающей среды, что типы классичес[каго]
преданія оказались недостаточно ст[ойки]
передъ давленіемъ среды средневѣков[ой,]
вслѣдствіе чего Александръ Великій является
средневѣковымъ рыцаремъ. Помимо
этого не нужно забывать, что класси-
ческіе миѳы, шествуя изъ Эллады
на западъ, прошли чрезъ византій-
скую среду, а она свидѣтельствуетъ
о такой же переработкѣ классическихъ
преданій, какая зачиналась еще въ
александрійскую пору. Чѣмъ дальше,
тѣмъ все большіе размѣры прини-
мало это новое пониманіе старыхъ
типовъ. Вамъ вѣроятно извѣстны
легенды объ Аристотелѣ, Гиппокр[а]-
тѣ и Атиллѣ, которыя корен[ятся] [illegible]

претворенiи классическихъ
вопросу посвящена работа
я на нее греческаго ученаго
той же судьбѣ подверглась
тенда о Виргилiи, за раз-
ка за которой слѣдитъ въ своей рабо-
вити етти **
тѣ. Въ

сторiю греческаго романа до
зновъ византiйскихъ вкупѣ
iями въ литературахъ Запад-
рослѣживая его судьбы, мы
ко дальше нашей схемы: намъ
слѣдовало бы прежде посмотрѣть, что пред-
ставляла

VI. Западноевропейская лите-
въ пору вторженiя въ нее гре-
романовъ.

---

tradition hellénique et la légende de
de Praxitele et de la fille d'Hippocrate
n âge par M. C. Sathas. Paris. 1883. — По-
: Ἑλληνικοὶ μῦθοι μεσαιωνικοὶ περὶ Φρι-
Πραξιτέλους καὶ Ἱπποκράτους (въ жур-
издаваемомъ въ Аѳинахъ, подъ заглавiемъ
ον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας
λλάδος. Т. I. 1880. iюль. стр. 77–101.

** ...it im Mittelalter von Domenico Comparetti. Aus
...nischen übersetzt von Dütschke. Lpz. 1875.

До XII в. въ литера[туре]
господствовала эпичес[кая]
son de geste. Это п[ѣсни]
содержаніемъ, почерп[нутымъ]
рическихъ воспоминан[ій]
племени. Съ теченіемъ [времени] пориче[ская]
съ народнымъ предан[іемъ] связь
ся, изъ общенароднаго забывает-
ся эпосъ феодальный выдѣляет-
проводитъ идея фе[одализма] хорошо
военныхъ подвиговъ; ... ром
geste еще отсутству[етъ] ...
начало. Затѣмъ э[лементъ] ...
народнаго преданія забывается подр[а-]
жателей, въ Chansons de geste вн[о-]
сится элементъ изобрѣтенія и эпо[съ]
какъ народный, перестаетъ эксист[ировать].
Его смѣняетъ эпосъ церковный ...
думою эстетія и легенда, с...
сіявшія на народное вообра[женіе].
Рядомъ съ легендами въ XII и XIII
находились въ большомъ обр[ащеніи]
contes devots, conti morali...
народные разсказы, умиль[ные] ...
ги; это-тѣ же самыя ...
разсказываемыя съ цѣлью ...
наставленія и т. п. Он[и] ...
и порознь и въ сборника[хъ] ...
извѣстнаго Gesta Rom[anorum].
Первое изданіе его лати[нское]
вышло въ Кельнѣ въ 1572, дру[гое] ...

изъ извѣстныхъ намъ рукописей относится къ 1326 году, но самый сборникъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, относится къ значительно болѣе раннему времени.

Изданія: лат. нѣм. и слав. текста Римскихъ Дѣяній:

1. Gesta Romanorum ed. A. Keller. 1842.
2. Gesta Romanorum von Hermann Oesterley. Berlin 1872.
3. Gesta Romanorum das ist der Römer Tat (der deutsche Text der Münchener Hdschr. 54) herausg. vom Keller.
4. Gesta Romanorum das älteste Mährchen- und Legendenbuch des christlichen Mittelalters. Uebersetzt von J. G. Th. Grässe. 1842.
5. Сборный текстъ русскаго перевода „Римскихъ Дѣяній“ напечатанъ въ изданіяхъ Общества Любителей Древней письменности, въ 2-хъ вып., 1877 и 1878.

Лучшее критическое изданіе - изданіе Oesterley'я, гдѣ описаны всѣ рукописи Gesta Romanorum и приводятся указанія источниковъ, изъ которыхъ беретъ свое начало тотъ или другой разсказъ сборника. Дѣло въ томъ, что въ первичный его составъ входили, вѣ-

роятно нѣкоторые анекдотическіе разсказы изъ римской исторіи; оттуда и самое заглавіе сборника, удержавшееся за нимъ даже тогда, когда измѣнилось его содержаніе, постоянно обогащавшееся повѣствовательнымъ матерьяломъ изъ Moralitates Роберта Голькота (+1349), изъ Declamationes Senecae cum moralitatibus, изъ Семи Мудрецовъ, Житій святыхъ и т. д. Авторъ и мѣсто составленія сборника остаются неизвѣстными, хотя и были попытки пріурочить его къ извѣстному автору *); при отсутствіи повѣствовательной рамки, которая явилась бы нормой для приращенія новыхъ разсказовъ, они могли плодиться безгранично, по волѣ пересказчиковъ; число ихъ, достигающее въ старопечатныхъ изданіяхъ 181 №№, доходитъ до 283, если соединить всѣ разсказы, присоединившіеся въ разныхъ рукописяхъ къ первоначальной основѣ Римскихъ Дѣяній. Такого рода явленіе свидѣтельствуетъ о популярности сборника, служившаго не однимъ цѣлямъ развле-

*) см. Dunlop-Liebrecht, l. c. стр. 199.

ченія, но и нравоучительнымъ; каждая по-
вѣсть истолковывалась иносказательно въ
примѣненіи къ догматамъ и нравствен-
ному ученію Христіанства. Это тотъ
же пріемъ, что и во вставныхъ повѣстяхъ
Варлаама и Іоасафа; онъ отвѣчалъ то-
му направленію умовъ, которое открыва-
ло въ средневѣковыхъ физіологахъ, въ опи-
саніи свойствъ животнаго, матеріалы
для благочестиваго иносказанія, вводило
въ средневѣковую проповѣдь свѣтскіе раз-
сказы и народныя пѣсни, чтобъ извлечь
изъ нихъ элементы поученія. Въ Римскихъ
Дѣяніяхъ послѣ каждаго разсказа стоитъ
„морализація" въ родѣ такой: Carissimi,
imperator iste est dominus noster
Jesus Christus и т. д. Въ началѣ разсказа
упоминается имя какого-нибудь импера-
тора: Diocletianus regnavit, Leo regna-
vit, Alexander regnavit, Vespasianus reg-
navit, иногда императоръ является безъ
имени: Quidam imperator erat, quaedam
domina, regina, imperatrix. Нѣкоторые
разсказы начинаются фразой въ родѣ:
Refert Seneca или Plinius, Macrobius,
Beatus Augustinus и т. д. Въ заголовкѣ
выражается суть разсказа: de mise-
ricordia, de iustitia, de vana gloria и
т. д. Къ характеристикѣ стиля Дѣяній
можетъ послужить, напр. гл. 10-ая: Вес-
пасіанъ долгое время царилъ бездѣтно;

наконецъ, по совѣту мудрецовъ онъ взялъ себѣ въ жены красивую дѣвушку изъ дальнихъ странъ и съ нею, долго пробывъ на ея родинѣ, прижилъ дѣтей. Послѣ этого онъ пожелалъ вернуться въ свое царство, но не могъ получить на то согласія жены, потому что она говорила: если ты удалишься, я убью себя. Тогда императоръ приказалъ изготовить два одинаковыхъ перстня и на нихъ изображенія — на одномъ Памяти, на другомъ Забвенія; первый самъ удержалъ, а второй отдалъ женѣ. Та какъ получила перстень, тотчасъ же стала забывать о любви своей къ мужу. Увидѣвъ это, императоръ былъ въ веселіи, возвратился на царство и, болѣе не видавъ жены, кончилъ свою жизнь въ*-(Морализація). Братія, подъ императоромъ слѣдуетъ разумѣть человѣческую душу, которой подобаетъ возвратиться въ ея исконное отечество, т.е. въ царствіе небесное. Жена — наша плоть, удерживающая душу многими наслажденіями, почему она не можетъ удостоиться жизни вѣчной, гдѣ ея обитель, ея родина и всѣ помышленія. Потому поступи какъ императоръ: сотвори два перстня Памяти и Забвенія, т.е. Молитвы и Поста и т.д. Таковъ характеръ сборника, который былъ

*) проп.: миръ.

переведенъ на нѣсколько европейскихъ языковъ и во второй половинѣ XVII вѣка съ польскаго на русскій, подъ заглавіемъ: Дѣи Римскія или Повѣсти изъ Римскихъ Дѣяній. Слѣды польскаго подлинника еще замѣтны въ нѣкоторыхъ спискахъ перевода. Нѣкоторые изъ разсказовъ могли быть извѣстны у насъ и раньше перевода Дѣяній и пришли къ намъ изъ византійской литературы, на что впервые указалъ Пыпинъ. Общество Любителей Древней Письменности, слѣдуя за нимъ, дошли въ этомъ отношеніи до крайностей.*)

Есть еще одна область разсказовъ, которые трудно назвать русскимъ именемъ: зовутъ ихъ фабло (fabliaux; по нынѣшнему французскому выговору фабльо). Это тѣ смѣхотворные разсказы, которыми забавлялись горожане на посидѣлкахъ; ихъ разносили жонглеры. Самые древніе разсказы этого рода принадлежатъ Франціи и изданы нѣсколько разъ:

1) Barbazan. Fabliaux et contes. Paris et Amsterdam, 1756. 3 v. In 12°

---

*) Интересный фактъ: „Католическая легенда о Юліанѣ" Флобера, переведенная И. С. Тургеневымъ, не что иное какъ 18 гл. лат. оригинала Римскихъ Дѣяній: Quidam miles erat nomine Julianus. прим. М. К.

2.) Fabliaux et contes publiés par Barbazan; nouvelle édition augmentée par M. Méon. Paris 1808. I. II: Fabliaux. III. L'ordene de Chevalerie IV. Castoiement.

3.) Le Grand d'Aussy Fabliaux ou contes du XIIe et du XIII siècle, traduits ou extraits d'après divers manuscrits du temps etc. Paris 1779-1781. 4 vol. 8°. Nouv. éd. 1829. 5 vol. 8°

4.) Nouveau recueil de Fabliaux et contes inédits, publié par Méon: Paris, 1823. 2 v. 8°

5.) Nouveau recueil de contes, dits fabliaux, et autres pièces inédites des XIII, XIV. XV siècles, mis au jour pour la première fois par Achille Jubinal. Paris. 1839-842. 2 v. 8°.

6) Nouvelles françoises en prose du XIII. siècle publ. par Moland **)

Обзору фабльо, характеристикѣ ихъ авторовъ и типовъ, выведенныхъ въ нихъ посвящена статья Леклерка*)

Фабльо отличаются анекдотическимъ характеромъ; въ нихъ на каждомъ шагу попадаются насмѣшки надъ тѣмъ или другимъ сословіемъ, такъ что

*) въ Histoire littéraire de la France, ouvrage commencé par des religieux Bénédictins de la congrégation de Saint-Maur et continué par des Membres de l'Institut, т. XXIII. Paris. 1856 [стр. 69-215. Fabliaux. par V. Le Clerc.]. **) et Héricault (1856)

Леклеркъ подраздѣлялъ ихъ на 6 рубрикъ: La vierge, les anges, les saints; clergé séculier; moines; chevaliers et barons; bourgeois; vilains. Излюбленные типы фабльо-вовъ на перечетъ: это — вѣтреная, но ловкая жена; обманутый, простоватый мужъ; ловкій проходимецъ; священникъ, который претитъ народной нравственности и, наконецъ, типъ простака съ виду, который оказывается умнѣе всѣхъ патентованныхъ кабинетныхъ мудрецовъ. Послѣдній[3] типъ фигурируетъ въ европейской литературѣ начиная съ XII вѣка вплоть до Панурга (у Раблэ) и Санчо Панчо (въ Донъ-Кихотѣ). Таковъ Маркольфъ (герой стихотворнаго разсказа XII в.) приглуповатый съ виду, но оказывающійся мудрѣе самого царя Соломона; таковъ попъ Ами, Эйленшпигель и т. д.[xx)]

Какой въ сущности идеальный взглядъ заключается въ этой громадной литературѣ фабльо? Мы должны сказать, что въ нихъ преобладаетъ отрицательный идеалъ; положительный еще не намѣченъ: всюду царствуетъ смѣхъ и культъ успѣха. Фабльо, хотя и разсказывались порою въ

---

xx) Пересказъ народныхъ книгъ объ Ами, Маркольфѣ и отчасти объ Эйленшпигелѣ см. у О. Кейзера: Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Москва 1869. стр. 115–119. — и у Кирпичникова въ XV вып. Всеоб. литер. Корша.

замкахъ, отражали въ себѣ главнымъ образомъ интересы средняго сословія. Эти фабльо являются отраженіемъ литературы городскаго сословія, зародышемъ романа на почвѣ городской. Въ 16 вѣкѣ францисканскій монахъ Іоганнъ Паули (род. 1455-† 1580) издалъ книгу Schimpf и Ernst (въ 1522). Это сборникъ разсказовъ характера фабльо, но о романѣ тутъ еще нѣтъ и рѣчи; затѣмъ разсказы начинаютъ связываться, ихъ собираютъ около извѣстныхъ типовъ, имъ придается одна общая рамка. Напримѣръ, эти разсказы произносятся кѣмъ нибудь изъ собравшагося поболтать общества, - пріемъ, къ которому прибѣгалъ Боккаччьо. Нѣмецкая народная книга объ Эйленшпигелѣ сложилась благодаря тому, что нѣсколько потѣшныхъ разсказовъ сгруппировались около одного типа. Бобертагъ*) считаетъ и Эйленшпигеля зародышемъ романа, но вѣдь всѣ составные элементы этого quasi-романа древнѣе его самого. Существовалъ еще третій пріемъ собирать повѣсти въ нѣчто цѣлое для характеристики отдѣльныхъ сословій. Таковы

*) Bobertag Felix. l. c. т. I.

и разсказы о Schildbürger'ахъ (простакахъ)*) напечатанные впервые въ 1598 г. Шереръ видитъ въ нихъ связь съ идеями 16 вѣка, но въ сущности и тутъ только внѣшній сборникъ разсказовъ, давно ходившихъ по Европѣ.

Таковъ характеръ третьей группы литературныхъ произведеній, предварившихъ появленіе романа, который является лишь послѣ крестовыхъ походовъ съ содержаніемъ не національнымъ, иногда чисто сказочнымъ. Приходится предположить, что онъ имѣлъ опору въ какихъ нибудь посредствующихъ памятникахъ, гдѣ бы эта тема была разработана. Такіе сборники сказочныхъ темъ существуютъ. Это во первыхъ сборникъ индійскихъ басенъ, извѣстный у насъ подъ греческимъ названіемъ: Стефанита и Ихнилата. Сохранились пергаменные листки съ отрывками славянскаго текста XIII вѣка, переведеннаго съ греческаго пересказа, авторомъ

---

*) Нѣкоторые эпизоды этой народной книги тождественны съ эпизодами изъ разсказовъ о пошехонцахъ: и тѣ и другіе, позабывъ прорубить окна, носятъ въ избу (или ратушу въ нем. книгѣ) свѣтъ въ корзинѣ; втаскиваютъ корову на крышу, чтобъ она поѣла выросшую тамъ траву и т. п. Примѣч. М. К.

котораго считаютъ какого-то Симеона Сиѳа. Оригиналомъ послѣдняго былъ арабскій пересказъ пеглевійскаго текста, прямо примыкавшаго къ индійскому подлиннику басенъ, назначенныхъ служить дидактической цѣли: наставить царей и правителей въ искусствѣ управлять. Древнѣйшая редакція этого сборника, обнимавшая, какъ полагаетъ Бенфей, 13 отдѣловъ, существовала уже до VI вѣка; впослѣдствіи первые 5 отдѣловъ были обособлены и въ этомъ видѣ дошли до насъ какъ цѣлое подъ названіемъ Панчатантры, т.е. Пятикнижія. Названія двухъ шакаловъ, играющихъ въ немъ видную роль, Каратака и Даманака, обратились въ арабской редакціи въ названіе всего сборника: Калила и Димна, т.е. Прямодушный и Лукавый, а въ передачѣ Симеона Сиѳа: Стефанитъ и Ихнилатъ, т.е. Увѣнчанный и Слѣдящій.[3] И въ самомъ дѣлѣ: рамка въ которую вставлены начальные разсказы сборника, состоитъ въ томъ, что лукавый царедворецъ Ихнилатъ возстановляетъ царя-льва противъ его друга тельца, положенію котораго онъ завидуетъ, а въ тельцѣ поселяетъ по

же опасенія противъ льва. Интрига разрѣшается тѣмъ, что левъ убиваетъ тельца, но ковы Ихнилата обнаружились: онъ посаженъ въ темницу. Его другъ Стефанитъ поучаетъ его, совѣтуетъ во всемъ признаться: „лучше тебѣ мучиться на этомъ свѣтѣ, чѣмъ въ будущемъ," говоритъ Стефанитъ. На допросѣ Ихнилатъ держится съ обычнымъ нахальствомъ. Дѣло кончается его казнью. Всякій, сшивающій месть на своего друга, впадаетъ въ сдѣланный имъ ровъ — таково заключеніе разсказа о Стефанитѣ и Ихнилатѣ. Далѣе ихъ имена исчезаютъ, а индійскій царь спрашиваетъ философа (который разсказалъ ему о Стефанитѣ и Ихнилатѣ), какъ уберечься отъ лицемѣрныхъ пріятелей-враговъ; какъ подобаетъ царю соблюсти свое здоровье и т. д. Философъ отвѣчаетъ примѣрами и разсказами, гдѣ главную роль играютъ звѣри.

Въ изложеніе этихъ разсказовъ въ свою очередь введены другіе, когда дѣйствующія лица, съ цѣлью пояснить какое нибудь общее положеніе, прибѣгаютъ къ формѣ повѣсти или басни: въ результатѣ цѣпь повѣстей, вставленныхъ одна въ другую. *)

*) см. на стр. 204.

Вторымъ сборникомъ того-же типа является „Повѣсть о семи мудрецахъ", зашедшая и къ намъ черезъ посредство польскаго перевода. Индійскій оригиналъ Семи мудрецовъ пока не найденъ, но за существованіе его говорятъ древнія свидѣтельства, и косвеннымъ образомъ, переводы и передѣлки сказочнаго сборника въ персидской и арабской литературахъ, обыкновенно заимствовавшихъ матеріалъ своихъ повѣстей изъ Индіи. Въ XI в. сборникъ былъ переведенъ на греческій языкъ (Syntipas), въ XII-XIII на еврейскій; на западѣ онъ сталъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, въ XII столѣтіи, потому что основанный на немъ романъ Jean de Haute-Seille относится къ концу того-же вѣка, а въ началѣ слѣдующаго былъ пересказано во французскихъ стихахъ Герберомъ (Dolopathos). Сборникъ пользовался въ Европѣ широкою популярностью: былъ извѣстенъ въ переводахъ латинскихъ, французскихъ, итальянскихъ, каталонскомъ, испанскомъ, англійскомъ, валлисскомъ, нѣмецкихъ, голландскомъ, шведскомъ,

*) См. Benfey. Pantschatantra. Lpz. 1859. 2 vol. — Даничичъ: Indijske price proz vane Stefanit i Ihnilat. Zagreb. 1870. — А. Веселовскій въ И. Р. Лит. Галахова. т. I. отд. I стр. 420-422.

голландскомъ, датскомъ, польскомъ, чешскомъ, венгерскомъ и армянскомъ. Основная канва повѣсти - разсказъ о женской „злобѣ"; однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является коварная мачиха, преслѣдующая пасынка своего любовью и мщеніемъ. У короля (имя его варьируется въ разныхъ редакціяхъ: онъ то Діоклитьянъ, Понціанъ, Веспасіанъ, то Еліозаръ) сынъ, котораго онъ отдалъ на воспитаніе Семи Мудрецамъ. Потерявъ первую жену, король женится на другой; коварная мачиха, желая погубить царевича проситъ мужа призвать ко двору сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы прочли въ звѣздахъ, что царевичъ будетъ нѣмъ въ продолженіи первыхъ семи дней по пріѣздѣ къ отцу и что оттого ему угрожаетъ большая опасность, тѣмъ не менѣе они отправились. Король радостно встрѣтилъ сына, но тотъ вдругъ онѣмѣлъ. Мачиха воспользовалась этимъ и, раздраженная отказомъ юноши исполнить ея желанія, оклеветала его передъ царемъ. Король велитъ казнить сына, который не можетъ сказать ничего въ свое оправданіе. Его ведутъ на мѣсто казни; тогда первый изъ семи мудрецовъ проситъ палачей подождать, а самъ идетъ

къ царю и разсказываетъ ему притчу, обнаруживающую вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ. Вѣрная собака вмѣстѣ съ соколомъ спасаетъ сына одного рыцаря, господина своего, отъ змѣя; рыцарь, повѣривъ словамъ глупой мамки и увидѣвъ на собакѣ кровь, подумалъ, что она загрызла ребенка и убилъ ее, и тогда только догадался объ ошибкѣ, когда возлѣ колыбели сына замѣтилъ мертвую змѣю. Убѣжденный разсказомъ король откладываетъ казнь; но снова является мачиха и новою повѣстью склоняетъ короля на свою сторону, подавая такимъ образомъ и второму мудрецу поводъ выступить съ защитительнымъ апологомъ. Такое чередованіе разсказовъ продолжается семь дней: сцена не мѣняется, другъ за другомъ мудрецы разсказываютъ притчи, на которыя царица отвѣчаетъ тоже притчами. На седьмой день царевичъ проговорился: онъ раскрываетъ всѣ козни мачихи и разсказываетъ повѣсть, имѣющую отношеніе къ его судьбѣ, а коварная мачиха получаетъ должную кару.*)

Укажу еще на сборникъ разсказовъ, принадлежащій Петру Альфонсу,

*) по А. Веселовскому. l. c. стр. 440-442.

Лит. Гродовой. Лит. ст. 6. пр. 9. 23.

испанскому еврею, перешедшему въ началѣ XII. в. въ христіанскую вѣру. Сборникъ, писанный по-латыни, носитъ заглавіе: Alfonsus de Clericali Disciplina. Это поученіе отца къ сыну, подкрѣпляемое 39 разсказами, заимствованными, по собственному заявленію автора, у арабскихъ писателей*. Существуетъ старофранцузская стихотворная обработка этого памятника: Proverbes Peres Anforse, озаглавленная въ позднѣйшей рукописи: Le Romanz Peres Aunforse, coment il aprist et chastia sun fils belement." Она была издана впервые въ 1760 году Барбазаномъ (Le Castoiement ou instructions d'un père à son fils.).xx)

Упомяну, наконецъ, о сборникѣ Conde Lucanor инфанта Хуана Мануэля (1273-1348) отражающемъ очень ясно восточное происхожденіе своихъ разсказовъ, числомъ 49. Къ тому же типу относятся испанскіе Libros de los exemplos, libros de los Sabios.xx)

Таковы группы, на которыя дѣлилась западно-европейская литература въ пору появленія романа. Послѣдній явился въ двухъ видахъ: во-первыхъ это романъ рыцарскій, отъ котораго пошло одно теченіе,

* Dunlop-Liebrecht. l.c. стр. 198. — Disciplina clericalis Петра Альфонса напечатана Migne'емъ въ Patrologiae cursus completus (series latina, т. 157.). Отдѣльное изданіе принадлежитъ Шмидту.

xx) Ticknor: Gesch. der schönen Literatur in Spanien, übersetzt von Nicol. Heinrich Julius. т. I. p. 56 и сл. (Leipz. 1852.). Русск. пер. г. Стороженки, изд. Солдатёнкова. Москва. 1883. См. также „Всеобщая Литер." Корша. Вып. XV. и Шерра т. 2. p. 360.

Лит. Гроздовой. Лет. ст. 6. пр. д. 23.

охватывающее собою романы бретонскаго цикла, romans d'aventures, продолжающееся въ видѣ Амадисовъ и завершающееся салонно-героическимъ романомъ времени Фронды, другое теченіе имѣетъ исходнымъ пунктомъ итальянскую новеллу и преимущественно дѣятельность Боккаччьо, матерьяломъ для котораго и послужили только что разобранные нами фабльо, легенды и сборники восточныхъ разсказовъ.

Рыцарскій романъ.

Онъ явился на почвѣ рыцарской, и я предполагаю въ васъ знакомство съ сущностью рыцарства и съ тою связью, какъ несомнѣнно была между этимъ явленіемъ и движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ крестовыхъ походовъ. Между идеалами феодальной среды и идеалами рыцарства замѣчается значительная разница: рядомъ съ уцѣлѣвшими остатками феодализма, который развивалъ чувство долга лишь отъ лица къ лицу, является теперь нѣчто болѣе широкое, болѣе гуманное: является рыцарскій кодексъ. Этотъ прогрессъ въ развитіи, эти новые идеалы потребовали для себя новой формы выраженія и новаго содержанія. Карлъ В. герой chansons de geste не могъ сразу переродиться въ рыцаря; слѣд. должно было замѣнить старыя chansons чѣмъ нибудь новымъ. Въ отвѣтъ на эту потребность являются рыцарскіе романы, наполненные спеціальнымъ культомъ любви, религіи и личнаго подвига. Чтобъ уяснить вамъ эти новые рыцарскіе идеалы я обращусь къ двумъ памятникамъ, которые лучше всего характеризуютъ содержаніе этихъ идеаловъ.

Въ романѣ о Ланцелотѣ „дама озера" поучаетъ молодаго Ланцелота, что такое рыцарь: „Вначалѣ, сказала она, рыцарство не было пустою игрой; тогда не обращали вниманія на знатность происхожденія, ибо всѣ мы происходимъ отъ одного отца съ матерью; и въ тотъ моментъ, когда зависть и алчность вошли въ міръ въ ущербъ справедливости, между всѣми было полное равенство.

Когда слабымъ пришлось страшиться болѣе сильныхъ, тогда стали выбирать въ качествѣ защитниковъ такихъ, которые были наиболѣе сильными, наиболѣе рослыми, наиболѣе честными и наиболѣе красивыми; въ добавокъ къ этому отъ нихъ требовалось доброе сердце, справедливость и смѣлость. Ихъ называли шевалье. Они должны были соблюдать вѣжливость (courtoisie), не доводя ее до униженія, должны сострадать несчастнымъ, помогать неимущимъ, быть всегда наготовѣ для борьбы съ разбойниками, судить всѣхъ, не смотря на лица, предпочитать смерть позору; должны защищать св. Церковь, которая не можетъ отстаивать свои права оружіемъ и должна подставлять лѣвую щеку, когда бьютъ ее по правой.

Рыцарскіе доспѣхи имѣютъ свое особое назначеніе. Щитъ, повѣшенный на шею, напоминаетъ ему объ обязанности становиться между матерью св. Церковью и тѣми, которые хотятъ ее оскорбить. Панцырь, покрывающій все его тѣло, обязываетъ его давать

мужественный отпоръ врагамъ вѣры. Шлемъ блеститъ на его головѣ, ибо онъ долженъ быть всегда въ первомъ ряду среди защитниковъ правды, какъ сторожевая башня на стѣнахъ защищаетъ бдительнаго часоваго. Мечъ, довольно длинный для того, чтобы нанести первый ударъ, долженъ напоминать ему о томъ, что его обязанность - вселять страхъ въ злодѣяхъ. Шпага - самое благородное оружіе. Она обоюдоострая; она колетъ и рубитъ нечестивыхъ, чинящихъ насиліе и ненавидящихъ правду.[x)] Интересно сличить это мѣсто съ однимъ старо-французскимъ произведеніемъ, это: L'ordene de chevalerie par Hue de Tabarie.[xx)] Здѣсь разсказывается нѣчто въ родѣ сказки о рыцарѣ и лебедѣ. Гюгъ де Табари попался въ плѣнъ Саладину (типъ рыцаря-язычника). Тотъ предлагаетъ ему на выборъ смерть или свободу за громадный выкупъ. — „Этой суммы не выручу я, отвѣчаетъ Гюгъ, если даже продамъ всю мою землю." Саладинъ соглашается отпустить его на свободу сейчасъ, если тотъ дастъ слово заплатить деньги черезъ 2 года или вернуться въ плѣнъ. Гюгъ благодаритъ его и хочетъ отправиться въ путь, но Саладинъ проситъ его показать ему всѣ подробности рыцарскаго посвященія. Гюгъ отказывается, потому что Саладинъ язычникъ. Наконецъ Саладинъ упросилъ его: Гюгъ велитъ ему оправить волосы и бороду, умыть лице и ведетъ его въ баню. Саладинъ спрашиваетъ, что означаетъ этотъ обрядъ.

Гюгъ объясняетъ, что это то же самое крещеніе, которое свершаютъ надъ младенцами.

x) P. Paris. Les rom. d. l. table ronde. T. III. p. 115 - 116.

xx) Barbazan - Méon. Fabl. éd. 1808. I. p. 59-82.

„Ты долженъ омыться въ честности, добротѣ и courtoisie.

Baignier devez en honesté,
En courtoisie et en bonté

Послѣ бани Гюгъ положилъ Саладина на прекрасное ложе, такое ложе долженъ стяжать себѣ рыцарь въ раю; онъ покрываетъ его бѣлой простыней изо льна: рыцарь долженъ быть также чистъ, какъ она. Гюгъ надѣваетъ на него багряную одежду. Саладинъ, дивясь, спрашиваетъ, что это означаетъ:

Que vostre sanc devés espandre,
Et pour Sainte Église deffendre,
Que nus ne puist vers lui meffaire,
Car tout chou doit Chevaliers faire.
C hest entendu par le vermeil.

[Что вы должны проливать вашу кровь и защищать святую церковь, дабы никто не могъ чинить ей зло; все это долженъ дѣлать рыцарь. Вотъ что означаетъ багряный цвѣтъ]. Затѣмъ онъ надѣваетъ Саладину черную обувь: она должна напоминать рыцарю о смерти и о землѣ, изъ которой онъ взятъ и куда опять возвратится. Онъ опоясываетъ его бѣлымъ поясомъ: это символъ цѣломудрія; опоясалъ обоюдоострымъ мечемъ:

это означаетъ, что рыцарь долженъ сражаться противъ болье сильнаго и защищать слабыхъ; на голову надълъ онъ бълый головной уборъ — символъ чистоты. Саладинъ спросилъ: не нужно-ли еще свершить какой-нибудь обрядъ? Гюгъ отвѣчаетъ:

Sire, oïl mès fere nel' ose.
— „Que chou est donc? "Chest li colée.
— „Porquoi ne le m'avez dounée,
„Et dite la senefianche?"
Sire, chou est li ramembranche
De chelui qui l'a adoubé
A chevalier, et ordené.

[Да, сиръ, но я не смѣю этого сдѣлать. — „Что-же это такое?" Это ударъ. — „Отчего же вы мнѣ его не нанесли и сказали, что онъ означаетъ?" Сиръ, это напоминаніе рыцарю о томъ, кто его посвятилъ]. Гюгъ отказывается совершить этотъ послѣдній обрядъ, но зато сообщаетъ Саладину, что рыцарь не долженъ никогда давать ложное слово на судѣ, не долженъ быть предателемъ, не долженъ отказывать въ совѣтѣ и помощи дамамъ или дѣвушкамъ; долженъ поститься по Пятницамъ въ память того

Que Ihesu Cris fu de la lanche
Ferus pour no redempcion,
E que à Longis fist pardon.

[какъ І. Христосъ былъ прободенъ копьемъ для нашего искупленья и какъ онъ простилъ Логина]. Если рыцарь не можетъ поститься, пусть творитъ милостыню и т. п. Наконецъ, онъ долженъ ежедневно прослушать мессу. Дальнѣйшее теченіе разсказа, вошедшаго въ извѣстный сборникъ Cento-Novelle Antiche (№ 51), для насъ въ данный моментъ не интересно, а потому я оставляю его въ сторонѣ.

Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ феодальной бытъ смягчился до своего высшаго выраженія въ рыцарствѣ, отвлеченному содержанію котораго не отвѣчали болѣе узко-національныя тенденціи Карловингскаго романа. Оно требовало новаго идеальнаго выраженія, которое и нашлось въ рыцарскихъ романахъ Круглаго стола, отразившихъ на себѣ идеальныя побужденія рыцарства, отрѣшеннаго силою событій отъ той привязанности къ землѣ, въ которой почерпнула силу прежняя феодальная исключительность. Романъ карловингскій смѣнился такъ называемыми romans d'aventures, въ родѣ Huon de Bourdeaux, съ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ эпическими темами. Huon de Bourdeaux романъ XIII в., изъ котораго Виландъ въ 1780 г. заимствовалъ матеріалъ для своего Оберона, привязанъ къ старымъ

chansons de geste лишь именемъ Карла Великаго, а въ сущности это романъ изъ восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Въ Partenopex de Blois нѣтъ даже и этой тѣни внѣшней связи съ карловингскимъ цикломъ; предъ вами романъ съ феями и т.п. сказочными элементами. Этими романами открывается рядъ произведеній, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаютъ romans de la table ronde.

Романы круглаго стола.

Изученіе этихъ романовъ слишкомъ долго привыкли считать удѣломъ кельтологовъ, находившихъ въ нихъ, съ точки зрѣнія завзятаго патріотизма, народныя преданья и повѣрья кельтскаго племени, которому такимъ образомъ отдавалась въ средневѣковой романтикѣ первенствующая роль, не найденная имъ въ исторіи. Имена и лица, весь смыслъ событій и сказочные мотивы — все это въ романахъ круглаго стола было кельтское, такъ по крайней мѣрѣ толковалось, не безъ натяжекъ, не безъ насилованія хронологіи и естественныхъ требованій исторической критики. Представителями этого экзегетическаго направленія являются Hersart de la Villemarqué и Шульцъ, прикрывшійся именемъ San Marte. Въ послѣднее время нѣсколько авторитетныхъ голосовъ высказалось противъ этой крайности: я укажу только на Zarncke, Holtzmann'a, Nash'a, Stephens'a, Wright'a,

Arbois de Jubainville и др.; всего менѣе она находитъ сочувствія въ Англіи. Не смотря на это кельтская гипотеза такъ прочно овладѣла научнымъ сознаніемъ, что къ ней и теперь продолжаютъ обращаться изслѣдователи разбираемаго нами романтическаго цикла. Находя въ обработкахъ сказаніе о Граалѣ соединеннымъ съ сагой объ Артурѣ, Барчъ заключаетъ изъ этого къ ихъ кельтской основѣ; Paulin Paris продолжаетъ говорить по поводу пересказанныхъ имъ романовъ круглаго стола о бретанскихъ повѣстяхъ и пѣсняхъ (lais), въ которыхъ французскіе труверы, будто-бы, почерпнули содержаніе своихъ разсказовъ; при другомъ случаѣ онъ говоритъ еще о какой-то особой традиціи галлобретонской церкви.

Мы удерживаемъ въ этомъ мнѣніи лишь общее указаніе на религіозную, церковную традицію. Относительно, по крайней мѣрѣ, одной вѣтви романовъ круглаго стола (отвѣчающихъ двумъ направленіямъ: религіозному и свѣтскому – любви) большинство изслѣдователей согласно, что источника ея слѣдуетъ искать въ памятникѣ именно такого характера. Я говорю о романѣ святаго Грааля, основанномъ, какъ извѣстно, на данныхъ Никодимова Евангелія, особенно его первой части.

Въ настоящее время вопросъ о происхожденіи этой группы романовъ круглаго стола можно считать рѣшеннымъ не въ пользу кельтологовъ.

На очереди стоитъ вопросъ о происхожденіи свѣт-
ской группы романовъ разбираемаго нами цикла.
Романы эти явились въ XII вѣкѣ въ пору раз-
цвѣта рыцарства, когда произошло завоеваніе
Англіи норманнами, которое повело къ тѣсно-
му сношенію двухъ народностей; часть англійской
литературы писалась по-французски, многое
бралось изъ французскихъ романовъ; англонор-
мандскіе труверы, эти записные популяриза-
торы всѣхъ возможныхъ романтическихъ моти-
вовъ, воспользовались матеріаломъ, даннымъ
литературой апокрифовъ, привели его въ связь съ
другими повѣстями такого-же книжнаго характера,
безпочвеннаго въ національномъ смыслѣ; на этотъ
разъ мы склонны вѣрить ихъ постояннымъ напоми-
наніямъ, что источникомъ ихъ была латинская книга.

Кельтологи въ виду того, что сказаніе о
Граалѣ было приведено въ связь съ цикломъ Арту-
ра и Мерлина, относили развитіе этихъ легендъ
къ Бретани, объясняя его особыми политическими
обстоятельствами, поднявшими народный духъ и обно-
вившими вмѣстѣ съ желаніемъ свободы, старыя
преданія кельтской исторіи. Но все-ли въ этихъ
преданіяхъ народно и многое-ли принадлежитъ
области исторіи? Оказывается на повѣрку, что со-
судъ св. Грааля фигурируетъ уже въ [illegible]
книгѣ, не имѣющей ничего общаго съ [illegible] ни съ
было народностью вообще; короля Артура ра-

мановъ Круглаго стола также слѣдуетъ наполовину выгородить изъ исторіи: „онъ созданіе если не вымысла, то недоразумѣнія, либо патріотическаго подлога". x) Распространенность имени Мерлина, котораго кельтологи отождествляли съ Merddhin'омъ, предполагаемымъ бардомъ VI вѣка, не можетъ быть истолкована въ томъ смыслѣ, что и самое имя, и соединенныя съ нимъ легенды были первоначально кельтскія. Она только свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи романовъ Круглаго стола, проникшихъ въ народъ тѣмъ либо другимъ своимъ отрывкомъ и вызвавшихъ цѣлый кругъ сказокъ, основанныхъ уже на литературномъ источникѣ. Таковы являются напр. валлійскія Mabinogion, прото-народныя передѣлки французскихъ романовъ, тогда какъ до послѣдняго времени патріотическое ослѣпленіе кельтомановъ полагало обратно, что романы пошли отъ Mabinogion. На самомъ дѣлѣ тутъ произошло то-же самое, что и съ итальянскимъ циклическимъ романомъ (конца XIV в.): I Reali di Francia, четвертая книга котораго, посвященная разсказамъ о Buovo d'Antona, послужила матеріаломъ для русскихъ сказокъ о Бовѣ Королевичѣ xx)

Въ однихъ изъ романовъ Круглаго стола весь интересъ отданъ свѣтской любви къ дамѣ: она

x) Holtzmann, Artus въ журн. Germania XII.

xx) А. Веселовскій въ Ист. Р. Л. Галахова. I изд. I т. стр. 451-460.

является главнымъ центромъ, ради ея совершаются всѣ подвиги рыцарей, а таковыхъ является цѣлый рядъ; это Gawein, Iwein, Erek, Тристанъ, Персеваль (Парцифаль) и самый знаменитый Ланцелотъ. Романъ о Ланцелотѣ наиболѣе поэтическій, какимъ считалъ его Данте: великій флорентинецъ заставляетъ читать его свою Франческу да Римини. Всѣ эти герои такъ или иначе привязаны къ имени Артура, но эта связь еще слабѣе, чѣмъ связь кіевскихъ богатырей съ княземъ Владиміромъ. Это также циклизація романовъ, какая имѣла мѣсто въ развитіи французскаго эпоса. Очень вѣроятно, что нѣкогда они стояли отдѣльно отъ Артура, и, дѣйствительно, у насъ есть такой романъ это „Тристанъ и Изольда". Тристанъ, племянникъ короля Марка Корнуэльскаго, стоитъ въ сторонѣ отъ этого притягательнаго центра.

Другой циклъ романовъ Круглаго стола, объединенный именемъ св. Граля, наполненъ стремленіями къ иной любви, любви къ св. чашѣ, разсказы о которой принадлежатъ къ области легендъ и апокрифовъ, но получаютъ здѣсь новый колоритъ — мистически-религіозный. Объектъ этихъ романовъ — стремленіе къ единенію съ этимъ мистическимъ источникомъ благодати, но въ герояхъ слишкомъ много свѣтской грѣховности и только нѣкоторые изъ нихъ сподобятся узрѣть его.

Было-бы очень долго знакомить васъ съ содержаніемъ этихъ романовъ, да оно и не такъ важно, какъ знакомство съ самымъ стилемъ и съ тѣмъ, что сдѣлали романисты съ матеріаломъ, который одни видятъ въ бретонскихъ сказахъ, другіе (и въ томъ числѣ я) въ легендахъ и апокрифахъ. Такъ или иначе мы натыкаемся на вопросъ объ источникахъ.

Источники романовъ первой свѣтской группы.

Въ средніе вѣка были распространены особаго рода произведенія, которыя состояли на половину изъ разсказа, на половину изъ пѣсни, произносившейся речитативомъ и иногда сопровождались мимическимъ дѣйствомъ. Такова новелла „Aucassin et Nicolete", изданная впервые Меономъ*) съ нотами. Это chant-fabliau съ содержаніемъ, идущимъ вѣроятно съ востока, напоминаетъ византійскій романъ о Флуарѣ и Бланкфлорѣ. Тутъ мы видимъ странное смѣшеніе разсказа и пѣсни (которая дѣйствительно пѣлась, ибо часть стиховъ сопровождается нотами, напр. въ самомъ началѣ:

Все это сопровождается мимическимъ дѣйствіемъ

*) Fabliaux et contes... publ. par Barbazan. Nouvelle édition, augm. par M. Méon. Paris. 1808. T. I 380-418. Новое изданіе съ словаремъ и грамматикой сдѣлано Hermann'омъ Suchier: Aucassin und Nicolete neu nach der Handschrift. Paderborn. 1870. Переводъ принадлежитъ Sainte-Palaye: les amours du bon vieux temps

и напоминаетъ своимъ характеромъ бретонскіе lais. Содержаніе Aucassin et Nic. не взято изъ историческихъ преданій: это сказочный разсказъ въ пѣснѣ, это одна изъ тѣхъ балладныхъ пѣсенъ, которыхъ много и у насъ, а тѣмъ болѣе въ Германіи и Франціи. Такія балладныя пѣсни, именуемыя lais, послужили матеріаломъ для первыхъ романовъ. Значеніе старыхъ lais уяснилъ впервые Фердинандъ Вольфъ, о нихъ писалъ Paulin Paris и сотрудники цитованной выше Histoire Littéraire de la France.*) У насъ есть и имя авторши, обработавшей lais. Она зоветъ себя Marie de France.**) Прежде думали, что она жила въ половинѣ XIII в. при дворѣ англійскаго короля Генриха III. Новое изслѣдованіе убѣждаетъ насъ, что время ея жизни

) Poésies de Marie de France, poete anglonormand du XIII e siecle, publiées d'après les mss. par B. de Roquefort. Paris. 1820. 2 vol. 8° *) Romania. Année 8 (1879 г.) p. 38. статья G. Paris'a.

*) Ueber die Lais, Sequenzen und Leiche; ein Beitrag zur Geschichte der rhythmischen Formen und Singweisen der Volkslieder und der volksmaessigen Kirchen- und Kunstlieder im Mittelalter, von Ferdinand Wolf. Heidelberg 1841. 8° — Les Romans de la table ronde mis en nouveau langage et accompagnés de recherches sur l'origine et le caractère de ces grandes compositions par Paulin Paris всего 5 томиковъ. Paris 1868. т. I. s. 1-27. Hist. Litt. T. XIV. 212. XVIII. 731. XXIII. 61-62. 512-576.

надо отодвинуть нѣсколько назадъ; такъ какъ ея стиль отзывается XII вѣкомъ, а норвежскій сборникъ Strengleikar, гдѣ переведены нѣкоторые изъ ея lais, былъ сдѣланъ въ царствованіе Гакона IV (1217–1263)ˣ

Недавно открыто еще нѣсколько lais, напечатанныхъ Гастономъ Пари въ журналѣ Romania за 1879 (стр. 29–72). Всѣ они отличаются общностью именъ и притомъ кельтскаго характера, мѣсто дѣйствія Бретань французская или англійская, а ихъ содержаніе сказочное, вызывающее параллели изъ народныхъ сказокъ. Я приведу нѣсколько изъ этихъ новооткрытыхъ lais, которые важны для генезиса романовъ позднѣйшихъ.

а) Lai de Tyolet.

Всякій, кто знакомъ съ Парсифалемъ Вольфрама-фонъ-Эшенбаха увидитъ въ разбираемомъ нами lai нѣчто знакомое. Но Эшенбахъ не могъ заимствовать содержаніе отсюда: его источникъ — извѣстный труверъ XII вѣка Крестьянъ де Труа (Chrestiens de Troyes) и еще какой-то провансалецъ Гіо (Guiot, Kyot), въ существованіи котораго ученые сильно сомнѣваются не смотря на то, что самъ Вольфрамъ ссылается на него. Сходство lai de Tyolet съ Парсифалемъ Крестьяна поразительно: Парсифаль, какъ и

ˣ) Romania Année 8 1879 г. стр. 38 статья G. Paris'а

Тіоле - сынъ вдовы, поселившейся въ лѣсу; оба они воспитаны въ невѣдѣніи о рыцарствѣ; оба знаютъ одну охоту..., но прежде чѣмъ сравнивать, познакомлю васъ съ содержаніемъ lai о Тіоле. Отецъ Тіоле убитъ въ бою, жена удалилась въ лѣсъ и тамъ воспитываетъ своего сына. Тіоле рано приучается охотиться и питаетъ этимъ себя и мать. Какая-то фея (тутъ начинается рядъ сказочныхъ мотивовъ) надѣлила его особымъ даромъ: звѣри сами идутъ къ нему въ руки, какъ только онъ засвищетъ. Разъ онъ встрѣтилъ на охотѣ большого оленя, вонзилъ ему ножъ въ бокъ и .... олень превратился въ рыцаря (вы помните, что Тіоле доселѣ не имѣлъ еще никакого понятія о рыцаряхъ). Рыцарь спрашиваетъ его, кто онъ и какъ его зовутъ. Тіоле называетъ себя, выкладываетъ на показъ свою генеалогію и въ свою очередь интересуется знать, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить. Незнакомецъ отвѣчаетъ, что его зовутъ рыцаремъ. Тіоле наивенъ: онъ спрашиваетъ, что за звѣрь называется рыцаремъ. „Скажите мнѣ, chevalier beste, говоритъ онъ, что это у васъ на головѣ?" Рыцарь называетъ по именамъ всѣ части своего вооруженія. Тіоле заинтересованъ, услышавъ, что рыцарь живетъ подвигами; вернувшись домой, онъ объявляетъ матери о своемъ намѣреніи сдѣлаться рыцаремъ; въ немъ проснулась отцовская жилка и мать, скрѣпя сердце, принесла ему вооруженіе своего покойнаго мужа. Она посылаетъ его къ королю Артуру.

Тіоле является туда, назывaетъ себя по имени, выставляетъ на видъ свой титулъ chevalier beste, объясняетъ, что пріѣхалъ учиться куртуазіи и рыцарскому дѣлу. Въ это самое время была тамъ красавица, дочь логрскаго короля. Она обѣщаетъ выйти за-мужъ за того изъ Артуровыхъ рыцарей, который принесетъ ей ногу золотой лани, охраняемой семью львами; въ проводники она даетъ свою собаку. Нѣсколько рыцарей одинъ за другимъ отправлялись на этотъ подвигъ и возвращались ни съ чѣмъ. Наконецъ, отправляется туда Тіоле; онъ убиваетъ лань, но падаетъ въ изнеможеніи отъ ранъ, нанесенныхъ ему львами, которыхъ онъ всетаки успѣлъ избить. Въ это время проѣзжалъ какой-то рыцарь; Тіоле съ трудомъ разсказалъ ему все, какъ было, и вручилъ ногу убитой лани. Тутъ надо дополнить по сказкамъ о змѣеборцѣ: проѣзжій рыцарь добиваетъ Тіоле, ѣдетъ ко двору Артура, выдаетъ себя за побѣдителя и требуетъ руки красавицы, но съ нимъ нѣтъ собаки; король Артуръ рѣшился подождать Тіоле. Между тѣмъ прибѣжала и собака; съ нею отправляется Gauvains на поиски за Тіоле, находитъ его и поручаетъ попеченію одной дамы, а самъ возвращается къ Артуру и пристыжаетъ самозванца. Тотъ разыгрываетъ оскорбленную невинность, но къ вящему стыду рыцаря въ залу входитъ выздоровѣвшій Тіоле, который прощаетъ нахала и вручаетъ красавицѣ ногу лани.

Fleur de lis ou rose novele
Quant primes nest el tans d'esté

Л. разрѣш. проф. А. Веселовскаго. — Л. 15. ист. романа.

Лит. Гробовой. Пет. ст. Б. пр. д. 23.

Trespassait ele de biauté.
Tyolet l'a donc demandée;
Li rois Artur li a donée,
Et la pucele l'otroia,
En son pais donc le mena;
Rois fu et ele fu roine
De Tyolet le lai ci fine.

[Похорошъла она словно лилія или роза только что распустившаяся въ лътнюю пору; Тіоле попросилъ у нея руки, король Артуръ отдалъ ее ему и дъвушка согласилась на это, отвезла его въ свою землю; онъ сталъ царемъ, она царицей. Тутъ кончается пъсенка про Тіоле.].

б) Lay de Guingamor.

[напечатанъ въ Romania. 1879. p. 51–59. Гастономъ Пари]

Некогда жилъ въ Бретани король; ne sai por voir (= лат. verus) nomer son non [не умъю взаправду назвать его имя]; у него былъ племянникъ Гэнгаморъ, рыцарь на славу; король любилъ его и прочилъ себъ въ наслъдники (oir = herus, heres.), такъ какъ былъ бездътенъ. Въ Генгамора влюблена его тетка, жена его дяди. Разъ когда король уъхалъ на охоту, она призвала къ себъ Генгамора. и объяснилась ему въ любви:

Amer vos voil de druerie,
Et que je soie vostre amie.
Vos estes biax et je sui gente.

[Я хочу любить васъ какъ любовница, хочу быть вашею милой. Вы красивы, и я не дурна]. Она поцъловала его, и Генгаморъ понялъ, какой она хочетъ любви; онъ застыдился, покраснълъ и бросился вонъ изъ комнаты. Она схватила его за плащъ, ремешки оборвались, и плащъ остался въ ея комнатъ. Боясь, что король узнаетъ о ея прока-

залъ, королева послала плащъ со служанкой къ Генгамору, а за обѣдомъ, когда вернулся король, обратилась къ сидѣвшимъ за столомъ рыцарямъ съ предложеніемъ отправиться въ извѣстный лѣсъ и убить живущаго тамъ вепря: она имѣла въ виду вызвать на этотъ подвигъ Генгамора и удалить его долой съ глазъ, на рыцарей она не разсчитывала. И дѣйствительно

Tuit se taissent li chevalier
Qui ne se veulent essaier.
Par la sale sont tuit pensif,
N'i ot ne noise ne estrif.

[Молчатъ всѣ шевалье, не хотятъ попытаться. Всѣ въ залѣ погружены въ думу; не было ни шуму, ни спора. I ot = Il y eut = ibi habuit].

Но Генгаморъ рѣшается идти въ этотъ лѣсъ. Дядя удерживаетъ его: уже 10 рыцарей ходили туда и не вернулись. Генгаморъ не слушаетъ и идетъ на подвигъ. Въ лѣсу, охотясь за вепремъ, онъ увидалъ дѣвушку, купавшуюся въ источникѣ, красавицу, какой не видывалъ свѣтъ. Генгаморъ, увидавъ на деревѣ ея одежду, похищаетъ ее и вѣшаетъ на дубъ: онъ хочетъ сперва изловить вепря и затѣмъ вернуться сюда, надѣясь, что красавица не уйдетъ отсюда нагишемъ.*) Но дѣвушка проситъ его не трогать ея одежды и приглашаетъ Генгамора къ себѣ въ домъ отдохнуть. Они отправились вмѣстѣ, и по дорогѣ Генгаморъ молитъ дѣвушку, чтобъ она полюбила его. Она отвѣчала на это согласіемъ. Они въѣхали во дворецъ, гдѣ Генгаморъ увидѣлъ тѣхъ 10 рыцарей, которые ходили въ этотъ лѣсъ до него и не вернулись. Два дня прошли незамѣтно посреди удовольствій, на третій день Генгаморъ проситъ у красавицы

*) Тотъ же мотивъ повторяется и въ сѣверной Эддѣ и въ русскихъ сказкахъ.

уставить ему его собаку и вепря и хочетъ отправиться къ дядѣ, чтобъ разсказать ему обо всемъ видѣнномъ и затѣмъ вернуться опять къ своей милой, но . . . оказывается, что онъ провелъ во дворцѣ не три дня, а триста лѣтъ:

> Autrement li fu trestorné:
> Car trois cents anz i ot esté.
> Mors fu li rois et sa mesnie,
> Et toz iceus de sa lignie
> Et les citez qu'il ot veues
> Furent destruites et cheues.

Сличите съ этимъ восточную легенду о семи спящихъ юношахъ. Я коснулся ея въ моей рецензіи на книгу: Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie von John Koch. Leipzig 1883. Когда императоръ Декій воздвигъ въ Эфесѣ гоненіе на христіанъ, семь знатныхъ юношей упорно отказались поклониться языческимъ богамъ: Максиміанъ, Діомедъ, Евгеній, Стефанъ, Пробатій, Саббатій и Киріакъ. Щадя ихъ юность и не желая подвергать ихъ мученіямъ, императоръ даетъ имъ сроку покориться, пока онъ вернется изъ путешествія по другимъ городамъ. Раздавъ часть своего достоянія неимущимъ, юноши рѣшаются искать убѣжища въ пещерѣ горы Анхіала, гдѣ проводятъ время въ молитвѣ, дабы укрѣпить себя для предстоявшаго имъ испытанія. Между тѣмъ, Декій вернулся и ищетъ ихъ: такъ разсказываетъ одинъ изъ нихъ Діомедъ въ образѣ нищаго

ходившій въ городъ за пищей и успѣвшій захватить съ собою лишь нѣсколько хлѣбовъ. Они садятся за ужинъ, глаза, отягченные слезами, сомкнулись, и они уснули: Господь уготовилъ имъ тихую смерть, а въ нихъ орудіе будущаго чуда.

Полагая, что они еще живы, императоръ велѣлъ замуравить къ нимъ входъ. Прошли вѣка и въ 38 году царствованія Өеодосія II случилось слѣдующее: Адолію, владѣльцу Анхіала, понадобились камни для постройки; съ этою цѣлью онъ велѣлъ разобрать каменную стѣну, закрывавшую входъ въ пещеру. Въ то-же время очнулись спавшіе въ ней юноши. Вѣковой сонъ показался имъ сномъ одной ночи; они посылаютъ Діомеда достать пищи и узнать о рѣшеніи Декія. Діомедъ не узнаетъ Эфеса. Старинная монета, которою онъ расплатился въ пекарнѣ, обратила на него вниманіе и возбудила подозрѣніе, что онъ утаилъ найденный имъ кладъ древнихъ царей. Его ведутъ къ епископу и анѳипату, онъ-же думаетъ, что его ведутъ къ Декію. Все открывается: императоръ, вызванный изъ Константинополя еще застаетъ ихъ въ живыхъ; предъ нимъ они преклонили головы и заснули сномъ смерти. Въ основѣ сказанія лежитъ историческій фактъ: нѣсколько христіанъ, спасаясь отъ преслѣдованія Декія, искали убѣжища въ пещерѣ, гдѣ и погибли, вѣроятно, замуравленные. Это успеніе было истолковано какъ сонъ, который лишь впослѣдствіи получилъ фантастическую окраску подъ воздѣйствіемъ мѣстнаго суевѣрія. (Ж. М. Нар. Пр. 1883. ноябрь. стр. 152-159)

Красавица не совѣтуетъ ему ѣхать, потому что вся его родня перемерла. Генгаморъ не вѣритъ ея словамъ. Она даетъ ему голову вепря и собаку. „Предупреждаю васъ, сказала красавица, переправившись за рѣку, не ѣшьте и не пейте ничего изъ того, что увидите, хотя-бы вы были очень голодны". Генгаморъ встрѣчаетъ одного крестьянина, спрашиваетъ, гдѣ живетъ его дядя. Изъ разсказа крестьянина видно, что красавица говорила Генгамору правду. Генгаморъ даетъ крестьянину голову вепря   велитъ разсказать всѣмъ о его приключеніяхъ и ѣдетъ обратно во дворецъ. На пути онъ почувствовалъ сильный голодъ; увидавъ возлѣ дороги дикую яблоню, Генгаморъ сорвалъ три яблока, съѣлъ ихъ и тотчасъ одряхлѣлъ, свалился съ лошади и не могъ пошевельнуться ни рукой, ни ногой. Двѣ дѣвушки увидали его, посадили на лошадь и отвезли его во дворецъ. Крестьянинъ вернулся домой, показалъ королю голову вепря, а король въ воспоминаніе о Генгаморѣ велѣлъ сложить этотъ lai:

De Guingamor retint le non,
Einsi l' apelent li Breton.

c) Lai de Tydorel

(напечат. Gaston'омъ Paris въ Romania 1879. p. 67-72).

У короля Бретанскаго 10 лѣтъ не было дѣтей. Разъ онъ былъ на охотѣ, а жена пошла съ дѣвушками въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ, легла на траву и заснула, облокотившись на одну дѣвушку,

которая спала, какъ убитая. Вдругъ королева проснулась и увидала красиваго рыцаря. Онъ сталъ просить, чтобъ она его полюбила: иначе ей не видать красныхъ дней. Это былъ рыцарь озера, и отъ него королева родила Тидореля. Мальчикъ былъ красивъ и силенъ, но никогда не спалъ; для развлеченія къ нему приводили на ночь пѣсенниковъ и разсказчиковъ. Разъ слуги обратились къ сыну одной вдовы, приказывая ему занимать Тидореля пѣснями или сказками. Тотъ отказывается, потому что не знаетъ ни пѣсенъ, ни сказокъ. Мать, боясь дурныхъ послѣдствій, совѣтуетъ ему идти къ Тидорелю и въ крайнемъ случаѣ сказать: я, молъ, знаю одно, что тотъ не человѣкъ, кто не спитъ. Услышавъ отъ парня такія слова, Тидорель бросился къ матери въ спальню, разбудилъ ее и заставилъ сказать, чей онъ сынъ. Услышавъ, что его отецъ рыцарь озера, Тидорель сѣлъ на лошадь, пріѣхалъ къ озеру и бросился въ глубину, откуда больше не вернулся.

Cest conte tiènent a verai
Li Breton qui firent le lai.

Какъ видите, все это обычные сказочные мотивы, которые отнюдь нельзя назвать специально бретонскими: въ романѣ Эйльгарда фонъ Оберге о Тристанѣ и Изольдѣ есть напр. черты, сходныя съ древнѣйшей египетской сказкой, которая находится у Масперо и пересказана Стасовымъ въ Вѣстникѣ Европы

за 1868 г. (октябрь). Эти мотивы послужили основой для романовъ круглаго стола; пока они представляютъ лишь канву, имъ не достаетъ того, что составляетъ сущность романа.

Источники романовъ второй группы.

Это романы характера религіознаго, главная тема ихъ — исканіе мистической благодати. Они подверглись гоненію церкви, были включены въ index запрещенныхъ книгъ, такъ что въ ватиканской библіотекѣ вамъ ихъ не выдадутъ. И дѣйствительно, въ нихъ нѣсколько иное отношеніе къ религіи, чѣмъ то, которое церковь считаетъ единымъ спасающимъ. Тутъ произошла та-же цикилизація, но въ другомъ родѣ: всѣ эти романы расположены въ хронологической послѣдовательности, причемъ одинъ служитъ продолженіемъ другаго.

Къ 1160-70 годамъ относится романъ Roberta de Boron объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ; одновременно съ нимъ появился прозаическій пересказъ того-же сюжета съ именемъ св. Грааля, непосредственно за Іосифомъ де Боронъ переходитъ къ пятой вѣтви сказанія о чашѣ и пишетъ въ стихахъ романъ о Мерлинѣ. Романы о св. Граалѣ и Мерлинѣ являются ранѣе прочихъ и именно въ этой послѣдовательности. Такое сопоставленіе позволяетъ заключить, что источникъ сказанія о послѣднемъ могъ быть однороденъ съ источникомъ романа о св. Граалѣ, т.е. такой-же апокрифъ. И въ самомъ дѣлѣ,

если сказанiе о св. чашѣ основано на мотивахъ первой части Никодимова Евангелія, то легенда о Мерлинѣ представляется мнѣ какъ-бы распространеніемъ его второй половины.

Затѣмъ около 1190 появился Saint-Graal Кретьяна de Труа, который идеализировалъ всѣ эти романы и былъ вдохновителемъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха, Гартмана фонъ-Ауе, Ульриха фонъ-Цацихофена (Zazichoven) и Эйльгарда фонъ-Оберге. Кретьянъ написалъ между прочимъ своего Perceval le Gallois, который послужилъ однимъ изъ источниковъ для Парциваля Вольфрама фонъ-Эшенбаха. До 1204 года написанъ былъ еще le grand Saint-Graal, такъ что на разстояніи 30 лѣтъ съ небольшимъ явился цѣлый циклъ романовъ о Граалѣ, связанныхъ генеалогически. Наконецъ, явились еще продолжатели: такъ около 1300 г. неизвѣстный писатель пустилъ въ свѣтъ своего Лоэнгрина, служащаго продолженіемъ Парциваля. Лоэнгринъ представляетъ сплоченіе двухъ сюжетовъ: во-первыхъ въ него вошли сказанія о Готфридѣ Бульонскомъ, а во-вторыхъ, конецъ Лоэнгрина взятъ изъ романовъ о св. Граалѣ, основанныхъ на данныхъ Никодимова Евангелія, особенно первой его части. Тамъ разсказывается о томъ, какъ Іосифъ Аримаѳейскій снялъ Іисуса со креста и положилъ въ своемъ склепѣ святое тѣло, за что евреи заключили его въ темницу. Здѣсь, по воскресеніи является ему Христосъ и освобождаетъ его. По взятіи Кесаріи (1101) кресто-

носцами, нашли сосудъ изъ цѣльнаго смарагда; поэты отождествили его съ чашей тайной вечери; подъ впечатлѣніемъ этой вѣсти могли разсказывать, что Іосифъ не былъ чудеснымъ образомъ выведенъ изъ темницы, а наоборотъ, оставался въ ней долгіе годы, поддерживаемый чудеснымъ даромъ явившагося ему Спасителя: той самой чашей, которая послужила ему въ послѣдней трапезѣ, въ которую Іосифъ собралъ капли божественной крови, вокругъ которой будутъ совершаться въ позднѣйшихъ романахъ безконечныя чудеса. Откуда-бы ни происходило названіе Graal[x)] во всякомъ случаѣ авторы романовъ о св. Граалѣ работали надъ апокрифической легендой. По мимо Никодимова Ев. источникомъ служили Acta Pilati различныя, апокрифическія, напечатанныя у Tischendorf'a въ Evangelia apocrypha, и Vindicta Salvatoris (о взятіи Іерусалима въ отмщеніе за смерть Христа).

Чудеса Грааля таковы, что все грѣшное человѣчество не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста, тогда какъ его поднимаетъ нѣжная женская рука; онъ дается не физической, а сердечной чистотѣ. Святая чаша хранится въ храмѣ на подобіе Соломонова; тамъ стерегутъ ее король и рыцари Грааля; они отказались отъ плотской любви и всякаго порока, приняли обѣты дѣвственности, вѣрности, смиренія. Постоянное созерцаніе Грааля давало вѣчную жизнь. Блюстители его, храмовники,

x) см. А. Веселовскій. Слав. сказ. о Солом. и Кит. р. 190-191.

составили родъ духовно-рыцарскаго братства.

Это позволяетъ привести его легенду въ связь знаменитымъ орденомъ тампліеровъ, у которыхъ мы находимъ слѣды сказанія о Гралѣ.

Такимъ образомъ сначала существовали отдѣльно сказки, lais, баллады и легенда о св. Гралѣ. Затѣмъ все это сплотилось воедино, и въ результатѣ получился напр. Персеваль.

Мы уже видѣли, что воспитаніе Персеваля то-же самое, что и воспитаніе Тіоле. Стало быть, эта часть романа должна быть выдѣлена, если мы станемъ разлагать его на составныя части. Какъ видите, гипотеза кельтомановъ не можетъ устоять ни тамъ, ни тутъ: Мерлина, Ланцелота, Тристана и др. нечего было искать въ далекихъ преданіяхъ кельтовъ, когда источники легендъ и, можетъ быть, самыхъ названій были въ восточно-византійскихъ пересказахъ x)

x) Содержаніе романовъ о св. Гралѣ и круглаго стола, а равно и библіографію по данному вопросу см. въ Приложеніи къ Лекціямъ.

Итальянская новелла.

Мы разсмотрѣли первое развитіе эротическаго романа на почвѣ рыцарства. Рыцарскій идеалъ отличался нѣкоторыми крайностями, нѣкоторою замкнутостью: это былъ идеалъ сословный, не успѣвшій спуститься изъ замка и его отношеній къ семью, лишенный широкой общественной дѣятельности. Эта исключительность и отсутствіе естественной почвы дали ему захирѣть преждевременно, и онъ долженъ былъ скоро уступить свое мѣсто новымъ идеямъ. Рыцарская любовь или превратилась въ мистическую идеальную любовь трубадуровъ, Данте и Петрарки, или стала формальной, лишенной реальнаго содержанія: всякіе взгляды по этой повторяются монотонно и на темѣ разговоровъ о любви слагается однообразный этическій кодексъ. Въ результатѣ получилось паденіе рыцарскаго идеала и соотвѣтствующей литературы предъ натискомъ новыхъ идей. Чтобы послѣднія могли приняться въ жизни, надо было уничтожить искусственный сословный принципъ и такой сильной средой [illegible] неизбѣжно являются [illegible] судоводеніи. Эту роль принимаютъ на себя города. Въ нихъ [illegible]

сословія, поступаясь своею исключительностью; рыцари начинаютъ по немногу строиться въ городахъ, хотя на ихъ постройкахъ еще долгое время сохраняется отпечатокъ феодальнаго замка; народу легче было сходиться съ горожанами, потому что здѣсь сословная преграда меньше чувствовалась, или ея не было вовсе. Такимъ образомъ, явилась въ жизнь безразличная объективная среда, на которой рыцарь и вилланъ, дама и горожанинъ мирно сходились къ общему признанію человѣка. Широкое развитіе торговыхъ сношеній, которымъ города по преимуществу обязаны своимъ новымъ значеніемъ, расширило умственный горизонтъ и приводило съ собою массу реальнаго знанія: это помогло подрыть какъ сословную исключительность, такъ и религіозную.

Въ странахъ, какъ Италія, гдѣ преданія муниципій и римскаго соціальнаго устройства должны были сохраниться живыми, все это явилось не столько переворотомъ или вторженіемъ новаго принципа въ исторію, сколько естественнымъ развитіемъ коренныхъ началъ жизни, лишь временно затемненныхъ случайными посторонними вліяніями. Нельзя отрицать, что феодальный бытъ успѣлъ закрѣпиться и на окраинахъ Италіи, принося съ собою свои понятія, свою нравственность и поэзію трубадуровъ, нельзя отрицать и сильный провансальскій элементъ въ итальянской поэзіи первыхъ вѣковъ. Но это вліяніе

чужое; рядомъ съ нимъ народная жизнь должна была развиваться на своеобразныхъ основахъ, завѣщанныхъ римскою древностью. Преданія римскаго городскаго устройства сберегались нетронутыя, хотя и забытыя отчасти. Прибавьте къ этому вѣковую борьбу между папствомъ и имперіей, борьбу за народную самостоятельность съ притязаніями всемірнаго императорства. Народное самосознаніе крѣпнетъ, доходя до пафоса Иль Біа тіа Петрарки. Съ протестомъ антифеодальнымъ, антисословнымъ, который отличаетъ выходъ изъ среднихъ вѣковъ, соединяется и протестъ личности противъ аскетическаго строя жизни, который неизмѣнно сокрушаетъ всѣ ея проявленія. Въ Италіи это освобожденіе личности обусловилось самымъ характеромъ политической борьбы. Итальянецъ изъ сегодняшняго гвельфа становился завтра гибеллиномъ, сегодня съ папой противъ императора, завтра съ университетомъ и кодексомъ Юстиніана противъ церкви и ея декреталій. Такая обоюдоострая роль, созданная обстоятельствами, необходимо подрывала вѣру во всѣ наличныя, общественныя и нравственныя опредѣленія. Вѣра въ непогрѣшимость традиціи исчезла, потому что сознавалась возможность выбора. Лучшимъ выраженіемъ этого культурнаго переворота въ понятіяхъ итальянскаго общества служитъ литература новеллъ: мы разумѣемъ, по преимуществу, новеллы перваго періода итальянскаго

Renaissance: Боккаччьо, Саккетти, Ser Giovanni и т. п. Первый починъ принадлежитъ Боккаччьо, если не считать новеллами извѣстный сборникъ Cento novelle antiche (100 старыхъ новеллъ), сложившійся въ Италіи еще до Боккаччьо. Составленіе сборника, полнаго отчасти историческихъ, отчасти легендарныхъ воспоминаній о Фридрихѣ II, относится къ концу XIII вѣка. Матеріаломъ для него послужили фабльо, старыя итальянскія хроники, новѣйшіе историческіе факты, шутки, ходившія по устамъ народа, Gesta Romanorum, Disciplina Clericalis Петра Альфонси и т. п. Боккаччьо глава итальянскихъ новеллистовъ и творецъ того художественнаго разсказа, который, благодаря ему, дѣлается насущной формой итальянской литературы, выражая новыя потребности жизни, которыя онъ первый сумѣлъ формулировать.

Джьованни Боккаччьо.

Боккаччьо — человѣкъ 14 вѣка, который, можетъ быть, названъ началомъ итальянскаго и позднѣе общеевропейскаго развитія. Онъ жилъ тамъ, гдѣ рядомъ съ христіанскимъ ученьемъ продолжаетъ жить воспоминаніе другой религіи. Въ такую пору слагается новая религіозность, болѣе далекая отъ возможности впасть въ мистицизмъ,

чѣмъ тамъ, гдѣ нѣтъ другаго критерія. Миѳологія Боккаччьо съ самаго начала классическая, для него она является не чѣмъ-то далекимъ, стоящимъ въ сторонѣ; она для него все еще живетъ, она наполняетъ его романы и идилліи: все это фантасмагорія, возможная лишь въ Италіи, гдѣ классическая традиція, на мой взглядъ, никогда не прекращалась. Боккаччьо возстановитель стараго греческаго романа; къ нему же восходитъ и первый замыселъ романа психологическаго. Изъ множества работъ касающихся Боккаччьо укажу двѣ-три, вполнѣ достаточныя для нашей потребы.

1. Landau. Giovanni Boccaccio, sein Leben und seine Werke. Stuttgart. 1877. Это первая порядочная біографія изъ писанныхъ въ наше время нашла себѣ итальянскаго переводчика, который присоединилъ къ переводу массу документовъ, такъ что книга Ландау увеличилась въ 10 разъ. Это:
2. Giovanni Boccaccio, sua vita e sue opere del dottor Marco Landau. Traduzione di Camillo Antona-Traversi approvata et ampliata dall'autore. In Napoli. 1881. 82. 2 тома. Цѣна 15 лиръ.
3. Koerting. Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. Bd. I. Petrarca,

Leben und Werke. Bd. II Boccaccio's Leben und Werke. Leipzig. 1878. 1880.

4. Voigt, Georg. Widerbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. 2 тома. Berlin. 1881. T. I. p. 165 и слд. и passim. Недавно появился русскій переводъ этой книги:

5. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Георга Фойгта. Перев. со 2-го нѣм. изд. перед. авторомъ И. П. Рассадинъ. Изд. К. Т. Солдатёнкова. М. 1884. T. I ц. 3 р. 50 к.

Во всѣхъ этихъ солидныхъ работахъ нѣтъ однако того, что мы желали-бы въ нихъ встрѣтить: нѣтъ Боккаччьо живымъ; всѣ они разсматриваютъ его какъ человѣка Возрожденія, какъ писателя, какъ эрудита и всѣ грѣшатъ слабостью психологическаго анализа. Кёртингъ вдобавокъ поднялъ еще старый вопросъ о безнравственности Боккаччьо, который, какъ извѣстно, былъ взысканъ запрещеніемъ римской церкви, обиженной его рѣзкими нападками. Кёртингъ вздумалъ защищать Боккаччьо отъ упрековъ въ скоромности, вздумалъ спасать то, чего не требовалось. Боккаччьо важенъ для насъ тѣмъ, что въ его произведеніяхъ есть элементъ личный, авторскій, а это вознаграждаетъ насъ

Лит. Гробовой. Пет. ст. Б. пр. д. 23.

статокъ памятниковъ для изученія его времени. Боккаччьо вносить въ свои романы и новеллы часть своей біографіи; большая часть его женскихъ типовъ не что иное, какъ варьяція одного типа, типа Маріи, которую Боккаччьо любилъ въ Неаполѣ.

Онъ родился въ 313 году, и до сихъ поръ идетъ споръ о томъ, кто была его мать: многіе желаютъ въ немъ видѣть плодъ законной любви, а не гражданскаго брака, хотя преданіе гласитъ, что отецъ Боккаччьо, купецъ по профессіи, въ бытность свою въ Парижѣ свелъ знакомство съ какой-то француженкой, которая подарила ему и міру творца новеллы. Отецъ покинулъ мать Боккаччьо, вернулся во Флоренцію или въ Чертальдо, свою родину. Стало быть, Боккаччьо могъ приложить къ себѣ стихи Гёте:

Vom Vater hab' ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen,
Vom Mütterchen die Frohnatur
Und Lust zu fabuliren.

Мать умерла и отецъ Боккаччьо женился на одной богатой женщинѣ. Когда мальчикъ подросъ, отецъ помѣстилъ его въ школу одного извѣстнаго грамматика Джьованни да Страда и затѣмъ въ купеческую контору. Боккаччьо повиновался, разумѣется, нехотя; онъ съ 8-ми лѣтъ былъ уже поэтомъ, писалъ стихи, не

умѣя еще скандировать, даже не научившись еще порядочно читать. Отецъ видѣлъ, что сынъ никогда не будетъ порядочнымъ торговцемъ и тѣмъ не менѣе не желалъ, чтобъ изъ него вышелъ поэтъ-бездѣльникъ: отъ римъ сытъ не будешь. Онъ рѣшился пустить его по ученой части, но думалъ при этомъ извлечь изъ книжекъ пользу. Въ то время одной изъ выгодноотличаемыхъ карьеръ была карьера каноника. Каноническое право давало и деньги, и почести, а тамъ, глядишь, и кардинальскую шапку. Для изученія этой хлѣбной науки отецъ послалъ сына въ Неаполь, куда ему приходилось часто ѣздить по торговымъ дѣламъ. И вотъ Боккаччьо въ Неаполѣ, въ такомъ мѣстѣ, безъ котораго нельзя представить возникновеніе Декамерона и др. произведеній Боккаччьо. Онъ вошелъ тамъ въ кружокъ ученыхъ и поэтовъ, попалъ въ общество, куда занесено было смягчающее нравы вліяніе французской династіи Анжу. Въ то время въ Неаполѣ сидѣлъ на престолѣ король Робертъ, принимавшій участіе въ поэзіи, призывавшій къ себѣ Петрарку для школьнаго испытанія въ пониманіи Виргилія. Онъ наградилъ Петрарку лавровымъ вѣнкомъ и титуломъ поэта еще до вѣнчанія въ Римѣ. Робертъ былъ собирателемъ книгъ,

основателемъ первой княжеской библіотеки свѣтскаго характера, онъ написалъ огромную книгу Collectiones, энциклопедію всѣхъ отраслей знанія. Первое произведеніе Боккаччьо въ области романа — пересказъ французской поэмы; въ то-же время въ немъ замѣтно греческое вліяніе, которое на него могъ оказать напр. извѣстный грекъ Варлаамъ, у котораго Боккаччьо учился греческому языку. Вообще въ Южной Италіи было много греческихъ колонистовъ. Но серьезно Боккаччьо сталъ учиться по-гречески лишь въ 1360г., когда познакомился съ Леонтіемъ Пилатомъ, которому Италія была обязана переводомъ Гомера. Раньше его познанія въ греч. языкѣ носили характеръ знаній начетчика; онъ еще не проникъ въ тайну сложенія греческихъ именъ, такъ напр. Декамеронъ слово невозможное для греческой этимологіи, равно какъ и Филоколо (отъ φιλος + κολος = страждущій отъ любви). Боккаччьо, очевидно, довольствовался пока знаніемъ по наслышкѣ, и Варлаамъ, извѣстный больше въ исторіи церкви своимъ участіемъ въ переговорахъ о возсоединеніи церквей, могъ, конечно, познакомить его съ массой сказочныхъ сюжетовъ.

Отсутствіе сословной замкнутости давало возможность итальянскимъ купцамъ

быть вхожими во дворецъ неаполитанскаго короля. Сынъ одного флорентійскаго купца Niccola Acciajuoli (род. 1310 году), красавецъ, умѣвшій себя держать, пользовался вліяніемъ при дворѣ и, по смерти Роберта, ввелъ туда и Боккачьо. Тутъ поэтъ провелъ часть своей молодости, тутъ познакомился онъ съ побочною дочерью короля Роберта Маріей, мать которой была женою графа Аквино.[x] Марія провела свою молодость въ монастырѣ и вышла за-мужъ за нелюбимаго человѣка. Познакомившись съ нею, Боккачьо влюбился въ нее и нашелъ взаимность. Различные эпизоды этой любви Боккачьо передаетъ въ цѣломъ рядѣ произведеній то въ предисловіяхъ, то въ посвященіяхъ, то гдѣ-нибудь въ текстѣ, при этомъ онъ называлъ себя то Панфило, то Калеоне, но для Маріи онъ выбралъ разъ навсегда имя Фіамметты (искорка). Очевидно, онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ знали объ его отношеніяхъ къ личности, стоявшей выше его, хотя для многихъ изъ окружающихъ это отнюдь не было тайной. Отношенія Боккачьо къ дочери короля (правда, побочной) не покажутся странными для того, кто знаетъ, каковъ былъ дворъ короля Роберта и его племянницы Джьованны. Они были въ духѣ времени и не возбуждали подозрѣнія.

x) Изъ того-же рода, который далъ среднимъ вѣкамъ знаменитаго схоласта Фому Аквината.

Время знакомства съ Маріей приходится опредѣлять по слѣдующему мѣсту въ романѣ „Филоколо": Avvenne che un giorno, la cui prima ora Saturno avea signoreggiata, essendo già Febo co' suoi cavalli al sedecimo grado del celestiale Montone pervenuto, e nel quale il glorioso partimento del figliulo di Giove dagli spogliati regni di Plutone si celebrava, io, della presente opera componitore, mi trovai in un grazioso e bel tempio in Partenope, nominato da colui che per deificarsi sostenne che fosse fatto di lui sacrificio sopra la grata." [Случилось, что въ одинъ день, въ первый часъ котораго преобладалъ Сатурнъ, когда Фебъ со своими конями достигъ уже шестнадцатаго градуса небеснаго Овна и въ который (т. е. день) праздновалось славное исшествіе сына Юпитера изъ потрясенныхъ царствъ Плутона, я, сочинитель предлежащаго труда, находился въ Партенопеѣ въ граціозномъ и красивомъ храмѣ, носящемъ имя того, кто въ угоду Богу выдержалъ то, чтобъ его принесли въ жертву на рѣшеткѣ. Въ переводѣ на повседневный языкъ это значитъ: я находился въ церкви Св. Лаврентія въ Неаполѣ въ субботу, 16 дней спустя послѣ вступленія солнца въ созвѣздіе Овна, когда праздновалось Воскресеніе Христа x)] xx).

---

x) Вамъ извѣстно, что Діаконъ Лаврентій въ 258 г по Р. Х. былъ поджаренъ на раскаленной рѣшеткѣ.

xx) Боккаччо, очевидно, недаромъ водилъ знакомство

По поводу этого мѣста въ романѣ Филокопо идетъ чисто астрономическій споръ на счетъ того, по какому календарю нужно разсчитывать время этого свиданія по юліанскому, григоріанскому или мѣстному флорентійскому (во Флоренціи было свое особое лѣтосчисленіе). Наиболѣе правдоподобно, что свиданіе произошло въ 1334 году 26 Марта. Такъ какъ свиданія въ церкви были лишь палліативомъ, то Боккачьо постарался приглянуться мужу своей возлюбленной, войти въ фаворъ, что ему и удалось. Теперь свиданія влюбленныхъ участились, усиливая страсть въ восходящей прогрессіи. А тутъ кстати мужъ Маріи снарядился въ Капую, оставивъ жену въ Неаполѣ въ одиночествѣ, которое для Боккачьо было какъ нельзя болѣе кстати. Между любящейся парочкой установились отношенія, наполнявшія ихъ счастьемъ, которое было прервано въ 1341 г. отъѣздомъ Боккачьо во Флоренцію по случаю болѣзни отца. Пребыванію въ Неаполѣ обязаны своимъ происхожденіемъ Филокопо, Амето, Amorosa Visione, Тезеида, Филострато, Ninfale Fiesolano и Фіаметта, да и самый Декамеронъ не зародился бы въ головѣ Боккачьо, еслибъ онъ не жилъ въ Неаполѣ въ изящной, веселой и нѣсколько фривольной атмосферѣ

съ знаменитымъ въ свое время астрономомъ Андалоне ди Негро. Landau перев. Лѣтина-Траверси т. I p 127 прим. 99

Неаполитанскаго двора.

Филоколо

Это произведеніе Боккачьо, самое обширное по объему, слабѣе всѣхъ другихъ и по содержанію, и по формѣ. Разъ Боккачьо разсказалъ Фіаметтѣ (=Маріи) содержаніе одного греческаго романа византійскаго происхожденія, который проникъ въ Европу, вѣроятно, въ 12 вѣкѣ. Фіамметта умилилась судьбѣ влюбленныхъ Флуара и Бланчифлеръ (героевъ романа). Марія попросила записать эту исторію, такъ какъ окружающіе мало съ нею знакомы. Какъ извѣстно, романъ о Floire et Blanchefleur имѣется во французской литературѣ, что и подало поводъ говорить о томъ, будто Боккачьо пользовался французскимъ текстомъ. Отличіе французскаго оригинала отъ Филоколо приписывали фантазіи Боккачьо, но, очевидно, Боккачьо могъ пользоваться и другими источниками. Профессоръ Zumbini, знатокъ литературы 14 вѣка и особенно Петрарки, высказалъ предположеніе, что Боккачьо слышалъ старый греческій романъ или легенду отъ жившихъ въ Неаполѣ греческихъ колонистовъ, но поэтическія отличія еще не дозволяютъ говорить о греческихъ источникахъ: весьма возможно, что текстъ, которымъ пользовался Боккачьо, нынѣ утраченъ, какъ утрачены

многіе изъ французскихъ текстовъ, переведенныхъ на Сѣверъ. Для меня болѣе важно показать, что Боккаччьо сдѣлалъ въ своемъ романѣ нѣчто новое, на первый разъ не очень поэтическое, но показывающее его свободные отношенія къ источникамъ. Содержаніе старо-французскаго текста сводится къ слѣдующему: Флуаръ сынъ языческаго испанскаго короля Феникса. Бланшфлеръ — дочь христіанки-графини, попавшейся въ плѣнъ къ испанскому королю. И Флуаръ и Бланшфлеръ родились въ одинъ и тотъ-же часъ, были вскормлены одною кормилицею и, подросши, полюбили другъ друга. Отецъ, не желая неравнаго брака, услалъ Флуара въ Мантую, а дѣвушку продалъ купцамъ, которые и отвезли её въ Вавилонъ. Тамошній адмиралъ заключилъ её въ башню, надѣясь черезъ годъ взять ее себѣ въ жены. Вернувшись изъ Мантуи, Флуаръ слышитъ, что его милая умерла. Видя его горе, мать разсказала ему всю правду и, отправляя на поиски, дала ему чудесное кольце, спасающее отъ несчастья.

Флуаръ, подкупивъ сторожа, проникъ въ комнату Бланшфлеръ въ цвѣточной корзинѣ, но былъ открытъ и приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ Бланшфлеръ. Кто-нибудь изъ нихъ могъ бы спастись съ помощью кольца, но каждый желалъ умереть за другаго. Тронутый ихъ любовью, адмиралъ отпустилъ ихъ на родину, гдѣ они обвѣнчались послѣ

того, какъ Флуаръ крестился. Ихъ дочь Берта была матерью Карла Великаго, а сами они, достигнувъ 100 лѣтняго возраста умерли въ одинъ день и были погребены въ одной могилѣ.
„Филокопо" Боккачьо начинается эпизодомъ чисто личнаго характера о первой встрѣчѣ съ милой Фіамметтой (= Маріей). Во введеніи Боккачьо разсказываетъ довольно туманно о занятіи Неаполя Карломъ Анжуйскимъ, о рожденіи Маріи и ея любовной исторіи. Затѣмъ, исполняя ея желаніе, пишетъ разсказъ о двухъ влюбленныхъ, спускаясь къ временамъ болѣе древнимъ, однако не очень опредѣленныхъ. Жили въ Римѣ Квинтъ Лелій Африканъ и жен его Юлія Топазія (имена, какъ видите, желающія быть классическими). Они прожили въ супружествѣ уже 5 лѣтъ, а дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Они даютъ обѣтъ сходить на богомолье къ св. Іакову Компостелскому,x) если Господь по молитвѣ святаго даруетъ имъ сына. Св Іаковъ является Квинт во снѣ и возвѣщаетъ, что ихъ просьба исполнится и что Квинтъ долженъ идти на богомолье. Съ женой, съ большою свитой Квинтъ двинулся въ путь.
Но врагъ человѣческій Плутонъ xx) со своими са-

x) Il Dio che viene adorato in Galizia
xx) т. е. дьяволъ.

-теллитами, хочетъ помѣшать ихъ паломничеству. Онъ принимаетъ видъ рыцаря, является къ испанскому царю Феличе, черезъ царство котораго должны были проходить паломники, и сообщаетъ ему, будто они враги, идущіе на его царство, что они уже сожгли Марморину (названіе Вероны). Дьяволъ показываетъ видъ, что онъ смертельно раненъ, и притворно умираетъ на глазахъ царя. Феличе съ войскомъ идетъ на встрѣчу Квинту, происходитъ стычка: паломники съ Квинтомъ во главѣ перебиты, а жена его взята въ плѣнъ и была радушно принята женою Феличе. Юлія разсказала свою исторію, царь отправился съ нею и съ женою въ Марморину, гдѣ и убѣдился, что былъ обманутъ дьяволомъ. Тамъ, въ городѣ, жена его разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ Флоріо, а Юлія дѣвочкой (Biancofiore). Юлія умерла вскорѣ послѣ родовъ, и Бьянкофіоре взята была царицей. Дѣвочка и мальчикъ учились вмѣстѣ, читали santo libro d'Ovidio, въ которой поэтъ, по словамъ Боккачьо, mostra come i santi fuochi di Venere si deano ne' freddi cuori con sollecitudine accendere. Чтеніе не прошло даромъ: они скоро полюбили другъ друга. Царь, не желая, чтобы сынъ его вступилъ въ неравбракъ, посылаетъ Флоріо учиться въ Монторіо.

обѣщая въ утѣшенье, что скоро за нимъ послѣдуетъ туда и его подруга. Разставаясь съ милымъ, Бьянкофіоре даетъ ему кольцо, по которому онъ можетъ узнать во всякое время, здорова ли и не случилось ли чего съ ней. Феличе хочетъ какъ нибудь отдѣлаться отъ дѣвушки, ему помогаетъ одинъ сенешалъ, отверженный женихъ Бьянкофіоре. Онъ, съ согласія Феличе, обвиняетъ её въ желаніи отравить царя, и дѣвушку обрекаютъ на сожженіе на кострѣ. Въ это время у Флуара потускнѣло кольце, къ нему является Венера и велитъ ѣхать на помощь дѣвушкѣ. Она спасена, а сенешалъ сожженъ взамѣнъ ея. Затѣмъ Флоріо удаляется учиться, а у Феличе созрѣлъ новый планъ, подсказанный недоброжелателями дѣвушки: продать её. И вотъ Бьянкофіоре попала къ александрійскому эмиру, который готовитъ ее въ жены для своего султана въ Вавилонѣ. Феличе распространяетъ слухъ, что Бьянкофіоре умерла, и надъ трупомъ какой-то дѣвушки велитъ поставить мавзолей. Флоріо съ горя готовъ покончить самоубійствомъ, но мать открываетъ ему всѣ подвохи царя.

Флоріо, получивъ отъ матери магическое кольце и денегъ на дорогу, пускается въ путь въ сопровожденіи друзей, переименовавъ себя въ Филокопо (въ старыхъ изданіяхъ романа: Филоколо) Прежде всего онъ прибываетъ въ Неаполь, гдѣ встрѣ-

часть въ одномъ саду Фіамметту и ея возлюбленнаго Калеоне въ веселой и многолюдной компаніи. [Этотъ эпизодъ не только напоминаетъ „Декамеронъ", но даже является его зародышемъ: испанскіе кавалеры присоединяются къ неаполитанцамъ; подъ предсѣдательствомъ Фіаметты они поднимаютъ труднѣйшіе вопросы по части любви; каждый разсказываетъ какое-нибудь любовное приключеніе и ставитъ вытекающій изъ разсказа вопросъ, на который отвѣчаетъ Фіамметта]. Изъ Неаполя Филоколо ѣдетъ въ Александрію. Тамъ жила въ башнѣ его милая, охраняемая какимъ-то Садокомъ, который любилъ такихъ партнеровъ, что ему проигрывали. Флоріо поднесъ ему богатый подарокъ, постарался проиграть въ шахматы и былъ за это поднятъ имъ въ корзинѣ съ цвѣтами въ комнату дѣвушки. Но эмиръ захватываетъ парочку на мѣстѣ и обрекаетъ обоихъ на сожженіе. Друзья Флоріо вступаются за влюбленныхъ, происходитъ схватка, и эмиръ, дивясь ихъ героизму, прощаетъ Флоріо, который оказывается его племянникомъ. Пируетъ свадьба влюбленныхъ, обратное путешествіе Флоріо въ Испанію черезъ Римъ, его обращеніе въ христіанство и смерть Феличе. — Очевидно, Боккаччьо внесъ въ старую схему много новаго; въ этомъ пер-

вомъ починъ пера есть не мало элементовъ, пока еще разбросанныхъ, которые сольются воедино въ послѣдующихъ работахъ Боккаччьо. Изучать его по Филокопо значило бы отвлечься отъ Боккаччьо: этотъ романъ скученъ, полонъ реторичности отъ начала до конца. Короткая рѣчь французскаго оригинала разставлена всюду общими мѣстами латинской реторики, такъ что 3500 легкихъ французскихъ стиховъ разрослись у него въ 2 тома въ 700 страницъ; прибавьте къ этому классическую миѳологію, отстранившую христіанскіе элементы, которымъ отведена роль декораціи, мало идущей къ дѣлу. Особенно важенъ отмѣченный мною эпизодъ о пребываніи Флорio въ обществѣ Фіамметты. Это собраніе, трактующее о любви, напоминаетъ провансальскіе Corti d'amore. Важно, что въ этомъ эпизодѣ затянута та рамка, которая характеризуетъ Декамеронъ и сдѣлалась обязательной почти для всѣхъ будущихъ итальянскихъ новеллистовъ. Наконецъ, обратите вниманіе на анахронизмы Боккаччьо, на смѣшеніе столѣтій, и вы узнаете всѣ основные элементы его работы. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше замѣчается прогрессъ въ этомъ направленіи: реторизмъ будетъ сказываться въ меньшей степени. [см. прим. на стр. 253-4].

Нѣкоторый успѣхъ замѣчается уже въ „Амето". Если для Петрарки классическій міръ рисовался вдалекѣ, если онъ былъ для него чѣмъ-то желательнымъ, то для Боккачьо онъ является живымъ, статарнымъ. Боккачьо заставляетъ нимфъ якшаться съ современными крестьянами, допускаетъ ту классическую фантасмагорію, которая ставитъ его первымъ авторомъ европейскаго пастушескаго романа. Трудно сказать, чтобы Боккачьо могъ познакомиться съ цѣльнымъ греческимъ пастушескимъ романомъ; онъ пользовался скорѣе Эклогами Виргилія. Я выбираю изъ его произведеній тѣ, которыя важны для исторіи европейскаго романа и минуя многія другія

---

*) Для сравнительнаго изученія Филокопо и романа о Флуарѣ и Бл. желающіе обращаются къ слѣдующимъ работамъ:

Flore und Blanscheflur eine Erzählung von Konrad Fleck, herausgegeben von Emil Sommer. Quedlinburg-Leipzig. 1846.

Floire et Blanceflor poèmes du XIII-e siècle, publiées... par M. Edélestand du Méril. Paris, 1856.

- Blume und Weissblume eine Dichtung des dreizehnten Jahrhunderts übersetzt und erklärt von Joh. Wehrle. Freiburg. 1856.

- Die Verbreitung der Sage von Flore und Blanceflor in der europaeischen Literatur von F. C. Schwalbach.

- Die altfranz. und mhd. Bearbeitung der Sage von Flore und Blanscheflur. Inaugural-Dissertation... von Heinrich Sundmacher. Gött. 1872.

- I precursori del Boccaccio e alcune delle

которыя важны для изученія самого Боккачьо. Я остановлюсь на Ameto и Ninfale Fiesolano. Ameto первый пасторальный романъ Западной Европы не имѣетъ въ сущности эпическаго дѣйствія, которое бы заслуживало вниманія. Пастухъ Амето, нетронутый цивилизаціей, не знающій любви, увидалъ прекраснѣйшую нимфу Лію, онъ слышитъ ея пѣсенку и влюбляется въ нее. Лѣто проходитъ весело, они ходятъ вдвоемъ на охоту, но вотъ настала зима, они разлучились до весны. Амето провелъ зиму въ тоскѣ, а съ наступленіемъ весны увидалъ нимфу у храма на берегу рѣчки Муньоны (близъ Флоренціи), которая извѣстна какъ мѣсто первой встрѣчи Данте съ Беатриче. Тутъ собрались фавны, нимфы, пастухи. Послѣдніе поютъ взапуски; нимфы разсказываютъ одна за другой любовныя похожденія, заканчивая разсказъ пѣсенкой, написанной терцинами. Появленіе Венеры ошеломило Амето, но съ помощью нимфъ, онъ оправился и сталъ молить богиню, чтобъ она покровительствовала его любви. Но тутъ Амето впервые замѣтилъ, что душевная красота Нимфъ выше физической. Онъ устыдился, что посмѣлъ любить ихъ какъ простыя женщинъ, и въ умиленіи воспѣлъ гимнъ Св. Троицѣ.

---

sue fonti, studio di Adolfo Bartoli. Firenze. 1876. — Сличи еще Aucassin et Nicolete herausg. von Herm. Suchier. Paderborn. 1878. —

Полагаютъ, что новеллы, разсказываемыя нимфами, имѣютъ подъ собою реальную почву, что онѣ лишены иллюзій на дѣйствительно существовавшихъ флорентійскихъ и неаполитанскихъ дамъ и ихъ семейства. При отсутствіи семейныхъ хроникъ того времени, мы должны признаться вмѣстѣ съ Кёртингомъ что „новеллы нимфъ останутся навсегда книгой за семью печатями. Впрочемъ мы ничего отъ этого не теряемъ; даже еслибъ кому нибудь удалось сломать эти печати, наше знаніе врядъ ли увеличилось бы значительно: предъ нами раскрылись бы тогда частью пикантные, частью скучные отрывки изъ семейныхъ хроникъ нѣкоторыхъ патриціанскихъ родовъ и врядъ ли что нибудь другое, болѣе цѣнное." (Koerting l. c 515-516) Избытокъ аллегоріи въ Амето даетъ поводъ къ всевозможнымъ конъектурамъ: 7 Нимфъ (изъ которыхъ одна названа Фіамметтой), помогающихъ Амето оправвиться при появленіи Венеры, одни отождествляли съ 7 добродѣтелями, другіе съ 7 artes liberales; наконецъ, полагали, что въ Амето Боккаччо нарисовалъ самого себя со всѣми стремленіями, какія онъ питалъ въ то время. Обиліе описаній, из-

Лит. Гроссгейнъ. Том. ст. д. 23. б. пр.

бытокъ аллегоріи, смѣсь языческой мифологіи съ христіанскими вѣрованіями, полупрозрачные намеки, элементъ автобіографіи и чередованіе прозы съ терцинами — вотъ типическія черты „Амето", которымъ открывается развитіе пастушескаго романа новой Европы. Вторымъ по времени произведеніемъ этого рода было Ninfale Fiesolano, граціозная, небольшая идиллія (3784 стиха, составляющихъ 473 станса), считающаяся досихъ поръ классическою. Ея метръ, родоначальникомъ котораго былъ Боккаччіо, — тотъ самый, что и метръ Аріосто. Около Флоренціи есть городъ Фіезоле. Прежде его основанія поклонялись тамъ языческимъ богамъ, напр. Діанѣ. Она являлась туда въ Маѣ, посвящала молодыхъ дѣвушекъ въ нимфы, назначала себѣ намѣстницу и удалялась въ другія мѣстности. И вотъ

Era in quel tempo del mese di maggio,
Quando i be' prati ribucon di fiori,
E gli usignuoli per ogni rivaggio
Manifestan con canti i loro amori,
E' giovanetti con lieto coraggio
Senton d'amore più caldi i vapori
Quando la Dea Dianna a Fiesol venne,
E con le ninfe sue consiglio tenne.

[Было это во время мѣсяца мая, когда прелестные луга покрываются цвѣтами, когда соловьи на всякомъ берегу высказываютъ въ пѣсняхъ свою любовь, а юноши веселымъ сердцемъ ощущаютъ пламеннѣйшія дыханья любви, когда богиня Діана приходитъ во Фіезоле и созываетъ нимфъ на совѣтъ]. Пастухъ Аффрико тайно присутствуетъ при этомъ собраніи; ему бросилась въ глаза очаровательная нимфа Мензола; онъ страстно влюбился въ нее и обратился съ мольбою къ Венерѣ помочь ему. Съ помощью богини и Амура онъ добивается любви Мензолы. Но она, раскаявшись въ томъ, что нарушила обѣтъ дѣвственности, покинула бѣднаго Аффрико. Мензола родила сына и была превращена Діаной въ ручей Мензолу. Аффрико лишилъ себя жизни на берегу ручья, который былъ свидѣтелемъ его счастья. Прунео, плодъ любви Аффрико и Мензолы, достигнувъ 18 лѣтъ поступилъ на службу къ Атланту, основателю Фіезоле и женился на Тиренѣ, которая получила въ приданое землю между рѣчками Мензолой и Муньоной. Такъ нимфы Діаны вступили въ сношенія съ

простыми смертными, поэзія и фантазія исчезли; эпоха миѳовъ и преданій канула въ Лету; пастухи и рыцари уступили мѣсто купцамъ и ремесленникамъ.

Кертингъ полагаетъ, что Боккачьо разработалъ здѣсь мѣстную флорентійскую легенду: еще и нынѣ, говоритъ онъ, въ окрестностяхъ Флоренціи двѣ рѣчки носятъ имена Африко и Мензолы".

Но несомнѣнно, что кое-что въ Ninfale Fiesolano напоминаетъ Овидія (Метаморфозы). Должно еще упомянуть, что очень много сходства съ Ninfale Fiesolano представляетъ небольшой разсказъ Парѳенія изъ Никеи (ок. 20 г. до Р. Х.) [x] подъ заглавіемъ „Дафна". Какъ видите, Ninfale Fiesolano естественное продолженіе Амето: въ обоихъ вы замѣчаете развитіе одной и той же мысли. Отсылая васъ за подробностями къ книгѣ Кертинга, гдѣ пересказы произведеній Боккачьо несравненно богаче, чѣмъ тѣ, которые я могу сдѣлать здѣсь, перехожу къ тому роману, гдѣ нашъ авторъ приближается къ Декамерону. Это романъ, носящій имя Фіамметты, женщины, которою увлекся Боккачьо.

---

x) Περὶ ἐρωτικῶν παθημάτων (Печальныя...

Fiammetta

[настоящее полное заглавіе: Elegia di Madonna Fiammetta da lei alle innamorate donne mandata].

Для объясненія этой старой, но вѣчно юной исторіи прійдется заглянуть въ біографію Боккаччьо. Вызванный изъ Неаполя отцемъ, онъ долженъ былъ покинуть Марію (= Фіамметту). Но его любовь не была тою лампадой, которая бы пылала спокойно и непрерывно, какъ любовь Данте.*) Фіамметта была написана въ 1340 году или 1346 или въ 1347 (мнѣнія расходятся) и не смотря на такое незначительное время, протекшее со дня разлуки, въ Боккаччьо произошло значительное охлажденіе. Какъ для всего въ этомъ мірѣ существуетъ конецъ, говоритъ авторъ въ предисловіи къ Декамерону, такъ и моя любовь съ теченіемъ времени, уменьшилась, оставивъ по себѣ одно пріятное воспоминаніе." Въ 1345 году онъ снова встрѣтился съ нею въ Неаполѣ, но ихъ прежнія отношенія не возобновились, они смѣнились

исторіи влюбленныхъ) напечатаны у Hercher'a: Erotici scriptores graeci. т. I. Нѣм. перев. Фр. Якобса въ Uebersetzungsbibliothek. Stuttgart. 1837.

*). Landau — Antona-Traversi l. c. т. I. p. 335.

простою дружбой. Охлажденіе позволило Боккаччьо выбрать Фіамметту и свою любовь сюжетомъ для своего романа и психологическаго спокойнаго анализа. Главное содержаніе романа-сѣтованія покинутой женщины. Это какъ бы исповѣдь одного лица, дѣйствія почти нѣтъ. На первыхъ страницахъ мы встрѣчаемъ отрывокъ изъ біографіи Боккаччьо, очень мало скрытый покровомъ аллегоріи. Начало романа взято именно изъ той поры, когда Боккаччьо послѣ кратковременнаго счастья явился къ Маріи съ страшною и для него самого вѣстью, что онъ долженъ ее оставить. Въ романѣ, конечно, онъ скрылъ себя подъ псевдонимомъ Панфило. Отецъ Панфило заболѣлъ и отзываетъ его во Флоренцію. Фіамметта не отпускаетъ своего милаго, тотъ увѣряетъ, что вернется черезъ четыре мѣсяца. Фіамметта выставляетъ ему эгоистическіе доводы, указывая на то, что его отецъ уже старикъ, что она его любитъ больше. Со слезами на глазахъ, давъ клятву, что вернется, Панфило уходитъ изъ квартиры своей милой. Она хотѣла сказать ему послѣднее „прости", но „subito fu la parola tolta alla mia lingua, e il cielo agli occhi miei" и, какъ подрѣзанная роза, упа-

ла она на руки горничной. Приведенная въ чувство, Фіамметта принимаетъ за* Панфило, обняла её и слабымъ, надорваннымъ голосомъ сказала: o anima mia, addio. Понявъ, наконецъ, свою ошибку она пристаетъ къ горничной съ расспросами: ея страстную натуру интересуетъ всякая мелочь, лишь бы она касалась ненагляднаго Панфило. Что онъ дѣлалъ, что онъ сказалъ, уходя отсюда, какое было выраженіе его лица? Горничная удовлетворяетъ ея любопытство. Передать все содержаніе романа довольно трудно, въ немъ мало дѣйствія, такъ какъ это собственно дневникъ Фіамметты, веденный ею въ назиданіе женщинамъ, испытавшимъ несчастную любовь. Нѣкоторыя относятся къ „Фіамметтѣ" съ точки зрѣнія современной удобочитаемости: дѣйствительно, Боккаччьо любитъ пускать въ ходъ ненужную миѳологію. Но вѣдь и въ Декамеронѣ есть эта своеобразная черта, которая продолжаетъ господствовать еще въ итальянскихъ новеллахъ XVI вѣка и которая нынѣ обветшала. Для насъ интересенъ лишь тотъ фактъ, что Боккаччьо далъ намъ первый починъ психологическаго романа. Фіамметта считаетъ дни, остающіеся до возвращенія Панфило. Она перебираетъ

* горничную

по 10 разъ въ день камешки, по которымъ расчитаетъ дни, перечитываетъ письма Панфило, цѣлуетъ ихъ; когда ей говорятъ, что онъ вернется, она рада больше, чѣмъ тѣ, которые ей говорятъ. Она мысленно торопитъ день возвращенія. Но вотъ этотъ день настал̄ъ. Фіамметта, дотолѣ мало интересовавшаяся туалетомъ, прихорашивается, отворяетъ дверь, говоритъ себѣ: вотъ сейчасъ войдетъ онъ. Но Панфило не является. Она начинаетъ безпокоиться: здоровъ ли онъ, не случилось ли чего съ нимъ въ дорогѣ, не погибъ ли онъ. И она начинаетъ плакать, какъ будто это уже совершилось: Нѣтъ, говоритъ она, утѣшая самое себя, этого не можетъ быть. Тутъ уже является ревность, сомнѣніе въ его любви и въ тоже время желаніе ухватиться за какую-нибудь надежду. И такъ нарочно, какой-то флорентіецъ извѣщаетъ её, что Панфило женился на прелестной дѣвушкѣ. Ея отчаяніе не знаетъ границъ, она молитъ боговъ отомстить клятвопреступнику, сжигаетъ его письма и впадаетъ въ неутѣшную печаль. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ она ухватывается за мысль, что Панфило заставили жениться, что онъ непремѣнно вернется. Она готова простить ему все, но его все нѣтъ и нѣтъ. Фіам-

метта становится небрежной въ одеждѣ; душевныя муки отражаются и на ея тѣлѣ: она поблѣднѣла и похудѣла. Мужъ спрашиваетъ, что съ нею; она ссылается на болѣзнь. Мужъ предлагаетъ съѣздить въ Баю (Baja). Тутъ Боккаччьо находитъ возможность ввести въ романъ характеристику неаполитанскаго общества и это наиболѣе характерный эпизодъ въ его романѣ. Бая, мѣстечко на берегу Неаполитанскаго залива, - модный пунктъ, гдѣ собираются неаполитанскіе фешенебли. Въ старые годы туда ѣздили полечиться въ баняхъ, теперь вопросъ о здоровьѣ отодвинутъ на второй планъ: главная цѣль поѣздки для неаполитанской знати - въ весельи. Эту байскую жизнь Бокк. зналъ во-очію, и многія черты его новеллъ, за которыя его упрекали въ извѣстной скоромности, взяты, несомнѣнно, изъ его тамошнихъ личныхъ наблюденій. Онъ повторяетъ слова Овидія, что въ Баю ѣздили съ сердцемъ здоровымъ, а возвращались съ больнымъ. Веселая жизнь байской молодежи рѣзко контрастируетъ съ душевнымъ состояніемъ Фіамметты. При видѣ всеобщаго веселья, ее беретъ зависть: ей бы хотѣлось уйти отсюда, уединиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ съ милымъ Панфило; она молитъ боговъ или отнять у нея жизнь, или вернуть Панфило. Но въ довершеніе всего она слышитъ, что Панфило не только женился (это бы еще ничего:

вѣдь, и она сама замужемъ), но (вотъ, что дѣйствительно ужасно).... влюбился! Теперь все кончено, впереди ничего нѣтъ, единственный исходъ-самоубійство; она покушается, но спасена во время старою мамкой, повѣренной ея тайнъ.

Фіамметта заканчиваетъ свою исповѣдь грустнымъ, меланхолическимъ обращеніемъ къ своему труду. Это маленькій шедевръ (piccolo capolavoro), трогательный въ своей задушевной простотѣ.

Прилагая къ Фіамметтѣ требованія, обязательныя для литературы современной, мы должны сознаться, что она порою скучна, что частыя миѳологическія иллюзіи, безчисленные и безконечные монологи утомляютъ читателя. Такъ Венера произноситъ рѣчь въ цѣлыхъ 5 страницъ (in 6° major) и благодаря такому красноречію богиня, рожденная изъ пѣны моря, становится скучной *. Но важно то, что Б. сумѣлъ объективировать пережитое имъ самимъ, сумѣлъ перенестись въ личность, хотя и не свою. Очевидно, это не простой типъ изъ какого-нибудь фабльо; это типъ, который Б. пережилъ художественно. Чтобъ уяснить значеніе Декамерона, рядомъ съ Фіамметтой, слѣдуетъ познакомиться съ произведеніемъ, которое относится къ болѣе ранней порѣ, но которое я оставилъ до теперешняго случая, чтобъ перейти отъ

---

* Landau — Ant. Traversi, l. c. p. 340 (т. I).

него къ типамъ Декамерона. Я имѣю въ виду стихотворный романъ Боккаччьо: Filostrato, написанный еще до 1343 г. По поводу этого романа и нѣмецкіе и итальянскіе историки литературы едва ли не пересолили въ оцѣнкѣ Боккаччьо, какъ самостоятельнаго художника. Дѣло въ томъ что Боккаччьо одолженъ въ данномъ случаѣ упомянутому выше Бенуа де Сантъ-Мору (см. стр. 169–170), который ввелъ въ обращеніе старый сюжетъ о Троянской войнѣ, опираясь на Дарета Фригійскаго. Типы, едва намѣченные у Гомера, встрѣтили у французскаго трувера болѣе радушный пріемъ и возможность играть болѣе солидную роль: въ результатѣ получилась поэма слишкомъ въ 30.000 стиховъ, для напечатанія которыхъ потребовалось въ изданіи Жоли* два тома in 4º. Я намѣренъ уяснить себѣ, какъ отнесся Боккаччьо къ своей задачѣ, заимствуя сюжетъ у Бенуа и разработавъ его по своему. Я имѣю въ виду одинъ эпизодъ, который Бокк. ввелъ въ болѣе широкое литературное общеніе, такъ какъ къ его обработкѣ восходятъ не только „Troylus and Cryseyde" Чосера, навѣянная Филостратомъ, но и „Троилъ и Крессида" Шекспира, заимствовавшаго у Боккаччьо черезъ посредство Чосера.

* см. выше стр. 170, 3.

Описывая осаду Трои, Бенуа находился не въ очень пріятномъ положеніи: приходилось разрабатывать то, что превратилось въ tritum pertritum; любовь Елены и Париса, Гектора и Андромахи прозвенѣла уши всѣмъ и каждому. Для устраненія скуки Бенуа вводитъ вставной эпизодъ о любви Троила (типъ, намѣченный уже Даретомъ).

Бризеида — дочь дезертира Калханта, возвращена троянцами отцу при обмѣнѣ плѣнныхъ. Во время плѣна она уже влюбилась въ красавца Троила, болѣе котораго никто изъ мужчинъ не былъ

des puceles plus amez.

Разставаясь съ милымъ, она клянется ему въ вѣчной любви, которую скоро забудетъ. Вернувшись въ греческій станъ, она плѣнила греческаго рыцаря Діомеда: это не юноша влюбленный, а человѣкъ болѣе зрѣлый. Бризеида согласна, что нѣтъ дѣвушки, которая бы отвергла его любовь, но ей не пристало обнадеживать его въ любви: ее бы назвали вѣтреной. Вообще она обрисована, какъ кокетка: мучитъ Діомеда, не выпускаетъ его изъ рукъ и въ то-же время водитъ за носъ Троила. Разъ она дала Діомеду свою застежку; Троилъ видитъ на немъ вещь, принадлежащую Бризеидѣ: теперь онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Троилъ встрѣчается съ Діомедомъ на ратномъ полѣ, бьется съ нимъ изо всѣхъ силъ. Діомеда принесли опасно раненнаго: она боится общественнаго мнѣнія, у-

грозъ своего отца; ее мучатъ угрызенія совѣсти, она винитъ себя, но теперь нечего раскаяваться, возврата нѣтъ, да въ сущности она и не виновата: она одна, ей никто не посовѣтуетъ какъ жить, она безъ поддержки, но, вѣдь, она все таки боролась и уступила лишь подъ давленіемъ чего-то высшаго. Дѣло оканчивается смертью Троила отъ руки Ахилла. У Боккаччьо нѣтъ существенныхъ измѣненій даже въ постановкѣ характера Бризеиды, которую онъ переименовалъ въ Гризеиду (= Хризеиду т. е. Золотая, Лакомый кусокъ). Всякая черта взятая у французскаго трувёра будетъ проведена у Боккаччьо художественно, а характеръ Троила будетъ нарисованъ рельефнѣе, чѣмъ у Бенуа. Боккачьо написалъ своего Филострата x) въ ту пору, когда Марія удалилась изъ Неаполя на неопредѣленное время туда xx), куда Боккачьо не могъ слѣдовать. Онъ разсказываетъ объ этомъ самъ въ предисловіи къ Филострату, повторяя слова Іереміи: „come siede solitaria, ed è divenuta simile ad una vedova, la

---

x) Φίλος + stratus = сраженный любовью = Филоколо, Сочетаніе греческаго съ латинскимъ въ родѣ Пандара

xx) Въ Баю или Аквино, гдѣ жила ея = (Пах + dare) родня, куда Боккаччьо являться было нелозко.

citta piena di popolo! come è divenuta tributaria quella ch'era grande fra le genti, signora fra le provincie!" Чтобъ развлечься, онъ принялся писать Филострата (=сраженнаго любовью). Фигура Троила показалась ему наиболѣе подходящею къ собственному настроенію души: alla cui vita..... è stata la mia similissima dopo la vostra partita!" Такимъ образомъ онъ сознательно и откровенно внесъ въ чужую тему свое я и богатый психологическій анализъ. Должно остановиться еще на типѣ Пандара, котораго подражатели Боккаччьо поняли грубо: этотъ типъ имѣется и у Чосера, и у Шекспира; но у Чосера онъ обрисованъ грубѣе, онъ черезчуръ заостренъ. У Боккаччьо Пандаръ изъ любви къ Троилу даетъ ему возможность сблизиться со своей кузиною Гризеидой, молодою вдовушкой, дочерью Калханта. Это типъ, принадлежащій самому Боккаччьо, это типъ человѣка привыкшаго читать въ сердцахъ людей, видящаго порокъ даже въ людяхъ добродѣтельныхъ. Это человѣкъ Renaissance'а, человѣкъ XIV вѣка, наконецъ, это Боккаччьо Декамерона. Чосеръ исказилъ Пандара, который является у него съ типомъ сводника. Поклонники Чосера пошли еще дальше

въ томъ же направленіи. Типъ Гризельды и Пандара всего ближе подходитъ къ типамъ Декамерона, а Филостратъ служитъ введеніемъ къ это собраніе 100 новеллъ.

Литература, возникшая по поводу Троянскихъ сказаній и Филострата.

1. Dictys Cretensis, ephemeri dos belli Trojani, libri sex, recognovit Ferdinandus Meister. Lipsiae. 1872.
2. Daretis Phrygii de excidio Troiae historia, recensuit Ferdinandus Meister. Lipsiae. 1873. x)
3. Koerting: Dictys und Dares, Halle 1874
4. [Утраченная трагедія Софокла: Троилъ]
5. Benoit de S. More (см. выше стр. 170)
6. „Troilus“ des Albertus Stadensis herausgegeben von Th. Merzdorf. Leipzig. 1875.
Альбертъ Штаде (1232–40 аббатъ бенедиктинскаго монастыря) написалъ на латинскомъ языкѣ свою поэму двустишіями, парафразируя текстъ Дарета. Заглавіе „Троилъ“ дано имъ „ob Troica bella“.

x) Цитованный на стр. 170 Maszmann — есть lapsus memoriae составителя.

7. Herbort von Fritzlar, нѣмецкій поэтъ, подражатель Бенуа de С. Мору. См. статью Фроммана въ журналѣ Germania (изд. Pfeiffer'омъ) за 1857 годъ.

8. Bartoli I Precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti.

9. Le Clerc. въ Hist. Littér. XXIV, 88-89. Основная мысль автора та, что Филострато нечто иное какъ развитіе эпизода о Троилѣ и Бризеидѣ во французской поэмѣ Бенуа д. С. Мора.

10. Guido da Colonna, судья въ Мессинѣ написалъ въ 1287 году свою Historia Troiana (изд. Strasburgo 1486. Colonia 1477) на высокопарномъ латинскомъ язк. Главнымъ источникомъ былъ Бенуа.

11. Le livre de Troilus, написанная Пьеромъ де Бово, не что иное какъ переводъ Филострата. Помѣщена въ Nouvelles franç. publiées par Moland et d'Héricault. Paris. 1858.

12. B. ten Brink. Chaucer. Studien zur Geschichte seiner Entwickelung Münster 1870.

13. Kissner. Chaucer in seinen Beziehungen zur ital. Litteratur (Bonn. 1867.)

14. Marmroth. G. Chaucer, seine Zeit und seine Abhängigkeit von Boccaccio. Berlin. 1872.

15. Zumbini: Lezioni sul Filostrato dettate nella R. Università di Napoli.

Декамеронъ

Послѣднее произведеніе Боккаччьо, къ которому мы обратимся, чтобъ покончить обозрѣніе произведеній нашего автора, — Декамеронъ, состоящій изъ 100 новеллъ. Онѣ охвачены рамкой, которая сдѣлалась образцемъ для Маргариты Наваррской, для Кентерберійскихъ разсказовъ Чосера, не говоря уже о цѣломъ рядѣ итальянскихъ новеллистовъ 14, 15, 16. 17 и 18 вѣковъ. Общество молодежи разсказываетъ въ теченіе 10 дней по 10 новеллъ въ день. Эти новеллы не связаны между собою. Каждый день разсказывается что-нибудь новое, какъ бы отвѣчающее на извѣстную тему. Новеллы часто идутъ рука объ руку съ бесѣдами разсказчиковъ, и этотъ элементъ бесѣды будетъ развиваться въ школѣ Боккаччьо, чѣмъ дальше тѣмъ больше.

с разр. проф. А. Веселовскаго   18 л. ист. романа.

Лит. Эпох. Возр.: Вет. ст. Б. гр. р. 23.

Въ 1347 году во Флоренціи свирѣпствовала чума, извѣстная въ исторіи подъ именемъ черной смерти x). Она обошла всю Европу начиная съ Востока и кончая Франціей, Испаніей, Португаліей, Англіей и Россіей, куда была занесена въ 1353 году на ганзейскихъ корабляхъ изъ Германіи и Даніи. Она унесла массу жертвъ; она похитила нѣсколькихъ европейскихъ принцевъ xx), между прочимъ Симеона Гордаго и Лауру Петрарки. Результаты этой повальной болѣзни были очень значительные для извѣстнаго литературнаго теченія; она вызвала порывъ религіонизма, появленіе бичующихся и желаніе жить. Во Флоренціи и въ Неаполѣ mortifera pestilenza дѣйствовала въ меньшихъ размѣрахъ сравнительно съ другими мѣстностями, но всетаки Боккачьо видѣлъ ее воочію. Правда, онъ видѣлъ чуму только въ Неаполѣ и описаніе ея перенесъ на чуму во Флоренціи, но всетаки это описаніе не лишено реальной почвы. Описаніемъ флорентійской чумы и открывается первый день (giornata) Декамерона. Это своего рода шедевръ, и Петрарка не даромъ считалъ его лучшею частью Декамерона. Замѣчу кстати, что по поводу этого описанія была часто го-

x) Ей посвящена старая работа Hecker'a: der Sch-

ворено о зависимости Боккаччьо отъ Ѳу-
кидида и Лукреція Кара, который почер-
палъ мотивы описанія у Ѳукидида. Гово-
рили, что Боккаччьо объ эту пору могъ зна-
ть Лукреція, что онъ имѣлъ въ виду не
историческую достовѣрность разсказа, а лишь
литературную цѣль и заимствовалъ у Лукре-
ція описаніе чумы, какъ, положимъ, Манзони
подражалъ Боккаччьо, описывая чуму въ Ми-
ланѣ въ XVII вѣкѣ.xxx) Но, вѣдь, Боккаччьо, мо-
гъ, преслѣдуя литературную цѣль, дать волю своей
фантазіи, не бывъ очевидцемъ флорентійской
чумы. Мы знаемъ, напр. что Даніель Дефо
(Defoe), авторъ робинзонады (жилъ 1663-
1731), въ своемъ „Journal of the Great
Plague in London" представилъ такое
правдоподобное и повидимому достовѣрное
описаніе чумы, что имъ долгое время поль-
зовались, какъ источникомъ, и только недавно
оказалось, что Дефо (внѣ всякой зависимости

-нахе Тод.

xx) Андроникъ сынъ визант. императора, семь кардиналовъ, королева Франціи и три тамошни-хъ принца; Катерина, дочь австрійскаго герцога Леопольда; знаменит. хроникеръ Джіованни Виллани и др.

xxx) Manzoni. Promessi sposi. [Манзони А. Обрученные. Медіоланск. быль XVII в. Перев. съ Итал. Межевича 4ч. М. 1854.)

отъ Боккаччьо, котораго не зналъ) пустилъ въ данномъ случаѣ въ обращеніе продуктъ своей фантазіи, написанный спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ разсказанныхъ имъ событій. x) Въ концѣ концевъ для насъ не важно, вѣрно ли описаніе Боккаччьо. Болѣе интересно выяснить себѣ, какимъ образомъ вяжется это грустное вступленіе съ веселостью Декамерона. Кертингъ упрекаетъ Боккаччьо въ безсердечности и переноситъ этотъ упрекъ на все общество, которое представляется ему разлагающимся: какъ будто нельзя въ годину печали разсказывать порою веселыя вещи. Этотъ вопросъ о безсердечности и безнравственности Боккаччьо также пустъ, какъ и вообще вопросъ о нравственности Декамерона. Кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе на слова сказанныя самимъ Боккаччьо во введеніи къ Декамерону, гдѣ онъ указываетъ на разсказъ о чумѣ какъ на художественный пріемъ. Онъ разсчитываетъ, очевидно, поразить ужасомъ и затѣмъ ввести читателя въ идиллію. Насколько это художественно, вопросъ особый. Разумѣется, это дѣло эстетика, дѣло личнаго вкуса и вопросъ о нравственности тутъ ни причемъ. — Во Флоренціи во время чумы трое юношей и семь дѣвушекъ собрались

x) Koerting. Boccaccio p. 654–655.

случайно въ церкви Св. Маріи и рѣшили удалиться изъ города на одну виллу и коротать время въ веселыхъ разсказахъ. Врачъ Джіованни de' Dondoli, жившій въ 14 вѣкѣ, въ своемъ трактатѣ о діетѣ во время чумы рекомендовалъ въ видѣ предохранительнаго средства противъ чумы разсказывать веселыя исторіи, и общество Декамерона исполняетъ этотъ рецептъ съ полнѣйшею точностью. Въ первый день каждый говоритъ, о чемъ ему угодно; темы не назначены. Во второй день рѣшено говорить о тѣхъ, которые послѣ многихъ неудачъ достигли наконецъ счастливаго конца. На третій день общество собирается въ новомъ помѣщеніи, которое подробно описывается. Рѣшено говорить о тѣхъ, которые пріобрѣли, благодаря исканію то, чего желали, или вернули утраченное. Четвертый день посвященъ разсказамъ о любовныхъ приключеніяхъ, которыя имѣли несчастный исходъ. Председателемъ общества избранъ былъ Филостратъ, несчастный любовникъ. На пятый день возложены разсказы о любовныхъ приключеніяхъ, которыя послѣ несчастныхъ превратностей имѣли счастливый конецъ. Новеллы шестаго дня состоятъ главнымъ образомъ изъ красныхъ сло-

въ и остроумныхъ или колкихъ отвѣтовъ, которые избавляютъ отъ какого-нибудь затрудненія или опасности. <u>Седьмой</u> день содержитъ разсказы о хитрыхъ продѣлкахъ женщинъ надъ своими мужьями. Въ <u>восьмой</u> день говорили о проказахъ и продѣлкахъ женъ надъ мужьями, мужей надъ женами или мужей другъ надъ другомъ. Въ <u>девятый</u> день общество разсказываетъ, что кому нравится. Десятый содержитъ новеллы о тѣхъ, которые въ дѣлахъ любви или по какому другому поводу оказались щедрыми или великодушными. 10-я новелла этого дня разсказываетъ о томъ, какъ одинъ маркграфъ Гвалтіеро женился на дочери своего крѣпостнаго <u>Гризельдѣ</u>. Желая испытать ея характеръ, онъ вскорѣ послѣ свадьбы начинаетъ обращаться довольно жестко. Когда у нея родились сынъ и затѣмъ дочь, мужъ отнялъ ихъ у нея и объяснилъ затѣмъ, что онъ дѣтей умертвилъ, потому что дѣти крѣпостной дѣвки не могутъ управлять впослѣдствіи его вассалами. Въ довершеніе всего онъ приказываетъ ей вернуться къ отцу, а потомъ снова призываетъ ее къ себѣ, повелѣвая ей привести въ порядокъ его дворецъ, такъ какъ онъ женится на другой женщинѣ. Дама, которую Гризельда считаетъ невѣстой

своего мужа, оказывается ея дочерью, а вскорѣ является и сынъ. За долгiе годы страданiй Гризельда награждена нескрываемою отнынѣ любовью мужа. Новелла о Гризельдѣ была переведена на латинскiй языкъ самимъ Петраркой подъ заглавiемъ De obedientia et fide uxoria. Чосеръ, который былъ лично знакомъ съ Петраркой, вложилъ эту новеллу въ своихъ Canterbury Tales въ уста оксфордскаго студента. (Clerk of Oxenforde). Французскiе критики говорили, что Боккаччьо одолженъ своимъ матерiаломъ цѣликомъ француз. средневѣковымъ поэтамъ, что онъ нѣсколько прiукрасилъ ихъ сюжеты и испортилъ, внося въ нихъ элементъ соблазна. Въ такомъ духѣ написана статья Леклерка въ Histoire littéraire de la France (t. 23. Fabliaux) Въ послѣднее время Бартоли въ своихъ i Precursori del Boccaccio указалъ, что многiя изъ новеллъ могли быть слышаны Боккаччьо на мѣстѣ, что сходство ихъ съ франц. фабльо могло произойти отъ единства источниковъ и въ силу единства мiросозерцанiя свойственнаго Среднимъ вѣкамъ. При разборѣ новеллъ Боккаччьо вы легко замѣтите, что онѣ распадаются на три группы и

только про одну изъ нихъ можно говорить о заимствованіи изъ французскихъ фаблiо. Вторая группа имѣетъ сходство съ отдѣльными мѣстами романа о 7 мудрецахъ, Disciplina Clericalis Петра Альфонса, Gesta Romanorum, Cento Novelle Antiche и т. п. Спеціально обозрѣнію этихъ источниковъ Декамерона посвящена работа Ландау [x]. Но среди новеллъ попадается цѣлая серія такихъ, которыя взяты изъ современной жизни, въ которыхъ фигурируютъ невыдуманныя лица иногда игравшія историческую роль. Такъ или иначе, изъ 100 новеллъ Декамерона слѣдуетъ выдѣлить на долю національности Боккаччьо больше, чѣмъ это дѣлаютъ Леклеркъ, Le Grand d'Aussy, примѣшивающіе къ наукѣ патріотическую точку зрѣнія. Важно не то, что Боккаччьо бралъ у кого-нибудь остовъ разсказа, а то, какъ онъ обращался съ этимъ остовомъ; стоитъ сравнить какой нибудь фабліо съ подходящей новеллой Боккаччьо и всякій трезвый умъ увидитъ громадную разницу. Кромѣ упрека въ обкрадываніи французскихъ труверовъ, Боккаччьо сдѣлался еще мишенью для нападковъ старыхъ и новыхъ пуристовъ.

x) Die Quellen des Decamerone. 8°. 1869. 159 стр.

Своею репутаціей безнравственности Боккаччьо одолженъ впервые XVI вѣку, приведшему въ своемъ конечномъ развитіи къ господству литературнаго и общественнаго ханжества. Извѣстно, какъ это случилось. Эманципація итальянской жизни и итальян. мысли, начавшаяся при столь блестящихъ условіяхъ, была остановлена, какъ скоро церковь и свѣтская власть догадались, что въ одиночку имъ не устоять противъ новыхъ требованій, которыя и могли проявиться сильно, лишь благодаря ихъ средневѣковой разладицѣ. И вотъ движеніе заторможено, все, обреченное на обрушеніе, возстановляется понемногу, іезуитизмъ старается влить новую жизнь въ обветшалыя формы религіозности, снова выставленъ на показъ нравственный кодексъ, въ который никто больше не вѣритъ; даже сословное начало обновляется на ступеняхъ принципата, болѣе искусственное и болѣе цивилизованное по виду. Вся эта реставрація могла быть только внѣшнею, какою и была на самомъ дѣлѣ; жизнь продолжала идти своимъ чередомъ, по старому пути, но теперь ей приходилось ханжить, маскируясь въ законность и пряча концы отъ полицейскаго взгляда. Новеллисты XVI вѣка

столь же грязны, какъ и прежніе, но они уже безнравственны сознательно и потому еще грязнѣе; видно, что они плохо вѣрятъ въ нравственныя сентенціи, которыя предлагаютъ въ назиданіе, пересыпая ими разсказъ, но посреди самой соблазнительной исторіи никогда не забудутъ оставить заднюю дверь открытой, чтобъ было куда выйти. Такимъ людямъ наивность Боккаччьо должна была претить; его громкій хохотъ надъ соблазнами духовенства и въ его время вызывалъ увѣщанія Джіоваккино Чьяни *, - а теперь[xx] была всесильна. Уже въ концѣ 15-го вѣка настало время реакціи, отмѣченное именемъ Джироламо Саванаролы. Суровый монахъ хотѣлъ по-крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ разсчитаться съ богатствомъ знаній 15 вѣка: онъ отпраздновалъ флорентійскій карнавалъ 1497 года сожженіемъ на кострѣ твореній Пульчи, Боккаччьо и даже Петрарки.

[xx] церковь

---

* Картезіанскій монахъ Пьеро Петрони изъ Сіены, пользовавшійся репутаціей святаго, которому Христосъ открываетъ въ видѣніи сокровенныя думы всѣхъ людей, умирая, послалъ Джьоваккино Чьяни къ Боккаччьо, дабы побудить писателя оставить прежнюю легкомысленную жизнь. Въ удостовѣреніе, что онъ посланъ Богомъ, Чьяни возвѣстилъ Б. тайну, которая зналъ только авторъ Декамерона. Онъ напомнилъ Б. о его сочиненіяхъ, оскорбляющихъ нравственность, увѣщевалъ обратиться къ дѣламъ серьезнымъ, гро=

У Боккаччо не доставало декорацій, ку-
лисъ, флера, который бы драпировалъ слиш-
комъ откровенную наготу. Въ новомъ обществѣ
XVI вѣка онъ былъ неприличенъ, оттого его из-
гнали оттуда и запретили. Декамеронъ, или,
если позволили впослѣдствіи, то оскопивъ
для безопасности.* Въ 1573 папа разрѣшилъ
флорентійцамъ издать Декамеронъ, но въ
очищенномъ и урѣзанномъ видѣ. Герцогъ Ко-
зимо назначилъ депутатами четырехъ акаде-
миковъ, которые подъ руководствомъ папскаго
духовника Евстахія Локателли*** должны были
очистить Декамеронъ отъ всякой скверны. Пап-
скіе депутаты рѣшили уничтожать или измѣ-
нять всѣ мѣста, гдѣ говорилось противъ церк-
ви, религіи, монашества и духовенства. Они
превращали монахинь въ знатныхъ дамъ, а
монаховъ-обманщиковъ въ маговъ, епископа
Флоренціи въ шевалье и т. д. Напр. у

зилъ муками ада и скорою смертью. Боккаччо
былъ нравственно разбитъ, хотѣлъ распро-
ститься съ поэзіей и обратился за совѣтомъ
къ Петраркѣ, который не былъ ни поклонни-
комъ Декамерона, ни ультра-аскетомъ. Онъ
отвѣчалъ Б., что нужно сперва справиться о
личности этого посланника Божія, что Б. и безъ
монаховъ долженъ знать о кратковременности жизни,
что, одобряя его намѣреніе покончить съ бурною
жизнью, онъ не совѣтуетъ бросать литературу
и науку, утѣшеніе человѣка въ его годы. Отвѣтъ
Петрарки успокоилъ Боккаччо: Декамеронъ
уцѣлѣлъ. Voigt: Wiederbelebung. т. I. (1880) стр. 177-8.

*) А. Веселовскій: Изъ исторіи развитія личности.
Женщина и старинныя теоріи любви (въ журналѣ
Бесѣда. 1872. № 3. стр. 245-299.) стр. 251.

***) и испанца Манріквеса

Боккаччьо въ 21 новеллѣ разсказывается о садовникѣ, молодомъ и красивомъ, который, поступая на службу въ женскій монастырь, прикинулся нѣмымъ (находка для аббатиссы и 8 монахинь временъ Боккаччьо). Слѣдуетъ рядъ нескромныхъ сценъ, оставленныхъ депутатами въ неприкосновенности. Но аббатиссу они превратили въ графиню, которая воспитываетъ при себѣ бѣдныхъ дѣвушекъ и выдаетъ ихъ замужъ, когда подростутъ.

Таково изданіе de' Deputati, любившихъ Боккаччьо, какъ стилиста, и поставленныхъ въ необходимость подчиниться церкви. Такимъ-то образомъ появился въ 1573 Декаметонъ „ricorretto in Roma et emendato secondo l'ordine del Sacro Concilio di Trento", оскопленный въ угоду нравственности временъ реакціи. Это было пора, которая сдѣлала Тассо сумасшедшимъ, ударившимся въ религіонизмъ; это была реакція, которая опредѣлила судьбу Джьордано Бруно. Изданіе депутатовъ, плодъ реакціи, сдѣланное, не смотря на то, что къ Декамерону больше чѣмъ къ чему нибудь другому подходитъ фраза sit ut est aut non sit, не удовлетворило ни враговъ, ни друзей Боккаччьо: святоши жалѣли что депутаты мало повыкинули.×

× Не находя возможнымъ исправить, депутаты выкинули одну изъ новеллъ, такъ что осталось всего 99. Landau-Travers. M. 2. p. 507.

Такъ, съ легкой руки іезуитскихъ пуристовъ, Боккачьо прослылъ нечестивцемъ, безнравственнымъ; онъ—поэтъ сладострастія по преимуществу, pittore della voluttà: это даже стало общимъ мѣстомъ при опредѣленіи его литературнаго характера. Замѣчательно, что даже новые изслѣдователи приняли его въ наслѣдіе отъ старыхъ вмѣстѣ съ массой тому подобнаго хлама.

Разумѣется, они далеки отъ прежнихъ предразсудковъ и, принимая вердиктъ, напередъ готовы оправдать обвиненнаго; для этого есть особая теорія, по которой, что прежде считалось виною, толкуется если не заслугой, то внутренней необходимостью, жизненнымъ принципомъ дѣятельности. Такъ Шопенгауеру Декамеронъ представляется гигантской шуткой Генія человѣческаго рода, забавляющагося разрушеніемъ всѣхъ общественныхъ перегородокъ и приличій, которыя противятся соединенію двухъ любовниковъ и все таки не въ силахъ остановить Генія въ его постоянныхъ усиліяхъ къ созданію новыхъ поколѣній.* Въ томъ же родѣ попытка Монтэгю—объяснить замыселъ Боккачьо, предложенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Revue des deux Mondes. Декамеронъ дѣйствительно сладострастенъ, порою неприличенъ, но вѣдь въ этомъ его жизненная сущность, его эстетическое значеніе. Это безконечная Одиссея любви; міросозерцаніе Бокк. по преимуществу амурное: любовь представляется ему „не только господствующею страстью человѣческаго сердца, но и главнымъ

*) Шопенгауеръ: Метафизика любви. Пер. съ нѣм. Спб. 1864. Ц. 30 к.

двигателемъ общественной жизни и настоящимъ властелиномъ свѣта. Она замѣнила фатумъ древнихъ и свободную волю христіанства. То, что мы называемъ игрою случая, если присмотрѣться хорошо, не что иное, какъ капризъ любви. Въ томъ, что мы обыкновенно называемъ свободными рѣшеніями нашей воли, придется признать неодолимыя побужденія той-же силы, удачно замаскированной. Въ ея рукахъ мы какъ глина въ рукахъ горшечника, какъ зерно на лопатѣ вѣятеля. Ея благопріятныя и неблагопріятныя вліянія доходятъ до насъ рикошетомъ, черезъ длинную цѣпь причинъ и слѣдствій. Иногда мы не знаемъ, откуда стряслось намъ неожиданное счастье, непредвидѣнное горе: это любовь подняла бури, отраженіе которыхъ мы ощущаемъ иногда на далекомъ разстояніи. Весь Декамеронъ не что иное, какъ доказательство этой общей мысли въ тысячѣ самыхъ разнообразныхъ примѣровъ." x)

Такая критика, по нашему мнѣнію, не имѣетъ ничего общаго съ исторической: вѣдь то же самое можно сказать и съ тѣмъ же правомъ о любомъ сборникѣ старофранцузскихъ фабльо, о свѣтской группѣ романовъ Круглаго стола и т. д. Несомнѣнно, что въ новеллахъ Боккачьо многое должно поразить насъ; нравственная распущенность, отсутствіе извѣстнаго декорума, нераздѣльнаго для насъ съ

---

x) Revue des deux Mondes 1863. 1 Juin: La fiancée du roi de Garbe.

понятіемъ общежитія, наивность, за которой мы непремѣнно станемъ отыскивать заднюю мысль и которую назовемъ грубостью. Но каждый вѣкъ имѣетъ право самосуда только на почвѣ выработанныхъ имъ самимъ представленій, юридическихъ и нравственныхъ; возможна его историческая оцѣнка. Кромѣ того, каждый кодексъ нравственности, если онъ не насильственъ, отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ жизни; тутъ во всякомъ случаѣ есть актъ сознательности, въ смыслѣ признанія или отверженія. Въ первомъ случаѣ онъ опредѣляетъ степень вмѣняемости каждаго дѣйствія; во второмъ — кодексъ является упраздненнымъ, но самый фактъ упраздненія говоритъ, что совершился онъ въ силу новаго принципа, который вытѣснилъ старый и вступилъ въ его права. Между этими двумя возможностями есть третья: прежнія нравственныя представленія утратили свою обязательную силу для общества, хотя и существуютъ еще номинально, а между тѣмъ никакія новыя начала не замѣнили ихъ въ сознаніи; нѣтъ ни признанія, ни отверженія; жизнь живется, руководясь ближайшими практическими цѣлями, обходя широкіе вопросы права и вмѣняемости, а между тѣмъ въ этомъ обходѣ, въ узко-практическомъ разрѣшеніи каждаго жизненнаго вопроса, чувствуется молчаливый протестъ противъ доживающаго нравственнаго критерія, и собираются незримые

материалы для построенія новаго. Такъ и у Боккачьо нѣтъ еще явнаго разрыва съ прошлымъ: оно такъ удобно для смѣха и для эстетической идеализаціи, но нѣтъ и объявленной критики; и въ то же время мораль, вытекающая изъ каждаго отдѣльнаго разсказа, незамѣтно подтачиваетъ существующія условія семейныя, религіозныя и другія, и только позднѣйшему времени предоставлено возвести къ одному общему принципу эти разрозненные протесты. Всѣ переходныя эпохи нравственно безразличны, а потому немыслимо обвинять Боккачьо въ безнравственности. x)

Перехожу къ другому вопросу: къ Боккачьо, какъ художнику новеллы, которому принадлежитъ починъ европейской новеллы и романа. Тутъ поднимается вопросъ о стилѣ не во внѣшнемъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Чтобъ понять, что онъ сдѣлалъ для европейскаго романа стоитъ взять fabliaux, считающіяся его матеріаломъ, и Cento novelle antiche. Если послѣ знакомства съ ними перейдешь къ Боккачьо, то увидишь громадную разницу: Боккачьо заимствуетъ готовое анекдотическое положеніе изъ фабльо или новеллы, но онъ проникаетъ его суть, дѣлаетъ изъ него нравственные и житейскіе выводы. Пріемъ Боккачьо пожалуй не такъ художественъ, какъ мы требуемъ

x) А. Веселовскій. Изъ Ист. развитія личности. Бесѣда. 1872. 3. p. 280

этого нынѣ, благодаря его-же почину.“ Боккачьо реторичен, у него есть насильственныя перестановки, но за то въ періодѣ есть звучная струя, есть гармонія: слова то сливаются, то обрываются, то прыгают, то идутъ плавно, будто сельская красавица, у которой талія вьется на походкѣ. Боккачьо живописецъ сладострастья. Сладострастный ищетъ вездѣ квинтъ-эссенцію наслажденія и находитъ её тамъ, гдѣ и не думаешь: въ одеждахъ, въ кушаньяхъ, въ ароматахъ, во всемъ; и когда онъ нашелъ её, онъ всасываетъ её въ себя понемногу, чтобы не(x) блестящее, манерное, пріукрашенное и нарумяненное, какъ сладострастные люди. Мнѣ кажется, что украшенный слогъ — естественное выраженіе чувственности, точно также, какъ изысканная изысканность въ нарядахъ естественна въ публичныхъ женщинахъ. Потому и реторика и искусственныя конструкціи Боккачьо, его заботы о красивомъ сочетаніи словъ, законченность, какая замѣчается въ самыхъ мелкихъ частяхъ его періода, — все это отвѣчаетъ его замыслу: выразить красоту сладострастія.. Итакъ, скажете вы, красота Декамерона есть красота публичной женщины? Да, но красота Аспазіи, которая разсуждаетъ о мудрости и Периклъ и Сократъ внимаютъ ей съ удивленіемъ.(xx)

Для ознакомленія съ стилемъ Боккачьо слѣдовало бы привести здѣсь цѣликомъ одну изъ его новеллъ.

---

x). проп: надолго хватило. Выраженіе сладострастья должно быть.....   xx) Settembrini. Lezioni di litteratura italiana (Vol. T. p. 182-3. Napoli. 1866) привед. у Веселовскаго. l. c. 283-5.

съ разр. проф. А. Веселовскаго

Я перевелъ дословно одну новеллу, вызвавшую въ 15-16 в. церковную цензуру, въ моемъ переводѣ каждая фраза осталась не тронутой, я по возможности сохранилъ даже конструкцію, но приводить её здѣсь было бы очень долго. Незнакомые съ итальянскимъ языкомъ*) къ нѣмецкому переводу Витте; есть и русскій, принадлежащій г. Чуйко..., но требованія отъ переводовъ у насъ еще не выяснились, наши переводы, имѣя литературныя достоинства, не могутъ подвести близко къ подлиннику, что по отношенію къ Боккачьо особенно важно, ибо дѣло тутъ не въ содержаніи, а въ стилѣ: переводъ долженъ отвѣчать всѣмъ крайностямъ оригинала, и въ этомъ отношеніи нѣмецкія переводы стоятъ выше русскихъ.

Школа Боккачьо

Развитіе новеллы въ 15-16 вв. зависитъ всецѣло отъ почина Боккачьо, даже Амадисы не обошлись безъ его вліянія. Въ 15-16 вв. новелла становится преобладающей формой романа; слѣдя за ея судьбами, я разберу прежде всего непосредственныхъ преемниковъ Боккачьо XIV, XV и XVI вв. Новеллы этихъ трехъ столѣтій дали матеріалъ между прочимъ и для развитія англійской драмы, и я коснусь и этого вопроса. Затѣмъ намъ нужно будетъ остановиться на произведеніи папы Пія II, которое можно было бы назвать романомъ. Я прослѣжу, наконецъ, судьбы итальянской новеллы во Франціи, Германіи и Англіи, посвятивъ наибольшее вниманіе Викраму въ

*) обратятся

Германіи и повѣстямъ Роберта Грина въ Англіи.
Пособіемъ можетъ служить спеціально этому вопросу посвященная работа М. Ландау; Dunlop-Liebrecht пригоденъ и въ данномъ случаѣ по обилію сообщаемыхъ фактовъ. x)

а) въ Италіи

Въ XIV в. за Боккаччо въ Италіи послѣдовалъ цѣлый рядъ новеллистовъ, изъ коихъ нѣкоторые остались въ итальянской литературѣ какъ классическіе. Прежде всего приходится упомянуть Франко Саккетти (Sacchetti), родившагося во Флоренціи около 1335 г. и умершаго послѣ 1400 г. Мѣняло, по профессіи, онъ нажилъ порядочное состояніе и снова потерялъ его вслѣдствіе превратности судьбы, не утративъ однако своей веселости. Главное произведеніе Саккетти: il trecento novelle, написанное по примѣру Боккаччо xx. въ уста нѣсколькихъ лицъ; онъ разсказываетъ ихъ отъ своего имени. Принадлежа къ буржуазной средѣ, онъ стоялъ ближе къ флорентійскимъ интересамъ и не смотря на нѣкоторую грубость стиля даетъ для изученія итальянской жизни больше реальнаго содержанія чѣмъ Боккаччо. Сравнивать Саккетти съ Боккаччо

---

x) Beiträge zur Geschichte der italienischen Novelle von Dr. Marcus Landau. Wien 1875. 182 стр. Содерж. книги: подражатели Декамерона въ 14, 15 и 16, 17 и 18 вв; Маргарита Наваррская; Чосеръ; Драйденъ и Лафонтенъ

xx) прим: лишено общаго плана: отдѣльныя новеллы не вложены, какъ у Боккаччо....

значило бы сравнивать генія съ заурядными писателемъ, со Scribent'омъ, какъ называетъ его Ландау. Вотъ почему новеллы Саккетти больше 300 лѣтъ оставались почти въ полной безъизвѣстности, покрытыя библіотечною пылью. Заимствуя подчасъ изъ Боккаччо сюжеты для своихъ новеллъ, онъ дѣлалъ изъ пикантнаго и комическаго разсказа Боккаччо, по меньшей мѣрѣ, cine Fescinevei, по нѣсколько грубому выраженію Ландау. Около 1378 года жилъ флорентійскій новеллистъ Ser Giovanni, написавшій сборникъ (изъ 50 новеллъ) подъ страннымъ заглавіемъ Pecorone (Дуралей, скотина), разсчитаннымъ на смѣхъ. Авторъ, личность и біографія котораго окутана непроницаемымъ туманомъ, заимствовалъ сюжеты изъ хроникеровъ 13-14 вв., изъ Gesta Romanorum, изъ Семи мудрецовъ, изъ Декамерона. „Жила, разсказываетъ Ser Giovanni, въ одномъ монастырѣ въ Форли прелестная, добродѣтельная и вполнѣ благочестивая монахиня, по имени Сатурнина, въ которую только по слухамъ о ней и не зная ея лично, влюбился умный, благовоспитанный молодой человѣкъ, по имени Ауретто. Чтобы познакомиться съ монахиней, Ауретто добивался мѣста капеллана въ монастырѣ, гдѣ жила Сатурнина. Благодаря протекціи ему удалось получить эту должность и онъ имѣлъ отнынѣ возможность встрѣчаться ежедневно съ Сатурниной.

Она скоро отвѣтила на его любовь и молодая парочка принялась переписываться, частенько разговаривать другъ съ другомъ, не было недостатка и въ пожатіяхъ рукъ. Наконецъ, они порѣшили сходиться ежедневно въ уединенной и удаленной пріемной комнатѣ, гдѣ они разсказывали другъ другу ежедневно по новеллѣ! По прошествіи 25 дней, они расстались senza nessuna disonestà. Нѣкоторыя изъ разсказанныхъ ими новеллъ какъ то не мирятся съ представленіемъ о монастыряхъ и монахиняхъ.

Минуя Giovanni Ser Cambi (1347-1424), остановлюсь на его современникѣ Джьованни ди Герардо да Прато, по прозванію Акветтино, родившемся около 1360. Это авторъ произведенія Il Paradiso degli Alberti, изданнаго мною въ 1867 году. Я указалъ, что онъ можетъ быть отождествленъ съ Джьованни Акветтино и у Ландау онъ стоитъ уже подъ этимъ именемъ, хотя я за него особенно не стою. Исторія этого текста слѣдующая: Онъ сохранился въ рукописи черновой, перечеркнутой кое-какъ, безъ плана, безъ заглавія. Она была извѣстна еще въ прошломъ столѣтіи; въ эпоху маніи къ подлогамъ явились въ Италіи нѣкоторые литераторы, выдавшіе этотъ сборникъ подъ именемъ небывалаго Джиральдо Джиральди: мнѣ удалось указать на этотъ подлогъ. x)

[*) Wesselowsky въ Scelta di curiosita letter. вып. 86-88. Bologna 1867. Таже работа была написана авторомъ и порусски: А. Веселовскій: Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV–XV ст. М. 1870 года.] *

Въ этомъ произведеніи, состоящемъ изъ 9 новеллъ, описываются беседы небольшаго знатнаго общества, собравшагося на виллѣ Антонія Альберти близъ Флоренціи между 1379 и 1392 годомъ. Это флорентійскіе beaux esprits, которыхъ мы знаемъ, которые играли выдающуюся роль; нѣкоторые изъ нихъ были ближайшими товарищами Петрарки, таковы Луиджи Марсили, Антоній Альберти, человѣкъ увлеченный возрожденіемъ и иногда впадавшій въ религіозность, музыкантъ Франческо Ландини il Cieco (слѣпой), противникъ гуманистовъ, и нѣсколько знатныхъ дамъ. Общество проводитъ время то занимаясь музыкой, то заводя серьезные разговоры, то разсказывая новеллы. Тутъ затрогиваются вопросы политико-экономическіе, естественно-историческіе, идетъ рѣчь объ образованіи женщинъ, высказываются спокойно и хладнокровно нападки на духовенство и т. д. Все это характеризуетъ состояніе умовъ въ Италіи XIV–XV, вслѣдствіе чего историки возрожденія воспользовались уже разобраннымъ нами произведеніемъ. xx) см. стр. 293

*) по ошибкѣ переписчика прим. попало не туда, куда слѣдуетъ (т. е. надо перенести его на стр. 291).

Но такъ какъ до насъ дошла лишь черновая рукопись, до которой не коснулась окончательная рука автора, то мы и не можемъ говорить о ней съ точки зрѣнія стилистики.

При наиболѣе яркомъ представителѣ аррагонской династіи въ Неаполѣ, т.е. при Фердинандѣ I (1458-1494), въ этомъ городѣ явилась книга съ самыми ѣдкими нападками на духовенство, съ рядомъ наигрязнѣйшихъ новеллъ, посвященная невѣсткѣ Фердинанда, принцессѣ Ипполитѣ Калабрской, отличавшейся по словамъ издателя „неслыханнымъ цѣломудріемъ." Эта книга - Novellino салернитанца Мазуччьо Гвардато [Masuccio Guardato di Salerno; Masuccio - уменьшительное отъ Thomas - Томушка].

Novellino, состоящее изъ 50 новеллъ, проникнуто аристократическими воззрѣніями, пренебреженіемъ по отношенію къ плебсу, къ массѣ. Въ заголовкѣ каждой новеллы стоитъ посвященіе, всегда льстивое, какому нибудь принцу, князю, барону, либо принцессѣ и графинѣ.

---

xx). Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus von Georg Voigt. Два тома. 2-обраб. изд. Berlin 1880-81 г. см. т. I p. 187-189. и Geiger: Renaissance und Humanismus

Народъ для того и созданъ, чтобъ надъ нимъ надругались и обманывали дворяне, стало быть, нѣтъ ничего дурнаго, если дворянинъ соблазняетъ какую-нибудь горожанку. Зато нѣтъ никакой пощады духовенству, не исключая самого папы. Несмотря на веселость и пикантность разсказанныхъ Мазуччо новеллъ, чтенiе его Novellino не особенно прiятно: шероховатый, порой напыщенный и малопонятный языкъ и грамматическiя ошибки дѣлаютъ его неудобочитаемымъ. Однако онъ нравился еще и въ XVI вѣкѣ: ему подражалъ, напримѣръ, Банделло, одна изъ новеллъ котораго о печальной судьбѣ Ромео Монтекки и Джюльетты Капеллетти послужила матерiаломъ для Шекспировской драмы того же названiя. Прежде чѣмъ перейти къ новеллистамъ XVI вѣка остановлюсь на liber facetiarum папскаго секретаря и историка Флоренцiи Поджiо Браччолини (р. 1380 + 1459) Это былъ, какъ вамъ извѣстно, одинъ изъ передовыхъ людей Возрожденiя, собиратель классиковъ и древностей. О происхожденiи своей книги онъ разсказываетъ самъ въ послѣсловiи. Обыкновенно въ одной изъ комнатъ папскаго дворца, которую онъ отмѣчаетъ характернымъ прозвищемъ Bugiale (фабрика лжи)[x], собирались папскiе чиновники, придворные писатели и т. п. и на свободѣ занимались

x) mendaciorum veluti officina

отъявленнымъ злорѣчіемъ, остротами и скабрезными разсказами. Всѣ эти шуточки Поджіо записывалъ, прибавлялъ къ нимъ кое-что изъ подслушаннаго въ другомъ мѣстѣ и кое что, сочиненное имъ самимъ. Такъ возникла названная выше книга, сборникъ почти 300 анекдотовъ на латинскомъ языкѣ; ихъ чрезмѣрная откровенность и скабрезность лишаетъ возможности привести здѣсь хотя бы одинъ образчикъ. Впослѣдствіи родъ facetiae очутится въ Германіи (фацеціи Бебеля) и отразившись въ польскихъ фрашкахъ перейдетъ и къ намъ въ Россію.

Въ XVI вѣкѣ въ итальянскую новеллу вносится нѣчто новое по почину Маккьявелли (1469-1527), написавшаго всего на все одну новеллу Belphegor: Дьяволъ Бельфегоръ посланъ на землю испробовать радости и страданія людскаго брачнаго состоянія. Подъ видомъ прелестнаго юноши съ изрядной мошной является онъ во Флоренцію и женится на красавицѣ Гонестѣ (имя, придуманное съ умысломъ). Она скоро показала ему, что сладость супружескаго счастья стоитъ не дешево: его слуги, набранные имъ изъ чертей низшаго ранга, уже убрались во свояси, да и самъ Бельфегоръ вынужденъ бѣжать и отъ жены и отъ докучныхъ кредиторовъ. Спасенный однимъ крестьяниномъ, онъ обѣщаетъ ему богатство:

Бельфегоръ будетъ вселяться въ женщинъ, а крестьянинъ будетъ его изгонять и заколачивать деньги. И вотъ Бельфегоръ вселяется въ женщинъ, между прочимъ въ дочь одного богатаго флорентійца и въ неаполитанскую принцессу; родные, испробовавъ понапрасну всякіе экзорцизмы, обращаются, наконецъ, къ крестьянину; тотъ исцѣляетъ и получаетъ богатые подарки. Но разъ дьяволъ заупрямился и, войдя въ французскую принцессу захотѣлъ остаться. Крестьянинъ, страшась испортить свою славу, прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ велѣлъ устроить большую процессію, собравъ толпу барабанщиковъ, флейтистовъ и трубачей, которые произвели ужасный шумъ, играя кто въ лѣсъ, кто по дрова. Дьяволъ спрашиваетъ, что это такое. „Это пріѣхала изъ Флоренціи твоя жена Гонеста, чтобъ отыскать тебя", отвѣчалъ крестьянинъ. Бельфегоръ перепугался, оставилъ принцессу и, сломя голову, помчался въ адъ и успокоился лишь тогда, когда за нимъ захлопнулись адскія ворота. Нѣкоторые комментируютъ эту новеллу семейною жизнью Маккіавелли, утверждаютъ, что Гонеста списована съ его супруги Марьетты, но оказывается изъ завѣщанія автора, что онъ любилъ

и уважалъ свою жену и писалъ свою сатиру на брачную жизнь, будучи счастливымъ мужемъ. Сюжетъ, избранный Маккьявелли, не новъ: найдете его и въ 1001 ночи и въ сказкахъ чешскихъ, испанскихъ, польскихъ (Панъ Твардовскій), наконецъ, въ сборникахъ Афанасьева, Рудченка и другихъ. Послѣ Маккьявелли ближайшимъ по времени изъ флорентійскихъ новеллистовъ является Микель Анжоло Джироламо Джованнини, Фиренцуола по прозванію (1493-1546), авторъ Ragionamenti, состоящихъ изъ 100 новеллъ. Здѣсь таже рамка, что и въ Декамеронѣ, причемъ описаніе чумы замѣнено вступительнымъ разговоромъ о платонической любви.
Въ однообразную рамку, усвоенную подражателями Боккаччьо, было внесено небольшое отличіе Антономъ Франческо Граццини, (по прозванію Ласка), жившимъ отъ 1503-1583. 31 Января вечеромъ въ одномъ изъ годовъ между 1540 и 1550 во Флоренціи въ домѣ любезной, молодой и красивой вдовушки и ея брата собралось случайно общество, состоявшее изъ

5 мужчинъ и 5 женщинъ. Снѣжная буря (явленіе довольно рѣдкое въ Италіи) задержала молодежь въ гостяхъ; для развлеченія они принялись играть въ снѣжки. Наигравшись вдоволь, они задумали читать Декамеронъ, но хозяйка предложила взамѣнъ этого, чтобы каждый разсказывалъ новеллы своего изобрѣтенія и ея предложеніе было принято. Послѣ того какъ каждый изъ 10 присутствующихъ разсказалъ по новеллѣ, былъ поданъ роскошный ужинъ. Точно также проведены были еще два вечера. Въ результатѣ получилось собраніе „новеллъ", которое Грацциніи назвалъ „Три ужина" (Cene).
По словамъ Ландау, фабула романа „Дипвач" англійской писательницы Брэддонъ имѣетъ очень много сходства съ первою новеллой втораго „cene".
Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Боккаччьо находится Луиджи Аламанни (1495, †1556 въ Амбуазѣ), завершающій рядъ флорентійскихъ новеллистовъ; далѣе идутъ авторы изъ Сіены и Лукки, и самымъ грязнымъ изъ нихъ является Пьетро Фортини, умершій въ 1562 году. Шипіоне Баргальи

(Scipione Bargagli) заминяетъ описаніе чумы изображеніемъ осады Сіены войскомъ Козьмы Медичи въ 1554 году, что и служитъ введеніемъ къ его новелламъ. Перехожу къ Маттео Банделло, который, какъ и Аламани, жилъ долгое время во Франціи и въ 1550 году былъ назначенъ по волѣ Генриха II епископомъ города Ажана (Agen). Годъ его рожденія и смерти неизвѣстенъ: вѣроятно, онъ умеръ раньше 1570 года. Онъ началъ писать свои новеллы, еще будучи молодымъ человѣкомъ, продолжалъ въ зрѣлые годы и отдалъ въ печать, будучи старикомъ. Доминиканецъ и епископъ, авторъ очень грязныхъ новеллъ, - повидимому что-то несовмѣстимое, и, однако, Банделло совмѣстилъ въ себѣ подобныя крайности. Онъ самъ сознается, что многія изъ его новеллъ — „disonestissime"; онъ находитъ оправданіе въ томъ, что не хорошо дѣлать скверныя вещи, но разсказывать о нихъ можно. Нѣкоторыя изъ 214 новеллъ Банделло попадаются и въ Гептамеронѣ Маргариты Наваррской, но сборникъ Банделло былъ напечатанъ уже въ 1554 году, а Гептамеронъ лишь въ 1558 г. Однако заимствовалъ Банделло у Марга-

рити, а не наоборотъ, потому что онъ самъ разсказываетъ про одну изъ своихъ новеллъ, что слышалъ ее отъ Юлія Цезаря Скалигера, а послѣдній отъ Маргариты. Стало быть, прежде появленія въ печати Гептамеронъ находился въ устномъ обращеніи. Я остановлюсь на одной изъ новеллъ Банделло, послужившей матеріаломъ для Шекспировской драмы: „Ромео и Юлія". Раньше Банделло тотъ же сюжетъ разработалъ Луиджи да Порто въ своей „Istoria novellamente ritrovata di due nobili amanti con la loro pietosa morte", появившейся, вѣроятно, въ 1531 году. Еще раньше была написана новелла того же содержанія упомянутымъ выше Мазуччьо ди Салерно; она и была, вѣроятно, источникомъ для Луиджи да Порто. Джироламо делла Корте въ своей Istoria di Verona. (Ver. 1594. 96. 2 voll 4°) разсказываетъ о несчастной любви Ромео и Юліи, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ XIV вѣка; онъ увѣряетъ даже, что видѣлъ остатки ихъ могилы. Не смотря на это признано, что онъ почерпнулъ свой разсказъ

у новеллистовъ. Вотъ содержаніе этой 9 новеллы 2-ой части сборника Банделло:*) Въ Веронѣ были двѣ знатныя фамиліи — Монтекки и Каппеллетти, отличавшіяся богатствомъ и знатностью. Между ними шла вѣчная вражда, доходившая нерѣдко до кровопролитныхъ стычекъ. Разъ на святкахъ у Антоніо Каппеллетто былъ блестящій балъ. Между прочимъ явился туда и Ромео Монтекки, юноша 20 или 21 года, самый красивый и изящный изъ всей веронской молодежи. Онъ явился къ ночи замаскированный вмѣстѣ съ своимъ другомъ. Ромео былъ въ то время сильно влюбленъ въ одну даму, но она оставалась неприступной. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ уже покинуть Верону, но остался, изнывая отъ любви. Одинъ пріятель посовѣтовалъ ему ходить по баламъ и при встрѣчѣ съ милой не смотрѣть на нее, а разглядывать другихъ дѣвушекъ, какъ на рынкѣ при покупкѣ лошадей. И вотъ онъ явился на балъ къ Антоніо Каппеллетто. Тамъ, побывъ нѣкоторое время въ маскѣ, Ромео, усѣвшись въ углу, снялъ маску и сталъ разсматривать проходившихъ по залѣ женщинъ и оцѣнивать ихъ

*) Die Quellen des Shakspeare in Novellen, Märchen und Sagen von Karl Simrock. Zweite Auflage 1872 т. I. p. 31-76.

красоту. И вотъ въ глаза ему бросилась дѣвушка чудной красоты. Старая страсть къ неприступной дамѣ вмигъ была вытѣснена внезапно зародившейся страстью къ этой дѣвушкѣ. Это была Юлія дочь Антоніо Каппеллетто. Ей тоже понравился Ромео; она хотѣла бы видѣть его среди танцующихъ, хотѣла бы услышать его голосъ, но Ромео сидѣлъ въ углу одинъ, впиваясь въ нее глазами, что ей доставляло блаженство невыразимое. Между тѣмъ балъ близился къ концу; онъ долженъ былъ завершиться танцемъ съ факелами (torchio), который другіе зовутъ хороводомъ. Ромео былъ выбранъ одною дамой и сталъ въ рядъ. Сдѣлавъ, что слѣдовало, онъ передалъ факелъ дамѣ и очутился возлѣ Юліи, затѣмъ, по уставу, онъ, къ своему и ея неизмѣримому удовольствію, взялъ ея руку. Юлія стояла между Ромео и Маркуціо Косоглазымъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ uomini di corte, которые тѣснились при дворахъ правителей, въ патриціанскихъ семьяхъ и т. п. Онъ — поэтъ, нѣчто въ родѣ потѣшника, облагороженного ренессансомъ. У Маркуціо всегда наготовѣ какая нибудь шутка, которую онъ и выкладываетъ на потѣху общества.

С. П. У.

Онъ вездѣ желанный гость, его любятъ за его motti fievoli, тѣмъ болѣе, что онъ никого неоскорбляетъ. И лѣтомъ и зимой и во всякое время года руки его холоднѣе альпійскаго льда, онъ не можетъ согрѣть ихъ даже у печки. Между Юліей и Ромео завязывается разговоръ: какое счастье, что вы стоите возлѣ меня, сказала Юлія и любовно пожала ему руку. Ромео отвѣтилъ нѣжнымъ пожатіемъ и спросилъ, въ чемъ состоитъ это счастье. „Не удивляйтесь, благородный молодой господинъ, что я благословляю вашъ приходъ: Вотъ ужъ не малое время господинъ Маркуціо холодомъ своихъ рукъ превращаетъ меня въ настоящій ледъ: примите мою благодарность за то, что вы снова согрѣли меня своею нѣжной рукой," сказала Юлія.—„Если моя рука согрѣваетъ васъ, то знайте, что вы свѣтомъ вашихъ чудныхъ глазъ производите во мнѣ настоящій пожаръ, и увѣряю

Лит. Гробовой д. 13. Пет. ст. б. пр. 18 апр.

съ разрѣшенія пр. Веселовскаго.

Л. 20 нст. романа.

васъ, что если вы не поможете мнѣ вынести этотъ мощный жаръ, вы увидете, что я весь сгорю и обращусь въ золу." Въ это время кончился танецъ и Юлія успѣла сказать Ромео только слѣдующія слова: „что могу я вамъ сказать какъ не то, что я теперь больше ваша, чѣмъ своя!" Передъ уходомъ Ромео узналъ, что дѣвушка дочь хозяина, и это его чрезвычайно опечалило, онъ понялъ, что ему трудно и опасно достичь желанной цѣли своей любви; но рана была нанесена, и ядъ любви уже проникъ слишкомъ глубоко. Юлія узнаетъ отъ своей кормилицы, что ея милый — Ромео Монтекки; она тоже опечалилась. Тутъ у Банделло мы замѣчаемъ сильно развитый элементъ a parte (въ сторону). Юлія всю ночь думаетъ о Ромео: знаю ли я, глупая, что Ромео меня любитъ? Можетъ быть, лукавецъ говоритъ мнѣ эти слова съ цѣлью обмануть меня, надругаться надо мною, обратить меня въ продажную

распутницу: быть можетъ, онъ хочетъ этимъ отомстить за ту вражду, какая день ото дня становится все ужаснѣе между его и моими родственниками. Но нѣтъ: благородство его души не дозволяетъ ему обманывать ту, которая его любитъ и обожаетъ. Онъ слишкомъ красивъ и очарователенъ (а лице, вѣдь, зеркало души)." Но положимъ, онъ ее любитъ и хочетъ на ней жениться, но вѣдь ея отецъ никогда не согласится на этотъ бракъ! А, впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть, чрезъ эту связь помирятся, наконецъ, обѣ фамиліи. Она часто слышала, что бракъ прекращалъ иногда весьма жестокія войны.

Окна ея комнаты выходили въ узенькій, пустынной переулокъ. Ромео являлся туда по ночамъ взглянуть на нее, когда она сидѣла у окна. Разъ она при свѣтѣ луны увидала его, спросила, зачѣмъ онъ здѣсь въ такой поздній часъ. Ромео проситъ впустить его въ комна-

ту, гдѣ бы онъ могъ выразить ей силу своей любви. „Я васъ люблю, отвѣчала она въ негодованіи, какъ только можно любить и, пожалуй, больше, чѣмъ пристойно моей чести, но скажу вамъ, если вы разсчитываете насладиться мною какъ нибудь иначе, помимо нерасторжимыхъ брачныхъ узъ, то вы очень ошибаетесь. Женитесь на мнѣ, и я готова быть съ вами всюду, гдѣ пожелаете. А если у васъ въ головѣ другія мысли, то идите своею дорогой и оставьте меня въ покоѣ." Ромео радъ: онъ самъ ежечасно готовъ предложить ей свою руку. Ну хорошо, отвѣчала Юлія, я бы хотѣла, чтобъ насъ обвѣнчалъ достопочтенный братъ Лоренцо да Реджіо (Reggio), мой духовный отецъ." Этотъ братъ былъ изъ ордена Миноритовъ, магистръ теологіи, большой философъ и свѣдущій во многомъ, между прочимъ, въ чудодѣйственной химіи и магическомъ искуствѣ. Онъ въ чести у народа, имѣетъ связи съ знатными семьями, ему покровительствовалъ,

между прочимъ, и отецъ Ромео! Лоренцо водилъ тѣсное знакомство и съ Каппеллетти. Услышавъ отъ Ромео просьбу обвѣнчать его съ Юліей, Лоренцо рѣшился этимъ путемъ помирить близкіе ему роды. Юлія черезъ кормилицу приглашаетъ Ромео явиться къ ней ночью подъ окно съ веревочной лѣстницей. Происходитъ свиданіе; Юлія сообщаетъ Ромео, что она въ слѣдующую пятницу пойдетъ на исповѣдь съ матерью и проситъ извѣстить объ этомъ Лоренцо. Въ назначенный день происходитъ вѣнчаніе въ кельѣ Лоренцо. Затѣмъ въ новеллѣ развиваются положенія, имѣющіяся и у Шекспира: брачная ночь въ саду, новая ссора между Монтекки и Каппеллетти, изгнаніе Ромео изъ города за убійство одного изъ Каппеллетти. Родители, видя, что Юлія чахнетъ день со днемъ все больше, рѣшили выдать ее за-мужъ за графа ди Лодроне; назначена свадьба; Юлія въ отчаяніи

идетъ къ Лоренцо, думая найти у него помощь. Тотъ даетъ ей снотворнаго зелья. Остальное вы доскажете себѣ по Шекспиру, который почерпнулъ изъ Банделло почти все, удаливъ лишь реальное отраженіе итальянской жизни. Это типичная новелла XVI вѣка, представляющая очень хорошій матеріалъ для трагедіи.

22ая новелла 1й части сборника Банделло послужила тому же Шекспиру матеріаломъ для его драмы: „Много шуму изъ ничего," но великолѣпныя фигуры Бенедикта, Беатриче и Догберри принадлежатъ самому Шекспиру. Самъ Банделло заимствовалъ основную идею, кажется, изъ Orlando Furioso Аріосто (пятая пѣсня).— 36я новелла 2й части сборника Банделло послужила фундаментомъ для Шекспировской пьесы: „Какъ вамъ будетъ угодно" (as You like it). Геній Шекспира принадлежитъ неотъемлемо комическая личность Мальволіо, какъ и вообще

весь комическія фигуры. Заговоривъ объ источникахъ Шекспира, нельзя умолчать о Джіованни Баттиста Джиральди Чинтіо († 1573). Его главное произведеніе Ecatommiti (т. е. ἑκατὸν μῦθοι) или 100 новеллъ состоитъ на самомъ дѣлѣ изъ 111, такъ какъ 10 днямъ (по 10 новеллъ на день) предшествуетъ введеніе изъ 10ти новеллъ, а въ десятую новеллу пятой декады вставленъ еще одинъ разсказъ. Описаніе чумы замѣнено здѣсь описаніемъ тѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось взятіе Рима имперцами въ 1527 году. Черты описанія заимствованы у Боккаччьо, да и самое заглавіе сборника придумано по примѣру Декамерона. Девятая новелла 3го дня изъ сборника Чинтіо послужила основой для Шекспировскаго „Отелло", а драма: „Мѣра за мѣру" (Measure for measure) покоится на 5й новеллѣ VIII. дня у Чинтіо. Впрочемъ, Шекспиръ

быть можетъ, пользовался не переводомъ итальянской новеллы, а драмой Whetstone'а: Promos and Cassandra.

Для исторіи странствующихъ сюжетовъ очень важенъ не очень цѣнный самъ по себѣ сборникъ Le piacevoli notti (пріятныя ночи), принадлежащій Джіов. Франч. Страпаролѣ. Сборникъ, состоящій изъ 74 новелъ, шванковъ и сказокъ, появился впервые въ Венеціи въ 1550 году (*) Страпарола щедро заимствовалъ сюжеты у Ser Giovanni, Сакетти, Боккаччьо (рамка котораго послужила образцемъ для рамки Страпаролы), изъ фацецій Поджіо, изъ французскихъ фабльо и старыхъ народныхъ сказокъ. Онъ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ непристойностью сюжетовъ, расказываемыхъ

(*) Ему посвящена диссертація Бракельманна: G. F. Straparola. Göttingen 1867 года.

у него молодыми благовоспитанными дѣвушками. Обкрадывая другихъ, Страпарола былъ въ свою очередь не разъ обкраденъ позднѣйшими италіанскими новеллистами и французскими авторами восточныхъ сказокъ, особливо сказокъ о феяхъ. Источникомъ послѣднихъ былъ также „Пентамеронъ" или „Lo Cunto de li cunti," сборникъ народныхъ сказокъ, переведенный на нѣсколько языковъ, между прочимъ Либрехтомъ на нѣмецкій языкъ (съ предисловіемъ Я. Гримма и примѣчаніями переводчика) въ 1846 году. Авторъ этого сборника Джамбаттиста Базиле умеръ въ Неаполѣ около 1637 года.

Далѣе идетъ рядъ новеллистовъ, задавшихся нравственными цѣлями и писавшихъ для юношества. Первый примѣръ показалъ іезуитъ Александръ Бандіера въ своемъ Gerotricamerone (въ 1745 году).

10 молодыхъ добродѣтельныхъ людей разсказываютъ новеллы по библейскимъ разсказамъ. Судьбѣ Итальянской новеллы на почвѣ Италіи послѣ Бандіеры вплоть до нашего времени въ книгѣ Ландау посвящено всего 1/2 странички, потому что новеллисты XIX вѣка подражаютъ уже не Боккаччо, а новеллистамъ и романистамъ другихъ странъ. Въ силу же этого Ландау, пропустилъ Челіо Малеспини(*), 200 новеллъ котораго написаны были или лучше сказать заимствованы наполовину изъ Cent Nouvelles - Nouvelles около 1580 года. Въ одной изъ новеллъ онъ вводитъ насъ въ обряды какой-то секты, напоминающей нашихъ хлыстовъ. Назову еще Леона Баттисту дельи Альберти(**) родившагося около 1404 года. Это былъ гуманистъ, политикъ, архитекторъ, скульпторъ, музыкантъ, литераторъ.

(*) См. о немъ у Дунлоп'а (стр. 292-294) и Записк. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи за 1869 г. т. II. статья А. Веселовскаго.
(**) Voigt l. c. т. I p. 373-378.

Онъ занимался всѣмъ, но не подолгу. То нельзя было оторвать его отъ книги, то онъ чувствовалъ отвращеніе къ наукѣ, увлекался жизнью и „буквы казались ему отвратительными скорпіонами". То онъ увлекался математикой и физикой, то писалъ трактаты „о семьѣ," о воспитаніи, о бракѣ и т. п., то сочинялъ рѣчи, элегіи, эклоги, романы и повѣсти. - Укажу еще на романъ, содержаніе котораго трудно передать; оно имѣетъ отношеніе къ новеллѣ о Ромео и Юліи. Это il Peregrino, принадлежащій Якову Кавичео (1443 - 1511).(*) Романъ разсказываетъ о любви Перегрино къ Джиневрѣ; разсказчикъ, герой романа, подъ конецъ, до того забылся, что передаетъ о своей смерти: „и сказавъ это, я испустилъ духъ." Романъ этотъ произошелъ, вѣроятно, въ окруженіи Лукреціи Борджіа и странно,

(*) Dunlop - Liebrecht p. 499 (примѣч. 373.)

что Грегоровіусъ не обратилъ на него вниманія въ своей Geschichte der Stadt Rom.

Въ 1499 году появилась на италіанскомъ языкѣ Hypnerotomachia Poliphili, принадлежащая къ тому же литературному роду, что и Labirinto d'Amore Боккаччо. Авторъ книги Франческо Колонна лице духовное, желавшее подъ видомъ аллегоріи выразить свою любовь къ монахинѣ Лукреціи Мауръ. Полифило видитъ сонъ, будто его возлюбленная Полія ведетъ его по храмамъ, могиламъ и древностямъ Греціи и Египта. Наконецъ, амуръ перевозитъ ихъ на островъ Китеру, гдѣ справляются празднества въ честь Венеры и Адониса. Побуждаемая нимфами, Полія разсказываетъ свою исторію, по окончаніи которой Полифило просыпается, разбуженный пѣніемъ соловья. Это - романъ, возможный

только въ Италіи, пропитанный классическими воспоминаніями и знаніями временъ возрожденія; въ немъ попадаются важныя для археологовъ описанія остатковъ греческаго искусства и т. д. (*)

Чтобы окончить обозрѣніе школы Боккаччіо на почвѣ Италіи остановлюсь на замѣчательномъ романѣ папы Пія II: de duobus amantibus Eurialo et Lucretia opusculum ad Marianum Sosinum. Пій II, называвшійся до вступленія на папскій престолъ Энеемъ Сильвіемъ Пикколомини, родился 19 Октября 1405 г. близъ Сіены. Подробную біографію его вы найдете въ работѣ Фойгта. (**)

Онъ защищалъ права Базельскаго собора противъ Евгенія IV (въ 1431 г.). Въ эту пору Пикколомини въ своихъ

(*) Dunlop-Liebrecht p. 427.

(**) Enea Silvio de' Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter von Georg Voigt. 3 тома. Berlin. 1856-1863 г. См. также Voigt. Wiederbelebung d. classisch. Alterthums. passim.

сочиненіяхъ, полныхъ эрудиціи, поддерживалъ идею о главенствѣ собора надъ папой; но, сдѣлавшись въ 1458 г. намѣстникомъ Петра подъ именемъ Пія II, отрекся отъ старыхъ убѣжденій и отъ своей повѣсти, написанной въ юности. Сидя на папскомъ престолѣ онъ хлопоталъ о крестовомъ походѣ на турокъ, но безуспѣшно. Повѣсть о Лукреціи и Эвріалѣ основана на дѣйствительномъ событіи, случившимся въ 1432 г. въ Сіеннѣ, когда тамъ проѣздомъ находился императоръ Сигизмундъ. Эней Сильвій написалъ свою повѣсть въ 1444 году. Scripsi duorum amantium casus, nec finxi, говоритъ авторъ въ предисловіи. „Дѣло было въ Сіеннѣ, когда тамъ пребывалъ императоръ Сигизмундъ. Этотъ Эвріалъ не кто иной какъ Гаспаро Шликкъ, канцлеръ императора, а Лукреція — одна сіенская горожанка. Повѣсть написана на латинскомъ языкѣ, который вызываетъ удивленіе знатоковъ.

Она представляетъ собою реальную картинку, ея дѣйствующія лица не превышаютъ дѣйствительности: въ ней нѣтъ героевъ, заслуживающихъ этого названія, а о культѣ платонической любви нѣтъ еще и помину. <u>Содержаніе повѣсти:</u> Императоръ Сигизмундъ въѣзжаетъ въ Сіену, съ большою свитой изъ нѣмцевъ и венгерцевъ. Его встрѣчаютъ торжественно; между прочимъ на встрѣчу ему отправлены 4 матроны. „Онѣ были такъ хороши, что ихъ можно было бы сравнить съ тремя богинями, представшими на судъ Париса, еслибъ ихъ было три, а не четыре." Но больше всѣхъ отличалась красотою Лукреція, которой еще не было и двадцати лѣтъ. Ея мужъ Менелай де' Камилле (вполнѣ заслуживающій это имя) — человѣкъ очень богатый, но недостойный красавицы-жены, „за то достойный того, чтобъ она сдѣлала его рогатымъ." Красота Лукреціи описана очень реально и даже чувственно: „Красота на-

наружныхъ частей указывала на прелесть скрытыхъ, такъ что у всякаго, кто видѣлъ ее, не могло не родиться вожделѣнія." И вотъ Эвріалъ, родомъ изъ Франконіи не можетъ свести съ нея глазъ. Ему было лѣтъ 32; все что нужно для любви, природа дала ему въ изобиліи. Онъ былъ богатъ, пользовался милостью императора. Увидѣвъ Лукрецію, Эвріалъ почувствовалъ къ ней влеченіе, да и она тоже. По окончаніи церемоніи, она вернулась домой, занятая одною мыслью о <u>немъ</u>. „Отчего это, я не могу видѣть моего мужа, говоритъ она себѣ, отчего мнѣ противны его объятія и поцѣлуи, отчего его рѣчи наводятъ на меня скуку и отвращеніе? Ежеминутно передъ моими глазами носится образъ милаго иностранца, который такъ близко стоитъ къ императору. Ахъ, я несчастная! Какая-то новая сила дѣйствуетъ надо мной, вопреки моей воли. Любовь говоритъ мнѣ одно, а разсудокъ другое." Послѣ

С.П.У.

колебаний она приходитъ къ рѣшенію: я такъ хороша, что безъ сомнѣнія, онъ полюбитъ меня всею силой, какъ только замѣтитъ, что я его люблю и останется на вѣки моимъ, если только хоть разъ насладится моими объятіями. — А что я хороша собой, доказательство на лицѣ: гдѣ я ни пойду, всюду за мной слѣдуютъ влюбленные и многіе изъ нихъ стоятъ у моей двери и подъ окнами. — Пусть или онъ останется со мною, иль я убѣгу съ нимъ. — Но какъ оставить мать, отечество, мужа? Но что же? Мать всегда будетъ за меня, она согласится со всѣмъ, что мнѣ мило. А настоящее отечество тамъ, гдѣ живется весело; о мужѣ я не забочусь: я съ удовольствіемъ желала бы быть его вдовою. — Но я потеряю репутацію" ......

Она почерпаетъ доказательства изъ судьбы Елены, Аріадны, Медеи и приходитъ къ окончательному рѣшенію. — Эвріалу часто приходилось проѣзжать мимо ея дома, и заслышавъ топотъ копытъ, она

С. Лит. Гробовъ Пет. Ст. б. пр. Д. 63

всякій разъ выходила на балконъ погля-
дѣть на милаго и, увидѣвъ его, крас-
нѣла и стыдилась.- Разъ императоръ
замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ
при видѣ Эвріала, который находился
всегда при императорѣ, какъ Меце-
натъ при Августѣ.- „Эвріалъ, сказалъ
онъ: ты сводишь съ ума дамъ? Вотъ
эта, навѣрно, влюблена въ тебя."-
Лукреція не въ силахъ скрыть свою
любовь, но кому признаться? Въ чис-
лѣ слугъ ея мужа былъ старый нѣ-
мецъ, по имени Созія, преданный сво-
ему патрону.- Какъ нѣмцу, ему легко
проникнуть въ окруженіе императо-
ра.- Лукреція обратилась къ Созіи и при-
зналась, что влюблена въ Эвріала. „Со-
зія помоги мнѣ: пойди, найди этого
Эвріала и скажи ему, что я люблю его.
А уже я не останусь въ дому." Но Созія
удивленъ: ему ли на старости лѣтъ
измѣнять своему господину, которо-
му онъ служилъ досель вѣрой и прав-
дой.- Онъ совѣтуетъ ей потушить въ
груди „преступное пламя," вспомнить,
что она изъ знатнаго сіенскаго рода.
„Молчи, сказала Лукреція, тотъ не боится

ничего, кому не страшна смерть, а я готова на все." „Несчастная ты опозоришь всю свою фамилию прелюбодѣйствомъ. Не думай, что твой грѣхъ останется втайнѣ. Тысячи глазъ обращены на тебя: всѣ узнаютъ о твоихъ промахахъ — и мужъ и супругъ и родня." Она согласна, что его слова — золото, но она безсильна противъ страсти, она готова убить себя. Испуганный Созія признается, что [illegible] репутаціи. Онъ думаетъ этимъ проволочить время и отвлечь Лукрецію отъ любви. — Созія притворяется, будто ходитъ къ Эвріалу, что Эвріалъ очень доволенъ ея любовью. — Иногда Созія нарочно объявлялъ, будто онъ не могъ увидать Эвріала. Между тѣмъ возлюбленный Лукреціи тоже изнывалъ отъ любви: о Созіи онъ, конечно, ничего не зналъ. — Въ описаніи волненій Эней Сильвій вставляетъ стихи Сафо (романъ Пія II вообще полонъ классическихъ и мифологическихъ реминисценцій). Наконецъ, Эвріалъ рѣшается послать къ Лукреціи письмо съ одной старухой, очень опытной въ подобныхъ дѣлахъ (Тутъ Эней Сильвій прибѣгаетъ къ старой эпистолярной фор-

мъ романа/. Старуха отнесла письмо, припечатанное перстнемъ и отдала его Лукреціи, но та знала, что старуха извѣстная сводня, она крайне возмущена, что такая гадина вошла въ ея комнату. Лукреція гонитъ ее вонъ и рветъ письмо на мелкіе клочки. По уходѣ старухи, она одумалась, стала собирать письмо по кусочкамъ, складывать ихъ и, наконецъ, прочла его нѣсколько разъ сряду, поцѣловала и бережно спрятала.- По прочтеніи, она рѣшается написать отвѣтъ. Дальше романъ состоитъ изъ писемъ Эвріала къ Лукреціи и наоборотъ.-

Лукреція сдается понемногу, но ей страшно, что онъ скоро уѣдетъ по дѣламъ службы, что она останется одна со своею любовью.- Она приводитъ рядъ примѣровъ изъ классическихъ мифовъ и преданій: Язонъ обманулъ Медею, Тезей - Аріадну, нечего и говорить о несчастной Дидонѣ, покинутой Энеемъ. Все это отзывается эпохой возрожденія.- Эвріалъ отвѣчаетъ на посланіе Лукреціи: до сихъ поръ онъ любилъ ее, какъ женщину, теперь онъ удивляется ея божественному разуму, который виденъ изъ ея письма. Теперь искра превратилась въ пожаръ,

отказаться отъ любви къ ней значило бы теперь заставить рѣку измѣнить свое теченіе. – Какъ видите, тутъ выступаетъ на сцену новый мотивъ – любовь къ уму и образованію. – Это отразится впослѣдствіи съ силой на развитіи англійскаго романа: въ результатѣ получится эвфуизмъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди. – Романъ Пія II продолжается въ письмахъ съ небольшими антрактами. Влюбленные жаждутъ свиданія, но оно невозможно или по меньшей мѣрѣ, сопряжено съ опасностями; у Лукреціи ревнивый мужъ, сторожившій ее какъ Аргусъ. Лукреція послѣ одной неудавшейся попытки обратилась къ Пандалу, родственнику Менелая и попросила Эвріала сблизиться съ нимъ. Между тѣмъ Эвріалъ уѣзжаетъ по дѣламъ въ Римъ на два мѣсяца. За все это время она ни разу не выходила изъ дому, горевала и грустила. – Но когда Эвріалъ вернулся, она переродилась, повеселѣла, пріодѣлась. – Товарищъ Эвріала сообщилъ ему, что за домомъ Менелая есть таверна, а въ ней окно, откуда можно видѣть комнату Лукреціи. – Между

таверной и домомъ Менелая былъ переулочекъ, куда не проникалъ ни свѣтъ, ни прохожій; отсюда до окна Лукреціи рукой подать. - Влюбленные заводятъ тутъ разговоръ, какъ Ромео и Юлія у Банделло. - Созія, который отказалъ Лукреціи въ помощи или обѣщалъ условно, догадывается, что свиданіе устроено помимо его воли. - Ему остается только позаботиться, чтобы то, чему суждено сдѣлаться, сдѣлалось тайно; все одно вовсе ли не дѣлать или дѣлать такъ, чтобы другіе о томъ не довѣдались. - Это его философія, напоминающая peccato celato — mezzo perdonato /скрытый грѣхъ наполовину прощенъ/, произносимое въ Декамеронѣ однимъ монахомъ. - Она сообщаетъ Созіи свой планъ: черезъ четыре дня къ нимъ крестьяне привезутъ рыбу на нѣсколькихъ возахъ, Эвріалъ переодѣнется носильщикомъ и постучитъ къ ней въ дверь, никѣмъ незамѣченный. - Планъ удается; происходитъ настоящее свиданіе, прерванное Созіей, который велитъ имъ остеречься, такъ какъ сейчасъ придетъ сюда

Менелай отыскивать какую то бумагу. Лукреція прячетъ Эвріала въ соседнюю темную комнату, но Менелай, тщетно чего то ищущій, хочетъ идти именно туда, гдѣ Эвріалъ, и велитъ Лукреціи посвѣтить ему, такъ какъ тамъ темно. Услышавъ это, Эвріалъ /характеръ, скопированный съ натуры, отнюдь не идеальный/ трепещетъ за свою репутацію: теперь онъ станетъ притчей во языцѣхъ изъ-за любви, которая не что иное какъ дымъ. - „Лишь бы вырваться мнѣ изъ этой западни, вдругорядь не попадусь". Онъ подозрѣваетъ, что Лукреція никогда его не любила и нарочно заманила его въ ловушку, какъ оленя. - И Лукреція въ это время придумывала средство спастись отъ скандала. - И вотъ что ей пришло въ голову: „милый супругъ, помнится, что ты положилъ эту бумагу въ мой ларчикъ, а онъ вонъ тамъ на окнѣ, поищемъ". - И вотъ подбѣжавъ, она стала открывать ларчикъ и, словно нечаянно, столкнула его за окно. - „Ахъ, беги скорѣе, я уронила за окно ларчикъ, беги поскорѣе съ господиномъ Берто: не то, кто нибудь пере-

хватитъ наши алмазы и бумаги. Идите, а я останусь здѣсь и буду смотрѣть изъ окна, чтобъ кто чего не взялъ, пока ты будешь сходить внизъ." Пока Менелай и Берто сходятъ по лѣстницѣ (а въ Тосканѣ, замѣчаетъ авторъ, онѣ очень высоки) Эвріалъ прячется въ другое мѣсто. - Вернувшись, Менелай идетъ туда, гдѣ былъ раньше спрятанъ Эвріалъ, и, найдя искомое, удаляется. Теперь страхъ миновалъ; любовники снова одни; дверь на замкѣ. - Происходятъ очень реальныя выраженія любви, отнюдь не платонической. - Выйдя отъ Лукреціи, Эвріалъ чувствуетъ себя неловко въ мужицкой одеждѣ, боится встрѣчъ. Переодѣвшись онъ разсказываетъ своему пріятелю, о своихъ происшествіяхъ, описываетъ умъ и прелести Лукреціи; не правъ былъ его отецъ, когда совѣтовалъ ему не вѣрить женщинѣ, этому неукротимому звѣрю, невѣрному, измѣнчивому, жестокому и т.д. (тирада противъ невѣрныхъ женъ въ стилѣ старыхъ новеллъ). Характеръ Эвріала и другихъ дѣйствующихъ лицъ скопированы съ натуры, и это тѣмъ болѣе

интересно для характеристики XV вѣка. Отношенія любовниковъ могли продолжаться тѣмъ удобнѣе, что въ Лукрецію влюбился Пакоро, венгерскій баронъ изъ свиты императора и будучи недуренъ собою ждалъ взаимности, даже былъ увѣренъ, что Лукреція отъ него безъ ума. - Разъ Лукреція шла въ церковь; Пакоро подалъ ей искусственную золоченую фіалку, въ которой была спрятана любовная записка. - Она сначала не хотѣла принять подарка, а затѣмъ взяла, по просьбѣ сопровождавшей ея старухи, и, пройдя нѣсколько шаговъ, передала фіалку служанкѣ. - Бывшіе при этомъ два студента выпросили у нея цвѣтокъ и нашли тамъ записку. - До пріѣзда императора они были идолами сіенскихъ дамъ, а теперь отодвинулись на задній планъ и, раздраженные этимъ, готовы были всячески подгадить свитскимъ кавалерамъ. - Они отправились къ Менелаю, попросили прочесть записочку. - Тотъ бѣжитъ къ Лукреціи, рветъ и мечетъ. - Узнавъ отъ нея, въ чемъ дѣло, Менелай идетъ съ жалобой къ императору и Пакоро обѣщаетъ покориться (невольный каламбуръ). Настала зима. Дѣвушки

и молодые люди играютъ въ снѣжки, первыя бросаютъ снѣжки изъ оконъ на улицу, вторые на оборотъ. (Эта тема имѣется между прочимъ и у Граццини въ его Cene*). Пакоро дѣлаетъ вторую попытку: онъ сдѣлалъ шарикъ изъ воску, вложилъ туда письмо и, облѣпивъ снѣгомъ, пустилъ въ окно Лукреціи, но шарикъ пролетѣлъ къ камину, растаялъ и записка была прочтена Менелаемъ. А между тѣмъ Эвріалъ устраиваетъ съ Лукреціей второе свиданіе, напоминающее стиль новеллы и неинтересное. По совѣту Лукреціи Эвріалъ обращается за содѣйствіемъ къ Пандалу, родственнику Менелая. - Въ разговорѣ съ нимъ Эвріалъ указываетъ, что онъ любитъ Лукрецію, что она готова бѣжать съ нимъ и, стало быть, замараетъ честь Менелая и всего рода, къ которому принадлежитъ и Пандалъ. Ради послѣдняго довода Пандалъ обѣщаетъ помогать влюбленнымъ, а Эвріалъ сулитъ ему въ будущемъ титулъ палатинскаго графа. - Но Пандалъ отказывается отъ этого титула и заводитъ рѣчь о дворцовой знати, которая, быть

*) вечеры: чене.

можетъ, наполучала свои титулы за такія же заслуги, какія обѣщаетъ Эвріалу Пандалъ — заслуги сводника. Свиданія, устроенныя благодаря Пандалу, прерываются ex abrupto. — Эвріалъ долженъ уѣхать въ Римъ съ императоромъ; Лукреція изливаетъ свое горе въ письмахъ, но онъ обѣщаетъ вернуться. — Конецъ романа какъ будто скомканъ. — Эвріалъ уѣзжаетъ въ Римъ, болѣетъ, получаетъ письмо отъ Лукреціи. — На возвратномъ пути, проѣзжаетъ черезъ Сіену, гдѣ видитъ Лукрецію въ окнѣ, но не можетъ перекинуться съ нею и парой словъ. — Предложенный имъ проектъ бѣжать съ милой не удался; онъ уѣзжаетъ одинъ, а Лукреція, не вынеся разставанья одной души, раздѣленной на два тѣла, умираетъ. — Эвріалъ горюетъ, но недолго. — Императоръ поспѣшилъ помолвить его съ одною своею родственницей изъ герцогскаго рода; она дѣвушка castissima, умна и красивая. — Эвріалъ забылъ всѣ прежнія отношенія, и романъ заканчивается банальнымъ выводомъ. — Пусть читатель не стремится отпить изъ кубка влюбленныхъ, въ которомъ больше горькаго, чѣмъ сладкаго. —

Романъ Энея Сильвія важенъ какъ первый продуктъ на почвѣ Возрожденія, какъ выразитель міросозерцанія эпохи вообще и въ частности поклоненія любви понятой, какъ красота и умъ. - Последнее сделалось нормой для новеллистовъ, находившихся подъ итальянскимъ вліяніемъ, каковы Гринъ, Лоджъ и всѣ современники Шекспира. - Отъ романа папы Пія II слѣдовало перейти къ Теодшиу Фоленго, романъ котораго взятый отдѣльно не имѣетъ значенія и будетъ поставленъ много въ связь съ Рабле.

Итальянская новелла въ эпоху Возрожденія была главною формой романтики и повліяла какъ стиль на литературу Англіи, Франціи и Германіи.

Итакъ перехожу къ итальянской новеллѣ.

в) Въ Англіи.

1. Чосеръ. (Geoffrey Chaucer).

Онъ извѣстенъ не только какъ авторъ Кентерберійскихъ разсказовъ, но и

какъ древнѣйшій изъ англійскихъ класси-
ковъ.- Годъ его рожденія въ учебникахъ отно-
сятъ къ 1328, но оказывается изъ одного до-
кумента, что Чосеру въ 1386 году было 40 лѣтъ
съ лишнимъ.- Слѣдовательно, онъ родился
приблизительно между 1340-45 годами, а
умеръ въ 1400 г., 25 лѣтъ спустя послѣ
Боккаччіо (+ 21 Декабря 1375) Значитъ Чосеръ
представляетъ собою одно изъ именъ той
англійской эпохи, которая разорвала связь
съ прошлымъ и увлеклась литературой
Франціи.- Самое имя Чосера, ничего не зна-
чащее въ англійскомъ языкѣ, — чисто фран-
цузское (chaucier = чулочникъ). Французъ
по имени и происхожденію онъ былъ фран-
цузскимъ и итальянскимъ подданымъ, пи-
савшимъ по-англійски. Онъ зналъ наизусть
французскихъ поэтовъ. Его первою пробою
пера былъ переводъ на англійскій языкъ
французскаго Roman de la Rose.- Затѣмъ
онъ пишетъ Book of duchess; элегію
на смерть своей покровительницы Блан-
ки, супруги герцога Ланкастерскаго. Въ
1372 г. онъ былъ посланъ въ Генуэю и Флорен-
цію.- Это путешествіе оставило на немъ
столь прочный слѣдъ, что, не сосчита-
вшись съ нимъ, мы не поймемъ многаго въ

Кентерберійскихъ разсказахъ. – У Чосера были отношенія къ англійскому двору, онъ занималъ нѣсколько должностей и умеръ обезпеченный пенсіей, которую назначилъ ему Эдуардъ III и удвоилъ Ричардъ II. Все это Васъ не интересуетъ; вы можете обратиться за справками къ любой исторіи англійской литературы, не говоря уже о массѣ монографій, посвященныхъ спеціально Чосеру. Для меня болѣе интересенъ вопросъ, поставленный мною недавно: о итальянскомъ вліяніи на Чосера. – Съ другой стороны мы привыкли соединять его съ именемъ Виклефа, съ религіознымъ и политическимъ движеніемъ лоллардовъ; его отношенія къ Джону Броуну заставляли приблизить его къ кружку, пропитанному демократическими стремленіями. – Однако новѣйшія изслѣдованія показали, что въ этомъ отношеніи (религіозномъ и политическомъ) онъ былъ довольно абстрактенъ и всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ принадлежалъ старому времени. – Если его можно связывать съ Виклефомъ, то развѣ только потому, что, оставаясь добрымъ католикомъ, онъ былъ свободенъ отъ край

ностей фанатизма, религіознаго и политическаго.- Это былъ трезвый, свѣтлый умъ, съ отвращеніемъ смотрѣвшій на фанатическихъ коммунаровъ.- Отсюда объясняется отличіе Кентерберійскихъ разсказовъ отъ Декамерона.- Тотъ кто станетъ изучать ихъ отдѣльно, тотъ, пожалуй, сочтетъ ихъ шагомъ впередъ и поставитъ во главу угла.- И дѣйствительно, нѣкоторые критики характеризуютъ разсказы какъ что-то яркое и новое, появляющееся на старомъ фонѣ.- Но всѣ эти критики забыли, чему обязанъ былъ Чосеръ.- Дѣло въ томъ, что однимъ изъ немногихъ, первыми которыхъ пользовался Чосеръ, былъ Боккаччьо.- И странное дѣло: Чосеръ не разъ указываетъ на Петрарку, говоритъ, что фабула о Гризельдѣ была разсказана ему Петраркой и молчитъ о Боккаччьо:

I will you telle a tale, which that I
Learned at Padowe of a worthy clerk,
As proved by his wordes and his werk.
He is now deed, and nayled in his chest,
Now God give his soule wel good rest!
Frances Petrark, the laureat poete,
Highte this clerk, whos rethorique swete

Enluminyd al Itail of poetrie.
[„Я разскажу вамъ повѣсть, слышанную много въ Падуѣ отъ одного достойнѣйшаго клерка, извѣстнаго и словомъ и трудами. – Его уже нѣтъ, и гробъ надъ нимъ закрылся: Господь да успокоитъ его душу! Звали его Франческо Петрарка: онъ былъ поэтъ вѣнчанный и сладостною рѣчью наполнилъ всю Италію – поэзіей." Canterb. tales ed. Wright. стих. 7902–7909]. Но разумѣется, онъ хорошо зналъ, кто былъ авторомъ новеллы о Гризельдѣ. – Нужно помнить, что, помимо Кентеберійскихъ разсказовъ, изъ коихъ нѣкоторые навѣяны того или другого новеллой Декамерона, Чосеръ написалъ еще „Троила и Крессиду" или правильнѣе пересказалъ Боккаччьовскаго Филострата. – Нѣкоторые считаютъ рамку Чосера болѣе естественною, чѣмъ рамка Декамерона. На сколько пріемъ Чосера подтичные пріема Боккачьо, на сколько естественные, вы увидите сами. „Когда пропитанная апрѣльскимъ дождемъ[x] Мартовская пыль плотно прилегаетъ къ землѣ и каждая жилка такъ переполняется соками, что изъ почвы выскакиваетъ одинъ цвѣтокъ за

x) такъ начинаетъ Чосеръ.

другимъ, когда сладкое дуновенье зефира въ лѣсу и дубравѣ порхаетъ по нѣжнымъ кустамъ; когда лучъ молодаго солнца на половину вырвался отъ Овна, когда птичка, что всю ночь спитъ съ открытыми глазами выдѣлываетъ веселую мелодію — словно природа колотитъ ее въ грудь —: объ эту пору людей тянетъ охота странствовать; паломники отправляются къ далекому берегу къ святымъ, прославившимся во многихъ земляхъ. — Особенно замѣтно, какъ изъ всѣхъ волостей Англіи тянутся они въ Кентебери* къ благословенному мученику, который спасъ ихъ отъ болѣзни и хворости. — Однажды объ эту пору я стоялъ въ Соутверкѣ въ „Табард," готовясь съ радостью и покорностью богу отправиться въ Кентебери; подъ вечеръ туда же вошли ночевать разные люди, человѣкъ, примѣрно, двадцать девять; ихъ свелъ случай; всѣ помышляли сходить на богомолье. — У нихъ было желаніе отправиться въ Кентербери. Въ комнатахъ и въ стойлахъ мѣста было вдоволь, а больше намъ ничего и не нужно. — Только что солнце отправилось на покой, я каждому успѣлъ уже сказать,

* Кентербери.

Литогр. Гроботовой. Пет. ст. і. Б. пр. д. 23.

что я, молъ, очень бы охотно присоединился къ вамъ и завтра рано въ добрый часъ готовъ пуститься вмѣстѣ съ вами въ путь (туда же куда и вы). - Впрочемъ у насъ, кажется, времени вдоволь, а потому я позволю себѣ разсказать по порядку и въ точности, какимъ показался мнѣ каждый изъ нихъ въ толпѣ, какой профессіей занимался и какого былъ сословія или ранга и въ какой одеждѣ были мужчины и женщины. - Начну (и это вполнѣ справедливо) съ рыцаря. -

Рыцарь былъ почтенный мужъ; онъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые извлекъ мечъ въ бою, постоянно пылалъ любовью къ рыцарству, свободѣ и правдѣ, куртуазіи и славѣ. - Глубоко уважаемый въ войскѣ своего сюзерена, онъ воевалъ на бѣломъ свѣтѣ далеко окрестъ: и въ христіанской и въ языческой сторонѣ — всюду стяжалъ себѣ славу силой и доблестью. - Онъ присутствовалъ при паденіи Александріи и, не говоря уже о другихъ земляхъ, сидѣлъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ въ Пруссіи; онъ хаживалъ на Литву и Русь: а тамъ часто и не было ни одного христіанина его званія. - Онъ бывалъ въ Гра-

надъ и даже бился не разъ со славой на Великомъ морѣ.- Въ кровавыхъ сѣчахъ, числомъ пятнадцать, и трижды на турнирѣ въ Трамиссенѣ сражался онъ за христіанство и поражалъ врага.- Все онъ же вкупѣ съ сэромъ Палатеемъ ходилъ и на другихъ язычниковъ Турціи.- Постоянно за нимъ оставалась первая награда; но при всей своей славѣ онъ былъ мудръ, кротокъ нравомъ, какъ дѣвушка и ни разу въ жизни съ его устъ не соскочило ни одного грубаго слова, ни съ кѣмъ не обходился грубо: то былъ заправскій благородный рыцарь. Скажу за одно и о его наружности: у него былъ добрый конь, но самъ онъ не претендовалъ на роскошь.- На немъ былъ фризовый панцырь, грязный отъ заржавѣвшей кольчуги и поношенный: онъ только что вернулся с похода для того, чтобъ сейчасъ же идти на богомолье.- Съ нимъ былъ и его сынъ, добрый парень, бойкій и влюбчивый, курчавый, словно завитой.- На мой взглядъ, ему навѣрно было лѣтъ двадцать.- По тѣлосложенію былъ онъ тонокъ, строенъ, высокъ, отличался большой силой и бойкой породкой; какъ и отецъ, бился онъ въ рядахъ кавалеріи во Фландріи, Артуа и Пикардіи и,

въ столь молодые годы, стяжалъ себѣ такую славу, что могъ надѣяться на благосклонность дамъ. — Словно лугъ, былъ онъ принаряженъ красными и бѣлыми цвѣтами. — Всюду, куда ни шелъ, онъ насвистывалъ и пѣлъ. Свѣжій, какъ майская луна, носилъ онъ короткій камзолъ съ длинными и широкими рукавами, ловко и съ увѣренностью сидѣлъ на конѣ; умѣлъ сочинять стихи, декламировать, писать, рисовать, танцовать и биться на турнирахъ. — Любовь его была такъ горяча, что онъ спалъ по ночамъ не больше соловья. — Однакожъ услужливый, учтивый и скромный, онъ исполнялъ за отцевскимъ столомъ должность кравчаго!... Тутъ была и настоятельница монастыря, цѣломудренная и дружелюбная. — „Клянусь св. Лудовикомъ!" было ея высшею клятвою. — Звали ее madame Eglantine. Она знала хорошо обѣдню и постоянно съ величайшей охотой пѣла себѣ въ носъ. — Говорила чисто по-французски, хотя и не такъ, какъ парижанка. — Она знала тонко застольные обычаи; ни разу не выронила изо рта куска и не макала пальцемъ въ соусъ; она брала изящно кусокъ и держала его такъ бережно,

что ни одна капелька не падала ей на грудь; приличіе было ея главной цѣлью. Верхнюю губу обтирала она такъ чисто, что когда пила, на бокалъ нельзя было замѣтить ни капельки жиру. – За столомъ сидѣла чинно и вдобавокъ была веселаго нрава; осаниста, добра и покладлива; старалась по мѣрѣ силъ пріучиться къ придворному этикету и держаться съ тактомъ. – Она была сострадательна, нѣжна: могла заплакать, если случалось увидѣть раненную или мертвую мышь. – Часто видали, какъ она давала своимъ собачкамъ жаркого, молока и кусочки хлѣба, а когда одна изъ нихъ околѣвала, она плакала горько; даже когда ихъ кто-нибудь билъ, она не могла удержаться отъ слезъ. – У нея было чувствительное и кроткое сердце. – Изъ подъ мило приподнятой вуали виднѣлись свѣтло-сѣрые глаза, тонкій продолговатый носикъ, маленькій нѣжный ротъ, и красн[ые] губы и прекрасный, открытый лобъ. Она была не мала ростомъ, содержала въ величайшей опрятности свой плащъ, носила на рукахъ пару коралловыхъ четокъ съ золотого застежкой. – На послѣдней стояло А съ короной, а подъ нимъ: „Amor vincit

omnia." Дальше передъ вами дефилируетъ цѣлый рядъ типовъ съ своеобразными физіономіями: тутъ на глазахъ en abrégé la société anglaise du quatorzième siècle.*)

Хозяинъ гостинницы предлагаетъ паломникамъ приправить путешествіе разсказами: каждый изъ нихъ долженъ разсказать двѣ исторіи по дорогѣ въ Кентербери и двѣ на обратномъ пути.- Лучшій разсказчикъ будетъ награжденъ по возвращеніи угощеніемъ на счетъ всей компаніи въ гостинницѣ Tabard.- Планъ былъ весьма принятъ съ удовольствіемъ; на утро компанія въ сопровожденіи хозяина двинулась въ путь.- На первой же стоянкѣ они тянутъ жребій, кому начинать разсказъ. Первому пришлось говорить рыцарю, „былъ-ли то случай или игра судьбы".- Слѣдуетъ рядъ разсказовъ, прерываемыхъ небольшими прологами, гдѣ хозяинъ гостинницы остритъ очень мило.- Это одинъ изъ тѣхъ хозяевъ, юморъ которыхъ является лучшей приправой къ ихъ кушаньямъ.- Общество однако

---

*) Taine.- Histoire de la littérature anglaise, livre I, chap. III.

не сдержало своихъ обѣщаній: вмѣсто обѣщанныхъ 60 разсказовъ, мы имѣемъ всего 23; Чосеръ не успѣлъ довести паломниковъ до Кентербери и поэма осталась неоконченной: призванный новымъ королемъ Генрихомъ IV въ Лондонъ, онъ погрузился въ служебныя дѣла. — Съ тѣхъ поръ онъ былъ больше придворнымъ, чѣмъ поэтомъ, и годъ спустя нашелъ себѣ мѣсто въ Вестминстерскомъ аббатствѣ; такимъ образомъ его могила положила начало извѣстному „углу поэтовъ". —

Содержаніе Кентерберійскихъ разсказовъ заимствовано Чосеромъ отовсюду: изъ Gesta Romanorum, Roman de Renart, Marie de France, изъ Legenda Aurea (= 13 гл. gesta Roman.), изъ Овидія, Ливія, изъ Декамерона и другихъ произведеній Боккаччіо (De casibus virorum illustrium и de claris mulieribus).

Вопросъ о рамкѣ Кентерберійскихъ разсказовъ, навѣянной, несомнѣнно, рамкой Декамерона, разбирается на разные лады. — Для однихъ (x) рамка Чосера кажется болѣе естественною, для другихъ (Dunlop, Landau) наоборотъ. Все это очень [illegible]

(x) Taine. l. c. и Demogeot: Histoire des littératures étrangères. - Littératures septentrionales: [illegible] Allemagne. - Paris. 1880. p. 11.

и личнаго вкуса: я стою лишь за историческую точку зрѣнія: за хронологическое первенство Боккаччьо.- Съ художественной точки зрѣнія мы, пожалуй, отдадимъ преимущество мастерскимъ* клерка, рыцаря, пріорессы и т. д. Кентерб. разсказовъ; у Боккаччьо больше однообразія въ описаніи типовъ.- Во всякомъ случаѣ Чосеръ, стоитъ на переходѣ изъ среднихъ вѣковъ съ ихъ труверами къ тому, что представила итальянская новелла. „Его голосъ, по образному выраженію Тэна,** онъ выдерживаетъ интонацію, приличную зрѣлому возрасту, а тамъ, глядишь, пискливая нота покажетъ воочію, что ростъ еще не кончился." (Taine, l. c. tom. I, p. 226.)

Чосеру посвящена довольно большая литература.-***)

Итакъ мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ Боккаччьо и притомъ вскорѣ послѣ его смерти итальянская новелла появилась на почвѣ Англіи, и не прошло еще и столѣтія со дня его кончины какъ

c) во Франціи

появился прозаическій сборникъ новеллъ

*) характеристикамъ
) напоминаетъ голосъ юноши, становящагося мужчиною: сначала..... *) см. въ концѣ лекцій.

подъ заглавіемъ Cent Nouvelles,[x] но-
сящій на себѣ ясные слѣды вліянія ита-
льянской новеллы и въ свою очередь повлі-
явшій на позднѣйшихъ итальянскихъ
новеллистовъ.- Авторъ сборника, посвя-
щеннаго бургундскому герцогу Карлу Смѣ-
лому, очевидно, зналъ Боккаччіо, такъ какъ
цитуетъ его de casibus virorum illustrium.-
Вліяніе Боккаччьо сказывается не столь-
ко въ содержаніи, взятомъ по большей ча-
сти изъ фабльо, сколько въ самомъ пла-
нѣ и отдѣльныхъ остротахъ и намекахъ.
Что до содержанія, то оно взято отчасти
изъ Поджіо Браччолини (liber facetia-
rum), изъ фабльо, Декамерона (или изъ того
источника, откуда взяты нѣкоторыя изъ
новеллъ Декамерона).- Въ сборникѣ нѣтъ
той рамки, что у Боккаччьо, но по преда-
нію онъ составился изъ устныхъ разска-
зовъ, которыми забавлялось общество моло-
дыхъ людей.-

Дофинъ Лудовикъ (впослѣдствіи Лудовикъ
XI), сынъ Карла VII бѣжалъ въ 1456 г. отъ своего
отца въ Бургундію и нашелъ пріютъ въ од-
номъ замкѣ близъ Ватерлоо, гдѣ и провелъ
нѣсколько лѣтъ въ dolce far niente, навѣ-
щаемый довольно часто сыномъ Филиппа

x) Cent Nouvelles nouvelles.

Добраго (герцога бургундскаго) Шароло, из-
вѣстнымъ впослѣдствіи подъ именемъ Карла
Смѣлаго. - Лудовикъ былъ охотникъ до скаб-
ныхъ разсказовъ и имѣлъ о женщинахъ
очень невыгодное для нихъ представленіе, а
потому въ долгія зимнія ночи у камина,
гдѣ горѣли цѣлые стволы, или лѣтомъ
въ тѣни среди зелени молодые принцы
забавлялись пикантными и грязными
исторіями, которыя были потомъ описа-
ны Антуаномъ де ла Салъ (Antoine de la
Sale), авторомъ романа „du Petit de Sain-
tré et de la Dame de belles Cousines" и сати-
ры на бракъ: Les quinze jours du mariage.
По мнѣнію Ландау(x), это не стено-
графическая запись слышаннаго Антуа-
немъ. - Онъ несомнѣнно кое что прикра-
силъ и дополнилъ, доведя число новеллъ
до 100, въ подражаніе Декамерону, хотя
самъ онъ указываетъ, что cent Nouvelles nou-
velles одолжены своимъ названіемъ Cento
novelle antiche.-

Въ XVI вѣкѣ во Франціи является цѣ-
лый рядъ новеллистовъ и въ ихъ числѣ
одна авторша Маргарита Наваррская,
сестра Франциска I, жившая от

(x) которымъ воспользовался въ данномъ случаѣ сос-
тавитель сихъ лекцій.-

1492-1549, стало быть, во время борьбы католической церкви съ реформаціей и Карла V съ Францискомъ I. - Извѣстно, какое разнообразное общество окружало эту первую представительницу французскаго возрожденія, извѣстны ея отношенія къ Клеману Маро, Рабле и Кальвину. - Какъ другъ Кальвина, она писала: „Зеркало грѣшной души, въ которомъ она познаетъ свои грѣхи и пороки" (съ девизомъ: Cor mundum crea in me Deus), Le miroir de Jésus-Christ crucifié, le triomphe de l'agneau и Chansons spirituelles. - И та же самая Маргарита, рано привыкшая къ непристойному языку, который въ ея время не былъ въ такомъ загонѣ, какъ теперь, приказываетъ своему секретарю (Anton Le Maçon) перевести на французскій языкъ Декамеронъ (1545 г.), а затѣмъ пишетъ свой Гептамеронъ, состоящій изъ 72 новеллъ. „Когда сезонъ купанья въ Котере пришелъ къ концу, разсказываетъ Марія, начались такія ливни, что, казалось, Господь забылъ о своемъ обѣщаніи, данномъ патріарху Ною. - Деревенскія постройки, гдѣ жили пріѣзжіе, скоро наполнились водой, и паціенты разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. - Испанцы еще успѣли благопо-

лучше убраться во-свояси, но французы были задержаны сильно вздувшимися горными потоками и радовались, что остались въ живыхъ и хоть гдѣ нибудь нашли себѣ пріютъ.- И вотъ 5 мужчинъ и 5 женщинъ принуждены остановиться въ одномъ мона-ствѣ и ждать, пока сорванные мосты будутъ постановлены опять на свое мѣсто.- Общество рѣшилось для развлеченія разсказывать ежедневно по 10 исторій.- Каждый день открывается чтеніемъ библіи, а послѣ этого духовнаго завтрака" компанія слушала обѣдню, гуляла и обѣдала; вечеромъ принимались разсказывать, часто до ночи.- Каждый день посвященъ разработкѣ какого-нибудь вопроса, въ родѣ: on devise des tromperies, qui se sont faites d'homme à femme par avarice, vengeance et malice и т. п. Благочестивые монахи аббатства, заинтересованные пикантностью новыхъ, прячутся невдалекѣ и подслушиваютъ и забываютъ, что пора служить вечерню.- Къ сожалѣнію, не все разсказываемое приходится имъ по душѣ: Маргарита разсказываетъ въ своихъ новеллахъ объ ужасныхъ преступленіяхъ монаховъ, особливо францисканцевъ.- Разсказы прерываются бесѣдами о религіозныхъ и фи-

лософскихъ вопросахъ. - Собесѣдники строятъ цѣлыя теоріи, заходятъ въ глубь мистики, такъ что содержаніе бесѣдъ перерастаетъ старую норму. - Сборникъ Маргариты Наваррской, изданный послѣ ея смерти въ сборникѣ ея стиховъ, озаглавленномъ les Marguerites de la Marguerite des princesses (перлы перла принцессъ) заслуживаетъ особаго вниманія въ связи съ движеніемъ реформаціоннымъ, на которое откликнулась Маргарита.

Укажу еще (только для памяти) на Bonaventure Desperiers (+1544), камердинера Маргариты Наваррской. - Веселчакъ, скептикъ, поклонникъ Рабле, авторъ Nouvelles recréations et joyeux devis, покончилъ свою жизнь самоубійствомъ. - Полагаютъ, что причиною смерти было его сочиненіе Cymbalum mundi, состоящее изъ діалоговъ à la Лукіанъ, полное юмора и сатиры, доходившей до отрицанія религіи, до глумленія надъ спорами протестантовъ и католиковъ, до требованія отвлеченнаго деизма, имѣющаго замѣнить религію. Все это вызвало цѣлую бурю; сочиненіе было конфисковано и сожжено, вслѣдствіе чего Деперье будто бы и покончилъ собою. -

На самомъ дѣлѣ онъ умеръ, забытый, въ бѣдности просто потому, что ему нечего было ѣсть.-

Къ школѣ Боккаччьо Деперье принадлежитъ первымъ своимъ сочиненіемъ „Contes ou les nouv. récr. et joyeux devis, состоящимъ изъ 129 новеллъ, довольно грязныхъ.- Впрочемъ изъ Боккаччьо онъ заимствовалъ лишь одну 114-ую новеллу (= 5-ой новеллѣ третьяго дня Декамерона.)

Отъ Франціи весьма естественъ переходъ Германіи, такъ долго питавшейся литературой своей сосѣдки.-

Я перейду къ разсмотрѣнію судебъ итальянской новеллы

d) въ Германіи.

Нѣмецкая литература 15-16 вв. наполнена цѣлымъ рядомъ сборниковъ вродѣ новеллъ, старыхъ шванковъ и фабльо.- Это volks-bücher.- Есть моментъ, когда на нихъ была особая мода, когда появляются такіе сборники, которые такъ сказать резюмировали все предъидущее.- Таковъ сборникъ Schimpf und Ernst (забавное и серьезное), появившійся въ 1522 году и состоявшій

изъ 700 (приблизительно) шванковъ.- Авторъ его Іоганнъ Паули (1455-1530), францисканскій монахъ, заимствовалъ содержаніе, по его собственному признанію „изъ старыхъ книгъ греческ. латинск. изъ отцевъ Церкви и изъ Петрарки", но большая часть его разсказовъ, по всей вѣроятности, уже давно была облюбована народомъ и ходила изъ устъ въ уста.- Къ каждому разсказу приложено небольшое поученіе какъ бы для вывѣски.- Вотъ одинъ образчикъ: папа отказываетъ одной женщинѣ, просившей у него милостыни. Она проситъ дать ей сперва гюльденъ, потомъ какую то мелкую монету, наконецъ, крейцеръ, но папа непреклоненъ: Тогда она проситъ благословенія, и папа на это согласенъ: значитъ, заключила она, еслибъ ваше благословеніе стоило грошъ, вы бы мнѣ его не дали." Другой образчикъ знакомъ вамъ по балладѣ Бюргера.

Укажу еще на сборники того же рода: на Gartengesellschaft (1556 г.) Якова Фрея; на Wendunmuth (1565) Вильгельма Кирхгофа (x); на Wegkürzer Мартина Мон-

(x) Dunlop.-Liebrecht p. 280 и прим. 333-е

тана (въ 1565 г.) и на Klaus Narr (1572) Вольф. Бюттнера (1572). - Эти сборники, содержащіе въ себѣ массу шванковъ, легендъ, анекдотовъ и т. п., очень важны для исторіи возрожденія. - У Паули и Кирхгофа еще нѣтъ рамки à la Боккаччьо; ихъ сборники состоятъ изъ отдѣльныхъ частей ничѣмъ не связанныхъ. - Но уже у Фрея и Монтана она есть. - Упомяну еще сборникъ Валентина Шуманна: Nachtbüchlein, появившійся въ 1558 г. Дальнѣйшій шагъ впередъ сдѣланъ былъ Георгомъ Викрамомъ, эльзасскимъ писцомъ. - Я имѣю въ виду его Rollwagenbüchlein. - Подъ словомъ Rollwagen въ XVI в. разумѣли то, что мы называемъ теперь омнибусомъ. - Авторъ совѣтуетъ читать свою книгу для развлеченія во время путешествій на корабль или въ дилижансѣ. -

Итакъ мы видѣли сначала безсвязные сборники, потомъ обхваченные извѣстной рамкой, наконецъ мы встрѣчаемъ третій .. одъ сборниковъ, представляющихъ біографію одного лица, хотя и составленную изъ всевозможнаго подобраннаго матеріала. - Отдѣльные разсказы, ходившіе

фотонъ порознь, связаны въ нихъ единствомъ главнаго дѣйствующаго лица. — Такова книга объ Тилъ Эйленшпигелѣ, проникшая(x) и въ старинную русскую литературу подъ заглавіемъ Совѣсдралъ (— имя, возникшее черезъ искаженіе изъ „Совы зеркало", ибо въ польскомъ переводѣ, послужившемъ оригиналомъ для русской версіи, имя героя было переведено дословно: Sowy zwierciadło"). Продѣлки Эйленшпигеля существовали по большей части уже давно и приписывались разнымъ лицамъ; уже впослѣдствіи онѣ были собраны и приписаны одному Тилю, представителю странствующихъ плутовъ и ремесленниковъ-остряковъ. — Говорили нѣкоторые, что этотъ Тиль-Эйленшпигель былъ въ 1350 году погребенъ въ Мекленбургѣ, и недавно еще на могилѣ его стояла огромная липа, въ которую каждый странствующій ремесленникъ вбивалъ гвоздь. — Названіе Эйленшпигель состоитъ изъ словъ Eule — сова и Spiegel — зеркало и основывается на изреченіи:

(x) Всеобщ. Ист. Лит. В. Корша. Вып. XV (г. Кирпичникова) р. 628.

разобр. пр. Весновскій 23-й листъ ист. рем.

Лит. Гробовой. Пет. ст. б. пр. д. 23. 22 апрѣля 1887.

что человѣкъ не познаетъ своихъ недостатковъ, какъ обезьяна или сова, смотрясь въ зеркало, не познаетъ своего безобразія (*). - Древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ печатныхъ изданій этой книги относится къ 1523 году (Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel), а въ 1520 году появился уже французскій переводъ (Histoire joyeus. de Til Ulespiegle). Содержаніе вкратцѣ таково: Эйленшпигель съ самаго рожденія испытываетъ изумительныя приключенія. - Онъ былъ трижды крещенъ: первый разъ по обыкновенію священникомъ, во второй разъ въ грязи, куда его уронила подвыпившая матушка, а въ третій разъ въ теплой водѣ, чтобъ омыться отъ грязи. Выросши онъ странствовалъ со своими продѣлками до Рима и Парижа, исходилъ вдоль и поперекъ Сѣверную Германію и умеръ подъ конецъ въ 1350 году близъ Любека. - Имя его осталось безсмертнымъ, такъ какъ фр. Espièglerie, espiègle произошли изъ Eulenspiegel. - Эйленшпигель - шутъ, злобный, иногда циничный; онъ кормится своимъ умѣніемъ и съ сословными слабо-

(*) Сборникъ статей для перевода съ русс. яз. на нѣмецкій Ѳ. Кейзера. М. 1869. р. 118.

стями, а порой выкидываетъ злую шутку безъ всякой цѣли.- Все это составляетъ цѣльную біографію, составленную изъ разсказовъ, имѣвшихся въ болѣе древнихъ сборникахъ.-

Эйленшпигель не остался единственнымъ въ своемъ родѣ, послѣ него мы имѣемъ нѣсколько именъ, принадлежавшихъ патентованнымъ шутамъ: это Клаусъ (Klaus Narr). Первое изданіе этой книги изъ дошедшихъ до насъ относится къ 1572; авторомъ ея считаютъ прусскаго священника Вольфганга Бюттнера.- Гервинусъ считаетъ Эйленшпигеля зародышемъ нѣмецкаго романа, но не говоря уже о томъ, что въ этой книгѣ скомпанованы воедино давно-извѣстные старые разсказы, должно помнить, что и самая затѣя такихъ сборниковъ, гдѣ разсказы сконцентрированы около одного лица, принадлежитъ среднимъ вѣкамъ; гдѣ мы еще въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ народную книгу о попѣ Амисѣ (Amis), авторомъ которой былъ Штриккеръ (около 1240). Въ 1380 году появилась книга о „Pfaffe von Kalenberg" (о попѣ Каленберскомъ: отсюда франц. calembourg = ка-

[illegible]ръ), котораго можно назвать ученикомъ Амис.- Содержаніе книги объ Амисѣ. Амисъ-англійскій проповѣдникъ, умный и добрый человѣкъ; но правдивость и добродушіе его возбуждаютъ зависть со стороны начальниковъ.- Епископъ подвергаетъ его испытанію и предлагаетъ ему вопросы, на которые Амисъ отвѣчаетъ ловко и хитро. Сколько дней прошло отъ Адама? Семь дней, потому что, когда они пройдутъ, то опять повторяются.- Гдѣ средина земли? Церковь, которую вы мнѣ дали, лежитъ въ самой срединѣ земли.- Велите вашимъ работникамъ вымѣрить шнуромъ и, если хотя на волосъ чего не достанетъ, то лишите меня моей паствы.- Далеко ли отъ насъ до неба? Какъ далеко можно разслышать человѣческій голосъ.- Взойдите, ваше преосвященство, на небо, я вамъ закричу, и если вы не услышите моего голоса, то я не правъ.

Видя, что трудно его перехитрить, епископъ угрожаетъ ему лишеніемъ мѣста, если онъ не выучитъ осла читать. Амисъ на это отвѣчаетъ: „Человѣку нужно 20 лѣтъ, чтобы порядкомъ чему-нибудь

выучиться; ослу же надо 30 лѣтъ." Епископъ соглашается на этотъ срокъ.- Амисъ покупаетъ осленка, раскрываетъ передъ глупымъ животнымъ старую книгу, разсыпаетъ между листами овса. Оселъ научается искать овесъ и перелистывать книгу.- Епископъ является, чтобы осмотрѣть ослиную школу.- „О!" говоритъ Амисъ, „мой оселъ сдѣлалъ большіе успѣхи: онъ уже умѣетъ перелистывать книгу." Епископъ доволенъ, но на самомъ дѣлѣ хочетъ видѣть успѣхи ученика. Амисъ подводитъ осла къ столу и кладетъ передъ нимъ новую книгу безъ овса.- Оселъ перебираетъ листъ за листомъ, ищетъ овса и, не находя его, выражаетъ свое неудовольствіе страшнымъ крикомъ.- „Видите ли, ваше преосвященство," говоритъ Амисъ, „перелистывать онъ мастеръ; но изъ азбуки онъ знаетъ только А, которое изъ уваженія къ вамъ произнесъ съ надлежащимъ удареніемъ."

Вкусивъ плоды лукавства и плутовства Амисъ бросаетъ свое мѣсто, надѣясь прокормить себя своимъ плутовствомъ.- Съ этихъ поръ для него нѣтъ ничего святаго на свѣтѣ.- Онъ приходитъ

къ богатой, но глупой помѣщицѣ, мужъ которой въ отсутствіи. - Амисъ притворяется скромнымъ, набожнымъ человѣкомъ и предлагаетъ ей низвести своими молитвами Божіе благословеніе на ея домъ. Глупая женщина не помнитъ себя отъ радости, что такой святой мужъ хочетъ ей оказать столь великую милость. - Въ награду за молитву свою онъ требуетъ пѣтуха, котораго немедленно убиваютъ и жарятъ. Амисъ оставляетъ одни косточки и говоритъ хозяйкѣ, что она получитъ награду, прежде чѣмъ запоютъ пѣтухи. - Но обманщикъ уже раньше запасся пѣтухомъ, который былъ совершенно похожъ на убитаго, и, когда настало время, въ которое пѣтухи поютъ, онъ выпустилъ своего пѣтуха на курошестъ, и этотъ затянулъ свою утреннюю пѣснь. - „Вотъ," говоритъ Амисъ, „вамъ знаменіе: вашъ пѣтухъ оживъ; временную награду вы получили, а вѣчная не минуетъ васъ." Помѣщица до того тронута его обѣщаніемъ, что при прощаніи навязываетъ ему кусокъ полотна. -

Только что обманщикъ успѣлъ съѣхать со двора, какъ возвращается мужъ помѣ-

щицы и узнаетъ, какъ жестоко ее обманули.-

„Клянусь богомъ!“ восклицаетъ онъ, „я заставлю его возвратить полотно.“

Онъ садится на лошадь и пускается въ догонку за Алисолъ; но этотъ смекнулъ, что за нимъ будетъ погоня и, завидѣвъ издали помѣщика, проворно кладетъ кусокъ зложженнаго труту въ полотно.-

„Стой, обманщикъ!“ кричитъ разгнѣванный помѣщикъ, догнавъ его.- Алисъ притворяется смиренникомъ и проситъ не обвинять за то, что онъ поддался неотступнымъ просьбамъ жены его и согласился принять холстъ.- „Мнѣ онъ не нуженъ,“ прибавляетъ онъ: „вотъ, возьмите его.“

Помѣщикъ радъ, что возвратилъ безъ хлопотъ свою собственность, и спокойно отправляется домой; но вдругъ начинаетъ пахнуть гарью, показывается дымъ, онъ развертываетъ полотно; оно вспыхиваетъ. Совѣсть начинаетъ мучить помѣщика: онъ воображаетъ, что обидѣлъ бѣднаго человѣка; снова догоняетъ Алиса, проситъ у него прощенія и вознаграждаетъ его за отнятый холстъ двойною суммою денегъ.- Обманщикъ на все согласенъ,

продолжаетъ путь свой и наказываетъ другихъ легковѣрныхъ людей своими продѣлками".-(x)

На мой взглядъ, во всѣхъ этихъ сборникахъ, прототипомъ которыхъ могъ быть „Амисъ" нѣтъ еще заявленія новеллы.- Это просто переживаніе стараго, облеченнаго въ новое лишь подъ вліяніемъ Италіи. Сборники новеллъ, охваченныхъ рамкой, если и появляются, то они наполовину переводные: такъ въ 1472 году появился впервые переводъ всего Декамерона, сдѣланный Гейнрихомъ Штейнгёвелемъ (Steinhöwel), а въ 1462 году Niclas von Wyle перевелъ романъ папы Пія II о Лукреціи и Эвріалѣ.- Но эта переводная литература свидѣтельствуетъ лишь о вліяніи извѣстныхъ германскихъ кружковъ.- Общее же теченіе литературы представляетъ лишь переживаніе стараго.- Спрашивается однако, чѣмъ вызвано было обновленіе вкуса къ старымъ заплорѣлымъ сюжетамъ.- Я имѣю право утверждать, что вліяніе Ита-

(x) Кейзеръ l.c. p. 115-117.

ліянской новеллы и сказалось здѣсь именно такимъ образомъ: знакомство съ Боккачьо (чему способствовалъ переводъ Штейнгёвеля) возбудило вкусъ къ народной книгѣ въ разныхъ ея проявленіяхъ. – Тутъ сказалось съ одной стороны вліяніе возрожденія, съ другой вліяніе чего-то новаго. – Несомнѣнно, что старое возобновляется лишь тогда, когда оно удовлетворяетъ новымъ потребностямъ: стало быть, такіе излюбленные типы, какъ Эйленшпигель, Фаустъ, Шильдбюргеры являются не даромъ. – Для объясненія нѣмецкіе изслѣдователи должны обратиться къ міросозерцанію данной эпохи. – Эти типы стали любимыми не въ одной Германіи: они выступаютъ на сцену въ Италіи (Книга о Бертольдо), во Франціи (Панургъ въ романѣ Рабле) и въ Испаніи (Санчо-Панчо). О причинахъ этого явленія я буду говорить въ полнотѣ, когда зайдетъ рѣчь о Рабле.

Всѣ упомянутыя народныя книги стоятъ на перепутьи между старинными шванками, переводами французскихъ рыцарскихъ романовъ и попыткой самостоятельнаго романа. – Собственно о зарожденіи нѣмецкаго романа въ XVI в.

трудно даже и говорить, такъ какъ тутъ дѣло идетъ скорѣе объ эволюціи. - Я имѣю въ виду попытку, которую сдѣлалъ

сс) Георгъ Викрамъ.

О немъ писали довольно много, и всюду онъ именуется родоначальникомъ нѣмецкаго романа. - Всѣхъ объективнѣе отнесся къ этому вопросу Шереръ въ рецензіи на книгу Бобертага, но и для него Викрамъ родоначальникъ чего-то новаго. - Это новое могло состоять во введеніи въ обиходъ или новыхъ сюжетовъ или новыхъ идеаловъ. Относительно послѣднихъ за Викрамомъ остается, несомнѣнно первый по [illegible]. Но идеалъ Викрама - идеалъ филистерскаго счастья, которое достается въ удѣлъ скромнымъ пассивнымъ натурамъ, въ родѣ Фридберта, героя одного изъ романовъ Викрама.

Этотъ идеалъ, говоритъ Шереръ, къ несчастью остался и въ послѣдующихъ нѣмецкихъ романахъ. - Викрамъ заслуживаетъ вниманія уже потому, что среди богатой литературы народныхъ книгъ онъ одинъ является авторомъ съ личнымъ

починомъ и нужно искать очень далеко
чтобъ встрѣтиться съ починомъ такого
же рода: Фишартъ (1545-1589, уро-
женецъ Майнца) въ своемъ Гаргантюа
и Пантагрюэлѣ разработалъ мотивъ
внушенный ему Рабле. (*)

Біографія Викрама очень несложная.
Уроженецъ Эльзасскаго городка Кольмара
(годъ рожденія покрытъ туманомъ неиз-
вѣстности) онъ принадлежалъ, вѣроятно,
къ купеческой семьѣ съ извѣстнымъ достат-
комъ, прошелъ школу, правда, не очень глу-
бокую; цитуя классиковъ Викрамъ при-
знается, что не знаетъ латинскаго язы-
ка.- Онъ былъ мейстерзенгеромъ, что и опре-
дѣлило его какъ писателя; въ 1549 году онъ
основалъ въ Кольмарѣ школу Мейстер-
занга.- Средства къ жизни давала ему
должность городскаго писца въ Эльзас-
скомъ городкѣ Бурггеймѣ (Burgheim)
Въ 1562 году Викрамъ упоминается уже
какъ выключенный изъ книги живота, и
по догадкѣ (**) Курца онъ умеръ, вѣроятно,

---

*) „Affenteuerlich naupengeheuerliche Geschichtklitterung von Thaten und Rathen der vor kurzem Langenweilen vollenwohlbeschreiten Helden und Herrn Grandgoschier Gorgellantua und Pantagruel, Königen in Utopien, Jede=

(**) приведенной у Бобертага l.c. p. 238-9.

*) welt und Nienenreich" 1575 года.

въ 1556-57 году, такъ какъ съ этой поры не появлялось больше его сочиненій.-

Чтобъ уяснить значеніе Викрама, не выходя изъ исторической канвы, по возможности, слѣдуетъ обратить вниманіе на статистику изданій, выходившихъ на ярмаркахъ и, стало быть, не остававшихся безъ публики.- Съ 1470 до 1559 работали книгопечатные станки преимущественно надъ народными книгами.- Съ 1520 до пятидесятыхъ годовъ замѣчается особое усиленіе литературной дѣятельности, которая затѣмъ какъ-то стихаетъ: вниманіе публики отвлечено было отъ литературныхъ вопросовъ вслѣдствіе общественнаго и религіознаго броженія. Викрамъ явился во время, чтобы найти спросъ, такъ какъ съ 50-хъ годовъ дѣятельность писателей понижается и литература падаетъ. Если задать себѣ вопросъ, почему это происходило, то отвѣтъ получится тотъ же, что и для Франціи за указанный періодъ, когда Bonaventure Des Periers, авторъ сильныхъ діалоговъ „Cymbalum Mundi", сожженныхъ рукою палача и напоминающихъ порою манеру Рабле, убиваетъ себя самъ въ 1544 г. въ нищетѣ и от-

чаяніи, когда Clément Marot, любимецъ двора, распѣвавшаго на мелодіи народныхъ пѣсенъ его стихотворные переводы псалмовъ, принужденъ въ 1543 году бѣжать изъ Франціи, гдѣ Сорбонна заподозрила его переводъ въ ереси, и умираетъ въ изгнаніи. - Дѣло въ томъ, что съ 50-хъ годовъ въ Германіи и, нѣсколько раньше, во Франціи начинается то раздвоеніе, которое убило литературу національную. - Съ одной стороны воздвиглось возрожденіе въ формѣ классической и всплыли на поверхность вопросы, касающіеся спеціальной эрудиціи: люди этого движенія пишутъ по-латыни (въ 1564 году былъ увѣнчанъ и возведенъ въ дворянство гейдельбергскій библіотекарь Павелъ Мелиссъ Шеде, плодовитый поэтъ, писавшій по латыни). Другіе ушли въ лагерь реформы, а реформаціонное движеніе не покрывалось движеніемъ литературнымъ. Этимъ объясняется, почему послѣ Викрама нѣтъ талантовъ, которыхъ самая жизнь не вызывала. - Такъ объясняется одинокое положеніе Викрама, но еще вопросъ, насколько Викрамъ отецъ но-

меткаго реальнаго или, по Гедеке, семейна-
го романа.- Лучшимъ отвѣтомъ я, лично,
считаю ознакомленіе съ содержаніемъ его
романовъ.- Вѣкрамъ самъ принадлежалъ
къ школѣ мейстерзанга, которая занима-
лась переводомъ старой рыцарской лири-
ки, орудовала старыми формами, влагая
въ нихъ новое содержаніе, пуская въ ходъ
эрудицію, буржуазный дидактизмъ.
Дидактизмъ былъ выдающимся элемен-
томъ въ это время, когда возбужденъ вопросъ
интересъ о характерѣ новой школы и Ви-
крамъ часто затрогиваетъ вопросъ о воспита-
ніи и высказываетъ (не знаю самостоятель-
но ли) идею, блестяще поставленную Раб-
лэ, о педагогическомъ значеніи природы.-
У послѣдняго герой проходитъ сначала ста-
рую школу, читаетъ Доната, параболы
Алана Лильскаго и т. п., списываетъ самъ
себѣ у нихъ книги, читаетъ трактатъ
Joanna de Garlandia ~~другой учитель~~
~~Панократъ, о воспитательномъ значеніи~~
~~котораго~~ de modis significandi.- Затѣмъ
къ Гаргантюа приглашенъ другой учи-
тель Панократъ, о воспитательномъ зна-
ніи котораго говорено было много (Мон-

тэнъ, — . —, Локкъ, Руссо). Идеи Панократа стали достояніемъ новѣйшей педагогіи: онъ на прогулкахъ знакомитъ ученика съ природой. - Тотъ же взглядъ проводитъ и Викрамъ. - Таково отношеніе его къ воззрѣніямъ времени. - Стало быть элементъ свѣтскаго, школьное движеніе и интересъ къ педагогіи - главныя черты его романовъ. - Викрамъ читаетъ въ переводѣ авторовъ латинскихъ, любитъ ихъ цитовать, но онъ знаетъ и народныя книги (напр. прозаическую передѣлку французскаго романа о Тристанѣ и Изольдѣ) и итальянскую новеллу въ переводѣ. - Все это даетъ ему фабулу для его нѣмецкихъ романовъ.
Странно, что отецъ нѣмецкаго реальнаго романа, какимъ считаютъ его Бобертагъ, Гёдеке и др., такъ мало сдѣлалъ для характеристики среды, въ которой онъ жилъ; тѣмъ болѣе странно, что онъ никуда не выѣзжалъ изъ Эльзаса, а между тѣмъ всѣ его романы происходятъ гдѣ нибудь въ Англіи, Португаліи, Франціи, гдѣ угодно, только не въ Эльзасѣ. - Подвиги героевъ подсказаны ему тѣмъ или другимъ воспоминаніемъ, навѣяннымъ чтеніемъ новеллъ; его идеалы буржуазно-домашниче-

скія: всѣ его герои являются благовоспитанными, неиспорченными, вышедшими изъ низшаго сословія, а если и есть у него личности отверженныя, которыхъ онъ кое-какъ спасаетъ въ концѣ, то они непремѣнно изъ высшаго сословія.– Видно, что Викрамъ человѣкъ средняго сословія, что рыцарство для него прошло, что этой жизни онъ не видалъ: вслѣдствіе этого и описаніе рыцарскаго обихода у него является слабымъ и блѣднымъ.– Заимствуя мотивы, онъ не умѣетъ съ ними распорядиться; изъ прочтенія выносишь такое впечатлѣніе, какъ будто у человѣка въ памяти хранится цѣлый рядъ мотивовъ, которые онъ считаетъ ингредіентами для своего будущаго романа, но онъ не умѣетъ ими воспользоваться и вноситъ въ романъ тотъ или другой мотивъ, не понимая, идетъ ли онъ въ планъ; онъ не можетъ вести двѣ интриги рядомъ: они у него не помогаютъ другъ другу, а скорѣе мѣшаютъ.– Мотивъ, который раньше въ источникахъ Викрама имѣлъ смыслъ, въ новомъ окруженіи теряетъ его.– Викрамъ дѣлаетъ также попытку опис-

Лит. Гробовъ. Пет. ст. 6. гр. 3. 23. 22 апрѣля.

вать страсть, но это описаніе реторично, со-
ставлено по школьному рецепту, выдумано; это от-
нюдь не дѣйствительное отраженіе чувства, а
нѣчто дѣланное. Кое-что у Викрама напоминаетъ
будущій романтизмъ; это игра въ луну, страхъ ожи-
данія для страха и притомъ пущенный въ ходъ
не у мѣста, не тамъ, гдѣ бы его ожидали по смыслу
разсказа. Перечисливъ по именамъ романы Вик-
рама, я перейду затѣмъ къ ихъ содержанію. Это:
1) Габріотто и Рейнгартъ (1551)
2. Der Knabenspiegel (1554), сборникъ настав-
леній; цѣль романа, имѣющаго поучительный харак-
теръ, показать, какъ хорошее воспитаніе доводитъ
человѣка до счастливой цѣли. 3. О добрыхъ и
злыхъ сосѣдяхъ (von guten und bösen Nachbarn),
одинъ изъ самыхъ филистерскихъ романовъ;
написанъ въ 1556; 4. Goldfaden (1557), зо-
лотая нитка; вышелъ по смерти автора. Кро-
мѣ того онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ драмъ.
Викрамъ дважды обращался къ темѣ втораго
романа: одинъ разъ въ драмѣ, другой въ помянутомъ
Knabenspiegel. Въ XVI в. является особая лю-
бовь къ библейской темѣ блуднаго сына, которая
вызвала въ Италіи извѣстную комедію Чекки
и дала Грину матеріалъ для одной изъ его луч-
шихъ повѣстей, наконецъ, она припомнилась и
Викраму (въ Knabenspiegel).

разр. пр. Веселовскій   Ист. ром 24-й Листъ

Лит. Гробойс? Пет. ст. 6. гр. 3. 23. 22 апреля

Содержаніе первой повѣсти (Габріотто и Рейнгартъ) таково: Габріотто и Рейнгартъ пріятели; первый влюбленъ въ Филомену, сестру англійскаго короля, а Рейнгартъ въ Розамунду, дочь одного графа; но они простые французскіе дворяне, а ихъ милыя стоятъ близко къ трону. Любовь при такихъ условіяхъ неравныхъ, разумѣется принимаетъ трагическій оборотъ: ихъ любовь отвергнута родственниками дѣвушекъ, а сами они должны удалиться во Францію. Прибывъ на родину, они тайкомъ посылаютъ вѣсточку своимъ дамамъ. Французскій король задумалъ ихъ женить во Франціи, чтобы привязать къ себѣ, но друзья убѣжали въ Англію. Англійскій король поручилъ одному шпіону убить Габріотто на охотѣ, но вышло наоборотъ: отравленное яблоко пришлось съѣсть самому шпіону, а Габріотто бѣжалъ въ Португалію. Передъ смертью (отъ любви) онъ завѣщалъ отнести его сердце* къ Филоменѣ, а къ ней ночью явился его духъ и, глубоко вздохнувъ, удалился. Вскорѣ она умерла отъ тоски, которая сразила и Рейнгарта.

---

* Припомните тутъ біографію Кабестана, гдѣ говорится, какъ мужъ барыни, въ которую влюбленъ Кабестанъ, подноситъ ей сердце убитаго имъ Кабестана, и она уми-

Розамунда пала бездыханная на его гробъ. Очевидно, Викрамъ орудуетъ здѣсь воспоминаніями изъ прочитанного, но не умѣетъ связать эти воспоминанія въ одно цѣлое: сердце, принесенное слугой Габріотто, попадаетъ въ руки королю, а тотъ посылаетъ его ей во время обѣда.* Какъ видится, Викрамъ и самъ плохо понималъ, что дѣлаетъ: сводя во едино воспоминанія изъ прочитанныхъ романовъ и новеллъ, онъ не умѣетъ пользоваться даже извѣстнымъ пріемомъ Боккаччьо — ретардаціей, которая состоитъ въ томъ, что дѣйствіе не спѣшитъ къ развязкѣ, а идетъ медленно, останавливаясь на посредствующихъ эпизодахъ, которые однако имѣютъ смыслъ для общаго плана романа; у Викрама они остаются только эпизодами, безъ которыхъ романъ ничего не проигралъ бы. Самъ Викрамъ цитуетъ Тристана и Изольду, Пирама и Тизбу, Флуара и Бланшфлеръ, которыхъ списываетъ безъ особаго искусства. Стиль Викрама.... но даже нѣмецкіе критики упрекаютъ его въ извѣстномъ жаргонѣ стиля: его герои говорятъ

---

* Въ біографіи Кабестана мужъ подаетъ женѣ сердце Кабестана въ видѣ кушанья и спрашиваетъ
раетъ. Тотъ же мотивъ имѣется даже во одной индійской сказкѣ.

напыщеннымъ, торжественнымъ языкомъ, напоминающимъ 17-ый вѣкъ нѣмецкой литературы. Въ Knabenspiegel (зеркало юношей) выведены на сцену два типа, рѣзко контрастирующіе другъ съ другомъ. Вилибальдъ, избалованный маменькинъ сынокъ, блудный сынъ, скопированный съ героя библейской притчи, желаетъ уйти на чужую сторону, прокучиваетъ тамъ свое состояніе и, испытавъ послѣднюю степень униженія, возвращается домой. Рядомъ съ нимъ, не безъ разсчета со стороны автора, выведенъ юноша Фридбертъ, сынъ крестьянина (Викрамъ на это особенно напираетъ), усыновленный родителями Вилибальда и воспитанный вмѣстѣ съ нимъ. Фридбертъ чистъ, аккуратенъ, приготовляетъ заданные уроки; онъ скроменъ, смиренъ; онъ одинъ изъ удачниковъ и благодаря своей пассивности и филистерскимъ добродѣтелямъ достигаетъ благополучія. Оба они женились и, Вилибальдъ въ концѣ исторіи заканчиваетъ жизнь въ мирной семейной обстановкѣ, оставивъ послѣ себя изрядное

вкусно ли это блюдо. Тутъ этотъ обходъ имѣетъ смыслъ, а у Викрама обходъ приплетенъ ни къ селу, ни къ городу.

число красивыхъ ребятъ, къ вящшему удовольствію Викрама. Въ этомъ же романѣ Викрамъ проводитъ идею о непосредственномъ общеніи съ природой, какъ наилучшемъ методѣ преподаванія, о чемъ было мною упомянуто выше. Минуя самый филистерскій романъ „о добрыхъ и злыхъ сосѣдяхъ," вызывающій въ насъ вопреки желанію автора смѣхотворное впечатлѣніе (его герои тоже скромные и честные Фридберты), перехожу къ послѣднему изъ романовъ Викрама: Goldfaden (золотая нить). Надо замѣтить, что самое заглавіе романа не имѣетъ ничего общаго съ его содержаніемъ: оно произошло отъ одного случайнаго эпизода (это ужъ извѣстная манера Викрама). Авторъ забываетъ свое окруженіе и, не желая описывать то, что у него подъ носомъ въ его Бурггеймѣ или Кольмарѣ, пускаетъ въ ходъ самую широкую географію. Тема романа, о которомъ я скажу лишь нѣсколько словъ, чтобъ познакомить съ его канвой, совершенно также что и тема перваго романа (Gabriotto und Reinhart). Въ Португаліи живъ пастухъ Эрихъ; незадолго до разрѣшенія его жены отъ бремени случилось, что

Эрихъ, пася стадо, повстрѣчался со львомъ, который оказался совсѣмъ ручнымъ и любезнымъ. Когда Фелицита, жена пастуха разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, его назвали Лейфридомъ (Lewfried), потому что на груди ребенка замѣчено было родимое пятно, похожее на львиную лапу. Можно ожидать, что левъ упомянутъ тутъ не даромъ, что онъ будетъ постояннымъ спутникомъ героя, на самомъ дѣлѣ Викрамъ отброситъ этотъ мотивъ въ дальнѣйшемъ ходѣ романа. Подросши Лейфридъ поступилъ поваренкомъ къ одному графу, у котораго была красавица дочь Англіана, превосходившая въ женскихъ рукодѣліяхъ Арахну и неуступавшая Сапфо въ музыкѣ. Она обратила вниманіе на Лейфрида, заслышавъ его красивый голосъ: онъ часто пѣвалъ подъ ея окномъ въ саду. Въ новый годъ, когда всѣ слуги получили отъ нея по подарку, Лейфридъ къ величайшему его горю былъ обойденъ, но графъ замѣтилъ его прекрасный голосъ и назначилъ лакеемъ Англіаны. На слѣдующій годъ она подарила ему золотую нитку, собственнаго тканья. Лейфридъ поспѣшилъ съ подаркомъ въ свою комнату, разрѣзалъ себѣ грудь и зашилъ тамъ помянутую нитку. Потомъ онъ сложилъ

на радостяхъ такую пѣсенку:

Grosz leyd und schmerz
Hat mir mein hertz
Vor einem jar beladen.
Zu diesem jar
Hat mir fürwar
Von rotem gold ein faden.
Als leyd zerstört
Und gar verkert
Mein trawren vund mein schmertzen
Bin gantz frölich
Drumb jetzund ich
Wil singen springen schertzen

Den fadē ich
Gantz fleiszigklich
Hab in mein herz beschlossen
Niemant je mag
Bey nacht und tag.
Mir nemen in dermassen
In starkem schrein
Und hertzen mein
Ist diser faden behalten
Der den will han
Musz vonstund an
vornen mein brust zerspalten.

Den faden schon
Der ehren kron
Hatt mir geben mit freudē
Kein gstein noch goldt
Noch reicher solt
Sol mich davon nit scheiden
Vom fadē reich
Und ob schon ich
Darum musz leide schaden
Will ich on leyd
In ewigkeyt
Lieb haben diesen Faden.

[Немало горя и печали вынесло мое сердце, годъ тому назадъ. А въ этотъ годъ нитка изъ червоннаго золота взаправду разогнала все горе и заживила мои раны и боль. Я совершенно веселъ, а потому теперь уже готовъ шутить, плясать и распевать.— А нитку я старательно запряталъ въ мою грудь. Никто ни днемъ, ни ночью несможетъ отнять ее у меня. Она запрятана въ такомъ уже крѣпкомъ шкафу, въ какóмъ (таится) мое сердце. Кто захочетъ овладѣть ею, тотъ долженъ напередъ расколоть мою грудь.— Уже нитку, почетный вѣнецъ, дала мнѣ съ радостью. Ни драгоцѣнные камни, ни золото, ни богатая казна не

разлучать меня съ нею и хоть и больно мнѣ отъ нея, я буду всетаки любить безъ горя и вѣчно эту нить]. Между ними завязалась любовь, но такъ какъ Лейфридъ значительно повыросъ, то графъ назначилъ его своимъ каммердинеромъ. Любовь его была открыта и графъ въ бѣшенствѣ поручаетъ одному отъявленному негодяю убить Лейфрида на охотѣ, но послѣдній узналъ объ опасности отъ одного пажа и избѣгалъ смерти, а левъ задушилъ подосланнаго убійцу. Лейфридъ уѣхалъ въ Испанію, въ Саламанку; когда гнѣвъ графа потухъ, онъ послалъ за Лейфридомъ гонца. Не довѣряя гонцу, Лейфридъ, переодѣвшись монахомъ, отправился въ замокъ графа. Они помирились и пошли воевать съ королемъ Кастиліи. Лейфридъ отличился, взялъ въ плѣнъ кастильскаго короля и былъ посвященъ въ рыцари. Затѣмъ онъ спасаетъ графа отъ опасности, помѣшавъ отверженному жениху Англіаны убить графа. Романъ заканчивается свадьбой.. „Мирно и дружно живутъ Англіана и Лейфридъ; дѣтей, что послалъ имъ Господь, воспитали они въ великомъ страхѣ Божіемъ. Оттого обоимъ [illegible], молодымъ и старымъ жилось счас-

ливо, пока Господь изъ сей юдоли печалей не воззвалъ ихъ къ вѣчной радости и блаженству, къ которому прідутъ всѣ тѣ, что живутъ благоугождая Господу. Тѣмъ дастъ Онъ вѣчную славу; въ чемъ да поможетъ намъ Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой. Аминь!"

Я забылъ еще указать на одинъ эпизодъ: Лейфридъ идетъ въ замокъ графа, переодѣтый монахомъ и вотъ въ лѣсу ему является видѣніе: свѣтитъ луна; ночь; Лейфридъ видитъ духъ убійцы, подосланнаго нѣкогда графомъ и убитаго львомъ. У Лейфрида морозъ по кожѣ; онъ слышитъ страшный голосъ; духъ исчезаетъ; опять свѣтитъ луна и герой идетъ дальше. Какъ видите страхъ, оканчивается страхомъ и только. Теперь вамъ, вѣроятно, ясно, въ какихъ границахъ Викрамъ отецъ нѣмецкаго романа; онъ явился въ ту пору, когда спросъ на подобныя повѣсти былъ особенно силенъ, въ пору благотворнаго затишья между двумя бурями. Викрамъ въ теченіе 30 лѣтъ стоитъ одиноко среди цѣлаго ряда другихъ повѣстей анонимныхъ. Онъ орудуетъ старыми воспоминаніями, отрывками, едва связанными нитью, которая дается впослѣдствіи, но его повѣсти служатъ показателемъ идеаловъ современной ему среды.

идеаловъ буржуазныхъ; сверхъ того въ его повѣстяхъ высказываются идеалы педагогическіе, навѣянные школой возрожденія. Можно сказать прямо, что съ послѣднихъ десятилѣтій 16 вѣка германская литература шла за немногими исключеніями на помочахъ литературы другихъ націй: въ пору религіозныхъ войнъ въ Германіи чередуются то испанское, то французское вліяніе, которое въ концѣ концовъ возобладало. Рядомъ съ Викрамомъ поставить рѣшительно некого.
Яснѣе чѣмъ для Германіи можно поставить вопросъ о зависимости англійской литературы отъ итальянской новеллы временъ возрожденія. У Чосера уже замѣтно итальянское вліяніе, но оно выражается лишь въ простомъ перенесеніи чужихъ литературныхъ представленій и пріемовъ. Иное дѣло Аскэмъ и Гринъ, изобразители англійскаго настроенія въ 16 вѣкѣ.

вв.) Въ Англіи

Извѣстно, что въ эту пору Англія отдалась вліянію итальянскаго возрожденія, что вліяніе это касалось и общественныхъ дѣятелей и цѣлаго міросозерцанія, что въ личность и въ литературу вносился расколъ, причина

трагической судьбы нѣсколькихъ личностей. Италія была для всѣхъ страною новыхъ непредусмотрѣнныхъ откровеній. Съ конца XVI в. въ Англіи, Германіи и Франціи вошло въ обычай отправлять молодыхъ людей въ Италію. Толпы иностранцевъ всѣхъ національностей посѣщали юридическіе курсы Гварини въ Феррарѣ и тѣснились вокругъ каѳедры Помпонацци въ Падуѣ, проводившаго подъ носомъ у инквизиціи свои смѣлыя раціоналистическія воззрѣнія. Не менѣе науки привлекала „варваровъ сѣвера"..... роскошная жизнь итальянскихъ городовъ..... они падали въ прахъ передъ чудесами искусства и внутренно стыдились, сравнивая свои поросшіе мхомъ угрюмые замки съ граціозными мраморными дворцами Венеціи и Флоренціи. Въ XVI в. Италія играла ту же роль, которая впослѣдствіи была предоставлена Франціи — она была безапелляціоннымъ судьей въ дѣлѣ модъ и вкуса, идеаломъ всѣхъ европейскихъ государствъ.... Пристрастіе англичанъ ко всему итальянскому доходило до смѣшнаго." Люди, воспитанные въ школѣ старой средневѣковой морали, являлись въ Италію, гдѣ былъ усвоенъ тотъ новый нравственный кодексъ, который

пугалъ ихъ въ новеллахъ Боккаччьо, гдѣ былъ введенъ культъ красоты, навѣянный остатками классическаго искусства, культъ человѣческаго слова, какъ объекта, культъ ума (замѣчуный уже въ романѣ папы Пія II). Вотъ тѣ откровенія, въ которыхъ нужно бы найтись: однимъ это удавалось, другіе погибали отъ столкновенія двухъ разныхъ началъ, отъ нравственной расторженности, какъ это случилось съ Гриномъ. Англійское юношество, усвоивъ себѣ эпикурейскій взглядъ на жизнь и утонченныя манеры итальянскихъ денди съ легкой примѣсью скептицизма и модной разочарованности, чувствовало себя не дома среди родной обстановки, смотрѣло съ пренебреженіемъ на наивную грубость саксонскихъ нравовъ — черта, подмѣченная Шекспиромъ и осмѣянная имъ. При дворѣ господствовалъ модный жаргонъ, испещренный итальянскими concetti, антитезами и миѳологическими намеками. Рядомъ съ этимъ непосредственнымъ, такъ сказать, соціальнымъ вліяніемъ Италіи шло другое — литературное, проникавшее глубже во всѣ слои

общества, благодаря обширной литературы переводовъ итальянскихъ поэтовъ и новеллистовъ." Благодаря вліянію литературы съ одной стороны и соціальному вліянію съ другой къ англійскому языку привился искуственный складъ рѣчи, преобладаніе формы надъ содержаніемъ, погоня за стилистическими эффектами, естественное порожденіе петраркизма. Лилли въ этомъ отношеніи отнюдь не былъ изобрѣтателемъ того цвѣтистаго, манернаго, уснащеннаго аллегоріями, сравненіями, антитезами и другими риторическими побрякушками стиля, который отъ имени главнаго героя его романа получилъ названіе эвфуизма*: въ сущности это тотъ-же петраркизмъ, культъ человѣческаго слова, ставшаго объектомъ самостоятельнаго творчества и Лилли увлекся петраркизмомъ, принялъ его на вѣру и изъ поэзіи перенесъ въ прозу. Такъ написанъ почти весь романъ Лилли; это вліяніе итальянское, но усвоенное человѣкомъ сѣвера.

Джонъ Лилли родился въ 1554 году, за 10 лѣтъ до Шекспира, а умеръ въ 1606 г. Онъ учился въ Оксфордѣ. Благодаря покровительству

---

* Стороженко: Предшественники Шекспира. III. I. p. 101–105.

Борлея Лилли пристроился при дворѣ, побывалъ заграницей (впечатлѣнія заграничнаго путешествія отразились и въ его романѣ). Едва достигши двадцатилѣтняго возраста Лилли дебютируетъ романомъ Эвфуэсъ или Анатомія Остроумія (1579), въ которомъ возвелъ въ перлъ созданія изысканный, приторно-манерный складъ рѣчи, бывшій въ модѣ въ тогдашнихъ салонахъ. Лилли былъ оставленъ при дворѣ въ качествѣ драматурга съ обязанностью ежегодно составлять пьесы для придворныхъ спектаклей и завѣдывать ихъ постановкой. Онъ хотѣлъ устроить свою судьбу, но остался ни при чемъ. „Тринадцать лѣтъ состою я на службѣ у В. В., писалъ онъ Елисаветѣ, но не выслужилъ ничего. Двадцать друзей, которые, хотя и увѣряютъ меня въ своей вѣрности, но весьма медленны на услугу. Тысяча надеждъ и ничего; сотня обѣщаній — и въ концѣ концовъ тоже ничего. Такимъ образомъ если сложить вмѣстѣ друзей, надежды, обѣщанія и потраченное время, — въ результатѣ получается нуль. За то по крайней мѣрѣ моя послѣдняя воля будетъ не долга: я завѣщаю моимъ кредиторамъ — терпѣніе, безконечную скорбь — друзьямъ и моему семейству — безпорочную нищету." Въ скоромъ времени Лилли оставилъ дворъ навсегда и жилъ въ неизвѣстности до самой своей смерти (1606)

«Вотъ вкратцѣ содержаніе романа, которое мы передадимъ по возможности словами подлинника, чтобы читатели могли составить себѣ понятіе о манерѣ изложенія Лилли, приводившей въ такой восторгъ его современниковъ. Нѣкогда въ Аѳинахъ жилъ молодой человѣкъ, по имени Эвфуэсъ. Природа и фортуна щедро надѣлили его всѣми благами, которыя составляютъ зависть многихъ; въ особенности же онъ славился своимъ остроуміемъ, былъ мастеръ говорить остроумныя сентенціи, изящныя фразы, тонкія насмѣшки и веселыя шутки. Но такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, то и нашъ герой имѣлъ одинъ недостатокъ, причинившій ему много горя, а именно — легкомысліе. Наскучивъ однообразіемъ аѳинской жизни и увлекаемый своимъ легкомысліемъ, Эвфуэсъ безъ сожалѣнія оставилъ своихъ родныхъ и друзей и отправился странствовать по бѣлу свѣту. Онъ прибылъ въ Неаполь-городъ, по всѣмъ признакамъ болѣе похожій на алтарь Венеры, чѣмъ на храмъ Весты — и рѣшился основать въ немъ свое мѣстопребываніе. «По той же причинѣ, (говоритъ авторъ), по которой грубѣйшая изъ рыбъ попадается на самую лучшую приманку, высоко

С. П. У.

парящій орелъ попадается въ разставленныя ему сѣти, по той же причинѣ и самый остроумный человѣкъ не можетъ упастись отъ обольщенія! Поселясь въ Неаполѣ, Эвфуэсъ велъ разсѣянную жизнь въ обществѣ веселыхъ товарищей и предавался всевозможнымъ удовольствіямъ. Впрочемъ, онъ не былъ ни съ кѣмъ особенно друженъ, и не только не вступалъ въ откровенные разговоры съ своими знакомыми, но даже въ отвѣтъ на самые простые вопросы, въ родѣ того, откуда онъ родомъ и чей онъ сынъ, пускался въ длиннѣйшую контроверсу о томъ, чей онъ не сынъ и проч. „Я — говоритъ онъ — могу бражничать съ Александромъ, быть воздержнымъ съ Ромуломъ, пировать съ Эпикуромъ и поститься съ стоиками и т. п.". Такая изворотливость и остроуміе Эвфуэса приводили въ восторгъ его собесѣдниковъ и возбудили къ нему участіе въ одномъ джентельмэнѣ почтенныхъ лѣтъ, по имени Эвбулусъ. Боязнь, чтобъ разсѣянная жизнь не погубила въ конецъ юношу, дала ему смѣлость обратиться къ Эвфуэсу съ непрошеннымъ предостереженіемъ. Разговоръ, происшедшій между ними по этому поводу, можетъ служить прекраснымъ образчикомъ эвфуизма. „Молодой человѣкъ

24 апрѣля Лит. Гробовой. Пет. ст. б. гр. 2. 23

разр. проф. А. Веселовскій.

25 л. чет: р

(такъ началъ Эвбулусъ), хотя мое знакомство съ вами слишкомъ мало, чтобъ я имѣлъ право просить васъ, а мой авторитетъ еще меньше, чтобъ я имѣлъ право приказать вамъ, тѣмъ не менѣе мое доброе желаніе дать вамъ совѣтъ должно побудить васъ повѣрить мнѣ, а мои сѣдые волосы — вѣстники опытности — заставить васъ послушаться меня, ибо чѣмъ болѣе я вамъ чужой, тѣмъ болѣе вы должны быть мнѣ обязаны. Подобно тому какъ ваше рожденіе носитъ на себѣ точный и ясный отпечатокъ благородной крови (bloud), такъ ваше воспитаніе кажется мнѣ большимъ пятномъ (blotte) на родословной столь благороднаго сущесува, почему я принужденъ думать, что или у васъ не было никого, кто бы вамъ могъ дать добрый совѣтъ, или ваши родители своимъ баловствомъ сдѣлали васъ легкомысленнымъ; или они были слишкомъ неблагоразумны, оставляя васъ безъ наставленія; или они желали видѣть васъ лѣнивымъ, или вы сами пожелали остаться нерадивымъ. Развѣ ваши родители не знали, что дѣтскій возрастъ походитъ на воскъ, способный принимать какую угодно форму? Кто, подобно Милону, хочетъ поднимать быка — долженъ пріучиться носить его теленкомъ;

Кто хочетъ имѣть прямое дерево, долженъ гнуть его, когда оно еще вѣтка. Подобно тому какъ раскаленное железо принимаетъ подъ ударами молота любую форму, которую оно, остывши, сохраняетъ навсегда, точно также и нѣжный умъ ребенка, если ему сызмала внушать любовь къ прилежанію, сохранитъ это качество и въ зрѣломъ возрастѣ." За тѣмъ, переходя собственно къ Эвфуэсу, старикъ обрисовалъ ему самыми мрачными красками ту бездну нечестія и разврата, въ которую онъ неминуемо погрузится, если не измѣнитъ своего образа жизни. "Ахъ, Эвфуэсъ, — сказалъ онъ — чѣмъ болѣе я любуюсь высокимъ пареніемъ твоихъ способностей, тѣмъ болѣе я страшусь твоего паденія, ибо нѣжный кристаллъ разбивается скорѣе, чѣмъ твердый мраморъ, зеленый букъ сгораетъ скорѣе, чѣмъ самый сухой дубъ, а изъ сладчайшаго вина выходитъ кислѣйшій уксусъ" и т. д.. Рѣчь Эвбулуса, занимавшая въ подлинникѣ нѣсколько страницъ, была выслушана Эвфуэсомъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Не желая остаться въ долгу, онъ отвѣчаетъ на сравненіе сравненіями, на антитезы антитезами, обнаруживая при этомъ такую ученость, такое знакомство съ классической миѳологіей и средневѣковыми бестіа-

ріями, что уничтоженный Эвбулусъ не знаетъ, что ему сказать въ отвѣтъ и разстается съ Эвфуэсомъ съ глубокой печалью, какъ бы предчувствуя гибель молодаго человѣка.
Оставшись въ Неаполѣ, Эвфуэсъ продолжаетъ вести тотъ же разсѣянный и безпорядочный образъ жизни, противъ котораго его напрасно предостерегалъ опытный Эвбулусъ. Изъ товарищей своихъ по удовольствіямъ онъ сошелся съ веселымъ и остроумнымъ юношей, по имени Филавтомъ. Послѣдній ввелъ Эвфуэса въ домъ Дона-Ферардо, одного изъ правителей города. Дочь Ферардо, прекрасная Люцилла, любила Филавта и онъ ей платилъ взаимностью. Случилось однажды, что донъ-Ферардо долженъ былъ уѣхать по своимъ дѣламъ въ Венецію; въ тотъ же день Люцилла, воспользовавшись отъѣздомъ отца, пригласила Филавта къ себѣ ужинать. Въ это время Эвфуэсъ и Филавтъ были уже неразлучными друзьями, и Филавтъ пришелъ не одинъ, но въ сопровожденіи своего друга. Люцилла, вѣроятно расчитывавшая провести вечеръ наединѣ съ Филавтомъ, приняла Эвфуэса довольно холодно. Впрочемъ изъ вѣжливости она и его пригласила ужинать. По обычаю

того времени, любившаго соединять гастрономическія удовольствія съ умственными наслажденіями, послѣ ужина началась оживленная бесѣда о различныхъ вопросахъ изъ области „любви или науки" (love or learning), въ которой Эвфуэсъ имѣлъ случай выказать блестящія ораторскія способности, защищая свой тезисъ, что любовь скорѣе можетъ быть возбуждаема умственными качествами, чѣмъ физической красотой. Затѣмъ онъ перешелъ къ вопросу о томъ, кто постояннѣе въ любви, мужчина или женщина. Люцилла, желая выслушать отъ него похвалу женщинамъ, нарочно сказала, что по ея мнѣнію женщины весьма непостоянны въ своихъ привязанностяхъ. Эвфуэсъ началъ было краснорѣчивую защиту женской вѣрности, но среди блестящей рѣчи голосъ его вдругъ оборвался; онъ объявилъ дамамъ, что не можетъ больше говорить и въ смущеніи вышелъ изъ комнаты. Люцилла догадалась о причинахъ этого неожиданнаго смущенія; она очень хорошо видѣла, что во весь вечеръ Эвфуэсъ не сводилъ съ нея глазъ и внутренно сознавалась самой себѣ, что и она его любитъ. Если читатель думаетъ, что это сознаніе стоило ей тяжкихъ усилій надъ собой, что въ ея сердцѣ происходила борьба между проти-

нимъ чувствомъ къ Филавту и ея новой любовью къ Эвфуэсу, то онъ жестоко ошибется. Съ своей стороны и Эвфуэсъ, пришедши домой, тотчасъ же успокоилъ себя цѣлымъ рядомъ эвфуизмовъ. Остроуміе и ученость спасли его отъ угрызеній совѣсти. Правда, онъ сознавалъ, что не хорошо поступилъ по отношенію къ другу, оказавшему ему много существенныхъ услугъ, но онъ утѣшился той фразой, что человѣкъ, ослѣпленный любовью, не различаетъ цвѣтовъ честности. Развѣ Гигесъ не также поступилъ съ Кандавломъ? Развѣ Парисъ, гостившій у Менелая, не похитилъ у него жены? Когда онъ такимъ образомъ успокоивалъ себя примѣрами, заимствованными изъ Гомера и Геродота, въ комнату вошелъ Филавтъ и, видя Эвфуэса нѣсколько растроеннымъ, спросилъ о причинѣ. Эвфуэсъ солгалъ, сказавши, что онъ влюбился въ одну изъ подругъ Люциллы — Ливію. Филавтъ обѣщалъ ему помогать въ этомъ дѣлѣ, и они снова отправились вдвоемъ къ Люциллѣ. Случилось, что * нужно было ѣхать по дѣламъ и даже взять съ собой Филавта. Такимъ обра-

---

* донуФерардо, только что возвратившемуся изъ своей поѣздки, опять....

зомъ Эвфуэсъ остался наединѣ съ Люцилой, и они еще болѣе имѣли случай узнать и полюбить другъ друга. Когда же по возвращеніи изъ путешествія отецъ началъ говорить Люциллѣ объ ея прежнемъ женихѣ, то послѣдняя прямо сказала ему, что любитъ Эвфуэса. Тутъ Филавтъ понялъ что для него все потеряно и съ отчаяніемъ въ душѣ вышелъ изъ дому дона-Ферардо. Возвратившись къ себѣ, онъ написалъ письмо Эвфуэсу, исполненное самыхъ горькихъ упрек[овъ]. Но послѣдній поступилъ съ этимъ письмомъ как[ъ] прежде съ совѣтами Эвбулуса. Въ отвѣтъ своемъ Филавту онъ наговорилъ кучу эвфуизмовъ, привелъ въ примѣръ Юпитера, который изъ любви къ Алкменѣ принялъ образъ ея супруга Амфитріона, который изъ любви къ Лэдѣ превратился въ лебедя а изъ любви къ Іо — въ быка, утверждалъ, ч[то] въ любви позволены всѣ средства, такъ какъ о[на] сама по себѣ не хочетъ признавать никакихъ законовъ и въ концѣ концовъ оправдалъ себя во всем[ъ]. Но счастье Эвфуэса не было продолжительн[о]. Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ легкомы[сл]енная красавица промѣняла его на другаго. Тогда Эвфуэсъ вспомнилъ совѣты мудраго Эвбулуса, предостерегавшаго его отъ сѣтей

любви, рѣшилъ навсегда оставить Неаполь и въ уединеніи вознаградить потерянное для наукъ и мудрости время. Онъ примиряется съ Филавтомъ, который въ немъ увидѣлъ теперь не коварнаго друга, а товарища по несчастію и удаляется на родину, откуда пишетъ къ Филавту, Эвбулусу и другимъ друзьямъ нравоучительныя письма о тщетѣ любви, о воспитаніи юношества и т. д. Во второй части (Euphues and his England) вышедшей годъ спустя, описывается путешествіе Эвфуэса и Филавта въ Англію. Все видѣнное ими приводитъ ихъ въ совершенный восторгъ. Вообще, вся эта часть есть восторженный панегирикъ Англіи и въ особенности англійскимъ женщинамъ, соединяющимъ въ себѣ, въ противуположность итальянкамъ, рѣдкую красоту съ скромностью и цѣломудріемъ. Въ Лондонѣ друзья принуждены были разстаться; Эвфуэсъ, вызванный письмами отъ родныхъ, уѣзжаетъ въ Аѳины и въ посланіи къ неаполитанскимъ дамамъ описываетъ все видѣнное имъ въ Англіи (Euphues' Glasse for Europe), а Филафтъ остается въ Лондонѣ и женится на англичанкѣ Флавіи. Одинъ ежеминутно пьетъ новыя наслажденья, которыя ему доставляетъ супружеская жизнь; другой, поселившись на уединенной горѣ Силексфедрѣ, вспоминаетъ свои прошлыя злоключенія. (По Стороженку.)

Таковъ романъ Лилли, ясно указывающій на ту пору возрожденія, когда Италія давала Англіи и часть содержанія и часть типовъ. Вліяніе Италіи вообще здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи. Викрамъ сдѣлалъ лишь попытку связать несвязныя воспоминанія старо-французскихъ романовъ съ обрывками новеллъ и кое-какъ, дѣйствительно, связалъ, отраженія эпохи возрожденія въ Викрамѣ мы не видимъ. Совсѣмъ иное развитіе выпало на долю англійской повѣсти современной Викраму (Викрама и Лилли отдѣляютъ всего какихъ-нибудь 30-40 лѣтъ) Юфуэсъ (или Эвфуэсъ) явился сколкомъ съ натуры типомъ своего времени; такіе Юфуэсы очутились живьемъ въ англійскомъ обществѣ; чтобъ не ходить далеко за примѣрами, укажу на Грина: развѣ онъ не настоящій Юфуэсъ.

Робертъ Гринъ (Greene)*

---

* Съ его сочиненіями и трагической судьбой знакомитъ насъ книга г. Стороженка, одна изъ тѣхъ ученыхъ и доступныхъ по изложенію монографій, которая сдѣлала бы честь любой

Біографія Грина сводится къ немногимъ даннымъ. Талантливый юноша попадаетъ, будучи въ университетѣ, въ кружокъ веселой молодежи, охваченной тѣми теченіями „Возрожденія", которыя наиболѣе понятны и привлекательны юному возрасту. Это возродившаяся любовь къ жизни, реабилитація наслажденья. Подъ этими впечатлѣніями онъ предпринялъ путешествіе за границу, преимущественно въ Италію, и вернулся назадъ уже окрѣпшимъ типомъ, насколько этотъ эпитетъ

европейской литературы. Пересмотрѣно и оцѣнено все, что только было писано Гриномъ или о Гринѣ. Но компендіозная передача его повѣстей едва ли отвѣчаетъ цѣлямъ изслѣдователя, потомучто оригинальность Грина должна выясниться не изъ знакомства съ сюжетами его произведеній — они итальянскіе или сложены въ итальянскомъ стилѣ, но изъ его изложенія, психологическихъ мотивовъ и постановки характеровъ, а на все это не отвѣчаютъ коротенькія извлеченія: переводъ эпизодовъ указаннаго выше содержанія далъ бы большіе результаты. Для большаго освѣ-

приложимъ къ такой нервно-измѣнчивой натурѣ, какъ Гринъ. Онъ берется за любовные памфлеты, навѣянные на него Италіей „Возрожденія", живетъ ея веселою жизнью и наивно воображаетъ, что онъ способенъ устроиться по старому, завести свой старо-англійскій home. Онъ женится, но вскорѣ разстается съ женою. Эпикурейскія идеалы „Возрожденія" плохо мирились съ тѣмъ комплексомъ домашнихъ и гражданскихъ добродѣтелей и узкаго религіонизма, который лежитъ въ идеалѣ пуританства, выступавшаго на борьбу съ итальянской заразой, которую звали тогда атеизмомъ, маккіавелизмомъ и т. п. кличками. Художественная натура Грина не вынесла борьбы, хотя она отразилась не столько въ его сознаніи, сколько въ его фантазіи, опиравшейся на жизненный опытъ. Съ тою же страстью, съ какой онъ предавался культу наслажденія, онъ обратился къ поэзіи раскаянія, къ мрачнымъ образамъ

щенія личности Грина укажу еще на мою статью „Робертъ Гринъ и его изслѣдователи" въ Вѣст. Евр. за 1879 № 8 р 552-580

грѣха и кары. За любовными памфлетами слѣдуютъ другіе, полные самообличеній. Его исповѣдь — перечень укоризнъ, обращенныхъ противъ собственной дѣятельности, и дружескихъ увѣщаній тѣмъ изъ сверстниковъ, которые еще продолжали идти по грѣховному пути. Онъ умираетъ съ словами отреченія отъ того направленія англійскаго renaissance, которое можно назвать, въ широкомъ смыслѣ слова, эпикурейскимъ.

Относительно хронологическихъ датъ біографы Грина не сошлись. Годомъ его рожденія одни считаютъ 1550, другіе 1560; поступленіе въ университетъ относятъ къ 1574 или 1575, свадьбу Грина къ 1584 или къ 1585, разрывъ съ женой къ 1586 или 1587. Заграничная поѣздка по Дайсу совершена была въ 1578-83 гг., по Бернгарди — между 1580-83 годами.

Первое произведеніе Роберта Грина повѣсть Мамилія (1580), написана подъ вліяніемъ Эвфуэса (Юфуэса).

Мамилія, дочь падуанскаго правителя Гонзаго, влюбленная въ красиваго, остроумнаго, но вѣтренаго юношу Фарикла. Старый Гонзаго ничего не имѣетъ противъ замужества своей дочери съ Фарикломъ, который кажется ему весьма подходящей партіей; мы повидимому недалеко отъ конца романа. На самомъ же дѣлѣ выходитъ, что узелъ только что завязывается. У Мамиліи есть прекрасная родственница, по имени Публія, встрѣча съ которой производитъ переворотъ въ душѣ Фарикла. Онъ забываетъ Мамилію и влюбляется до безумія въ Публію, которая во свою очередь сильно заинтересована Фарикломъ, особенно послѣ того какъ онъ однажды за ужиномъ произнесъ остроумный и ученый спичъ на тему: что такое любовь? Но проходитъ нѣсколько дней, и вѣтреный юноша находитъ, что Публія вовсе не такое совершенство, какъ ему показалось съ перваго разу, — и онъ снова начинаетъ подумывать о Мамиліи. Вотъ онъ уже совсѣмъ было собрался идти съ повинной къ Мамиліи, но прошло нѣсколько часовъ и онъ оставляетъ свои намѣренія и пишетъ восторженныя письма къ Публіи. Послѣдняя письменно предлагаетъ

...му не любовь, а дружбу. Тогда Фариклу ничего не оставалось больше, какъ обратиться къ Мамиліи, которая уже было заболѣла съ горя. Нечего и говорить, что та все простила ему и приняла его съ восторгомъ. Они отправляются къ отцу Мамиліи, открываютъ ему свои чувства, получаютъ его согласіе и тотчасъ же устраиваютъ помолвку. Сдѣлавъ рѣшительный шагъ, Фарикль снова начинаетъ колебаться; пришедши домой, онъ нѣсколько разъ перечитываетъ письмо Публіи, и съ каждымъ разомъ находитъ его все менѣе и менѣе жестокимъ. Къ тому же услужливая фантазія живо рисуетъ ему злодѣйскіе глазки Публіи, которые, чудится ему, лукаво выглядываютъ чуть ли не изъ каждой строчки, и, забывъ обѣты, данные Мамиліи, Фарикль рѣшается снова обратиться къ Публіи. Нѣкоторое время его мучитъ совѣсть, но къ чему послужила-бы ему классическая ученость, если бы она не подоспѣла на помощь въ трудную минуту жизни? Успокоивъ себя примѣрами Язона, Энея и другихъ героевъ, которые поступали съ любимыми женщинами такъ же, какъ онъ поступилъ съ Мамиліей, Фарикль пишетъ Публіи трогательное письмо, въ которомъ предла-

часть ей руку и сердце. Письмо тронуло Публію, но она отвѣчаетъ осторожно: ей надо подумать. Въ ожиданіи ея рѣшенія, Фариклъ, надѣвъ одежду пилигримма, отправляется странствовать по свѣту." Какъ только я что нибудь услышу о немъ - не замедлю сообщить читателямъ", такъ оканчиваетъ Гринъ первую часть своей повѣсти.

Вторая часть Мамиліи, упоминаемая подъ 1583г., вышла въ свѣтъ много послѣ смерти Грина, въ 1593г. - Внезапный отъѣздъ Фарикла былъ громовымъ ударомъ для обманутой Мамиліи. Но скорбь и отчаяніе не изгладили изъ ея сердца образъ невѣрнаго. Тутъ Гринъ проводитъ параллель между легкомысліемъ мужчинъ и постоянствомъ женщинъ и пишетъ послѣднимъ восторженный панегирикъ. Эта точка зрѣнія - поклоненіе женщинамъ сопутствуетъ Грину вплоть до той поры, когда онъ будетъ каяться какъ грѣшникъ и откажется отъ идей Возрожденія. - Фариклъ поселился въ Сарагоссѣ, гдѣ въ него влюбляется какая-то куртизанка. Отвергнутая имъ она дѣлаетъ доносъ властямъ, и Фарикла сажаютъ въ тюрьму. Когда слухи объ этомъ

урождаютъ до Мамиліи, она подобно Пор-
ціи въ Венеціанскомъ купцѣ переодѣвает-
ся въ мужское платье, ѣдетъ въ Сараго-
су и спасаетъ Фарикла, который, тро-
нутый ея любовью, на этотъ разъ дѣй-
ствительно женится на ней.

Къ этой первой повѣсти Грина, въ кото-
рой замѣтно сильное вліяніе Эвфуэса
Лилли, въ которой Гринъ не только
усвоилъ себѣ утонченно манерный эвфуизмъ,
но позаимствовался отъ Лилли даже нѣ-
которыми пріемами и положеніями
(напр. застольный споръ на тему: что та-
кое любовь? навѣянъ романомъ Лилли), я
присоединяю повѣсть Грина (напечатанную
въ 1587): „Совѣты Эвфуэса Филавту",
служащую продолженіемъ Эвфуэса Лил-
ли. Вы помните, что Лилли удалилъ
своего героя куда-то въ пустыню на го-
ру Силксэдру, гдѣ онъ пишетъ рядъ
писемъ къ друзьямъ, къ неаполитанскимъ
джентльменамъ и т. д. Въ посвященіи Эссек-
су Гринъ сообщаетъ между прочимъ
вымышленную исторію происхожденія
своей повѣсти, говоритъ, что ему слу-
чайно попали въ руки совѣты Эвфуэса,
посланные Филавту, который послѣ
женитьбы своей былъ назначенъ главно-
командующимъ какого-то фантастическаго
войска." Въ этихъ совѣтахъ Эвфуэсъ, идя

по образцу Цицерона въ его de oratore, Платона въ его de Republica и графа Бальдассаро въ его Придворномъ стремится нарисовать подъ покровомъ философскаго спора между Гекторомъ и Ахиллесомъ [illegible]. Споръ этотъ происходитъ по слѣдующему поводу: пользуясь кратковременнымъ перемиріемъ, троянскія дамы Андромаха, Поликсена и др. отправляются въ гости въ греческій лагерь; Ахиллесъ и Одиссей принимаютъ ихъ въ [illegible] свободно; причемъ хитроумный Одиссей говоритъ троянскимъ дамамъ комплименты, которымъ бы позавидовалъ любой придворный кавалеръ, удивляется, что Парису вздумалось увезти Елену изъ Греціи, когда Троя изобилуетъ такими красавицами и т. п. Завязывается общій разговоръ, въ которомъ собесѣдники щеголяютъ другъ передъ другомъ антитезами, софизмами и цитатами. Послѣ ужина престарѣлый Несторъ предлагаетъ тему для спора: о качествахъ, которыми долженъ обладать идеальный воинъ, чтобы прожить счастливо и умереть съ честью. Каждый отвѣчаетъ по своему, каждый подтверждаетъ свой тезисъ разсказомъ. На слѣдующій день греческія

дамы въ сопровожденіи Ахиллеса, Нестора и др. посѣтили Трою, и были приняты съ большимъ почетомъ Пріамомъ въ его дворцѣ. Послѣ обѣда вчерашній разговоръ возобновился. Въ концѣ концевъ Пріамъ рѣшаетъ вопросъ.- Этотъ пріемъ очень характеренъ для Грина, живо напоминая намъ пріемы итальянской новеллы. Какъ извѣстно итальянскія новеллы объединяются внѣшнею рамкой, одною общею декораціей или всѣ онѣ отвѣчаютъ на одинъ общій вопросъ, который и придаетъ имъ единство. Этотъ пріемъ усвоенъ и Гриномъ: его повѣсть является показателемъ итальянскаго вліянія. Это- сборная повѣсть, составленная изъ отдѣльныхъ разсказовъ, иллюстрирующихъ одинъ общій вопросъ, которымъ заинтересовалось общество разсказчиковъ. По этому же плану написаны Гриномъ Морандо, Триттамеронъ любви, и Ткань Пенелопы.

Въ <u>Морандо</u> общество гостей по поводу висѣвшей въ столовой картины, изображавшей похищеніе Европы, заводятъ споръ о любви. Это мотивъ изъ греческихъ романовъ: вспомните Лонга.- Одинъ изъ гостей Перазіо, противникъ женщинъ доказываетъ, что <u>Amor fa multo ma argento fa tutti</u> (любовь дѣлаетъ

многое, золото-же все). Сначала вступаетъ съ нимъ въ споръ Пантея, но вскоръ отказывается диспутировать о такомъ фривольномъ предметѣ и поручаетъ защиту женщинъ своей старшей дочери Лаценѣ. На слѣдующій день хозяинъ предлагаетъ новую тему для спора: хорошо-ли любить или нѣтъ? въ обсужденіи которой принимаетъ участіе все общество. На третій день предлагается новый любовный тезисъ: кто можетъ сильнѣе бороться съ любовью — мужчина или женщина? Со стороны мужчинъ споръ ведется синьоромъ Сильвестро; со стороны женщинъ младшей дочерью Пантеи — Фіоретой. Противники изумляютъ общество своей находчивостью и діалектикой. Вторая часть повѣсти, гдѣ проза чередуется съ стихами, полна примѣровъ, анекдотовъ и сентенцій, заимствованныхъ изъ классическихъ писателей и обличаетъ большую начитанность Грина. Въ 1585 году Гринъ издалъ только одинъ памфлетъ Planetomachia. Сочиненіе это есть, собственно говоря, споръ между двумя планетами: Сатурномъ и Венерой, которые препираются о томъ, кто изъ нихъ оказываетъ наиболѣе полезное вліяніе на людей. Споръ рѣшаетъ солнце, избранное обѣими

сторонами въ третейскіе судьи. Сказавъ вообще о вредномъ вліяніи Сатурна на человьческую судьбу, охарактеризовавъ родившихся подъ этой планетой какъ людей жадныхъ, трусливыхъ, лицемьрныхъ и мрачныхъ, Венера въ подкрьпленіе своихъ доводовъ разсказываетъ новеллу, носящую въ подлинникь названіе Venus Tragedie, въ родь новеллъ Джиральди Чинтіо съ кровавыми сценами и убійствами. Солнце рьшаетъ споръ въ пользу Венеры. Раздосадованный приговоромъ солнца, Сатурнъ разсказываетъ египетскую исторію куртизанки Родописъ, о томъ, какъ она прельстила стараго Псаметиха, который сдьлалъ ее королевой, какъ она потомъ влюбилась въ сына его Филарха, какъ Псаметихъ, узнавъ про ихъ связь, убилъ ихъ обоихъ а потомъ отравилъ и себя.

Въ 1587 году явилась Ткань Пенелопы (Penelope's Web). Авторъ переноситъ насъ на островъ Итаку, въ спальню вьрной жены Одиссея, которая сидитъ за тканью, окруженная своими прислужницами. Идетъ разговоръ о любви, причемъ прислужницы Пенелопы разсуждаютъ, какъ ученые, пересыпая свою рьчь изреченіями древнихъ философовъ

и поэтовъ. Одна изъ нихъ развиваетъ платоническую теорію любви, заимствованную Гриномъ у итальянскихъ платониковъ, хотя и значительно видоизмѣненную. „Истинная и совершенная любовь — говоритъ она — имѣетъ свое основаніе въ одной добродѣтели; она стремится не къ внѣшней красотѣ тѣла, но къ внутреннему совершенству духа. Не убывая, не возрастая съ годами, она связываетъ сердца такими тѣсными узами симпатіи, при которыхъ всякій трудъ и тягость считается удовольствіемъ." Въ примѣръ такой постоянной идеальной любви ораторша приводитъ свою госпожу, которая любитъ своего мужа не безумной страстью, обыкновенно приписываемой вліянію Венеры, но глубокимъ и прочнымъ чувствомъ, имѣющимъ свой источникъ въ стремленіи къ добродѣтели. Отъ любви разговоръ естественнымъ образомъ переходитъ къ супружеству. Собесѣдницы разсуждаютъ о тѣхъ качествахъ, которыми должна обладать женщина, чтобъ сдѣлать своего мужа счастливымъ. По мнѣнію Пенелопы, эти качества сводятся къ тремъ главнымъ — послушанію, цѣломудрію и молчаливой скромности.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія Пенелопа разсказываетъ три новеллы. Когда она кончила, вѣстникъ пришелъ сказать, что судьба наградила ее за ея любовь и вѣрность, что ея желанный Одиссей присталъ къ берегамъ Итаки.

Къ тому же среднему періоду литературной дѣятельности Грина, когда онъ еще находился подъ вліяніемъ сильнымъ Лилли, принадлежитъ повѣсть „Пандосто" или „Дорастъ и Фавнія", написанная эвфуистическимъ языкомъ, который по своей манерности, обилію антитезъ, классическихъ намековъ и сравненій ни въ чемъ не уступитъ самому Эвфуэсу Лилли. Отсюда Шекспиръ заимствовалъ содержаніе своей Зимней Сказки. Источникомъ повѣсти Грина служила какая нибудь неизвѣстная намъ литературная обработка польскаго сказанія о трагической участи второй супруги герцога Мазовіи Земовита. Сказаніе это занесено современникомъ архіепископомъ гнѣзненскимъ Чарнковскимъ въ его хронику. Изъ хроники Чарнковскаго или изъ литературной обработки ея Гринъ могъ заимствовать

курьезное свѣдѣніе, перенесенное также и Шекспиромъ въ свою драму, что Богемія была приморская страна.
Наиболѣе выдающимися изъ новеллъ Грина считается „Филомела" (1592), пересказанная Дёнлопомъ (l. c. p. 435-438) и „Любовь Цицерона". Филомела (или: Lady Fitzwater's Nightingale) явилась въ 1592 г., когда въ Гринѣ произошелъ поворотъ къ идеямъ національнымъ и покаяннымъ, но онъ поспѣшилъ увѣрить читателя, что эта повѣсть написана имъ уже давно и, стало быть, въ томъ же родѣ, что и первыя. Содержаніе Филомелы, написанной въ похвалу женскому цѣломудрію, таково:
Филомела, жена венеціанскаго графа Филиппо Медичи, цвѣтъ венеціанскихъ женщинъ, сидитъ вѣчно дома и несмотря на это ея неразумный мужъ мучится отъ ревности; его безпокоитъ даже то, что она никуда не выходитъ: слишкомъ много добродѣтели, думаетъ онъ. Мужъ начинаетъ перебирать въ умѣ своихъ знакомыхъ: „кого изъ нихъ она больше жалуетъ." Такого не оказалось, но

Филиппо всетаки увѣренъ, что жена его не безгрѣшна: вѣдь, наружность еще ничего не доказываетъ, и листы алоэ имѣютъ тѣмъ болѣе горькій вкусъ, чѣмъ зеленѣе выглядятъ, и саламандра имѣетъ въ себѣ наибольшую степень теплоты, когда лежитъ, какъ можно дальше, отъ огня. А потому графъ хочетъ испытать вѣрность Филомелы съ помощью своего пріятеля Джованни Лутезіо, одного изъ венеціанскихъ щеголей-юфуистовъ, который и приступаетъ къ испытанію. Разъ онъ засталъ Филомелу одну въ ея саду, гдѣ она распѣвала во всеуслышанье веселыя пѣсенки. Лутезіо поспѣшилъ признаться, что онъ влюбленъ, но въ кого, не сказалъ. На это Филомела отвѣтила рѣчью, приправленной такою массою нравоучительныхъ сентенцій и примѣровъ изъ миѳологіи и римской исторіи, что Лутезіо, пораженный ея ригоризмомъ, ушелъ ни съ чѣмъ и разсказалъ объ этомъ мужу, дивясь уму Филомелы. Но Филиппо этимъ недоволенъ: можетъ быть оттого она и пустила въ ходъ свои сентенціи, что Лутезіо не признался въ любви къ ней. Онъ проситъ Лутезіо попробовать

еще это средство и тотъ пишетъ Филомелѣ письмо, разумѣется, любовное, прибавивъ къ нему плохой сонетъ собственнаго издѣлія. Она отвѣчаетъ письмомъ, полнымъ негодованія, и въ свою очередь присоединяетъ къ письму сонетъ съ цѣлью показать, что „ея умъ не уступаетъ ни въ чемъ ея добродѣтели". Мужъ Филомелы, узнавъ объ этомъ, начинаетъ опасаться, чтобъ Лутезіо и впрямь не влюбился въ его жену: шутить съ огнемъ нельзя. Филиппо увѣренъ, что жена ему невѣрна, и за отсутствіемъ доказательствъ подкупаетъ двухъ рабовъ, возложивъ на нихъ обязанность засвидѣтельствовать на судѣ невѣрность его жены. Судъ предписываетъ ему развестись съ женой, а Филомелу и Лутезіо изгоняетъ изъ Венеціи. Она ѣдетъ моремъ въ Палермо на кораблѣ, капитанъ котораго влюбился въ нее. Прибывъ въ Палермо, она живетъ въ его домѣ, а Лутезіо между тѣмъ бѣжалъ къ миланскому герцогу, отцу Филомелы, и сообщаетъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его дочери. Герцогъ требуетъ у венеціанскаго сената удовлетворенія. Рабы, подкупленные

мужемъ Филомелы признались въ своемъ лжесвидѣтельствѣ, а Филиппо былъ прощенъ герцогомъ и удалился въ Палермо. Здѣсь полный отчаянія, онъ принимаетъ на себя вину въ убійствѣ, свершенномъ, неизвѣстно кѣмъ въ одномъ изъ кварталовъ города. Его посадили въ тюрьму, а Филомела, узнавъ, что какой-то венеціанецъ посаженъ за убійство въ тюрьму, выхлопотала себѣ дозволеніе взглянуть на арестанта и, разумѣется, узнала своего ревнивца. Разгнѣванная вначалѣ она понемногу успокоилась: вѣдь, ея мужъ поступилъ такъ отъ чрезмѣрной любви. Подъ вліяніемъ такого чувства она принимаетъ на себя упомянутое убійство. Но оба они признаны невиновными. Филиппо до того растроганъ, что упалъ замертво отъ угрызеній совѣсти и часа черезъ 2 умеръ. Узнавъ о смерти мужа, Фил. вернулась въ Венецію, гдѣ и прожила остатокъ дней въ тоскѣ по мужѣ. Послѣ смерти ея похоронили съ царскими почестями, и до сихъ поръ народъ чтитъ ея память, какъ „память святой."

Перехожу затѣмъ къ повѣсти „Любовь Цицерона" одной изъ самыхъ популярныхъ. Очевидно, это новелла съ римскими именами, но съ содержаніемъ, взятымъ изъ жизни 15-16 вв.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе повѣсти: въ Римѣ проживаетъ весьма уважаемый сенаторъ Фламиній, въ дочь котораго, гордую и недоступную красавицу Теренцію, влюбленъ юный полководецъ Лентулъ, только что возвратившійся въ Римъ послѣ побѣды надъ Парѳянами. Повѣсть начинается описаніемъ пира, даннаго Фламиніемъ въ честь Лентула. За столомъ идетъ разговоръ о любви, ревности и тому подобныхъ вопросахъ, причемъ диспутантами являются Лентулъ и поэтъ Архій. Послѣ обѣда во время прогулки Лентулъ имѣлъ случай короче познакомиться съ Теренціей, которая окончательно обворожила его. Самъ же онъ, нисколько того не подозрѣвая, произвелъ глубокое впечатлѣніе на одну изъ подругъ Теренціи — Флавію. Возвратясь домой, Лентулъ засталъ у себя одного пріятеля, который пришелъ къ нему не одинъ, а съ Цицерономъ, тогда еще двадцатилѣтнимъ юношей, но уже извѣстнымъ своимъ краснорѣчіемъ. Лентулъ скоро сошелся съ Цицерономъ, повѣрилъ ему свою тайну и, разсчитывая на силу краснорѣчія своего новаго друга, просилъ его продиктовать ему такое письмо къ Теренціи

противъ котораго она не могла бы устоять. Бѣдняга не разсчиталъ, что Цицеронъ одинъ въ Римѣ, что слогъ его слишкомъ извѣстенъ, чтобы можно было безнаказанно поддѣлаться подъ него. Получивъ краснорѣчивое посланіе Лентула, Теренція не могла утерпѣть, чтобъ не показать его своей подругѣ Флавіи, которая тотчасъ догадалась, кто былъ его настоящимъ авторомъ. Теренція, которая и раньше слышала о Цицеронѣ, теперь начала задумываться и мечтать о немъ, а коварный Амуръ воспользовался этимъ случаемъ и вонзилъ въ ея сердце свою стрѣлу.* Теренція написала Лентулу отказъ въ такой рѣзкой и безнадежной формѣ, что тотъ даже слегъ въ постель отъ горя. Съ своей стороны Цицеронъ вскорѣ послѣ этого имѣлъ случай встрѣтиться съ Теренціей, полюбилъ ее отъ всей души, но зная, что ее любитъ Лентулъ, рѣшился подавить свое чувство. Онъ устоялъ даже тогда, когда Теренція сама объяснилась въ любви; какъ вѣрный другъ, онъ рѣшился пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ

---

* Сличи увлеченіе умомъ въ романѣ папы Пія II.

и сталъ умолять Теренцію позабыть его и полюбить Лентула, увѣряя, что Лентулъ гораздо болѣе его способенъ составить ея счастье. Отношенія Лентула и Цицерона къ Теренціи усложняются еще однимъ обстоятельствомъ, именно любовью къ Теренціи юноши Фабія, съ которымъ она случайно встрѣтилась въ лѣсу. Этотъ юноша, бывшій до того времени образцомъ безпутства и сосланный поэтому отцемъ на жительство въ деревню, внезапно перерождается подъ вліяніемъ любви и дѣлается хорошимъ человѣкомъ.* Гринъ весьма курьезно объяснилъ это перерожденіе тѣмъ, что высокія качества души, данныя ему небомъ, были завистливой судьбой скованы и заключены въ самомъ отдаленномъ уголкѣ его сердца; любовь же, какъ сила гораздо болѣе могущественная, чѣмъ судьба, разрушила эти оковы. „Вслѣдствіе этого — прибавляетъ Гринъ — мы должны признать въ любви самое чистое и благородное изъ чувствъ, вложенныхъ въ сердце человѣка". Возвращаясь къ Теренціи замѣтимъ, что она также мало тронута

* Сличи „Амето" Боккаччо.

была любовью Фабія, какъ и Лентула — сердце ея безраздѣльно принадлежало Цицерону. Между тѣмъ Цицеронъ, видя, что другъ его не перестаетъ страдать, простеръ свое самопожертвованіе до того, что отправился къ отцу Теренціи и разсказавъ ему все дѣло, просилъ употребить все его отцовское вліяніе въ пользу Лентула. Но такая выходка не обошлась дешево Цицерону — онъ самъ слегъ въ постель. Когда отецъ сообщилъ дочери цѣль посѣщенія Цицерона, Теренція, возмущенная въ особенности тѣмъ, что Цицеронъ, зная ея любовь къ нему, рѣшился принести ее въ жертву своей дружбѣ, написала къ нему письмо, въ которомъ предупреждала его, что женщины способны въ своихъ чувствахъ на крайности и что ихъ любовь, будучи отвергнута, легко можетъ перейти въ ненависть. Письмо это застало Цицерона уже въ постели; прочтя его, онъ потерялъ сознаніе и выпустилъ письмо изъ рукъ на полъ. Въ это время въ комнату вошелъ Лентулъ, пришедшій навѣстить Цицерона, и, увидя на полу письмо, прочелъ его, такъ какъ у нихъ съ Цицерономъ не было тайнъ другъ отъ друга. Открытіе,

заключавшееся въ письмѣ, мигомъ отрезвило Лентула; онъ понялъ, какъ самоотверженно относился къ нему Цицеронъ и рѣшилъ съ своей стороны быть его достойнымъ и всячески содѣйствовать его браку съ Теренціей. Но не такъ разсуждалъ другой претендентъ на руку Теренціи - пылкій Фабій. Оскорбленный предпочтеніемъ, оказываемымъ Цицерону, онъ собралъ своихъ приверженцевъ и рѣшился убить счастливаго соперника. Когда слухи о замыслахъ Фабія дошли до Лентула, онъ собралъ своихъ приверженцевъ и охранялъ съ ними домъ Цицерона. Эта исторія легко могла разыграться въ междоусобную войну, такъ какъ тотъ и другой имѣли много приверженцевъ во Римѣ. Чтобъ предупредить кровавое столкновеніе, Сенатъ взялъ на себя уладить дѣло. Когда въ Сенатѣ обсуждалось это дѣло, вдругъ явился Цицеронъ и въ сильной рѣчи выразилъ рѣшимость принести свою любовь на алтарь общаго мира, какъ онъ прежде приносилъ ее на алтарь дружбы. Рѣчь его произвела такое впечатлѣніе на слушателей, что Фабій, пристыженный, отказался отъ своихъ притязаній на Теренцію, которая по совѣту одного сенатора была тутъ-же обручена съ Цицерономъ. Лентулъ же женился на давно его любившей Флавіи.*

* Стороженко l. c. p. 74-77.

Какъ въ этой повѣсти, такъ и всюду у Грина выступаетъ впередъ психологическій анализъ; такимъ образомъ уже въ повѣстяхъ развивается родъ драмы: типы ревниваго Филиппо, Филомелы, борющейся съ двумя противоположными чувствами, указываютъ на возможность сценической постановки, такъ что здѣсь тѣсная связь драмы съ повѣстью является почти аксіомой. Подтвержденіемъ этой аксіомы можетъ служить, кромѣ Грина, Лоджъ. [Въ 1590 г. явилась его „Розалинда или золотое наслѣдство Эвфуэса" (Rosalynd or Euphues' Golden Legacy), давшая сюжетъ одной изъ извѣстнѣйшихъ комедій Шекспира („Какъ вамъ будетъ угодно"), причемъ Шекспиръ заимствовалъ у Lodge'а не только планъ, но даже абрисы главныхъ персонажей, цѣлыя рѣчи и обороты (напр. Weeping tears - плачущія слезы)].

Приблизительно до 1590хъ годовъ Гринъ развивался въ школѣ Лилли и, стало быть, итальянской новеллы. Съ 1589 года въ Гринѣ обнаружилось новое направленіе: одни объясняютъ этотъ переворотъ слабохарактерностью Грина, другіе - художнической податливостью; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ психологическимъ актомъ. Въ эту вторую половину своей дѣятельности Гринъ даетъ трактаты о падшихъ

С.П.У.

женщинахъ, куртизанкахъ, завлекающихъ мужчинъ подобно сиренамъ; ему становится милъ типъ блуднаго сына: онъ самъ блудный сынъ, который, не переживъ всего, что слѣдовало пережить, возвращается къ старымъ пенатамъ, забрасывая новые пути. Этотъ типъ, разработанный Пуччи, Чекки, Викрамомъ и Гриномъ, имѣетъ свой raison d'être, онъ данъ временемъ. При объясненіи этого пристрастія Грина къ помянутой темѣ слѣдуетъ помнить двустишіе Гёте:

Wenn den Dichter willst verstehn
Muszt in Dichters Lande gehn.

[Кто хочетъ понять поэта, долженъ идти въ его страну]. Гринъ началъ каяться, хаять все свое прежнее направленіе. Въ своей „Альцидѣ" (1588/9) Гринъ рисуетъ женщинъ уже въ иномъ свѣтѣ тѣхъ женщинъ, которыя еще недавно такъ горячо воспѣвалъ. Къ 1590 относится его памфлетъ „Траурное одѣяніе" (Mourning garnement). Къ тому же году относится другой памфлетъ: „Никогда не поздно", а въ 1591 явился третій: „Прости безумію". Послѣдняя повѣсть, которую я считаю возможной для Грина: „Грошъ Мудрости пріобрѣтенный за милліонъ ~~терзаній~~ раскаянія", писана имъ уже на смертномъ одрѣ и напечатана послѣ его смерти (+ 3 сент. 1592).

разр. проф. А. Веселовский

27-го Лис.
ист. фил.

Минуя памфлетъ „Раскаяніе", въ подлинности котораго сомнѣваются нѣкоторые ученые, хотя и неосновательно (такъ какъ многое въ этомъ памфлетѣ указываетъ на то, что онъ долженъ быть отвѣтомъ на упреки, дѣлаемые Грину) остановлюсь на повѣстяхъ завѣдомо Гриновскихъ.

Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ больше отрѣшается Гринъ отъ итальянскихъ типовъ, тѣмъ больше обращается онъ къ фактамъ современной жизни: онъ изучилъ міръ мошенниковъ, кутилъ, литературной богемы и т. д. Онъ изучилъ типъ коннискатчера, съ которымъ боролась англійская полиція и обыватели и съ которымъ Гринъ знакомитъ англійскую публику въ памфлетахъ.

Побывавъ не разъ въ когтяхъ лондонскихъ куртизанокъ, Гринъ рѣшился вывести въ своемъ памфлетѣ типъ куртизанки, перехитрившей самаго ловкаго коннискатчера. Случайная встрѣча въ тавернѣ съ молодымъ человѣкомъ, который заставилъ ее разсказать, какъ она дошла до такой жизни, и его участіе произвели на нее сильное впечатлѣніе: она съ сокрушеннымъ сердцемъ упала на колѣни передъ незнакомцемъ и умоляла вырвать ее изъ бездны, а когда онъ поцѣловалъ ее нѣжно и почтительно, этотъ поцѣлуй показался ей слаще всѣхъ. Онъ видался съ ней не разъ и, убѣдившись, что она искренно рѣшилась исправиться, женился на ней. Вся эта исторія разсказана простымъ и трогательнымъ языкомъ и проникнута гуманнымъ чувствомъ, которое дѣлаетъ честь Грину.

Переходимъ теперь къ двумъ автобіографическимъ памфлетамъ, писаннымъ Гриномъ на смертномъ одрѣ. Первый изъ нихъ, носящій странное заглавіе „Грошъ Мудрости, пріобрѣтенный за милліонъ раскаянія" (Groatsworth of Wit, bought with a million of Repentance) и изданный Четтлемъ съ подлинной рукописи Грина, имѣетъ видъ нравоучительной повѣсти, и только въ концѣ ея мы узнаемъ, что подъ именемъ Роберто авторъ вывелъ самого себя. Вотъ содержаніе повѣсти: у стараго ростовщика Горініуса было два сына. Старшій изъ нихъ, Луканіо, былъ человѣкъ дѣловой и помогалъ отцу въ его операціяхъ; меньшой, Роберто, ушелъ изъ дому, предался наукѣ и не скрывалъ своего отвращенія къ ремеслу отца. Зная образъ мыслей своихъ дѣтей, Горініусъ, умирая, завѣщалъ все свое состояніе дѣловому Луканіо, а идеалисту Роберто вручилъ одинъ грошъ, сопровождая этотъ подарокъ слѣдующимъ наставленіемъ.:

„Когда я началъ свою каррьеру у меня ничего не было кромѣ этого мѣднаго гроша;

съ помощью его я нажилъ свое богатство. Ты не разъ удивлялъ меня мудростью твоихъ рѣчей; постарайся дѣйствовать также умно какъ ты говоришь и съумѣй сдѣлаться съ этимъ грошомъ богатымъ человѣкомъ". Сказавши эти слова, старый ростовщикъ испустилъ духъ. По смерти отца братья пошли по разнымъ дорогамъ и достигли различныхъ результатовъ. Дѣловой Луканіо еще болѣе расширилъ операціи отца и богатѣлъ съ каждымъ днемъ, а непрактическій Роберто не замедлилъ впасть въ крайнюю нищету. Возмущенный несправедливостью отца и завидуя Луканіо, жившему въ довольствѣ, Роберто счелъ себя вправѣ хитростью добыть себѣ хоть часть отцовскаго наслѣдства. Съ этой цѣлью онъ задумалъ свести своего простоватаго Луканіо съ своей пріятельницей, куртизанкой Ламиліей, которая должна была всѣми средствами выманить у Луканіо побольше денегъ и раздѣлить ихъ съ Роберто. Первая половина плана удалась какъ нельзя лучше: Луканіо былъ околдованъ красотой

Ламиліи, подарилъ ей драгоцѣнный алмазъ и кромѣ того былъ обыгранъ ею въ кости на значительную сумму. Когда же Роберто пришелъ къ Ламиліи за полученіемъ своей части выручки, то коварная куртизанка не только не дала ему ничего, но и разсказала объ его поступкѣ брату, который прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, терзаемый раскаяніемъ и скорбью, Роберто подумалъ уже о самоубійствѣ, когда случайная встрѣча съ странствующимъ актеромъ вновь возвратила его къ жизни и ея радостямъ. Увидя по разговору, что имѣетъ дѣло съ ученымъ человѣкомъ и литераторомъ, актеръ предложилъ Роберто писать пьесы для ихъ труппы, обѣщая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Роберто съ радостью принялъ предложеніе и немедленно принялся за работу. Успѣхъ его драматическихъ опытовъ превзошелъ всѣ ожиданія, а съ успѣхомъ явились и деньги. Но этого мало: Какъ бы въ вознагражденіе за испытанныя страданія судьбѣ захотѣлось осыпать Роберто не въ примѣръ другимъ всѣми

благами жизни. Успѣхи на драматическомъ поприщѣ доставили ему знакомство съ однимъ почтеннымъ джентельменомъ, на прелестной дочери котораго онъ вскорѣ и женился. Послѣдствія доказали, что легкомысленный Роберто не былъ достоинъ выпавшаго на его долю счастья. Тихая семейная жизнь не удовлетворяла его; онъ сталъ пропадать изъ дому, сдружился съ кутилами, игроками мошенниками, шулерами и въ обществѣ этихъ подозрительныхъ личностей проводилъ цѣлые дни. Когда же жена писала ему отчаянныя письма, умоляя возвратиться домой, онъ показывалъ ихъ своимъ собутыльникамъ, которые поднимали ее на смѣхъ. Даже печальный конецъ многихъ его товарищей, преданныхъ суду за свои нечестныя проступки, ни мало не образумилъ его. Только когда пьянство и излишества всякаго рода уложили его на одръ болѣзни и лишили всякой возможности работать, когда отъ всего состоянія уцѣлѣлъ только одинъ грошъ, завѣщанный ему умирающимъ отцемъ, тогда онъ понялъ безвыходность своего положенія. „О теперь, возопилъ онъ,

глядя на отцовскій подарокъ, теперь ужъ слишкомъ поздно пріобрѣсть на этотъ грошъ мудрости для себя; теперь развѣ впору уступить другимъ то, что я легкомысленно упустилъ пріобрѣсть для себя. На этихъ словахъ Гринъ прерываетъ свой разсказъ и прямо заявляетъ, что подъ именемъ Роберто онъ изобразилъ самого себя: „Здѣсь, господа, я прерываю рѣчь Роберто, жизнь котораго, во многомъ (in most part) сходная съ моей, нашла себѣ подобное-же наказаніе. И такъ представьте себѣ, что я — Роберто, что я хочу исполнить задуманное имъ и послать вамъ грошъ житейской мудрости, которую ни въ грошъ не ставилъ въ своей жизни, и хотя теперь по всей вѣроятности нѣтъ на свѣтѣ человѣка, желающаго мнѣ добра, все-таки я, умирая, хочу моимъ раскаяніемъ принести пользу людямъ. — О вы, которые прочтете эти безсвязныя строки, не думайте, что я по прежнему хочу забавлять васъ вымыслами моей фантазіи, но соберите въ одну кучу все написанное мною и предайте сожженію. Вѣрьте, что каждая строка моихъ сочиненій производитъ глу-

бокую рану въ моемъ сердцѣ, что каждый свободный часъ, проведенный кѣмъ либо изъ васъ въ чтеніи ихъ, приноситъ бездну огорченій моей душѣ. "О если-бъ слезы несчастнаго (а былъ-ли какой нибудь человѣкъ несчастнѣе меня?) могли смыть ихъ совершенно съ памяти людей, о если бы можно было похоронить ихъ вмѣстѣ со мною! Но такъ какъ это невозможно, то пусть по крайней мѣрѣ мое послѣднее произведеніе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ я ихъ ненавижу. Темно и мрачно воспоминаніе о нихъ, мрачнѣе ночи, мрачнѣе смерти, мрачнѣе ада!"

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повѣстью покаяннаго характера; предъ нами фигурируетъ общественный типъ, а самая повѣсть по справедливому замѣчанію Вильмэна не что иное, какъ исповѣдь дитяти XVI в."

Такихъ людей какъ Роберто, въ это время было не мало: изъ біографіи Марло мы знаемъ, что и онъ умеръ отъ внутреннихъ терзаній. Немногіе, какъ Шекспиръ, который былъ практикомъ Грина, вышли изъ этого внутренняго разлада и спаслись. Во Франціи лѣтъ 40-50 спустя по смерти Грина, существовала такая же литературная богема и того же типа, какъ въ Англіи конца XVI в. кружокъ Грина, Марло и Наша. Это т. наз. poëtes du cabaret, любившіе таверну

волне салона, они вдохновлялись звукомъ стакановъ, среди полупьяныхъ почитателей ихъ талантовъ и, пожалуй, продажныхъ женщинъ. Большихъ талантовъ между ними не было, но были люди съ несомненнымъ поэтическимъ дарованіемъ: я назову лишь St.-Amant, Théophile de Viau и др. Ихъ звали либертинами; допуская широкую свободу касланжденіямъ, они не разъ въ пафосѣ пьянаго веселья срывали, тѣ завѣтные покровы, которые ревниво оберегали ригоризмъ обычая и фарисейское благочестіе. Разница между его кружкомъ французскими либертинами состоитъ въ историческомъ моментѣ.

Что Гринъ жилъ такою же эпикурейскою жизнью въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но это эпикуреизмъ англичанина. Эпикуреизмъ итальянскаго возрожденія съ его утонченной любовью къ благамъ культурной жизни и къ красотѣ свободной мысли – долженъ былъ пріурочиться къ грязной тавернѣ, къ селедямъ и рейнскому вину; эпикурейство слова и дѣла должно было отразить формѣ болѣе грубаго доморощеннаго быт. Внутренняя расторженность Грина и его кружка объясняется отчасти этими противорѣчіями идеала и дѣйствительности. Гринъ не пережилъ періода броженія и умеръ, примирившись съ женою, въ крайней нищетѣ 3 сентября 1592 г. (33 лѣтъ отъ роду).

Покончивъ съ обозрѣніемъ судьбы итальянской новеллы въ ея странствованіяхъ по Европѣ, перехожу къ тремъ новымъ литературнымъ теченіямъ: пасторали, Амадисамъ и романамъ въ стилѣ picaresco. Излагая ходъ развитія каждаго изъ этихъ трехъ теченій я долженъ буду выходить изъ синхронизма явленій, имѣя въ виду представить вамъ каждое теченіе въ цѣльности: мнѣ придется поэтому перескакивать отъ 14 в. къ 15, 16 и т. д.

III Пастораль.

Въ началѣ курса я уже коснулся того произведенія, которое является наиболѣе характернымъ образчикомъ пасторали: это романъ, приписываемый софисту Лонгу (за имя автора мы не стоимъ, такъ какъ досихъ остается неизвѣстнымъ, кто былъ авторомъ романа о Дафнисѣ и Хлоѣ). Романъ Лонга является продуктомъ литературы общества изживающаго, усталаго, стремившагося къ свободѣ личныхъ и иныхъ отношеній. Такому обществу природа являлась идеализо-

ванной; описанія деревенской жизни становилось чѣмъ-то условнымъ, чуждымъ реальности. – Романъ Лонга былъ отвѣтомъ на извѣстный запросъ со стороны общества. Затѣмъ между Лонгомъ и 14 вѣкомъ нашей эры остается въ развитіи пасторали ничѣмъ не заполненный пробѣлъ, вплоть до идиллій Боккаччьо. Невольно приходитъ въ голову вопросъ, какимъ образомъ авторъ Декамерона дошелъ до идеи написать пасторальный романъ, какіе его источники и побужденія. – Боккаччьо зналъ греческій языкъ, еще будучи въ Неаполѣ; ему могли быть извѣстны романы, близко подходившіе къ Лонгу, ему могъ быть извѣстенъ разсказъ Парѳенія (см. выше стр.). – Но дѣло въ томъ, что намъ требуется не такое рѣшеніе вопроса: вѣдь и помимо Лонга, Боккаччьо могъ увлечься хотя бы эклогами Виргилія и его стилемъ, отправиться отъ него и развить его положенія, тѣмъ болѣе, что Виргиліевская эклога пользовалась громадной популярностью. – Итакъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Боккаччьо былъ побужденъ къ писанію Амето стилемъ буколикъ Виргилія и даже

Скорѣе, чѣмъ воздѣйствіемъ греческаго романа.- Но это лишь отвѣтъ на вопросъ объ источникахъ и образцахъ, а вопросъ, что побудило Боккачьо воззвать къ оригинальнымъ пасторалямъ, всетаки этимъ не рѣшается. Если романъ Лонга былъ вызванъ временемъ органическимъ развитіемъ жизни, если идеализація деревни - результатъ поворота общественнаго сознанія, то 14-й вѣкъ не представляетъ ничего такого, что заставляло бы смотрѣть на пасторали Боккачьо, какъ на продуктъ эволюціи.- Очевидно, это фактъ моды, съ которымъ часто приходится считаться, и условія, которыя вызвали „Дафниса и Хлою" и „Амето", различны.- Мотивы для Боккачьо могли быть внутренними, литературными и психологическими, исходящими изъ собственнаго настроенія Боккачьо.- Во всякомъ случаѣ его идиллія не продуктъ общественнаго настроенія, тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ какъ бы введеніе въ литературу новаго (въ сущности стараго, но забытаго) рода.- Пасторали съ его легкой руки тянутся черезъ 15, 16 и 17 вѣкъ по всей Европѣ.- Починъ принадлежитъ Ита-

лии.– Здѣсь являются пасторали сначала близко державшіяся эклогъ Виргилія и мало заглядывавшія въ итальянскую деревню въ томъ ея видѣ въ какомъ она представлялась непредвзятому взгляду.– Затѣмъ въ кружкѣ Лоренцо Медичи, который любил обращаться къ мотивамъ народной пѣсни, выступаетъ на сцену идеализація реальной итальянской деревни. Послѣ Боккачьо первымъ по времени въ ряду авторовъ пасторалей долженъ быть названъ

Giacomo Sannazaro.

Онъ родился въ Неаполѣ въ 1458 году, а умеръ въ 1530. Имъ въ послѣднее время занимались очень мало, хотя мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, которому были одолжены всѣ авторы пасторалей 15-16 вѣка; къ нему обращались даже такіе люди, у которыхъ было бы трудно искать отраженія Санназаровской Аркадіи, а между тѣмъ это такъ: имя Офеліи взято Шекспиромъ у Санназаро.–

Для характеристики его Аркадіи

появившейся въ 1504 году, важны его отношенія къ сюжетамъ имъ воспѣтымъ, важно знать его біографію, чтобъ понять мотивы, заставившіе его приняться за пастораль.- Рано потерявъ отца, Саннадзаро выросталъ на глазахъ матери въ одной деревнѣ близъ Неаполя: этимъ объясняется его любовь къ деревенской жизни. Очевидно, онъ вноситъ въ свои пасторали много такого, чего не вносили авторы подобныхъ произведеній: онъ вноситъ въ нихъ элементъ автобіографическій, личный.- Лѣтъ 20 юноша былъ введенъ ко двору и до конца жизни оставался въ связи съ аррагонской династіей, въ которой было нѣсколько выдающихся членовъ, игравшихъ роль въ исторіи и участвовавшихъ въ событіяхъ, правда полныхъ ужаса, но важныхъ для исторіи итальянской культуры.- Члены этой династіи интересовались старой народной поэзіей наравнѣ съ Лоренцо Медичи, который подарилъ одному изъ аррагонскихъ принцевъ сборникъ старыхъ произведеній народной поэзіи.- А надо помнить, что объ эту пору въ Италіи вслѣдъ за разцвѣтомъ національной литературы

насталъ перерывъ, въ теченіе котораго были на время забыты результаты предшествующаго развитія, когда Данте и Боккаччьо разсматривались, какъ авторы средневѣковые, когда ихъ считали антиками, хотя оба флорентійца были болѣе moderni (новы), чѣмъ тѣ, которые ихъ такъ чтили. - Настала пора, когда всѣ писали по-латыни. И Санназаро..., „но кто бъ тогда со всѣми не увлекся", тоже писалъ по-латыни и не смотря на это былъ мастеромъ итальянскаго языка, какъ одинъ изъ немногихъ; онъ, стало быть, и латинскій и итальянскій поэтъ въ родѣ того, какъ и его старшій современникъ По́лиціано. - Время французскаго вліянія уже миновало: французы при появленіи въ Италіи не были встрѣчены съ распростертыми объятіями.

Мы, стало быть, коснемся двухъ сторонъ Санназаро. - Я займусь имъ лишь, какъ авторомъ Аркадіи. - Онъ любилъ деревню и поэзію, а близость ко двору давала ему возможность погружаться всецѣло въ міръ сниковъ и поэтическихъ грезъ; онъ зачитывался

Виргиліемъ. — У Дёнлопа и въ другихъ исторіяхъ литературы вы встрѣтите такое выраженіе, что Санназаро, Петрарка и Боккаччьо брали свои типы и цѣлые стихи изъ того или другаго латинскаго автора, что у Санназаро въ его Аркадіи находятся отзвуки эклогъ Виргилія. — Такіе ученые видѣли въ нашемъ авторѣ простаго подражателя, забывъ при этомъ самый смыслъ возрожденія. Они забываютъ, что такимъ людямъ возрожденія, какъ Санназаро, не нужно было подражать: образы, навѣянные, правда, римскими классиками, вошли въ ихъ плоть и кровь, стали ихъ собственнымъ достояніемъ. — Разумѣется филологу не трудно отыскать у Виргилія подходящія полустишія или обороты, но изъ такихъ кропотливыхъ разысканій не выйдетъ ничего цѣннаго. — Дѣло въ томъ, что люди возрожденія читали классиковъ до самозабвенія, жили въ одномъ заколдованномъ кругѣ и, принимаясь за писаніе, слѣдовали манерѣ, хотя и чужой, но вполнѣ ассимилированной ими. — Для большей ясно-

сти можно было бы сказать, что Виргилій вошелъ въ самого Саннацаро, для котораго языкъ автора Энеиды сталъ языкомъ привычки.- Не смотря на это, на поверхностный взглядъ выходитъ, что Аркадія Саннацаро, образецъ для Сиднея, Лопе де Веги, Монтемайора и Д'Юрфэ, содержитъ въ себѣ нѣчто новое, отнюдь не повтореніе Виргилія.- У послѣдняго положенія только что намѣчены, все дѣйствіе ограничивается діалогами; у Саннацаро замѣтно и, притомъ не черезъ микроскопъ, а во-очію начало романа, еще не совсѣмъ развитаго, но имѣющаго развиться у подражателей Саннацаро.-

Въ „Аркадіи" мало дѣйствія: Какой-то пастухъ Чинчеро, въ которомъ, какъ полагаютъ, авторъ изобразилъ самого себя, покидаетъ Италію, гонимый воспоминаніями несчастной любви. Онъ отправляется на гору Парѳеній, гдѣ лежитъ даманчивая Аркадія, населенная одними пастухами.- Конецъ исторіи находится на послѣднихъ страницахъ: Чинчеро какими-то подземными ходами возвращается въ окрестности Неаполя, къ своему и еще больше

Лит. Уровой. Лет. ст. Б. пр. д. № 83

разрешение проф. Васильевского

28-й Листъ
ист. [illegible]

къ удовольствію читателя," язвительно замѣчаетъ Дёнлопъ (l.c.p. 351). Такова рамка, наполненная описаніями быта аркадскихъ пастуховъ. – Пастухи сходятся чтобъ помѣряться пѣснями, устраиваютъ праздники въ честь богини Палесъ или поютъ взапуски о жестокости своихъ возлюбленныхъ или восхваляютъ какого-нибудь умершаго товарища у его гробницы. – Подъ именемъ Массиліи, которая по словамъ автора была знаменитѣйшей сивиллой Аркадіи, Саннацаро оплакиваетъ смерть своей матери. – Онъ устраиваетъ на ея могилѣ надгробныя игры и раздаетъ награды лучшимъ пѣвцамъ. – Въ Аркадіи есть намеки на изгнаніе изъ Неаполя аррагонской династіи. – Пасторалъ кончается какъ-то странно не потому, что авторъ составилъ себѣ такой планъ заранѣе: очевидно, въ немъ произошелъ какой-то переворотъ. – Извѣстно, что Саннацаро былъ влюбленъ въ одну дѣвушку Кармозину, которая его не любила, и Саннацаро, натура пассивная, не способная ни къ какимъ дѣйствіямъ, удалился въ пастушескій міръ: ему нужна была Аркадія хотя бы въ лите-

ратуръ, хотя бы простое видѣнье, гдѣ
онъ могъ бы забыться отъ житейскихъ
дрязгъ.- Въ это время была изгнана
вдобавокъ арагонская династія, ко-
торой Санназаро былъ преданъ всею
душой.- Къ остальнымъ бѣдствіямъ
присоединилась и смерть Кармозины,
которая не была къ нему близка; Ар-
кадія порвалась; чтобъ кончить ее хоть
какъ-нибудь, Санназаро поступилъ
какъ риторъ, а не поэтъ: какая-то
нимфа выводитъ его подземными
путями; онъ видитъ источники чуть
не всѣхъ рѣкъ Европы.- Подземный ходъ
описанъ такъ не ясно, что его описаніе
„врядъ ли пригодится будущимъ путеше-
ственникамъ," по ядовитому замѣчанію
Дёнлопа.- Передъ отъѣздомъ, авторъ, скрывъ
себя подъ именемъ Эргаста, оплакиваетъ
смерть какой-то Филлиды - это новая
ипостась Кармозины.-

Такова Аркадія съ ея цивилизованны-
ми поступками, съ идеализаціей культур-
ныхъ отношеній при извѣстныхъ усло-
віяхъ свободы, которыхъ культура городская
не допускала: въ Аркадіи свободнѣе ду-
мать и любить, чѣмъ въ городскомъ быту.

Самъ Санназаро любилъ природу; онъ могъ успокоиться за отсутствіемъ энергіи только въ утопіи и внесъ въ свою Аркадію частицу своего „я". Форма Аркадіи, смѣсь прозы со стихами, не нова: это рядъ эклогъ, связанныхъ общею рамкою. Дальше мы придемъ къ созданію настоящаго пасторальнаго романа, когда въ Европѣ стали читать Лонга.- Я остановился на Санназаро, какъ родоначальникѣ цѣлаго литературнаго рода, имѣвшаго развиться въ будущемъ, но о другихъ его послѣдователяхъ умолчу, сдѣлавъ исключеніе для 2-3 наиболѣе крупныхъ, какъ напр:

Jorge de Montemajor,

родомъ португалецъ, но жившій въ ближайшемъ окруженіи Филиппа II Испанскаго и писавшій по-испански.- Онъ умеръ 1562 г., два года спустя послѣ выхода въ свѣтъ своей „Влюбленной Діаны" (Diana enamorada), состоящей изъ 7 книгъ.- Ея популярность засвидѣтельствована уже тѣмъ, что явились и продолжатели и подражатели („Галатея" Сервантеса, 1584 г.).- Въ ней стихотвор-

ныя партіи играютъ второстепенную роль, такъ какъ все вниманіе отдано дѣйствію.- Интересенъ еще элементъ вставныхъ разсказовъ, вызванный тѣмъ, что дѣйствіе, перенесенное въ пастушескую среду не мало найти здѣсь богатаго матеріала.-

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ Леонѣ, въ неизвѣстное время.- Діана - красивѣйшая изъ пастушекъ, обитавшихъ на [illegible] пажитяхъ, орошаемыхъ Эслой.- Пастухъ Сирено влюбленъ въ нее, а она въ него, но въ романахъ счастье не бываетъ продолжительно: Сирено долженъ, неизвѣстно почему, покинуть родину и по возвращеніи находитъ свою милую въ объятьяхъ Деліо, богатаго пастуха, за котораго выдалъ ее силой отецъ.- Сирено груститъ; каждое дерево напоминаетъ ему объ утраченномъ счастьѣ: онъ видитъ на корѣ деревьевъ свое и ея имя, вырѣзанное ими самими.- Разглядывая эти памятники прошлаго, Сирено слышитъ жалобы пастуха Сильвано, тоже отвергнутаго Діаной.- Бывшіе соперники изливаютъ свои печали въ стихахъ и прозѣ сначала другъ другу, а затѣмъ случайно

подвернувшейся пастушкѣ Сельвахіи (Selvagia). - Тутъ начинается рядъ вставныхъ разсказовъ, часть которыхъ входитъ въ составъ цѣлаго и разрѣшается отдѣльно. - Сельвахія разсказываетъ, какъ она на праздникѣ въ честь Цереры воспылала любовью къ какой-то пастушкѣ, а та призналась ей на ушко, что она не пастушка, а пастухъ Аланіо. - Сельвахія призналась Аланіо въ любви, но оказывается, что все таки онъ не пастухъ, а пастушка Исменія, выдавшая себя въ шутку за своего возлюбленнаго Аланіо. - Узнавъ объ этомъ, настоящій Аланіо промѣнялъ Исменію на Сельвахію, которая съ удовольствіемъ перенесла любовь съ мнимаго Аланіо на настоящаго. Исменія въ утѣшеніе себѣ стала кокетничать съ пастухомъ Монтано, тогда Аланіо вздумалъ вновь стяжать себѣ ея любовь, а Монтано влюбился по уши въ Сельвахію; онъ бѣгаетъ за нею всюду, а за нимъ Исменія, преслѣдуемая въ свою очередь Аланіо. - Въ концѣ концевъ цѣлая вереница неудовлетворенныхъ любовниковъ: Сельвахія потеряла Монтано, вернувшагося къ Исменіи, а Аланіо женился на сестрѣ послѣдней. - Такъ кончается эта комедія

ошибкѣ.-

На слѣдующій день Сирено, Сильвано и Сельвагія собравшись возобновили разговоръ, къ нимъ пристали еще три нимфы, но бесѣда была прервана безцеремоннымъ нападеніемъ навязчивыхъ сатировъ.- По этому поводу пастушка Фелисмена разсказываетъ свою исторію: „Разъ между моими родителями зашелъ споръ, трудно ли хорошо рѣшилъ Парисъ отдавъ предпочтеніе Венерѣ.- Мать сказала, что яблоко слѣдовало бы дать Палладѣ, которая съ высшими качествами душевными соединила и тѣлесную красоту.- Въ слѣдующую же ночь матери явилась во снѣ Венера и предсказала, что дочь, которую она родитъ, будетъ стоить ей жизни и станетъ впослѣдствіи жертвою страсти.- Въ утѣшеніе матери явилась затѣмъ Минерва и обѣщала, что дѣвушка будетъ отличаться твердостью духа и будетъ ~~отличаться~~ ратными дѣлами." Всѣ предсказанія сбылись: мать умерла и Фелисмена осталась круглой сиротой, такъ какъ за матерью послѣдовалъ вскорѣ и отецъ.- Она воспитывалась въ монасты-

ръ (до такой степени доходитъ у Монте-майора смѣсь всевозможныхъ религій) и на семнадцатомъ году увидала одного молодаго дворянина дона — Феликса. — Оба полюбили другъ друга, но отецъ Феликса, узнавъ о ихъ отношеніяхъ, услалъ сына ко двору, куда послѣдовала и Фелисмена, переодѣвшись пажемъ. — Между тѣмъ Феликсъ уже успѣлъ влюбиться въ какую-то барыню и поручилъ неузнанной имъ Фелисменѣ переносить его записки къ барынѣ и наоборотъ. — Но Фелисмена такъ красива, что дама предпочла пажа своему любовнику и чтобъ видать Фелисмену почаще, умножила число писемъ. — Все окончилось извѣстіемъ, что дама умерла отъ любовныхъ волненій; Феликсъ куда-то исчезъ, а Фелисмена стала опять пастушкой. — Эта исторія имѣется съ нѣкоторыми варіаціями и у Шекспира („Два Веронца“).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ „Діаны“ Фелисмена разсказываетъ еще одну исторію, выходящую изъ обычнаго стиля этихъ разсказовъ и заимствованную, вѣроятно, изъ мѣстныхъ испанскихъ преданій. — Она напоминаетъ извѣстные

romances moriscos (мавританскія новеллы(x)).-

Дѣйствіе происходитъ въ эпоху Фердинанда Кастильскаго и его борьбы съ Гранадой, часть которой уже отнята у Мавровъ.- Фердинандъ послалъ туда алькальдомъ Нарваеца.- Однажды Нарваецъ выѣхалъ изъ своей резиденціи Алоры для рекогносцировки, переправился съ 4 рыцарями черезъ рѣку оставивъ остальныхъ по сю сторону.- Послѣдніе вскорѣ заслышали вдали чей-то пріятный голосъ; спрятавшись, они при свѣтѣ луны увидали молодаго мавра распѣвавшаго мавританскія любовныя пѣсни.- Испанцы окружили его со всѣхъ сторонъ; произошла стычка пятерыхъ противъ одного, который всетаки ихъ одолѣлъ.- Подоспѣвшій Нарваецъ вызвалъ мавра на поединокъ; тотъ принялъ вызовъ, но утомленный предъидущими побѣдами сдался въ плѣнъ.- На пути въ Алору Нарваецъ спросилъ мавра о причинѣ его гру-

(x) См. Ferdinand Wolf: Rosa de Romances. Lpz. 1846 p. 107.

сти, которая не могла же происходить оттого, что его взяли въ плѣнъ послѣ такого блестящаго торжества: такое пораженіе почетно. — Мавръ разсказываетъ, что онъ послѣдній отпрыскъ нѣкогда могущественной семьи Абенсеррааговъ. — Всѣ его родственники были казнены, а его послали еще ребенкомъ въ крѣпость Картаму, коммендантъ которой воспиталъ его какъ сына. — У капитана была дочь Харифа; понятно, что молодые люди полюбили другъ друга, но счастье было не долго: отецъ дѣвушки былъ переведенъ въ другую крѣпость и она должна была отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ. — И вотъ передъ встрѣчей съ Нарваэцомъ мавръ получилъ отъ своей милой письмо на счетъ того, чтобъ онъ ѣхалъ на свиданье съ нею, но плѣнъ этому помѣшалъ: вотъ отчего онъ груститъ. — Нарваецъ полонъ уваженія къ его рыцарству и отпускаетъ его на три дня къ Харифѣ, которая ѣдетъ съ нимъ въ Алору къ Нарваецу. — Послѣдній не только далъ имъ свободу, но даже написалъ королю Гранады, умоляя его простить сына, страдающаго за грѣхи отцевъ.

Просьба была услышана.

Въ romances moriscos встрѣчается цѣлый рядъ подобныхъ сюжетовъ, подслушанныхъ Монтемайоромъ, который впервые далъ пасторали значеніе романа, пользуясь для внѣшняго развитія дѣйствія вставными разсказами, не въ стилѣ пасторали, такъ что эти вставки получили эстетическое значеніе въ общемъ планѣ романа, такъ какъ всѣ они сходятся въ общей развязкѣ. Всѣ влюбленные завершаютъ романъ бракомъ: одинъ Сирено остался ни при чемъ и подалъ поводъ для продолженія „Діаны".- Подозрѣвали, что Монтемайоръ, выводя на сцену пастуховъ и пастушекъ, имѣлъ въ виду дѣйствительныя историческія лица.- Указывали даже, что Сильвано не кто иной, какъ герцогъ Альба, у котораго Монтемайоръ служилъ въ молодые годы.-

Лѣтъ сто спустя послѣ „Діаны", т.е. около 1560 года англійскій поэтъ лордъ

Филиппъ Сидней (Sydney)
(1554-1586)

написалъ свою Аркадію.-

Изложеніе ея вы найдете у Дёнлопа (l. c. p. 364-368), а эпизоды до него относящіеся прочтете въ исторіи англійской литературы Тэна. Это одна изъ загадочныхъ личностей, оставившая по себѣ немного литературныхъ фактовъ. Его Аркадія называется иногда „Аркадіей графини Пемброкъ (The Countesse Pembroce's Arcadia), потому что Сидней написалъ ее для своей сестры.- Она написана была въ шутку и не предназначалась для публики.- Сидней не успѣлъ окончить своей пасторали; умирая онъ распорядился даже о ея сожженіи.

Сидней былъ идеаломъ англійскаго джентльмена эпохи Елисаветы, его прославляли какъ воина, литератора ученаго, политическаго дѣятеля и отъ всего этого осталось очень мало кромѣ похвалъ Губера Ланге (Hubert Languet), извѣстнаго французскаго эрудита, удалившагося изъ Франціи въ Германію вслѣдствіе религіозныхъ разногласій, такъ какъ онъ былъ протестантъ.- Переписка Сиднея съ Ланге сохранилась(x). Сохранилась также элегія Спенсера, въ честь Филиппа Сиднея, подъ заглавіемъ Astrophel. Извѣстно, наконецъ, что Сиднею предлагали

(x) Стороженко. Предш. Шекспира. Т. I р. 36 прим. 156.

даже польскую корону, но Елисавета отказалась санкціонировать это избраніе, такъ какъ она не желала лишиться лучшаго украшенія своего вѣнца.- Что касается Аркадіи Сиднея, то это сколокъ съ пасторалей намъ извѣстныхъ.- Аркадія явилась раньше первой части „Евфуэса" (Euphues) и не смотря на это можно сказать, что въ ней есть черты эвфуизма, такъ какъ послѣдній появился раньше, чѣмъ получилъ эту книгу.

Дѣйствіе происходитъ гдѣ-то далеко, въ Аркадіи, гдѣ правитъ царь Василій.- У него двѣ дочери Филоклея и Памела (давшая имя героинѣ романа Ричардсона: „History of Pamela). Къ берегамъ Аркадіи пристали разъ два иноземные принца Пироклъ и Музидоръ.- Они влюбились одинъ въ Филоклею, другой въ Памелу. Я забылъ еще сказать, что передъ ихъ пріѣздомъ король Василій подъ вліяніемъ оракула, грозившаго ему бѣдой оставилъ престолъ и поселился въ лѣсу въ хижинѣ съ женой и Филоклеей, а Памелѣ отвелъ рядомъ другую хижину и поручилъ охранять ее одному крестьянину.- И вотъ влюбленные принцы переодѣваются

одинъ пастухомъ, другой (Пироклъ) амазонкой и проникаютъ въ окруженіе своихъ милыхъ.- Положеніе Пирокла не особенно пріятно: въ него влюбились разомъ и король Basилій, и его жена, сразу понявшая что Пироклъ отнюдь не женскаго пола и не оставлявшая его ни на минуту наединѣ съ Филоклеей.-

Переодѣваніе юноши дѣвушкой одинъ изъ ингредіентовъ греческаго романа.-

Сидней вводитъ въ Аркадію описаніе подвиговъ молодыхъ принцевъ, но этотъ героическій элементъ нисколько не помогаетъ развитію романа: описаніе подвиговъ стоитъ въ сторонѣ и пастораль ими не тронута.- Пересказывать содержаніе Аркадіи цѣликомъ и скучно и безполезно.

Мы имѣемъ указанія, что Сидней, писавшій свою Аркадію не для широкаго круга, хотѣлъ изобразить въ ней дѣйствительныя лица, что Пироклъ - самъ Сидней, Памела - дочь графа Эссекса, Эварнъ, македонскій царь - отецъ Сиднея и т. д. Было высказано также предположеніе, что и Шекспиръ и другіе современные Сиднею драматурги заглядывали порою „въ Аркадію" и брали оттуда кое-что,

особенно имена. - Извѣстно напр., что Шекспиръ заимствовалъ изъ Аркадіи мотивы для нѣкоторыхъ эпизодовъ „Короля Лира", „Двухъ Веронцевъ", что успѣхъ Аркадіи Сиднея, вышедшей въ свѣтъ въ 1588 году побудилъ Грина написать свой пастушескій романъ „Менафонъ или Аркадія" (1589).

По примѣру Саннацаро Аркадія вмѣщаетъ въ себѣ немало терцинъ, секстинъ, канцонъ и сонетовъ, написанныхъ разными метрами, начиная съ гекзаметра и кончая анакреонтійскимъ и асклепійскимъ размѣромъ. - Стиль ея представляетъ не мало примѣровъ эвфуизма до эвфуизма. Образчикомъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ: „Цвѣты, которые она вышивала обладали такою жизнью, что самый искусный художникъ могъ бы x у ея иголки, которая такъ мило бѣгала взадъ и назадъ по канвѣ словно не хотѣла удалиться отъ такой госпожи, а если и удалялась, то въ надеждѣ скоро вернуться назадъ; а канва между тѣмъ смотрѣла на госпожу тысячью глазъ и любовно обнимала раны, которыя она ей наносила. - Когда иной разъ она откусывала нитку, тогда казалось

x поучиться

что она въ то время, какое требовалось ей чтобъ вышить одну розу, могла бы вышить въ одинъ мигъ множество розъ своими губками, и съ другой стороны казалось, что лилии получали свою бѣлизну не отъ матеріала, изъ котораго онѣ были сдѣланы, а скорѣе онѣ получали растительную силу отъ солнца ея глазъ и освѣжались отраднымъ дуновеніемъ, происходившимъ отъ ея нечаяннаго вздоха."

Скучная по содержанію и написанная такимъ эвфуистическимъ языкомъ Аркадія Сиднея не осталась безъ подражателей (Грина). Слѣдя дальше за развитіемъ пасторали мы чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ яснѣе видимъ, что пастораль становится тѣмъ, чѣмъ она стала впослѣдствіи, т.е. скучнымъ родомъ литературы. - Она закончитъ свое развитіе въ XVII вѣкахъ съ шумомъ, а затѣмъ ея условность будетъ вскорѣ признана и въ Европѣ явится позывъ къ реальности. - Въ послѣдній разъ пастораль заполнила сердца читателей въ XVII в., когда

Honoré d'Urfé
(1567-1625.)

написалъ свою „Астрею", которая имѣла громадное вліяніе на искусство, литературу и даже на жизнь общества, а имя ея героя Селадона вошло въ пословицу, даже стало нарицательнымъ.- Первая часть вышла въ 1610 году, вторая въ 1620 и третья нѣсколько лѣтъ спустя.- Д'Юрфэ умеръ не окончивъ своего романа (+ 1 іюня 1625) Продолженіе и окончаніе Астреи сдѣлано было Borstel'емъ де Gaubertin и Баро, другомъ и секретаремъ поэта.- Успѣхъ романа былъ громадный: уже въ 1619 появился нѣмецкій переводъ безъ имени переводчика, въ 1624 выпущенъ былъ болѣе исправный и полный переводъ.- Даже Генрихъ IV, не любившій Д'Юрфэ за старые грѣхи по соціальной войнѣ (Д'Юрфэ былъ поборникомъ лиги), зачитывался его Астреей.- Такой успѣхъ объясняется тѣмъ, что, по вѣрному замѣчанію Деможо (Demogeot) между Астреей и теченіемъ идей 17 вѣка было извѣстное совпаденіе.-

Лит. Угробовой. Лит. ст. б. гр. д. № 23.

Оноре д'Юрфэ происходитъ изъ знатной французской фамиліи и родился недалеко отъ того мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе его романа, фабула котораго очень банальна.- Разумѣется,

дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ блаженной странѣ, населенной пастухами и пастушками. – Одинъ изъ нихъ Селадонъ влюбленъ въ прекрасную Астрею, и она его любитъ. – Чтобъ скрыть свою любовь отъ постороннихъ, Селадонъ прикидывается влюбленнымъ въ другую пастушку. Это не ускользнуло отъ пастуха Семира, его несчастнаго соперника. – Семиръ докладываетъ его милой, что Селадонъ влюбленъ въ другую пастушку Аминту; хитрость удается: Астрея запрещаетъ Селадону являться къ ней на глаза безъ ея приказанія, а онъ въ отчаяніи бросается въ рѣку Линьонъ, близъ которой д'Юрфэ провелъ свою молодость. – Астрея раскаялась въ своемъ глупомъ поступкѣ, принялась плакать, но къ счастью Селадонъ спасенъ тремя нимфами, далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ бросился и отведенъ ими въ замокъ Иссуру. – Астрея, не зная, что онъ спасенъ, падаетъ въ безчувствіи въ воду. – Ее спасаютъ пастухи. – Тутъ Д'Юрфэ слѣдуетъ пріему греческихъ романовъ начинать ея medias res: лишь теперь разсказываетъ Астрея исторію своего знакомства съ Селадономъ.

Между тѣмъ Селадонъ находится въ замкѣ Иссуръ среди нимфъ; одна изъ нихъ, самая красивая, Галатея влюбилась въ Селадона, который съ помощью нимфы Леониды бѣжитъ отъ ея любви къ берегамъ Линьона, избираетъ себѣ жилищемъ пещеру на берегу рѣки, строитъ въ честь Астреи храмъ и ждетъ ея прихода.- Разъ онъ, бродя по лугамъ, набрелъ на спящихъ пастушекъ, въ числѣ которыхъ была и Астрея.- Онъ рѣшился положить ей на грудь отъ себя письмо и какъ то невольно поцѣловалъ ее.- Астрея проснулась и приняла его за тѣнь утонувшаго, по ея мнѣнію, Селадона.- Пастухи устроили ради этого въ честь Селадона кенотафій.- Нимфа Леонида приводитъ къ несчастному любовнику верховнаго друида Адамаса, который совѣтуетъ Селадону, переодѣвшись дѣвушкой прійти къ нему въ домъ и жить у него подъ видомъ его дочери Алексисъ, которая уже восемь лѣтъ живетъ у друидовъ въ карнутскихъ пещерахъ.- Селадонъ послушался и поселился въ домѣ Адамаса.- Астрея его не узнала, но была охвачена какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ.- Разъ Селадонъ утаилъ

къ ногамъ Астреи и признался въ своей хитрости. „Такъ, пойди, и искупи смертью твою вину!" сказала неприступная красавица. - Онъ отправляется къ львамъ охранявшимъ источникъ върной любви, дѣло рукъ волшебника Мерлина. Эти разумныя животныя не трогали лишь людей чистыхъ сердцемъ, никогда не прибѣгавшихъ къ притворству. - Пока Селадонъ обдумывалъ, что ему дѣлать, пришла Астрея туда, гдѣ стоялъ ея милый. Они рѣшили пойти вмѣстѣ къ источнику; львы противъ обыкновенія ихъ не тронули. - Источникъ имѣлъ такое чудное свойство, что если въ него глядѣлись влюбленные, то они видѣли въ немъ рядомъ съ своимъ изображеніемъ изображеніе своихъ милыхъ, если послѣдніе были вѣрны, въ противномъ случаѣ въ источникѣ приходилось видѣть образъ счастливаго соперника. - Селадонъ и Астрея смотрятъ въ источникъ, убѣждаются въ своей взаимной вѣрности. - Они соединяются, чѣмъ и заканчивается пастораль. - Послѣдній эпизодъ напоминаетъ намъ одинъ эпизодъ въ Амадисахъ. Полага-

ютъ, что Д'Юрфэ ввелъ въ свою пасторалъ больше историческихъ лицъ, чѣмъ другіе авторы, что онъ внесъ въ свою Астрею часть своихъ личныхъ отношеній. - Теперь извѣстно одно, что Д'Юрфэ былъ членомъ лиги, которая не разъ заподозрѣвала его и даже посадила однажды въ тюрьму, вслѣдствіе чего Д'Юрфэ выѣхалъ изъ Франціи въ помѣстье подъ Туриномъ (тогда это была французская область), гдѣ была написана имъ большая часть Астреи. - Извѣстно затѣмъ, что онъ былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, но любовь не увѣнчалась бракомъ, что впослѣдствіи онъ женился на женщинѣ, которую не любилъ, съ которой ему пришлось разстаться. - Стало быть и здѣсь личный авторскій элементъ объясняетъ намъ происхожденіе разобранной пасторали.

Вліяніе Астреи было до того сильно, что въ началѣ 1620 года образовалось цѣлое пастушеское общество: académie des parfaits amants." Каждый членъ этой академіи получалъ имя одного изъ героевъ

„Астреи" и всѣ они отъ времени до време-
ни сходились на собранія въ одеждѣ
пастуховъ. Въ Германіи, гдѣ нравы
были грубѣе, въ такихъ кружкахъ
Астрея комментировалась, какъ
священное писаніе, и самые поступ-
ки въ жизни нормировались Астреей.-
Наиболѣе характернымъ памятни-
комъ Астреи служитъ письмо какихъ-
то нѣмцевъ и нѣмокъ, помѣченное
1624 годомъ (1-мая) и напечатанное
вмѣстѣ съ отвѣтомъ Д'Юрфэ въ Zeit-
schrift für neufranzösische
Sprache und Literatur herausge-
geben von Dr. Koerting und E. Kos-
chwitz.- M.V. Heft. 3 (1883, статья
H. Welti: Die Astrée des Honoré d'Urfé
und ihre deutschen Verehrer). Астрея
много читалась въ обществѣ, она нра-
вилась даже такимъ солиднымъ лю-
дямъ, какъ Рошфукô (авторъ
извѣстныхъ Maximes). „Какъ жаль,
что это лишь басни!" говоритъ онъ,
прочитавъ послѣднюю страницу
Астреи.- Наконецъ, она вызвала не-
счетное число трагикомедій и пасту-
шескихъ драмъ.

Астреей заканчивается развитіе пасторальнаго рода: все что появлялось послѣ нея, было результатомъ моды и вырожденіемъ.- До сихъ поръ исторія пасторали никѣмъ не сдѣлана; а между тѣмъ намъ необходимо уяснить историческія условія, которыя вызвали разцвѣтъ пасторали, а равно уяснить и личныя отношенія авторовъ къ своимъ пастухамъ и пастушкамъ. Обновленіе пасторали въ рукахъ Боккаччьо и Санназаро объясняется желаніемъ выйти къ условіямъ свободнаго развитія.- Стало быть пастораль сначала была протестомъ противъ условности, но этотъ протестъ самъ впалъ въ другую условность, сталъ отвѣчать лишь на запросъ кружковъ и вызвалъ въ свою очередь протестъ противъ пасторали и Амадисовъ со стороны романа въ стилѣ picaresco.-

Амадисы

Значеніе Амадисовъ для XVI–XVII вв. столь же важно, если не больше, какъ и значеніе пастарали. Романъ объ Амадисѣ такъ полюбился европейскому обществу, что даже протестъ Сервантеса минуетъ его и обрушивается лишь на его подражателей. Амадисы вышли изъ Испаніи и тотчасъ пріобрѣли популярность во Франціи благодаря переводу Дезессара (Nicolas Herberay Des Essarts), сдѣланному въ 1540 году. Въ Италіи Амадисъ имѣетъ не только множество переводовъ и прозаическихъ обработокъ, изъ коихъ послѣдняя приходится на 1606 годъ, но вызвалъ даже эпическую поэму „Amadigi di Francia", которая принадлежитъ Бернардо Тассо, отцу Торквато Тассо" (Bobert. 344).

Литература предмета:

Eugène Baret: De l'Amadis de Gaule et de son influence sur les moeurs et la litterature au XVI et au XVIIe siècle. cet. II ed. Paris. 1873. Это старая работа, которая не можетъ насъ удовлетворить вполнѣ, такъ какъ вся историческая часть и кое-что изъ критической теперь должно быть измѣнено въ виду новыхъ изслѣдованій, касающихся праисторіи романа объ Амадисѣ. Но все, что является неудовлетворительнымъ въ работѣ Барэ, восполняется

изслѣдованіемъ Ludwig Braunfels'a: "Kritischer Versuch über den Roman Amadis von Gallien. Leipzig 1876". Такъ какъ обѣ эти книги не для всякаго доступны, то съ результатами ихъ взялся познакомить читателей Феликсъ Бобертагъ въ указанномъ въ началѣ моего курса сочиненіи (Geschichte des Romans 1-te Abth. t. 1te стр. 334 и слд.) Книга Бобертага явленіе довольно странное, такъ какъ грѣшитъ замѣчательной пустотой выводовъ и отсутствіемъ метода, на что указано было даже въ самой Германіи, тѣмъ не менѣе она очень полезна какъ собраніе матеріаловъ и выдержекъ изъ разбираемыхъ въ ней памятниковъ. Между прочимъ въ ней находится и пересказъ Амадиса и прослѣжена исторія этого романа ав ovo (стр. 333 и слд.). Оказывается, что вопросъ о его происхожденіи былъ нѣкогда вопросомъ интернаціональнымъ: Португальцы и Испанцы наперерывъ приписывали каждый себѣ эту знаменитую книгу, но по изслѣдованію Браунфельса выходитъ, что завѣреніе Португальцевъ, будто авторомъ Амадиса былъ ихъ соотчичъ Васко Лобейра, оказывается вздорной басней. По словамъ Браунфельса Амадисъ di Gaula, не тотъ Амадисъ.

который сталъ впослѣдствіи идеаломъ рыцарства, но Амадисъ первоначальный упоминается впервые уже около половины XIV стол., онъ состоялъ тогда всего-на-все изъ 3 книгъ, вѣроятно были и изданія его, но они исчезли. Тотъ Амадисъ, который сдѣлался популяренъ въ Европѣ, является передѣлкой первичнаго Amadis di Gaula, которая принадлежитъ испанскому писателю Гарси-Ордоньесъ-де Монтальво (Garci-Ordoñez de Montalvo. Онъ совершилъ эту передѣлку между 1460 и 1492 годами обработавъ старый романъ по требованію новаго времени, прибавилъ 4ую и 5 книгу (о подвигахъ Эспландіана) Эта передѣлка и доставила популярность Амадисамъ, которымъ съ того времени пришлось плутать по всей Европѣ. въ 1540 году изъ передѣлки Монтальво переведены были Nicolas Herberay des Essarts'омъ первыя 8 книгъ. Дезессаръ посвятилъ свой переводъ герцогу Ангулемскому второму сыну Генриха II стало быть, будущему королю Карлу IX. Впослѣдствіи французскій Амадисъ разросся до 24-25 книгъ и находилъ издателей и продолжателей до XVIII вѣка. Противъ продолжателей Амадиса и выступилъ съ протестомъ Мигуэль.

Сервантесъ: его приговоръ надъ первоначальнымъ Амадисомъ въ 4 книгахъ высказанъ имъ въ 6 гл. I книги Донъ-Кихота устами цирюльника Николая. Послѣдній вмѣстѣ съ священникомъ собрались устроить торжественное аутодафе для всѣхъ тѣхъ книгъ, которыми зачитывался Донъ-Кихотъ. И вотъ цирюльникъ совѣтуетъ священнику сберечь и не предавать огню романъ объ Амадисѣ di Gaula въ 4 книгахъ, „потому что эта книга самая лучшая изъ всѣхъ ей подобныхъ". И Амадисъ былъ пощаженъ, а подражатели были сожжены. Амадисомъ какъ извѣстно увлекся не одинъ Донъ-Кихотъ. Имъ зачитывался Игнатій Лойола, его любилъ Торквато Тассо и т. д. Оставимъ въ сторонѣ подражателей и займемся вопросомъ объ источникахъ стараго Amadis di Gaula.

Подъ Gaula древній авторъ XIV ст. разумѣлъ не Галлію, какъ это принято было впослѣдствіи, а Валлисъ, мѣсто дѣйствія большинства бретонскихъ романовъ. Видно, что Монтальво первый сталъ колебаться и понялъ Gaula какъ Францію, вслѣдствіе чего у него кельтская номенклатура фигурируетъ бокъ о бокъ съ допущеніемъ въ романъ французскаго короля, а рядомъ съ именами, отзывающимися бретон-

скимъ цикломъ стоятъ французскія, а подчасъ и такія, которыя указываютъ пути распространенія этого романа изъ его предполагаемой прародины. Въ одномъ эпизодѣ романа предъ нами востаетъ типъ, осмѣянный Сервантесомъ, это Амадисъ въ роли покинутаго и сѣтующаго любовника, удалившагося къ пустыннику, который и называетъ его Beltenebros (по франц. le beau Ténébreux) А по справедливому замѣчанію Браунфельса (стр. 178), Beltenebros есть не испанская, а провансальская форма. Это даетъ возможность предположить, что былъ вѣроятно какой-нибудь бретонскій романъ съ бретонской или валлийской номенклатурой и географіей, что онъ существовалъ въ сѣверной Франціи, откуда его завезли во Испанію труверы, а путь изъ Франціи шелъ туда черезъ Провансъ, отсюда и форма Beltenebros. Такъ объясняется праисторія романа въ передѣлкѣ Монтальво. Основою могъ послужить стихотворный старофранцузскій романъ, сохранившійся въ рукописи XIII в., объ Amadas и Ydoine, а имя „Амадисъ" восходитъ къ французскому Amedé, этимологія котораго была затеряна, очевидно,

въ Испаніи. Теперь возникаетъ вопросъ, что же сдѣлалъ новаго Монтальво, что онъ внесъ своего? Кое-что въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти у Браунфельса въ указанномъ сочиненіи и въ статьѣ Георга Вебера, помѣщенной въ Historisches Taschenbuch *. При этомъ Веберомъ упущено изъ виду одно важное обстоятельство, на которое онъ долженъ былъ обратить вниманіе какъ историкъ. А именно: надо было поставить вопросъ на почву Испаніи и объяснить, почему тутъ а не гдѣ нибудь является новая форма романа, послѣднее въ формѣ романа обновленіе рыцарскаго идеала. Для этого слѣдуетъ проанализировать содержаніе романа и вы увидите въ немъ тѣ-же идеалы любви, рыцарства и т.д. какъ и въ прежнихъ рыцарскихъ романахъ, удалился только элементъ сверхъестественный, который преобладалъ въ романахъ круглаго стола и не былъ уже къ лицу XVI вѣку; но сверхъестественное замѣнилось вѣрою въ магію, которая вмѣстѣ съ демонологіей отнюдь не претила вѣку, зачитывавшемуся Амадисами. Конечно, что

* Historisches Taschenbuch begründet von Friedrich von Raumer, herausgeg. von Riehl. Fünfte Folge Dritter Jahrgang. Leipz. 1873. p. 111 — 199.

прогрессъ, но всетаки чисто внѣшній, такъ какъ пониманіе характеровъ и типовъ въ Амадисахъ тоже, что и въ романахъ круглаго стола. Амадисъ, правда, нѣсколько изощреннѣе Тристана и компаніи, онъ много читалъ, но его чувство и пониманіе любви все тоже, что и тамъ, если неговорить о нѣкоторой вычурности. Стало быть, Веберу слѣдовало сравнить романы объ Амадисахъ съ романами Круглаго Стола, надо было обратить вниманіе на воздѣйствіе новеллы, на вліяніе Ахилла Тація и Лонга и затѣмъ уже отвѣтить, почему во Испаніи возможно было то обновленіе эпическаго стиля, которое въ Западной Европѣ было уже немыслимо? Прежде чѣмъ отвѣтить, укажу на явленіе, присущее той же Испаніи и аналогичное съ только что упомянутымъ, а именно: въ Испаніи еще въ XV в. поются романсы и баллады, замѣчается новое оживаніе эпоса подъ вліяніемъ борьбы съ Маврами. Послѣднее обстоятельство служитъ объясненіемъ и того, почему въ Испаніи произошло обновленіе рыцарскаго стиля. Въ самомъ дѣлѣ Монтальво жилъ въ эпоху борьбы съ Гранадой, когда само собой должно было снова

проснуться старое рыцарство и для его обновленія потребовалось подходящее выраженіе, которое и нашли въ старыхъ романахъ, но последніе надо было всетаки пріурочить къ новому времени: отсюда то предпочтеніе психологическому анализу, то новое пониманіе характеровъ и тотъ сантиментализмъ и изощренность чувства уединеннаго въ себя, которыя въ средневѣковыхъ романахъ были еще въ зародышѣ (сравн. напр. Персиваля съ Амадисомъ). Здѣсь все это развито сильнѣе. Чтобъ дать вамъ хоть нѣкоторое понятіе объ Амадисѣ я передамъ его содержаніе въ возможно краткихъ чертахъ (подробный пересказъ вещь въ данномъ случаѣ скучная во первыхъ, а во вторыхъ могущая отнять у насъ время, котораго осталось уже немного). Вотъ остовъ романа: Царь Валлиса Періонъ проѣзжалъ въ качествѣ странствующаго рыцаря по Французской Бретани, въ него влюбилась дочь мѣстнаго короля (Гаринтера) Элисена; плодомъ ихъ любви былъ ребенокъ, будущій Амадисъ. Періонъ ѣдетъ дальше, а Элисена постаралась скрыть свой проступокъ, неосвященный закономъ: такой грѣхъ въ ихъ странѣ

наказывается смертью. Поэтому она положила его въ ящикъ, сунула туда пергаментъ съ надписью: „это Амадисъ Onzeit, царскій сынъ," запрятала туда же кольце и мечъ Періона и вверила своего ребенка морскимъ волнамъ. Въ эту самую пору проѣзжалъ по морю шотландскій рыцарь Гандалесъ; онъ взялъ Амадиса къ себѣ на воспитаніе и назвалъ его Donzel del mar (дитя моря). У мальчика съ самого рожденія есть покровительница, напоминающая фею Моргану бретонскаго цикла. Разъ король шотландскій зашелъ къ Гандалесу вмѣстѣ съ своею женой   сестрой Элисены. Королевѣ очень понравился Амадисъ, который и былъ взятъ ею на воспитаніе. Въ это время отецъ Элисены умеръ; она зоветъ къ себѣ Періона, своего бывшаго любовника и выходитъ за него замужъ: такимъ образомъ, ихъ незаконная связь отнынѣ освящена. Они произвели на свѣтъ втораго сына Галаора.— Амадисъ, живя при дворѣ шотландскаго короля, на 12ом году почувствовалъ любовь къ десятилѣтней Оріанѣ, дочери британскаго короля Лисуарта.- Абіесъ, ирландскій король

напалъ на Валлисъ и Періонъ поѣхалъ къ шотландскому королю за помощью. Шотландскій король (Лангинесъ) обѣщалъ ему помочь и послалъ для этого Амадиса, только что посвященнаго въ рыцари. Періонъ узнаетъ въ Амадисѣ своего сына по кольцу: онъ радъ тѣмъ больше, что Галаоръ похищенъ какимъ-то великаномъ. Амадисъ выказалъ мужество въ борьбѣ съ королемъ Абіесомъ и на возвратномъ пути къ Лисуарту встрѣтился съ своимъ братомъ Галаоромъ, котораго, онъ, конечно, не узналъ, но Урганда, покровительница Амадиса сообщила ему и Галаору о ихъ родственныхъ отношеніяхъ. Эта встрѣча Галаора съ братомъ есть повтореніе очень стараго мотива, попадающагося въ романахъ круглаго стола. Въ романѣ объ Амадисѣ въ этихъ двухъ братьяхъ сознательно изображены два противоположные типа: идеалиста и реалиста, каковъ Галаоръ, напоминающій собою Донъ-Жуана.

Амадисъ является въ Англію, чтобъ спасти Лисуарта отъ враждебнаго волшебника Аркалая, который поддерживалъ противъ Лисуарта его подданныхъ. Минуя без-

Лит. Гродовой. Пет. ст. б. пр. д. № 23. 26 апреля 1884 г.

численныя подвиги Амадиса, остановлюсь на одномъ эпизодѣ. Амадисъ зивѣлъ на какой то островъ Ferme (твердый неподвижный, или недалеко отстоящій отъ твердой земли, отдѣленный проливомъ, островъ чудесъ, гдѣ царствовалъ волшебникъ Аполидонъ. Амадисъ находитъ тутъ паркъ съ тремя дворцами; въ паркъ можно попасть лишь черезъ одни ворота, а войти можетъ лишь тотъ, кто оказался вѣрнымъ своей привязанности. Въ противномъ случаѣ, желавшаго войти отбрасывала назадъ какая то невидимая сила. Если входящій оказывался вѣрнымъ, то статуя играла нѣжную мелодію. Посетитель входилъ въ особый покой, а невидимая рука вписывала на камнѣ имена счастливыхъ любовниковъ. Амадисъ и Оріанна выдерживаютъ это испытаніе, какъ Селадонъ и Астрея въ пасторали Онора д'Юрфэ. — Другой эпизодъ рисуетъ Амадиса удалившимся къ одному пустыннику послѣ полученія отъ Оріанны суроваго письма, гдѣ она упрекала его въ невѣрност[и] Амадисъ, наименовавъ себя Beltenebros начинаетъ исторію несчастныхъ любовниковъ,

онъ сютуетъ, изливаетъ душу въ лирическихъ пѣсняхъ (очень красиво сдѣланныхъ) и проводитъ жизнь какъ кающiйся, но заупокой онъ примиряется съ Орiанной.
Интересно, что нѣкоторыя изъ повѣстей Викрама кончаются тѣмъ же мотивомъ, что и романъ объ Амадисѣ, между тѣмъ Викрамъ не могъ пользоваться переводомъ или самымъ текстомъ испанскимъ, стало быть, у него были подрукой тѣ источники, которыми пользовался Монтальво.
Значенiе Амадисовъ видно уже изъ того, что весь героическiй романъ XVII вѣка, вышедшiй изъ Францiи временъ Фронды, нечто иное какъ тѣже Амадисы, перенесенные въ другую среду: ихъ форма удержалась, но заполнилась новымъ содержанiемъ. Амадисы чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырождались, какъ вырождалась и пастораль. О бокъ съ этими двумя теченiями развивался новый литературный родъ - романы въ стилѣ picaresco

Романы picaresco

Рядомъ съ Селадономъ являются типы героевъ невысокорожденныхъ изъ низшихъ классовъ

общества, бродягъ, проходимцевъ, отлично понимающихъ чужiя слабости и пользующихся ими для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Вотъ типы новыхъ героевъ, введенныхъ въ романахъ picaresco (уже самое это слово, равное нашему „плутовской", характеризуетъ содержание этой группы романовъ), въ которыхъ жизнь взята безъ всякихъ прикрасъ, но съ извѣстной долей шаржа. Романы picaresco, отъ которыхъ ведетъ свое начало современный реалистическiй романъ, восходятъ своими корнями къ перiоду болѣе древнему, чѣмъ появленiе ихъ въ Испанiи. Уже въ XVI вѣкѣ жилъ въ Италiи извѣстный Теофило Фоленго (1491-1544), авторъ четырехъ произведенiй (стихотворенiя opus macaronicum, Орландино или маленькiй Роландъ, человѣкомыбiе Христа и Chao del tri pernno), котораго Рабле много читалъ и цитовалъ не разъ *. У Фоленго въ его Opus macaronicum, писанномъ на-половину латинскимъ, на половину итальянскими стихами, вы встрѣтите типъ

* Франц. переводъ въ „Bibliothèque gauloise" съ предисловiемъ Гюстава Брюнэ (въ 1859). Новое изд. латинскаго текста принадлежитъ Портiоли.

Цынгара, однородный съ Панургомъ Раблэ, съ Санчо-Пансой Серванеса и Simplicissimus Гриммельсгаузена. Разумѣется, романы picaresco пошли изъ Испаніи, но первые зачатки этого протеста противъ условности Амадисовъ и пасторали сказываются уже въ въ Италіи, стоитъ только вспомнить какъ представлялся міръ средневѣковыхъ героевъ итальянцу Пульчи и какъ относился къ нимъ Аріосто. Аріосто (1474-1533) и Пульчи (1432-1487) уже не вѣрятъ въ реальность своихъ героевъ, они относятся къ нимъ иронически, вслѣдствіе чего имъ потребовалось введеніе новыхъ типовъ, которые оттѣняютъ эту иронію, какъ это и сдѣлалъ Пульчи въ своей Morgante maggiore. Однако все это не источники романа picaresco, который какъ таковой обособился впервые въ Испаніи. Рядъ novellas picarescas открывается романомъ Дона Діэго Уртадо де Мендоса: „Lazarillo de Tormes".

Мендоса (1503-1575) былъ знатнаго рода и какъ младшій сынъ предназначался къ духовному званію, къ которому не чувствовалъ

склонности, но за то такая подготовка дала ему рядъ свѣдѣній, полезныхъ для писателя. Онъ изучилъ арабскій языкъ, латинскій и греческій, церковное и гражданское право и философію. Сверхъ того Мендоса съ малыхъ лѣтъ обнаружилъ любовь къ изящной словесности. Его романъ*) „Lazarillo de Tormes" 1553 г.) въ 1617 году появился въ нѣмецкомъ переводѣ и былъ знакомъ Гриммельсгаузену. Это автобіографія мальчика Ласарильо, родившагося на берегахъ рѣки Тормесъ близъ Саламанки. Подросши, онъ по волѣ грубой матери сталъ вожакомъ слѣпаго нищаго (- занятіе самое позорное въ Испаніи того времени). Смѣтливый и веселый мальчикъ скоро пріучился къ лукавству и низости. Отъ нищаго онъ поступалъ попеременно къ разнымъ лицамъ: къ священнику, къ идальго умиравшему съ голоду отъ боярской спѣси, къ монаху и т. д., въ концѣ концевъ онъ женится не изъ очень почтенныхъ побужденій и заживаетъ своимъ домъ комъ. Очевидно, все дѣло въ томъ, чтобъ описать похожденія мальчика, который не справляется ни съ честностью, ни съ правдою. Читате

*) Dunlop-Lieb. 336. Ticknor I, 399. Bobertag. II. 27.

слѣдя за приключеніями Ласарильо, знакомится съ разными сословіями, такъ какъ Мендоса дѣлаетъ рядъ сильныхъ характеристикъ, на столько сильныхъ, что характеристика монаха и продавца индульгенцій были выключены впослѣдствіи (1573) по требованію инквизиціи.

Біографію Мендосы вы найдете въ большей полнотѣ въ книгѣ Тикнора, имѣющейся и въ русскомъ переводѣ (пока появился лишь первый томъ). – Послѣднимъ произведеніемъ Мендосы была исторія войны съ Гранадой, гдѣ родился нашъ авторъ. Онъ умеръ 72 лѣтъ въ апрѣлѣ 1575 года, вызвавъ массу подражаній, на которыхъ я не останавливаюсь.

За Lazarillo de Tormes идетъ „Гусманъ де Альфараче (Guzman de Alfarache)", романъ Матео Алемана, появившійся въ 1599 году въ Мадридѣ и переведенный въ 1732 году на французскій языкъ Лесажемъ. Подробное заглавіе романа (Vida y hechos del Picaro Guzman de Alfarache). Въ сущности стиль этого романа тотъ же самый, какъ въ „Laz. de Tormes". Гусманъ сынъ генуэзскаго купца, поселившагося въ Севильѣ. По смерти отца дѣла пришли въ упадокъ и Гусманъ пустился плутать по бѣлу свѣту. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Севильи онъ встрѣтилъ погонщика муловъ, съ кѣмъ онъ заходитъ по дорогѣ въ нѣсколько posa-

да (трактировъ), характеристика которыхъ въ романѣ отзывается нѣкоторымъ шаржемъ. Прибывъ въ Мадридъ Гусманъ прислуживаетъ тамъ и здѣсь въ качествѣ мальчика, состоящаго на побѣгушкахъ: носитъ на головѣ въ корзинѣ покупки и знакомится съ массой людей, что даетъ автору поводъ къ характеристикамъ разныхъ сословій. Иногда Алеманъ идетъ дальше, затрогиваетъ рѣчь о порядкахъ въ Испаніи при Филиппахъ. Гусманъ пріучается жить на чужой счетъ и такъ далеко заходитъ въ своей практикѣ, что бѣжитъ изъ Мадрида, выдаетъ себя за идальго и заводитъ любовныя интриги въ Толедо. Когда деньги были истрачены, всѣ отъ него отвернулись, и Гусманъ уѣхалъ въ Барцелону, а оттуда въ Геную съ цѣлью представиться тамошнимъ родственникамъ отца, которые однако приняли его очень плохо. Отсюда Гусманъ пробирается въ Римъ, притягательный центръ для нищихъ. Тутъ онъ очень ловко поддѣлалъ себѣ искусственный нарывъ, на что обратилъ вниманіе одинъ кардиналъ. Онъ беретъ Гусмана къ се и принимается лѣчить его мнимо-больную ногу. Гусманъ поспѣшилъ сговориться съ докторомъ, предлагая ему извлекать сообща выгоды изъ милосердія кардинала. Пролежавъ шесть мѣсяцевъ, онъ поступилъ пажемъ къ его Эминенціи и вошелъ въ большое довѣріе, пока его не словили на разныхъ проделкахъ.

Гусманъ поступаетъ тогда къ французскому посланнику въ качествѣ переметчика

между посланникомъ и одной дамой, въ кото-
рую послѣдній влюбленъ, но Гусманъ дѣйство-
валъ очень неловко и все огласилось. Полный от-
чаянія Гусманъ ѣдетъ обратно въ Испанію
и по дорогѣ въ Тоскану встрѣчается съ субъек-
томъ, котораго онъ нѣкогда обманулъ, но те-
перь они, проходя черезъ города Сѣверной Ита-
ліи, дѣйствуютъ за одно. По возвращеніи въ
Мадридъ Гусманъ женится на дѣвушкѣ, кото-
рую онъ считаетъ богачихой. Но бракъ оказал-
ся очень неудачнымъ, дѣла его пришли въ
разстройство и по смерти жены Гусманъ дѣ-
лается студентомъ въ Алькалѣ: ему хо-
чется получить себѣ бенефицію. Во время пре-
быванія въ университетѣ герой нашъ зна-
комится съ тремя сестрами большими музы-
кантшами, но пользовавшимися не очень хо-
рошей славой. Онъ женится на старшей и
и ѣдетъ въ Мадридъ. Тамъ ему живется хоро-
шо благодаря красотѣ жены и обилію ея обо-
жателей, на которыхъ онъ смотритъ сквозь
пальцы, но разъ онъ крупно поспорилъ съ однимъ + знатнымъ
обожателемъ жены и притомъ человѣкомъ*, кото-
рый въ отместку постарался удалить Гусмана
съ женою изъ Мадрида въ Севилью, откуда жена
нашего героя уѣзжаетъ съ капитаномъ одного неа-
политанскаго корабля. По ходатайству како-
го-то доминиканца Гусманъ поступаетъ на
службу къ одной старой барынѣ въ качествѣ
дворецкаго, но и тутъ онъ проворовался, за что
и былъ почтенъ ссылкой на галеры. Каторжни-
ки составили, было, заговоръ чтобъ передать ко-
рабль корсарамъ, но Гусманъ донесъ объ этомъ и

, получивъ въ награду свободу, рѣшился разсказать потомству свою біографію.

Я нарочно разобралъ подробнѣе романъ о Гусманѣ, чтобъ дать вамъ понятіе о планѣ подобныхъ романовъ, которые являются всѣ біографіями лицъ, сходныхъ между собой въ смыслѣ общественнаго типа. Въ романѣ Маттео Алемана попадается нѣсколько вставныхъ повѣстей крайне интересныхъ, которыя выводятъ насъ хоть на время изъ міра мошенниковъ: такова повѣсть объ Осминѣ и Дарахѣ (Daraja), въ стилѣ Амадисовъ, другая повѣсть въ стилѣ итальянской новеллы XVI в. (т.е. изобилующая разными тайнами, страшною местью и т.д.); третій эпизодъ соотвѣтствуетъ 41-ой новеллѣ Массуччео.*

За „Гусманомъ" въ 1605 году появился романъ Андрея Переса изъ Леона подъ заглавіемъ La Picara Justina (плутовка Хустина), гдѣ на сценѣ является уже не герой, а героиня, однако того же типа. Въ 1626 романъ этотъ былъ переведенъ съ итальянскаго на нѣмецкій. Около того же года (1605) написанъ былъ романъ Кеведо: „Historia del buscon llamado don Pablos" или по другому заглавію El gran Tacaño (Великій плутъ). Въ 1618 вышелъ въ свѣтъ романъ Висенте Эспинеля: Relacion de la vida y aventuras del Escudero Marcos de Obregon, романъ интересный по вопросу о связи его съ Лесажемъ. Въ 1641 г. появился романъ де Гевары: Diablo conjuelo (Хромой бѣсъ), а въ 1707 году былъ написанъ Le diable boi-

* Dunlop-Liebrecht. p. 336-338. Bobertag. M. II p 18-26. Ticknor II. 212 и сл.

чеихъ Лесажа. — О Кеведо недавно написана была статья г. Морозовымъ, по поводу франц. перевода сочиненій Кеведо (Oeuvres choisies. Histoire de Pablo de Ségovie, traduite de l'espagnol par A. Germond de Lavigne. Paris. 1882.) *. Въ помянутой статьѣ авторъ чествуетъ Кеведо титуломъ „Испанскаго Вольтера," на который самъ Кеведо не сталъ бы претендовать, потому что онъ архикатоликъ; если же г. Морозовъ въ виду сатирическій элементъ его сочиненій, то надо это можно сказать, что сатира свойственна стилю всѣхъ перечисленныхъ выше романовъ picaresco.

Франсиско-Гомесъ-де Кеведо-и-Вильегасъ родился 26 сентября 1580 г. въ Мадридѣ и умеръ 65 лѣтъ отъ роду 8 сентября 1645 года. Передъ смертью онъ сообщилъ инквизиціи подробный списокъ всѣхъ своихъ сочиненій, съ просьбою пересмотрѣть ихъ и исправить тѣ, которыя покажутся недостаточно скромными. Это желаніе было занесено въ Index expurgatorius 1667 г. и исполнено въ точности.

Минуя остальныя произведенія и въ томъ числѣ его „грезы" (Sueños) остановлюсь на самомъ важномъ, доставившемъ ему громкую извѣстность не только на родинѣ, но и за ея предѣлами. Это — „Исторія плута по имени донъ-Пабло," нравоописательный романъ съ обычною для романовъ picaresco канвой. Донъ Пабло такой же плутъ какъ и остальные; онъ сынъ плута-цирюльника, окончившаго жизнь на висѣлицѣ и благородной дамы не брезговавшей разными темными дѣлишками для денегъ. Донъ Пабло дѣлается слугою одного сеньора Diego и поступаетъ съ нимъ въ пансіонъ одного лиценціата, котораго Кеведо описываетъ съ нѣкоторымъ шаржемъ. Странствуя по Испаніи герой нашъ встрѣтился разъ съ паразитомъ-гидальго, характеристика котораго сдѣлана Кеведо замѣчательно хорошо, такъ что я приведу ее здѣсь цѣликомъ:

*) Морозовъ: Испанскій Вольтеръ (Вѣстн. Евр. 1883. № 12. p. 655-85).

Я ѣхалъ (по дорогѣ въ Мадридъ) на мулѣ, не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться; вдругъ я увидѣлъ, что на-встрѣчу мнѣ идетъ представительный гидальго, въ сапогахъ со шпорами, широкихъ панталонахъ, при шпагѣ, въ короткомъ плащѣ съ кружевнымъ воротникомъ и въ шляпѣ на бекрень. Я думалъ, что это какой-нибудь аристократъ, прогуливающійся для собственнаго удовольствія, и поклонился ему. — Господинъ лиценціатъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — вы на сѣдлѣ чувствуете себя, вѣроятно, гораздо лучше, чѣмъ я пѣшкомъ. — Конечно, сеньоръ, — отвѣчалъ я, думая, что онъ говоритъ о своемъ экипажѣ и лакеяхъ, оставленныхъ имъ позади, — мнѣ удобнѣе, чѣмъ въ экипажѣ, какъ бы ни была хороша коляска, ѣдущая вслѣдъ за вами, въ ней вы всегда чувствуете толчки и тряску отъ дурной дороги. — Какая коляска за мной ѣдетъ?! — удивленно перебилъ онъ, и быстро обернулся назадъ. Это движеніе было причиной того, что единственный шнурокъ, поддерживавшій его панталоны, порвался, и они свалились съ ногъ. Видя, что я при-стомъ неожиданномъ зрѣлищѣ чуть не помираю со смѣха, благородный кавалеръ сталъ просить меня одолжить ему веревочку. — Нѣтъ, сеньоръ, — отвѣчалъ я, — вашей милости лучше дождаться своихъ лакеевъ, я не могу вамъ помочь. — Тутъ обнаружилось, что у него спереди былъ только небольшой кусочекъ рубашки, а сзади ничего не было. — Если вы

хотите смѣяться надо мной, — сказалъ онъ, поддерживая свои панталоны, — въ добрый часъ, смѣйтесь, сколько вамъ угодно, но я не понимаю, о какихъ лакеяхъ вы говорите.

„Я догадался, что это былъ бѣднякъ, и такъ какъ ему было очень трудно идти, держа обѣими руками свои штаны, то я подсадилъ его на своего мула, а самъ пошелъ пѣшкомъ. При этомъ я сдѣлалъ изумительное открытіе: верхняя одежда была у него надѣта прямо на голое тѣло. — Господинъ лиценціатъ, — сказалъ онъ, замѣтивъ мое изумленіе, — не все то золото, что блеститъ. По моему плащу и роскошному воротнику вы, вѣроятно, приняли меня за какого-нибудь графа, а между тѣмъ вы видите на мнѣ все, что я имѣю. Передъ вами, милостивый государь, находится настоящій гидальго изъ старой горной Кастиліи, и еслибы мое дворянство заботилось обо мнѣ такъ, какъ я о немъ забочусь, то мнѣ не оставалось-бы желать ничего лучшаго. Но, милостивый государь, безъ хлѣба и безъ мяса нечѣмъ поддержать даже и „лазурной крови," и тотъ, кто имѣетъ, не можетъ быть „чѣмъ нибудь." Золото въ монетѣ лучше золотыхъ буквъ дворянскаго диплома, потому что за эти буквы въ трактирѣ не дадутъ и полрюмки вина. Всѣ имѣнія моего родителя, Торибіо Вальехо Гомеса де-Ампуэро (онъ носилъ всѣ эти имена) пошли прахомъ за долги; у меня остался

только одинъ титулъ дона, котораго никто не купитъ, потому что онъ никому не нуженъ...

„Я спросилъ бѣднаго идальго, какъ его зовутъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ.— Я ношу,— отвѣчалъ онъ,— всѣ имена моего отца и даже болѣе: меня зовутъ донъ Торибіо Вальехо Гомесъ де-Ампуэро-и-Хорданъ. Мало найдется именъ благозвучнѣе этого: оно начинается на донъ и оканчивается на данъ, точно звонъ колоколовъ. Иду-же я, конечно, въ Мадридъ; нашему брату-бѣдняку въ провинціи нельзя прожить и двухъ дней, между тѣмъ какъ въ столицѣ, въ этомъ общемъ центрѣ и отечествѣ, для насъ открытый столъ. Когда я въ Мадридѣ, у меня всегда сотня реаловъ въ карманѣ, ночлегъ и обѣдъ и даже нѣкоторыя запретныя удовольствія. Искусство жить въ столицѣ — это своего рода философскій камень: оно обращаетъ въ золото все, до чего ни коснется.

— „Это меня удивило и заинтересовало, такъ что я сталъ просить моего спутника поразсказать, какъ и чѣмъ живутъ въ столицѣ люди, ему подобные. Онъ охотно согласился и началъ такъ:

„Надо знать тебѣ, другъ мой, что въ столицѣ такихъ людей, какъ я, не мало. Мы всѣ питаемся на счетъ собственной ловкости, и прежде всего выучиваемся жить съ пустымъ желудкомъ. Мы часто бываемъ сыты однимъ воздухомъ и, не смотря на то, довольны собой; нерѣдко довольствуемся маленькой грушей, но за то разсказываемъ, что

не кушаешь ничего, кромѣ каплуновъ. Если кто-нибудь придетъ ко мнѣ, то всегда увидитъ на полу моей комнаты обглоданныя кости, шелуху фруктовъ, перья и т. п. Все это мы собираемъ по ночамъ на улицахъ, а днемъ устраиваемъ у себя выставку, и жалуемся гостю: „Вотъ, посмотрите, никакъ не могу заставить эту лентяйку-служанку подмести полъ! Извините, сеньоръ, мы тутъ обѣдали съ пріятелями, а эти слуги...' И тотъ, кто насъ не знаетъ, приметъ это за наличныя деньги и останется въ увѣренности, что мы даемъ роскошные обѣды.

„А сказать вамъ, какъ мы обѣдаемъ у чужихъ? — продолжаетъ онъ. — Поговоривъ съ кѣмъ-нибудь полминуты, мы уже знаемъ, гдѣ онъ живетъ, и являемся какъ снѣгъ на голову въ ту минуту, когда онъ садится за столъ. Мы говоримъ, что пришли засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, какъ умнѣйшему и любезнѣйшему человѣку въ свѣтѣ. Если онъ спроситъ, обѣдали-ли мы, — откровенно отвѣчаемъ, что нѣтъ, и не дожидаемся, пока насъ пригласятъ вторично, такъ какъ изъ-за этихъ церемоній можно остаться голоднымъ; впрочемъ, иногда, для разнообразія мы говоримъ, что уже обѣдали, и что посидимъ только такъ, для компаніи; затѣмъ предлагаемъ свои услуги: „Позвольте, сеньоръ, помочь вамъ разрѣзать это жаркое; герцогъ такой-то, царство ему небесное (слѣдуетъ имя какого-нибудь

герцога, графа или маркиза изъ умершихъ), очень любитъ смотрѣть, какъ ловко я разрѣзываю эскарпос." И, взявъ ножикъ, принимаемся за дѣло. „Ахъ, какъ это хорошо паштетъ. Надо отдать честь вашей кухаркѣ, — она мастерица! этого просто нельзя не попробовать!" И, говоря это, мы пробуемъ до тѣхъ поръ, пока на столѣ ничего не останется.

„Въ крайнихъ случаяхъ приходится иногда ходить по монастырямъ, гдѣ даромъ раздаютъ порціи для бѣдныхъ; конечно, это надо дѣлать потихоньку, чтобъ никто не видалъ. Надо видѣть кого-нибудь изъ насъ въ игорномъ домѣ: онъ всѣмъ прислуживаетъ, снимаетъ со свѣчей, подаетъ карты, выноситъ ночную посуду, расхваливаетъ игру того, кто выигралъ, — и все это за какой-нибудь несчастный реалъ, получаемый на водку.

„Во всемъ, что касается туалета, мы умѣемъ очень ловко обходиться съ старымъ тряпьемъ. У насъ есть особый часъ, посвященный этимъ занятіямъ, и надо видѣть, изъ чего мы умѣемъ извлечь пользу. Солнце — нашъ заклятый врагъ, потому что оно освѣщаетъ наши заплаты и прорѣхи; поутру мы выходимъ на солнце и смотримъ, какова наша тѣнь и нѣтъ-ли гдѣ изъяна. Потомъ подстригаемъ ножницами бахрому, выступившую на нашихъ плащахъ и починяемъ остальныя части нашего костюма, вырѣзывая куски матеріи оттуда, гдѣ не видно. Въ концѣ концовъ сзади

у насъ все держится только на подкладкѣ; но плащъ скрываетъ этотъ недостатокъ, заставляя насъ остерегаться вѣтреныхъ дней, освѣщенныхъ лѣстницъ и поѣздокъ верхомъ. Смотря на свою тѣнь, мы тщательно изучаемъ свои позы, чтобы неудачнымъ движеніемъ не раскрыть какой-нибудь прорѣхи.

„Въ нашемъ костюмѣ нѣтъ ни одной вещи, которая прежде не была-бы чѣмъ-нибудь другимъ; всякая вещь имѣетъ свою родословную. Вотъ, напримѣръ, моя куртка: она сдѣлана изъ пары штановъ, происходящихъ изъ плаща, который, въ свою очередь, произошелъ изъ длинной женской мантильи съ капюшономъ; и нѣтъ сомнѣнія, что эта куртка обратится впослѣдствіи въ подвязки для чулокъ или въ банты для башмаковъ. Мои подвязки были нѣкогда носовыми платками, сдѣланными изъ полотенецъ, сдѣланныхъ изъ рубашекъ, сшитыхъ изъ простынь. Обратившись въ тряпку, все это идетъ на приготовленіе бумаги, на которой мы пишемъ; а жженой бумагой мы чернимъ свои башмаки. Таковъ круговоротъ вещей!

„. . . Разъ въ мѣсяцъ мы ѣздимъ по улицамъ верхомъ, и разъ въ годъ стараемся прокатиться въ каретѣ. Если это намъ удается, то мы высовываемъ голову въ окно, раскланиваясь со всякимъ встрѣчнымъ для того, чтобы насъ замѣтили и громко переговаривая со всѣми друзьями и знакомыми, даже и съ тѣми, кто идетъ по другой сторонѣ улицы.

31 Лист. ист. романа.

Разр. Проф. А. Веселов[illegible]

Лит. Гробовой. Пет. ст. Б. пр. д. № 83. 27 апр. 1884.

....Что касается его вранья, то въ немъ мы часто превосходимъ самихъ себя. Наша рѣчь переполнена именами [illegible] и героевъ: все это — наши близкіе друзья или [illegible]; жаль только, что всѣ они или померли, или уѣхали куда нибудь очень далеко. Замѣтьте также, что мы никогда не ухаживаемъ за дамами, какъ-бы красивы онѣ ни были, иначе какъ ради хлѣба насущнаго; мы заводимъ интрижки съ кабатчицами — ради выпивки, съ трактирщицами — ради обѣда и ночлега, съ прачками — ради воротничковъ и рукавчиковъ. Онъ не особенно строгъ къ своимъ [illegible], и что бы вы ни говорили, — [illegible] [illegible].

[illegible] или самого? а повѣрите ли вы, что мы надѣти [illegible] на свою ногу? [illegible] воротничекъ? можно [illegible], что [illegible] рубашки! [illegible] безъ [illegible] и безъ рубашки, но безъ накрахмаленнаго воротничка — ни въ какомъ случаѣ. Во-первыхъ — это [illegible] украшеніе, во-вторыхъ, его можно, когда онъ [illegible], перевернуть на другую сторону; въ [illegible], когда воротничекъ уже нельзя надѣть, его можно [illegible], потому что крахмалъ представляетъ подкрѣпительную пищу. Нашему брату, господинъ лиценціатъ, надо [illegible] на [illegible]; у [illegible], [illegible] наесть [illegible], [illegible] карманы золота, то [illegible] голоднаго [illegible] и [illegible] ночевать на улицѣ; а все таки, [illegible] и, благодаря своему искусству и [illegible] [illegible] [illegible] малымъ, нерѣдко [illegible].

„Похожденія великаго плута" разошлись по всей Испаніи во множествѣ списковъ, гораздо раньше, чѣмъ романъ былъ напечатанъ. Число его печатныхъ изданій доходитъ до пятидесяти. Вскорѣ послѣ своего появленія въ печати, этотъ романъ былъ переведенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями Кеведо, на французскій языкъ (1641) и сдѣлался модной книгой у любителей пикантнаго чтенія, на-ряду съ похожденіями Эйленшпигеля (во французской передѣлкѣ) и исторіей Ричарда Львинаго Сердца. Лесажъ, обѣими руками черпавшій въ литературѣ плутовскихъ романовъ матеріалы для своего „Жильблаза" и „Хромого Бѣса", многое заимствовалъ у Кеведо. Въ Германіи произведенія испанскаго юмориста стали извѣстны еще при его жизни, между прочимъ читатель XVII вѣка, Мошерошъ, перевелъ „Грезы" Кеведо тотчасъ же вслѣдъ за ихъ появленіемъ въ свѣтъ, и издалъ подъ заглавіемъ „Geschichte Philanders von Sittewald. Таковы романы picaresco въ Испаніи, откуда они перейдутъ затѣмъ

в) во Францію

Здѣсь первымъ по времени изъ французскихъ

романовъ picaresco долженъ быть названъ „Roman Comique" Поля Скаррона (1610-1660): его слѣдуетъ знать даже въ подлинникѣ, тѣмъ болѣе, что онъ удобочитаемъ.
Послѣ него идетъ „Fragment d'une histoire comique" Теофиля Віо (Théophil Viaud или Viau, 1590-1626) Слѣдующій романъ вполнѣ развитой, имѣвшій вліяніе на „Simplicissimus" Гриммельсгаузена, принадлежитъ Сорелю и носитъ заглавіе „La vraie histoire comique de Francion." Пересказъ его вы найдете у Гобертага (т. II. a. p 65 и сл.), хотя совсѣмъ неискусно сдѣланный. Въ 1668 г. появился нѣмецкій переводъ, упоминаемый Гриммельсгаузеномъ, для котораго Франсіонъ былъ предшественникомъ Simplicissimus'a. Романъ состоитъ изъ разсказовъ о путешествіяхъ Франсіона по Франціи и Италіи и изъ цѣлаго ряда побочныхъ эпизодовъ. Несомнѣнно, что здѣсь въ основѣ таже схема, что и въ picaresco.
Перехожу затѣмъ къ роману болѣе интересному, первому романовъ*, къ сожалѣнію, нигдѣ не пересказанному, какъ слѣдуетъ. Это романъ Фюрётьера (1620-1688) „Le Roman bourgeois", написанный въ 1666 году. О немъ

* нравоописательныхъ.

упрочилось мнѣніе, будто романъ нѣсколько запутанъ по композиціи и не оконченъ. По моему, это не такъ: романъ Фюрётьера распадается на двѣ книги, не имѣющія между собой ничего общаго; вторая посвящена исключительно сатирической біографіи Сореля, выведеннаго подъ псевдонимомъ Charroselles. Въ сущности вторая часть закончена, но ничѣмъ не связана съ первой, которою и исчерпывается все содержаніе романа. Отсутствіе связи между частями не дѣло случая или неумѣнья, а сознательный актъ автора. Содержаніе романа мало извѣстно и имя Фюрётьера даже среди французовъ не пользуется извѣстностью, какъ это ни странно, да и въ исторіяхъ литературы о немъ или совсѣмъ молчатъ или говорятъ въ двухъ трехъ словахъ, не дѣлая извлеченій изъ его романа, что для Фюрётьера совершенно необходимо. Первой части романа предпослано „Advertissement du libraire au lecteur", гдѣ авторъ высказывается, что его цѣль поучать (instruire): извѣстно, говоритъ онъ, какъ безплодна догматическая мораль; нравственныя сентенціи находятъ еще меньше послѣдователей, чѣмъ слушателей. Но когда

мы видимъ порокъ поднятымъ на смѣхъ, тогда мы исправляемся – мысль тождественная съ двустишіемъ Якова Полонскаго:

Клейми насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья.

Обыкновенно проповѣдуютъ противъ великихъ пороковъ и за великія добродѣтели и очень мало противъ заурядныхъ грѣховъ, которые тѣмъ болѣе опасны, что чаще повторяются. Авторъ стоитъ за сатиру и комедію: онѣ полезнѣе какихъ нибудь серьезныхъ наставленій, но необходимо, чтобы комедія и сатира обращены были на наши нравы не въ смыслѣ примѣненій къ той или другой личности. Авторъ отрицаетъ, чтобы къ его героямъ можно было подыскать какой нибудь ключъ.

Книга I. Я воспѣваю любовныя приключенія нѣсколькихъ парижскихъ буржуа того и другого пола и всего удивительнѣе то, что я воспѣваю ихъ, не зная музыки (одинъ изъ частныхъ нападковъ на стиль героическихъ романовъ). Авторъ не хочетъ начинать свой разсказъ съ конца, ex mediis rebus – пріемъ обычный у героическихъ романистовъ: онъ начинаетъ съ самаго разсказа. Мѣсто дѣйствія выбрано самое буржуазное: „place Maubert." Авторъ

не описываетъ этого мѣста: книга и безъ того (?) а описаній и безъ того много (намъ вѣщу-ка противъ описательнаго элемента въ другихъ романахъ. Въ праздничный день въ церкви, находящейся на площади, собраніе общества самое буржуазное. На сценѣ модный проповѣдникъ. Въ церковь входитъ Жавоттъ въ видѣ дѣвушки, собирающей деньги въ кружку въ пользу прихода (quêteuse farouche). На нее обращаетъ вниманіе Никодэмъ — homme atr bibie (человѣкъ двуличный), который утромъ былъ адвокатомъ, а вечеромъ становился куртизаномъ (типъ, который сдѣлался осмѣянъ впослѣдствіи въ Вольтеровскомъ ... homme). Никодэмъ заводитъ съ нею разговоръ въ стилѣ, къ которому пріучали ее пастораль и галантный романъ эпохи Рамбулье: „Я желалъ бы знать, говоритъ онъ ей, позволите ли вы мнѣ имѣть честь услужить вамъ". „Monsieur, я сама ... хорошо съ собой и умѣю дѣлать все, что мнѣ нужно." Предъ вами два буржуазныхъ типа: Никодэмъ, желающій подражать высшимъ классамъ и Жавоттъ, еще не тронутая модными вліяніями. Ея отецъ Vollichon

(имя самое буржуазные) - дълецъ, адвокатъ, chicaneur (крючкотворъ). Никодэмъ знакомится съ Волишономъ и дълаетъ предложеніе его дочери, а Волишонъ собираетъ свъдънія о женихъ, который не очень красивъ въ смыслъ физики, но trop coquet. Волишонъ торопитъ бракомъ, но послъдній не состоялся изъ за слъдующей помъхи. Тутъ выступаетъ на сцену новое лицо Лукреція, уже затронутая новомодными вьяніями, она интересуется модами и литературой двора; у нея много поклонниковъ и въ томъ числъ молодой маркизъ. Авторъ разсказываетъ, какъ маркизъ познакомился съ Лукреціей: разъ маркизъ попалъ забрызганный грязью въ общество дъвушекъ и сталъ прятаться въ углу; его приняли за провинціала и стали подтрунивать надъ нимъ. Завязался общій разговоръ, въ которомъ маркизъ высказался противъ bourgeoises, подражающихъ знатнымъ дамамъ, противъ излишней изысканности въ костюмахъ, говорилъ о кокеткахъ и ихъ бесъдахъ, которыя онъ называетъ gazetier des modes, grand conseil des modes, poupées de modes. Маркизъ продолжаетъ ухаживать за Лукре-

цiей, шлетъ ей подарки, устраиваетъ съ нею прогулки и даетъ ей promesse de mariage (обещание жениться); после чего Лукреція сдается. Въ то же время за ней ухаживалъ и Никодэмъ; Лукреція спрятала его promesse de mariage на всякой случай, но Вилльфлатэнъ (Villeflatain), другой типъ шиканёра, видитъ случайно promesse...... Никодэма у Лукреціи; онъ чуетъ дело и говоритъ объ этомъ Воллишону, стараясь помешать свадьбе Никодэма съ Жавоттъ. Лукреція, узнавъ о мероприятіяхъ Вилльфлатэна крайне смущена. Между темъ ея маркизъ куда то скрылся, оставивъ её беременной и похитивъ свое promesse de mariage, тогда она не противится более мерамъ Вилльфлатэна. Укажу затемъ на несколько сценъ характеризующихъ тогдашніе нравы. Никодэмъ является къ Воллишону, отцу Жавоттъ. Никодэмъ узналъ отъ своей прачки о беременности Лукреціи, которая готова открыться во всемъ дяде, но не успеваетъ. Между темъ Вилльфлатэнъ, не знавшій ничего о ея отношеніяхъ къ маркизу и закупленный Никодэмомъ убеждаетъ дядю согласиться на отступное.

Никодэмъ тогда является снова къ Волишону, который всетаки откладываетъ свадьбу, потому что отыскалъ для дочери другаго болѣе выгоднаго жениха Жана Беду (Bedout). Это нувеллистъ, ничего не дѣлающій, побирающійся новостями, скупердяй, собиратель древностей и книгъ съ готическими буквами и въ деревянныхъ переплетахъ; онъ обладаетъ chasteté, sobrieté, timidité; однимъ словомъ это человѣкъ, котораго можно было бы просватать за глаза: ему мало дѣла до качествъ женщины (c'estoit un homme à marier par ambassadeur). Свахою является его кузина Laurence. Онъ дѣлаетъ визитъ невѣстѣ и находитъ, что она слишкомъ красива. Затѣмъ онъ пишетъ письмо къ ней, посѣщаетъ Волишона и читаетъ Жавоттѣ копію съ своего письма къ ней. Жавоттъ также наивна, какъ и прежде; услышавъ слово: „аллегорія", она становится втупикъ: mon Dieu, говоритъ она, quel grand vilain mot! N'y a-t-il rien de caché de mauvais là dessous? Она понимаетъ лишь gros mots, т.е. настоящія реальныя слова. Между тѣмъ Волишонъ рѣшился выдать дочь за Беду: Жавоттѣ дается больше свободы: она посѣщаетъ Académie bourgeoise у Angélique. Это нѣчто въ родѣ précieuses ridicules, осмѣянныхъ Мольеромъ. Тутъ собирается рядъ личностей, изъ коихъ нѣкоторыя скопированы съ натуры. Между прочимъ тутъ находится Charoselles (= Сорель, авторъ Франсіона), Панкрасъ и др. Разговоръ ихъ состоитъ изъ questions curieuses, conversations galantes

разсужденій о поэтахъ и романахъ.
Въ это время изъ кармана Анджелики выпала тетрадь; ее должны прочесть по общему требованію. Затѣмъ слѣдуетъ вставной разсказъ въ стилѣ Рабле или Деперье (вставные разсказы занимаютъ въ романѣ Фюретьера до 50 стр. въ печат. изд.) Тутъ, очевидно, сказалось вліяніе испанскихъ романовъ: такъ въ романѣ Скаррона „le roman comique" вставныя повѣсти взяты съ испанскаго. Въ романѣ Фюретьера мы находимъ разсказъ „Historiette de l'amour égaré". Амуръ спасается отъ наказанія матери къ своей бабушкѣ Өетидѣ; гдѣ надѣлалъ бѣдъ, соблазнивъ одну изъ главныхъ Нереидъ, которая дала себя совратить интенданту раковинъ Нептуна (т.е. Фукэ, извѣстный министръ) Купидонъ спасается отъ наказанія на землю и здѣсь скрывается между людьми. Амуръ среди пастуховъ; онъ научаетъ ихъ любви, которую до тѣхъ поръ знали лишь боги; это былъ le siècle d'or de l'amour. Затѣмъ амуръ поступаетъ въ услуженіе къ m-elle Polymathie. Это m-elle Scudéri, извѣстный синій чулокъ, некрасивая

собой и пылавшая страстью къ некрасивому Пелиссону. Чтобъ поразить сердца поклонниковъ Полиматіи, амуръ употребляетъ вмѣсто острія стрѣлы лезвее перочиннаго ножика, которымъ Полиматія чинила свои перья. Потомъ амуръ служитъ у Archelaide: она боится скомпрометтировать свою репутацію и отдается швейцару; затѣмъ амуръ является къ Полифилѣ (Ninon de Lenclos). Самъ Амуръ идетъ къ ней въ школу и портится, становится coquet. Наконецъ, амуръ поступаетъ къ Poléone; у него разъигрывается любовь къ деньгамъ. Бахусъ мститъ ему за продажную любовь: амуръ зараженъ новой болѣзнью, которую Бахусъ наслалъ изъ земли индѣйцевъ. Мать отправляется за нимъ. Амуръ измѣнился, пріучился къ золоту. Отъ болѣзни его вылѣчилъ Меркурій: съ тѣхъ поръ онъ боится не розогъ, а Меркурія. (Эта аллюзія понятна безъ комментарія) Послѣ этого вставнаго разсказа романъ продолжается: Панкрасъ интересуется Javotte, даетъ ей книгъ: она зачитывается Астреей и воображаетъ себя и Панкраса героями Астреи. —

Тутъ Фюретьеръ дѣлаетъ выходку противъ вліянія Астреи. Жавоттъ развилась и Панкрасъ подмѣтивъ это самъ подражаетъ Селадону и беретъ это имя pour son nom de roman, а Жавоттъ называетъ себя Астреей. Родители ея, замѣтивъ, что она какъ то измѣнилась, спѣшатъ бракомъ съ Bedout, но Жавоттъ же хочетъ подписать контрактъ; она желаетъ выйти замужъ за Панкраса. Родители пускаются въ декламацію противъ современной нравственности и помѣщаютъ Жавоттъ въ монастырь, гдѣ она видится съ Панкрасомъ и соглашается, чтобъ онъ ее похитилъ. Онъ, дѣйствительно, увозитъ ее: „не знаю, что съ ним сталось, говоритъ авторъ; но какъ только получу какія либо свѣжія извѣстія о мадемуазелли и ея возлюбленомъ, то, клянусь авторскимъ словомъ, немедленно сообщу вамъ." А Лукреція въ это время ударилась въ религіозность, ушла въ монастырь, гдѣ жила Жавоттъ; затѣмъ она во-время выходитъ изъ него, чтобъ разрѣшиться отъ бремени, и поступаетъ въ новый монастырь, гдѣ удивляетъ всѣхъ еще большею набожностью. Лоранъ сватаетъ за нее Беду; Лукреція притворно колеблется и въ заключеніе выходитъ за него замужъ. „Какъ они жили - хорошо или худо, вы, можетъ быть, узнаете, если явится мода писать о жизни замужнихъ женщинъ." - Сличите романъ Фюретьера съ схемой исп. романа и вы увидите въ немъ шагъ впередъ. Романъ Скаррона едва ли выдержитъ критику, если сопоставить его съ ром. Фюретьера, который представилъ первый образчикъ романа нравоописательнаго.

Чтобъ закончить обзоръ романовъ picaresco во Франціи остановлюсь на Лесажѣ и прежде всего обращаюсь къ вопросу объ источникахъ Жиль-Блаза. Въ литературѣ почти вплоть до нынѣшняго 10-лѣтія, установилось то воззрѣніе, отраженіе котораго вы найдете и въ статьѣ Морозова, что Лесажъ, хотя и талантливый писатель, но всетаки плагіаторъ утеряннаго испанскаго подлинника. Другіе ученые отрицали всякое заимствованіе Лесажемъ у испанцевъ, но правда лежитъ въ срединѣ: никто никогда не измышлялъ сюжетовъ, не бралъ ихъ изъ головы и не въ этомъ состоитъ оригинальность писателя; заимствуя у испанцевъ, Лесажъ все таки могъ быть вполнѣ оригинальнымъ, такъ какъ оригиналенъ тотъ, кто по выраженію одного французскаго критика, donne aux idées leur expression définitive.

Обвиненіе Лесажа въ плагіатѣ установилось съ легкой руки Вольтера, который въ своемъ сочиненіи „Вѣкъ Людовика XIV", въ алфавитномъ перечнѣ писателей заявилъ, что „Gil Blas" взятъ цѣликомъ изъ испанской романа la Vidad de lo Escudiero dom Marcos d'Obregon"

Говорятъ, что Вольтеръ былъ задѣтъ Лесажемъ, который въ своемъ Жиль-Блазѣ вывелъ его на сцену подъ именемъ моднаго поэта Тріакеро, а за 10 лѣтъ до того въ своемъ Temple de Mémoire, одномъ изъ наиболѣе плохихъ водевилей осмѣялъ Вольтера, разумѣется, назвавъ его вымышленнымъ именемъ. Но во-первыхъ аллюзія въ Жиль-Блазѣ, написанномъ въ 1735 году, была открыта лишь въ 1820 году, между тѣмъ современники, которымъ было бы легче ее замѣтить, на самомъ дѣлѣ не замѣтили, во-вторыхъ относительно Temple de Mémoire указывали лишь на то, что въ этомъ водевилѣ встрѣчается выраженіе il prend son vol terre à terre (онъ поднимаетъ краденное съ земли). Но оказывается, что въ 1мъ изданіи сочиненія „Вѣкъ Луд. XIV", появившемся въ 1751 г., Вольтеръ еще ни слова не говоритъ о Marcos de Obregon. Замѣтка Вольтера, что Жиль-Блазъ цѣликомъ взятъ изъ испанскаго романа появилась впервые лишь въ 1775 г. въ изданіи сочиненій Вольтера, извѣстномъ подъ названіемъ édition en-

cadrée. Отсюда пошла литературная басня, подхваченная нѣмецкими историками литературы періода романтизма и испанскими учеными. Послѣдніе ухватились за нее съ особеннымъ рвеніемъ, вплетая въ рѣшеніе вопроса свое національное самолюбіе. Въ 1787 году появился въ Мадридѣ переводъ Жиль-Блаза въ 4^{хъ} томахъ съ характернымъ заглавіемъ „Aventuras de Gil Blas de Santillana robadas à España, adoptadas en Francia por Mons. Le Sage, restituidas à su Patria y à su Lengua nativa, por un Español zeloso, que no sufre que se burlen de su Nacion (6 t.t. Madrid 1787), т. е. Похожденія Жиль-Блаза де Сантильяна украденныя у Испаніи, присвоенныя Франціи господиномъ Лесажемъ и возвращенныя своему собственному языку и своей родинѣ испанцемъ ревнивымъ къ чести своей родины и не терпящимъ, чтобъ надъ его націей надругались." Переводчикъ іезуитъ Исла, знаменитый проповѣдникъ, романистъ, произведеніе котораго Fray Gerundio de Campazas *(братъ Херундіо де Кампазасъ)

 С. П. У.

досель считается классическимъ, былъ изгнанъ въ 1767 году изъ Испаніи и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Болоньѣ. Здѣсь онъ и перевелъ Жиль-Бласа съ итальянскаго перевода. Остается вопросомъ, былъ ли Исла авторомъ предисловія и вышеприведеннаго заглавія. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ умеръ въ 1781 году и, слѣдовательно, не дожилъ до появленія своего перевода въ печати. Разсказываютъ сверхъ того, что Исла подарилъ свой переводъ одному идальго,* впавшему въ бѣдность; стало быть, очень вѣроятно, что заглавіе перевода, роняющее славу Лесажа, придумано помянутымъ идальго-издателемъ для того, чтобъ обратить вниманіе на книгу и тѣмъ содѣйствовать ея успѣху. Ради этого онъ обставилъ изданіе скандаломъ и пустилъ въ ходъ басню, будто Лесажъ былъ въ Испаніи и получилъ тамъ отъ одного андалузскаго адвоката Константини рукопись, которая и была оригиналомъ испанскаго романа. Предисловіе, помѣщенное въ изданіи испанскаго перевода, вызвало цѣлую литературу, въ которой приняли участіе и испанскіе и французскіе писатели. Рѣшающимъ

Лит. Удовл.? Ист. ст. Б. гр. 3. 23. 28-го 1884.

* hidalgo = hijo d'algo = filius de aliquo - сынъ кого нибудь, произносится идальго.

разр. проф. А. Веселовскій

Л. 32 ист. ром.

голосомъ явился Льоренте, извѣст-
ный историкъ инквизиціи; онъ напечаталъ свои
Observations critiques sur le roman de Gil
Blas. On y fait voir que le roman de Gil
Blas n'est pas un ouvrage original, mais
un démembrement des aventures du Ba-
chelier de Salamanque, manuscrit es-
pagnol inédit que M. Lesage dépouilla
des parties les plus précieuses. Такимъ
образомъ Льоренте усвоилъ за Лесажемъ въ
предисловіи къ своему Bachelier (баккалавръ)
de Salamanque заявляетъ во всеуслышаніе,
что онъ извлекъ свою повѣсть изъ испанской руко-
писи, но это нечто иное какъ литературный
пріемъ (смотр. „Дневникъ Лишняго человѣка"
Тургенева, гдѣ авторъ выдаетъ себя за изда-
теля, и т. д.). Льоренте ухватился за это
заявленіе Лесажа и, усматривая сходство
„Саламанкскаго баккалавра" съ Жиль-
Блазомъ пришелъ къ заключенію, что и Жиль-Блазъ
заимствованъ изъ той-же рукописи. При этомъ онъ
нашелъ возможнымъ приписать предполагаемый
испанскій оригиналъ Антоньо де Солисъ,
извѣстному историку завоеванія Мексики.
Замѣчу, что все это держится на очень
слабыхъ критеріяхъ. Не спорю, что между

Жиль-Бласомъ и Саламанкскимъ баккалавромъ есть много точекъ соприкосновенія, но вѣдь тотъ-же рецептъ замѣтенъ даже у Гриммельсгаузена, который однако стоитъ далеко отъ испанскаго романа. Затѣмъ, надо помнить, что Лесажу не зачѣмъ было ѣздить въ Испанію: онъ могъ ее знать, не выѣзжая изъ Парижа, такъ какъ въ то время французы хорошо знали Испанію, да и самая литература французская находилась подъ испанскимъ вліяніемъ, лучшимъ выраженіемъ котораго можетъ служить „Сидъ" Корнеля. Стало быть, чтобъ создать свой романъ, Лесажъ долженъ былъ лишь читать то, что читали другіе, и надо было запастись юморомъ и талантомъ, въ чемъ ему никакъ нельзя отказать. Сравнительный методъ изученія его романа указалъ на цѣлый рядъ источниковъ Лесажа, и въ результатѣ разысканій получилось, что кромѣ испанскихъ авторовъ (Кальдеронъ, Эспинель) Лесажъ бралъ отдѣльные эпизоды у итальянца Ферранте Паллавичино, автора „Обкраденнаго гонца." Въ настоящее время старая точка зрѣнія, принятая

Тикноромъ и др. должна быть оставлена за флагомъ: Жиль-Блазъ не плагіатъ, а Лесажъ, хотя и заимствовалъ кое что у испанцевъ, заимствовалъ такъ, что дѣлалъ лучше, вслѣдствіе чего Жиль-Блазъ является лучшимъ выразителемъ романовъ въ стилѣ picaresco. Изъ новѣйшихъ работъ, посвященныхъ Лесажу укажу на статьи

1. M. Ferdinand'a Brunetière: La question de „Gil-Blas" въ журналѣ „Revue politique et littéraire (paraissant le samedi, fondée en 1863) за 1883 г. №21 (26 Mai) p 650-658.
2. Edm. Veckenstedt: Geschichte der Gil-Blas-Frage 1879 г.
3. Espinel. Vida del Escudero Marcos de Obregon. нов. изд. 1881 съ предисловіемъ Juan Perez de Guzman'a, который затрогиваетъ и вопросъ о Лесажѣ.

Для большаго уясненія вопроса объ отношеніи Лесажа къ Эспинелю, я сравню тѣ предисловія, которыя оба романиста предпосылаютъ своимъ произведеніямъ. Вотъ предисловіе Эспинеля: „Два студента шли

изъ Антекеры въ Саламанку: одинъ вѣтреный, другой разсудительный; одинъ всегда былъ въ ссорѣ съ временемъ и съ работой, другой былъ истымъ и горячимъ поклонникомъ латинск. языка, но различные во всемъ остальномъ, они тѣмъ не менѣе имѣли другъ съ другомъ сходство въ томъ отношеніи, что оба были одинаково бѣдны; они ... шли по открытой мѣстности въ двумъ пополудни, умирая отъ жажды въ этихъ безконечныхъ равнинахъ, и, наконецъ, дошли до источника; освѣжившись, они замѣтили тутъ маленькій* съ готической надписью, буквы которой на половину стерлись отъ времени и копытъ скота, приходившаго къ источнику на водопой. Все таки имъ удалось прочесть слѣд. два слова, написанные дважды: Conditur unio, conditur unio. Вѣтреный студентъ воскликнулъ: „ну, скажите, зачѣмъ этотъ пьяница велѣлъ написать дважды одно и тоже?" Такъ всегда говоритъ невѣжество. Но другой студентъ, болѣе сообразительный и не довольствуясь одной оболочкой, сказалъ своему товарищу: „Я усталъ и боюсь жажды; я не хочу сегодня утомлять себя болѣе." „Такъ оставайся, милый," отвѣчалъ ему тотъ. Разсудительный остался, пообчистилъ камень; прочелъ снова надпись, отыскивая тайный смыслъ этихъ словъ: „Unio значитъ единеніе, связь, сказалъ онъ себѣ, и unio же значитъ перлъ, жемчужина; надо взглянуть, что это за тайна." И поднявъ камень, онъ нашелъ подъ нимъ любовное единеніе двухъ влюбленныхъ изъ Антикеры и на шеѣ женщины перлъ величиной больше орѣха и ожерелье цѣной въ 4 тысячи экю. Онъ, положилъ камень на свое мѣсто и пошелъ другою дорогой. Сличите съ этимъ предисловіе Лесажа:

* камень

„Прежде, нежели приступить къ исторіи моей жизни, я разскажу тебѣ, любезный читатель, маленькую повѣсть. Два школьника шли вмѣстѣ изъ Пеннафіеля въ Саламанку. Почувствовавъ усталость и жажду, остановились они у одного источника, который нашли на дорогѣ. Они напились изъ него, и, сѣвши отдохнуть, примѣтили въ нѣкоторомъ разстояніи, на высунувшемся изъ земли камнѣ, какія-то слова, немного изглаженныя отъ времени и отъ слѣдовъ стадъ, которыхъ приводили на водопой къ сему источнику. Они обмыли камень водою, и прочли слѣдующую Кастильскую надпись: A qui está encerrada el alma del Licenciado Pedro Garcias. „Здѣсь заключена душа Лиценціата Петра Гарсіи." — Младшій изъ школьниковъ, живой и вѣтренный малый, не дочитавъ еще надписи, захохоталъ изо всей мочи и сказалъ: „Что можетъ быть смѣшнѣе этого? — Здѣсь заключена душа.... Душа заключена..... Желалъ бы я знать, что за чудакъ написалъ такую глупую эпитафію!" При сихъ словахъ, онъ всталъ и пустился опять въ дорогу. Товарищъ его, будучи разсудительнѣе, подумалъ: тутъ есть какая нибудь тайна;

постараюсь открыть ее. Оставшись одинъ, и не теряя времени, принялся онъ обкапывать ножемъ вокругъ камня, и до тѣхъ поръ трудился, пока не поднялъ его. Онъ нашелъ подъ нимъ кожаной мѣшокъ, и, открывъ его, увидѣлъ сто червонцевъ и бумагу, на которой написано было по-латыни: Будь моимъ наслѣдникомъ, ты, который имѣлъ столько ума, чтобы разобрать смыслъ надписи, и сдѣлай изъ денегъ моихъ лучшее, противъ моего, употребленіе. Школьникъ, обрадованный такимъ открытіемъ, положилъ камень на прежнее мѣсто, и пошелъ съ душою Лиценціата въ Саламанку. Кто бы ты ни былъ, любезный читатель, будешь похожъ на того, или другаго изъ школьниковъ. Если прочтешь приключенія мои, не обративъ вниманія на нравоученія, въ нихъ содержащіяся, то не получишь никакого плода отъ этой книги; если же прочтешь её со вниманіемъ, то найдешь въ ней, по правиламъ Горація, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ."— Въ этомъ мѣстѣ Лесажъ наиболѣе близко подходитъ къ испанскимъ образцамъ и, какъ видите, даже тутъ онъ стоитъ несравненно выше своего оригинала: его надпись, придуманная имъ самимъ,

отличается большей естественностью и тонкимъ юморомъ. „Душа Гарсіи", оказавшаяся кошелькомъ, показываетъ, что для Лиценціата деньги были всего ближе. Предисловіе Лесажа клонится къ тому, чтобъ читатель прочелъ не только то, что написано въ строкахъ, но и то, что подразумѣвается между строками. Стало быть, поэтъ указываетъ здѣсь на способъ чтенія, который Рабле изобразилъ очень оригинально, сравнивъ читателя съ собакой, грызущей кость: „Наблюдали ли вы когда-нибудь за собакой, нашедшей мозговую кость? Это, какъ говоритъ Платонъ во 2-й книгѣ „De Republica", самое философское животное въ свѣтѣ. Если видѣли, то могли замѣтить, какъ благоговѣйно она стережетъ свою кость, какъ заботливо хранитъ, какъ ревностно держитъ, какъ благоразумно принимается за нее, какъ любовно разгрызаетъ, какъ прилежно ее высасываетъ. Что побуждаетъ ее къ тому? къ какому благу она стремится? Ни къ чему иному, какъ къ небольшому количеству мозга. Правда, что это малое лучше другого многого, потому что, какъ говоритъ Галенъ, III Facult. nat. и XI De usu partium, мозгъ — пища, съ наибольшимъ совершенствомъ выработанная природой".

Кончая вопросъ о Лесажѣ мы повторимъ вмѣстѣ съ Брюнетьеромъ, что „если угодно, романъ Лесажа — энциклопедія романа picaresco и ..... его опредѣленное выраженіе (expression définitive)."

c) Въ Германіи

Разбирая испанскіе романы picaresco, мы отъ времени къ* указывали на ихъ нѣмецкіе переводы. Введеніемъ романа picaresco въ Германію занялся извѣстной Aegidius Albertinus изъ Мюнхена, секретарь баварскаго герцога Максимиліана. Онъ передѣлалъ романъ Матео Алемана: Guzman de Alfarache, и эта передѣлка имѣла нѣсколько изданій, выходившихъ съ небольшими промежутками.
(1615, два издд. въ одинъ годъ; 1616, 1617, 1618, 1631, 1632, 1670, два издд. въ одинъ годъ). Эгидіемъ были переведены лишь двѣ первыя части, третья переведена его продолжателемъ Мартиномъ Фрейденхольдомъ въ 1626 году и напечатана въ 1632. Въ 1617 году Николай Уленхартъ перевелъ „Lazarillo de Tormes" и новеллу Сервантеса „Rinconnete y Cortadillo". Въ 1626 году переведена была съ итальянскаго „Picara justina". Въ 1617 году появился

* до времени

въ нѣмецкомъ переводѣ эпизодъ изъ романа "Донъ-Кихотъ" объ Ансельмѣ и Лотаріо, въ 1621 недурно были переведены и первыя главы знаменитаго романа, но его художественное значеніе едва ли было всѣмъ понятно. Вотъ точки отправленія, на которыхъ опираются такъ называемыя Simplicianische Schriften. Гриммельсгаузена.

Гриммельсгаузенъ

(родился 1625 въ Гельнгаузенѣ, † 1676). Главнымъ произведеніемъ его являются не его героическіе романы въ стилѣ Амадисовъ, а его Simplicissimus, доставившій ему репутацію выдающагося романиста, и рядъ мелкихъ разсказовъ (Simplic. Schriften), гдѣ дѣйствующія лица взяты изъ Simplicissimus; это какъ будто мелкіе побѣги вокругъ ствола. Говорили нѣкоторые, что Гриммельсгаузенъ, пиша свои героическіе романы, пускалъ ихъ въ свѣтъ подъ своимъ именемъ, а пиша романы въ стилѣ picaresco выбиралъ имя не свое, а дѣланное (напр. Самуэль Грейфнзонъ фонъ-Гиршфельдъ; Германъ Шлейфштейнъ фонъ-Сульсфортъ и т. д.) Такой фактъ, по ихъ мнѣнію, объясняетъ отношеніе

Гриммельсгаузена къ picaresco, который казался ему будто бы низкимъ родомъ литературы. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики, потомучто во времена Гриммельсгаузена всюду царила эта литературная черезполосица: одного опредѣленнаго теченія литературы не существовало, такъ что пастораль, Амадисы и picaresco шли бокъ о бокъ. Изъ біографіи Ганса Якова Христофферля фонъ-Гриммельсгаузена я укажу лишь на то, что онъ больше 10 лѣтъ участвовалъ въ тридцатилѣтней войнѣ и благодаря этому могъ познакомиться съ положеніемъ страны. Его переходъ изъ протестантизма въ католичество подъ конецъ жизни меня мало интересуетъ. Гобертагъ (посвятившій Гриммельсгаузену 110 страницъ второй части II-аго тома своей книги) говоритъ, что Гриммельсгаузенъ старался во силу своего характера и развитія возвыситься на точку объединенія церквей, но во всякомъ случаѣ это мало отразилось на его романахъ. Разбирая романы Гриммельсгаузена, я постараюсь выдѣлить въ нихъ, то, что дано развитіемъ общеевропейскимъ, и то, что принадлежитъ Гриммельсгаузену, какъ

писателю нѣмецкому. Дѣло въ томъ, что многія изъ его романовъ являются просто переводами: такъ самое раннее его произведеніе Wandersmann nach Mond — переводъ французскаго романа: „L'homme dans la Lune" Ф. Бодуэна, который въ свою очередь перевелъ свой романъ съ англійскаго (The Man in the Moon or a Discourse of a voyage thither by Domingo Gonsales Фр. Годвина). и далъ содержаніе извѣстной утопіи „Histoire comique des Etats et Empires de la lune," принадлежащей Cyrano de Bergerac'у (1620-1655). Изъ другихъ романовъ Гриммельсгаузена во вкусѣ французскихъ любовныхъ романовъ укажу на: „поучительное жизнеописаніе цѣломудреннаго Іосифа Прекраснаго" (1667), на „пріятное описаніе любви и страданія Дитвальда и Амелинды" (1670). Въ своемъ „Іосифѣ" Гриммельсгаузенъ разработалъ тотъ же сюжетъ, взятый изъ библейскаго апокрифа о женѣ Пентефрія, который въ 1670 году разработалъ другой нѣмецкій писатель Филиппъ Цезенъ (1619-1689). въ своемъ романѣ „Assenath". Укажу еще на Satyrischer Pilgram

(1666); на Traumgeschicht von Dir und Mir, прибавленіе къ его же Reise in die Neue Oberwelt des Mondes (1658). Источникомъ для нихъ послужила книга Іоганна Михаеля Мошероша (1601-1669) „wunderbare und wahrhafte Gesichte" (1644), переведенныя съ испанскаго яз. изъ „Sueños" Кеведо. Traumgeschicht и Mondreise Гриммельсгаузена нѣчто въ родѣ сборника сновидѣній и грезъ, нелишенныхъ сатирической тенденціи. Въ 1668 году появилось въ печати его главное произведеніе „Simplicius Simplicissimus" въ пяти книгахъ, а въ 1669 году вышло новое дополненное и исправленное изданіе съ прибавленіемъ VI книги, которая является послѣдней, если не принимать въ счетъ трехъ маленькихъ abhang'овъ; новѣйшее изданіе сдѣлано Брокгаузомъ (2 томика). Къ „Simplicissimus" примыкаютъ еще три маленькихъ романа: 1). Courasche (пущенная Гримм. въ свѣтъ подъ псевдонимомъ „Филарха Гросса изъ Тромменгейма на Гриффсбергѣ.") Это типъ женщины, прошедшой огонь и воду, а точкой отправленія для Гриммельсгаузена была въ данномъ случаѣ „Picara Justina" (см. picare-

sco въ Испаніи). 2. Trutz-Simplex.
3. Springinsfeld. Всѣ эти маленькіе романы извѣстны подъ именемъ „Simplicianische Schriften," потому что въ нихъ дѣйствуютъ нѣкоторые изъ героевъ главнаго романа.
Укажу еще на „Свѣтъ наизнанку" (окол. 1672), гдѣ описывается прогулка въ адъ и изображены отношенія людей въ идеальномъ, желательномъ видѣ, въ чемъ, разумѣется, слышна иронія. Для литературныхъ отношеній XVII в. интересна статья Гримм. о нѣмецкомъ языкѣ, написанная имъ въ 1673 году (Bobertag II p. 56-57) противъ введенія неологизмовъ и варваризмовъ. Оказывается, что лучше всего говорили по-нѣмецки въ то время въ Шпейерѣ и... Прагѣ (!), которая въ первую треть XVII в. была центромъ германизаціи.
„Simplicissimus" нашего автора, какъ уже было замѣчено, не явился изъ воздуха: его предшественниками были „Guzman de Alfarache", переведенный Эгидіемъ и Фрейденхольдомъ, затѣмъ „Picara Justina", „Ласарильо де Тормесъ" и новелла Сервантеса, обработанные Уленхартомъ. Что Гримм. зналъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ переводѣ, доказательствомъ служатъ его заимствованія

изъ перечисленныхъ книгъ. Наибольшее вліяніе, по мнѣнію Бобертага, оказалъ будто бы на Гриммел. „Франсіонъ" Сореля, переведенный на нѣмецкій языкъ лишь въ 1668 году, стало быть, въ одно время съ появленіемъ въ печати первыхъ пяти книгъ „Simplicissimus". Приходится поэтому предложить, что нашъ авторъ познакомился съ Франсіономъ въ подлинникѣ.* Гриммельсгаузенъ знаетъ Амадисовъ, Аркадію Санназаро и народныя книги Schwankbücher; прибавьте къ этому практическое знаніе жизни, общественныхъ и политическихъ отношеній первой половины XVII вѣка и вы получите понятіе объ источникахъ Гриммельсгаузена. Изученіе Simplicissimus'а можетъ быть поэтому предметомъ анализа, имѣющаго уяснить, что внесъ Гримм. своего въ передѣлки испанскихъ романовъ picaresco. Характеристика этого романа у Бобертага, не отличающагося вообще умѣніемъ характеризовать, одна изъ самыхъ неудачныхъ: онъ видитъ глубокій смыслъ даже въ невольныхъ повтореніяхъ Гриммельсгаузена, который написалъ свой романъ не сразу и, стало быть, могъ повторяться.

такъ напримѣръ герой его романа трижды обращается къ мысли сдѣлаться отшельникомъ, и вообще тагъ старается отыскать въ этомъ глубокую идею (р. 103, Вл. IIа.)
Гриммельсгаузенъ, если хотите, внесъ въ романъ picaresco нѣчто новое, потому что у него дѣйствіе перенесено уже въ Германію, тогда какъ Жиль Блазъ остался еще въ Испаніи.
Содержаніе романа Simplicissimus:
Герой романа, за котораго говоритъ самъ авторъ, не знаетъ своего отца и матери и воспитывается въ домѣ одного крестьянина. Онъ провелъ свои дѣтскіе годы въ грубомъ невѣжествѣ. Разъ на деревню напали непріятельскіе кирасиры; Симплексъ убѣжалъ къ одному пустыннику, который научилъ его христіанской вѣрѣ, чтенію и письму. Мальчикъ живетъ здѣсь до смерти пустынника, затѣмъ хочетъ и самъ сдѣлаться аскетомъ, но новая война уноситъ его въ иной міръ. Герой, по схемѣ испанскаго романа, попадаетъ въ качествѣ пажа къ полковнику Рамсаю комменданту города Ханау. Коммендантъ дѣлаетъ его шутомъ и обходится съ нимъ хорошо, такъ какъ Симплексъ похожъ лицемъ на покойную сестру полковника. При ревизіи войска какимъ-то коммиссаромъ нашего героя ставятъ въ ряды для комплекта, и онъ по этому поводу получаетъ имя

Лит. Угловой Нем. ст. в. пр. Я. Ягг.

Симплицiя Симплициссимуса. Жизнь въ окруженiи комменданта, совсѣмъ не похожая на жизнь у пустынника, наводитъ слагающагося мальчика на разныя соображенiя. Тутъ у Гримм. слѣдуетъ рядъ дискурсовъ, намѣченныхъ уже въ „Guzman de Alfarache," напр. о памяти; въ 9 гл. помѣщена юмористическая похвала женской красоты, въ 11 гл. трактатъ о трудной жизни правителей, въ 12 о разумн. животныхъ. — Симпл. былъ схваченъ кроатами и уведенъ въ плѣнъ, откуда герой спасается бѣгствомъ и укрывается въ лѣсу: Тутъ онъ дѣлаетъ первую попытку на поприщѣ воровства. Дальше выступаетъ на сцену элементъ магiи и волшебства: Симпл. садится случайно на скамью, намазанную волшебною мазью. Онъ въ одинъ мигъ очутился на Блоксбергѣ (мѣсто дѣйствiя Вальпургiевой ночи въ „Фаустѣ" Гете). Онъ во время произнесъ имя Христа: всѣ вѣдьмы бѣгутъ, кто куда, а Симпл. падаетъ безъ чувствъ; на утро его нашли близъ Магдебурга, который былъ въ то время осажденъ (1635. дѣйствiе романа, какъ видите, происходитъ въ эпоху 30лѣт. войны) Здѣсь онъ поступаетъ на службу къ какому то полковнику, изучаетъ лагерную жизнь и находитъ въ старомъ Херцбрудерѣ отца-совѣтника, а въ его сынѣ вѣрнаго друга. Они помогаютъ ему нѣкоторое время идти впередъ и не увязнуть въ

Лит. Гробовой Пет. ст. Б. пр. 8. № 23.

окружающей средѣ.

Профессія шута и шутовская одежда опротивѣли нашему герою: онъ переодѣвается дѣвочкой, переживаетъ нѣсколько приключеній, и, въ минуту наибольшей опасности, его спасаетъ битва при Виттштокѣ. Затѣмъ онъ дѣлается прислужникомъ у одного драгуна изъ имперскаго войска и, послѣ его смерти становится его преемникомъ. Теперь онъ солдатъ, мужественный, изобрѣтательный, съ рыцарскимъ духомъ и смѣлостью. Рядъ подвиговъ героя завершается плѣномъ у шведовъ. Во время праздной жизни онъ женится въ Липпштадтѣ, но спустя нѣсколько недѣлей разстается съ женой и ѣдетъ въ Кельнъ по коммерческимъ дѣламъ, а оттуда въ Парижъ, гдѣ и заболѣваетъ оспой; затѣмъ ему приходится влачить жизнь въ качествѣ шарлатана; наконецъ, онъ поступаетъ въ одинъ изъ имперскихъ полковъ мушкетеромъ. Другъ Херцбрудеръ избавляетъ его изъ этого положенія. Какъ видите, исторія довольно однообразная, какъ будто біографія дѣйствительно пережитаго авторомъ. Въ пятой книгѣ герой, потерявъ первую жену, женится на другой, узнаетъ, что его настоящимъ отцемъ былъ тотъ пустынникъ, у котораго онъ провелъ часть дѣтства. Затѣмъ въ романѣ слѣдуетъ эпизодъ о Муммельзе, куда герой попалъ непонятнымъ для меня образомъ. Это совершилось, очевидно, въ духѣ перенесенія его на Блоксбергъ. (Соотвѣтствуетъ нашей Лысой горѣ въ легендахъ о кіевскихъ

вѣдьмахъ). Вернувшись изъ Муммельзе на землю, герой ѣдетъ въ Россію, гдѣ и занимается выдѣлкой пороха. Тутъ онъ взятъ въ плѣнъ татарами, попадаетъ въ Китай, Корею, Японію, Ост-Индію, Константинополь и черезъ Италію возвращается къ своимъ пенатамъ.
Сознаніе мірской тщеты приводитъ его къ мысли сдѣлаться отшельникомъ; онъ разстается съ читателемъ, сказавъ длинную рѣчь, взятую напрокатъ у испанскаго писателя Гуевары, переведеннаго Эгидіемъ Альбертиномъ. Но эта жизнь ему не по плечу: въ началѣ VI книги герой готовъ снова пуститься въ свѣтъ и поступаетъ къ одному господину въ качествѣ шута. Затѣмъ въ романѣ слѣдуетъ рядъ ничѣмъ несвязанныхъ путешествій въ Лоретто, Римъ и Александрію; въ Египтѣ его схватили разбойники и долгое время показывали какъ дикаго человѣка. Наконецъ, онъ попадаетъ на какой-то островъ, живетъ здѣсь по образу Робинзона, опять хочетъ сдѣлаться пустынникомъ, но капитанъ корабля изъ Гарлема беретъ его съ собою чѣмъ и кончается 4 глава VIой книги. Къ этому прибавлены три небольшихъ Anhang'а: въ 1омъ Симпл. по возвращеніи въ Европу занимается изданіемъ газетъ и календарей; во 2омъ разсказывается какъ выбрался онъ съ помянутаго острова; въ 3емъ сообщаются кое-какія исторіи изъ времени послѣ возвращенія. Наконецъ, романъ завершается небольшимъ Zugabe аллегорическо-медицинскаго содержанія. Таковъ Simplicissimus по

его плану, который не стоитъ на одной высотѣ съ изложеніемъ, полнымъ юмора. Какъ нѣмецкій писатель, какъ реалистъ Гримм. беретъ иногда содержаніе изъ реальной жизни и является истолкователемъ 30-ти войны, лучше всякихъ историческихъ документовъ. Все это указываетъ на привязанность Гриммельсгаузена къ Германіи. Simplicissimus, котораго слѣдовало бы изучить въ сравненіи съ типами французскаго и испанскаго picaresco (чего я сдѣлать не успѣлъ), во всякомъ случаѣ далекъ отъ своихъ первообразовъ и даже отъ типовъ, выведенныхъ въ другихъ романахъ Гриммельсгаузена: Courasche, сколокъ съ Picara Justina, стоитъ ниже таланта нашего автора. Сводя къ общему впечатлѣнія, произведенныя на насъ Гриммельсгаузеномъ, мы можемъ сказать, что онъ не сдѣлалъ ничего новаго, такъ какъ жилъ въ эпоху возрожденія нѣмецкой литературы, находившейся подъ иностраннымъ вліяніемъ. Его шагъ впередъ состоитъ лишь въ томъ, что онъ стоитъ на народной почвѣ.

Романы религiозные.

Я миную группу романовъ религiозныхъ, являющихся какъ бы отраженiемъ религiозной борьбы XVI-XVII вв; я миную и католическiе протестанскiе романы этого рода, каковъ напр. Pilgrims Progress Джона Bunyan'a (см. Dunlop Liebr. p. 321-323), не имѣющiй ничего общаго съ романомъ. Гораздо скорѣе можетъ быть названъ религiознымъ романомъ романъ Агриппы D'aubigné (1550-1630); „Aventures de baron de Faeneste (отъ глагола φαίνεσθαι = казаться). Авторъ выводитъ на сцену двухъ бароновъ Фенесте и Энэ (отъ εἶναι), олицетворяя въ нихъ культуру казовую и не казовую. Романъ Агриппы Д'Обинье является сатирой на цѣлый классъ тогдашнихъ придворныхъ и кавалеровъ. Д'Обинье, сотрудникъ короля Генриха IV, ярый протестантъ, „homme d'action plus encore qu'homme de lettres soldat ou controversiste, toujours sur la brèche", писалъ свой романъ съ 1617 по 1630 годъ и отразилъ въ немъ свое время, наполненное страшной религiозной борьбой.*

x Oeuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné publiées pour la première fois d'après les manuscrits originaux accompagnées de notices biographique, littéraire et bibliographique, de variantes, d'un commentaire, d'une Table des noms propres et d'un glossaire par Mm. Eug. Réaume et de Caussade. Paris 1873. 3 voll. См. о D'Aubigné статью

Еще курьезнѣе романы Jean Pierre Camus'a (1582-1652). Ему не было и 26 лѣтъ какъ онъ сдѣлался епископомъ города Belley и отличился на этомъ поприщѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей. Онъ былъ лучшимъ представителемъ неокатоличества, пользовался любовью протестантовъ и ненавистью монаховъ, противъ которыхъ писалъ и говорилъ въ теченіе многихъ лѣтъ безъ перерыва. Камюзъ былъ современникомъ и, кажется, другомъ св. Франциска Сальскаго (1567-1622) лучшаго представителя тогдашняго католичества, дѣйствовавшаго въ духѣ примиренія и желавшаго повліять на стиль и содержаніе романовъ. Камюзъ, слѣдуя этому примѣру, прибѣгалъ для проведенія своихъ идей къ формѣ романа: бралъ самые свѣтскіе сюжеты и заканчивалъ дѣйствіе покаяніемъ грѣшницы и поступленіемъ ея въ монастырь. —

Xenke въ Historisches Tachenbuch begründet von Friedrich Raumer, herausgeg. von W. H. Riehl. Fünfte Folge. Dritter jahr-gang Leipz. 1873. p. 249-320. * Dunl. p. 319 и 504 (прим. 397).

Утопіи.

Во всѣхъ предшествующихъ романахъ и въ амадисахъ и въ пасторали и въ picaresco: жизнь, взятая въ ея центрѣ, обойдена: даже picaresco, къ которому наиболѣе приложимо названіе романа реальнаго, изобилуетъ шаржемъ, грубо окрашивающимъ жизнь. Въ дѣйствительную жизнь, въ томъ видѣ какъ она есть заглянулъ лишь одинъ Фюретьеръ. Зато не было недостатка въ романахъ, рисовавшихъ жизнь въ желательномъ, обрагороженномъ видѣ. Это утопіи, желавшія осмыслить общественныя отношенія, бѣдныя эпическимъ содержаніемъ, онѣ могли бы и не входить въ исторію романа, гдѣ онѣ играютъ второстепенную роль. Я ограничусь лишь нѣсколькими авторами и начну съ Томаса Мора, Utopia котораго появилась около 1516 года. Біографія его вамъ, вѣроятно, извѣстна, а равно извѣстна его судьба, его отношеніе къ церковнымъ вопросамъ и его казнь. Странно, что его Utopia расходится съ его же собственными воззрѣніями въ самыхъ основахъ. Дѣло въ томъ, что въ Утопіи проводится мысль о вѣротерпимости, между тѣмъ какъ въ жизни Томасъ Моръ отличался прямо противоположнымъ отношеніемъ къ этому вопросу.

Утопія была переведена на всѣ европейскіе языки, вызвала при своемъ появленіи удивленіе знатоковъ своего классической латынью и побудила Гаррингтона написать въ половинѣ XVI вѣка свою „Осеапа". Утопія мѣстность не существующая: это какой-то затерянный островъ, на которомъ авторъ устраиваетъ свое идеальное общество. Стало быть, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, напоминающемъ неопредѣленную географію пасторали, гдѣ дѣйствіе отнесено куда-то въ далекную даль съ лучшимъ благосостояніемъ, чѣмъ въ жизни реальной. Но пастораль не указываетъ путей къ прогрессу; въ ней проходитъ лишь идея освобожденія личности отъ стѣснительныхъ условій городскаго быта и нѣтъ еще помину объ освобожденіи общественномъ. Въ утопіяхъ намѣчены новые общественные идеалы, неосуществимые совсѣмъ или на половину, высказывается идея о переустройствѣ существующихъ порядковъ. Въ началѣ своего романа или, лучше сказать, трактата Моръ разсказываетъ, что онъ встрѣтилъ однажды въ Антверпенѣ нѣкоего Рафаэля, который сопровождалъ Америго Веспуччи въ Новый Свѣтъ и по дорогѣ туда посѣтилъ островъ Утопію (уже самое

названіе острова указываетъ, что онъ не существуетъ: Utopia = οὐ + τόπος.)
Первая книга, служащая введеніемъ содержитъ разговоръ Томаса Мора съ помянутымъ Рафаэлемъ. объ управленіи государствомъ. Во второй Рафаэль даетъ географическое описаніе острова и сообщаетъ о его соціальномъ строѣ, о тамошней администраціи, искусствахъ, военномъ дѣлѣ и религіи; на островѣ царитъ полнѣйшая вѣротерпимость (что особенно поразитъ всякаго, кто знакомъ съ біографіей Томаса Мора). большая часть жителей вѣруетъ во всемогущаго, все проникающаго духа, другіе чтятъ героевъ прошлаго или поклоняются звѣздамъ. На островѣ все основано на началахъ коммунизма, на общности имущества. За Утопіей Мора по времени появленія слѣдовало бы упомянуть телемскую утопію въ 1ой части романа Рабле, который хотѣлъ изобразить идеалъ невозможный въ обществѣ современномъ, но о ней будетъ рѣчь впереди. Въ XVII вѣкѣ появилась на латинскомъ языкѣ „Civitas solis." Кампанеллы, имя котораго извѣстно всякому, кто заглядывалъ въ исторію философіи, извѣстна его двадцатисемилѣтняя тюрьма, гдѣ онъ писалъ свои

лучшія произведенія; трактаты, утопіи и лирическія пьесы. Кампанелла принадлежалъ къ той философской школѣ, которая пристала къ Галилею, и, слѣдовательно, былъ однимъ изъ новаторовъ) откуда его трагическая судьба. Полный утопическихъ мечтаній онъ попадаетъ въ тюрьму за попытку произвести революцію, въ которой онъ въ сущности мало участвовалъ; его спасаетъ.... (вещь почти невѣроятная) не кто иной, какъ папа, который вызываетъ его въ Римъ, какъ бы для судебнаго слѣдствія, и даетъ возможность бѣжать во Францію. Изъ сочиненій Кампанеллы обращаютъ на себя вниманіе: 1) Солнечный градъ (Civitas solis) 2) Царство Мессіи. Какъ во всѣхъ утопіяхъ, здѣсь фигурируетъ цѣлый рядъ новыхъ общественныхъ построеній. Кампанелла высказалъ впервые экономическія теоріи развитыя впослѣдствіи. Онъ не абстрактенъ и признаетъ состоятельность политическихъ переворотовъ лишь подъ условіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго роста: иначе въ будущемъ ждетъ неудача. Въ его царствѣ Мессіи или въ Солнечномъ градѣ проводятся однако такіе принципы, къ которымъ общество земное мало прислушивалось. Вотъ вкратцѣ содержаніе „Civitas solis" Кампанеллы, изображающаго порядки воображаемаго солнечнаго града.

Тамъ всѣ платятъ равныя подати, на
удовольствія (не говоря уже о роскоши) уста-
новленъ налогъ. Тамъ есть пріюты для
старыхъ и малолѣтнихъ; бѣднымъ дается
даромъ извѣстная сумма; тамъ есть банки,
единство монетной системы; поощряются
науки и ремесла, и особенное вниманіе
обращено на изученіе исторіи жизни народовъ,
географіи и реальнаго міра. Тамошнее
общество - собраніе свободныхъ людей. Вер-
ховный правитель Солнечнаго града
- жрецъ, представитель интеллигенціи,
которую Кампанелла ставитъ выше всего.
Ему прислуживаютъ Potentia, Sapientia
и Amor; это три министра, изъ коихъ
каждый вѣдаетъ свое министерство. Po-
tenza завѣдуетъ дѣлами войны и мира;
Sapientia руководитъ народнымъ просвѣще-
ніемъ, Amor вѣдаетъ вопросъ о прира-
щеніи населенія и воспитаніи молодаго
поколѣнія. Тамъ и сямъ разсѣяны разнаго
рода эпизоды, съ которыми стоитъ познако-
миться поближе: таковъ отдѣлъ о собствен-
ности въ рамкахъ вѣчнаго владѣнія, о вос-
питаніи и обученіи, отдѣлъ о рабствѣ и о
религіи. Интересенъ эпизодъ, когда посл-

тившій этотъ городъ видитъ тамъ изображенія Іисуса Христа, Магомета, Ликурга, Моисея (замѣтьте, что Кампанелла былъ монахъ!) Схема „Civitas Solis" таже, что и въ Утопіи Томаса Мора: она состоитъ изъ разговора, который ведется между великимъ магистромъ ордена госпитальеровъ и генуэзскимъ адмираломъ, посѣтившимъ „Civitas Solis". —Утопіи мало по малу плодятся съ легкой руки Мора и Кампанеллы: такъ въ Италіи Гаспаро Гоцци (Gozzi) написалъ маленькій разсказъ Storia del reame degli orsi (исторія царства медвѣдей). Постепенно въ схему утопій сталъ входить элементъ романическій. Такъ Савиньянъ де Cyrano de Bergerac (1620-1655), принадлежавшій къ той же литературной плеядѣ, что и Скарронъ, написалъ свое „Путешествіе на луну" во вкусѣ упомянутаго выше (по поводу Wandersmann nach Monde Гриммельсгаузена) Годвина и утопій Мора и Кампанеллы, оставивъ его однако

романическими подробностями. Бла-
годаря этому онъ пошелъ дальше
своихъ предшественниковъ и, несомнѣн-
но, возбудилъ вниманіе. Онъ пользо-
вался расположеніемъ дамъ высшаго
круга и женился на красавицѣ Фран-
цискѣ d'Обинье, извѣстной впослѣд-
ствіи подъ именемъ маркизы de Main-
tenon, ставшей женою Лудовика XIV
Загадочная смерть Бержерака
была обставлена сказочными толко-
ваніями.
Всѣ перечисленныя утопіи являются
только почином и лишь въ рукахъ
Свифта создается первый романъ
утопическаго характера.

Салонный героическій романъ
таково развитіе романа европей-
скаго въ XVI-XVII в. когда изъ Амадисовъ
возникаетъ галантный героическій ро-
манъ временъ Фронды, нашедшій для
себя цѣлую вереницу авторовъ, каковы:
Calprenède (+ 1663), авторъ „Клеопатры
и Кассандры";

mademoiselle Scudéri (+1701 на 94 году отъ рожденія) автора извѣстнаго романа „Artamène ou le Grand Cyrus", и др. Французскій салонно героическій романъ нашелъ себѣ нѣмецкихъ подражателей, о которыхъ, не жалѣя ни времени, ни бумаги, распространяется Бобертагъ во II томѣ своей странной до наивности книги. Итакъ въ XVII вѣкѣ идутъ бокъ о бокъ Амадисы, picaresco (послѣднимъ творцемъ котораго былъ Гриммельсгаузенъ*, а во Франціи Лесажъ), пастораль и утопіи. Какъ видите здѣсь нѣтъ нигдѣ новаго почина, который явится лишь въ XVIII в. въ силу новаго движенія въ обществѣ: я имѣю въ виду романъ семейный, лучшими представителями котораго будутъ англійскіе писатели, и романъ личности въ рукахъ Руссо и его подражателей. Я по неволѣ становлюсь краток и воспользуюсь послѣднимъ часомъ, чтобы сказать хоть немного о

Раблэ и Сервантесѣ.

- Романы конца XVI и начала XVII вѣка продолжают идти по проложеннымъ путямъ, не представляя ничего новаго.

* въ Германіи

И вотъ между 17 и 18 вѣкк. становятся два произведенія, раздѣленныя временемъ, которыя надо поставить особо, отдѣльно отъ остальнаго теченія литературы, и затѣмъ сблизить ихъ между собою. Я имѣю въ виду Сервантеса и Раблэ. Разница во времени появленія двухъ знаменитыхъ романовъ равна приблизительно полустолѣтію. Извѣстно, что Сервантесъ умеръ въ одинъ день съ Шекспиромъ (26 Апрѣля 1616 года), а первое изданіе трагедіи Шекспира „Гамлетъ" и первая часть сервантесовскаго „Донъ-Кихота" явилась въ одинъ и тотъ же годъ, въ самомъ началѣ XVII столѣтія. Эта случайность дала поводъ Тургеневу сравнить Гамлета съ Донъ-Кихотомъ. Сервантесъ, вѣроятно ничего не зналъ о Шекспирѣ, но великій трагикъ, въ тишинѣ своего Стратфордскаго дома, куда онъ удалился за три года до смерти, могъ прочесть знаменитый романъ, который былъ уже тогда переведенъ на англійскій языкъ... По моему, такія сравненія не всегда доказательны и нельзя такъ много давать значенія одновременности. Статья Тургенева грѣшитъ отчасти своею абстрактностью;

онъ разбираетъ Гамлета и Донъ-Кихота отдѣльно отъ исторической почвы и, минуя Шекспира и Сервантеса, талантливо рисуетъ намъ типъ альтруиста-идеалиста съ одной стороны и типъ скептика-эгоиста съ другой. Мое сравненіе Сервантеса съ Раблэ не будетъ отходить въ сторону отъ исторической почвы, я не буду доказывать, что Раблэ зналъ Донъ Кихота, какъ это дѣлаетъ чешскій ученый Frant. Jeřábek,* который въ своей статьѣ, представляющей невообразимую чепуху, заявилъ, что velice podobno je pravdě že čelní satyrikové století 17-ho jak Cervantes ve svém Don Quixotu, tak Angličan Jonathan Swift ve svých „Guliverových cestách" mnohému se přiučili od Rabelaisa. Я буду сближать Раблэ и Сервантеса, потому что, оба они дали міру нѣчто новое, потому что, если можно говорить объ ихъ-

---

* Stará doba romantického básnictví příspěvek k českým studiím o poesii světové, помѣщена въ Novočeská Bibliothéka vydávaná nákladem Musea Království Českého Číslo XXVI. V Praze 1883. p. 409.

романахъ, то эта кличка какъ нельзя более идетъ къ Донъ-Кихоту и Гаргантюа. Это два ich-романа въ полномъ смыслѣ слова, потому сами авторы являются въ нихъ героями; оба романа отражаютъ въ себѣ пережитое ихъ авторами; въ нихъ можно услѣдить даже отзвуки времени. Сервантесъ и Рабле жили идеями своего времени; оба жили въ эпоху перелома. Романъ французскаго автора — нечто иное какъ душевная автобіографія Рабле, идеальная автобіографія весенней поры французскаго возрожденія, собравшаяся въ одномъ человѣкѣ, пережившемъ періодъ восторженныхъ утопій, рано пораженнымъ въ своихъ юношескихъ мечтаніяхъ и молчаливо сосредоточенно отправившемся въ новый путь — въ поискахъ за новыми надеждами и утопіями. Тоже самое должно сказать и о Донъ-Кихотѣ Сервантеса, такъ что я имѣю полное право сравнить этихъ двухъ писателей, сблизить ихъ, отнюдь не заводя рѣчи о сходствѣ сюжетовъ. Интересно то, что и Рабле и Сервантесъ начинаютъ свои романы неудержимымъ хохотомъ: Донъ-Кихотъ награждается ударами бедъ…

Лит. Гробовъ. Пет. Ст. б. гр. 9. 23.

разр. пр. А. Веселовскій 34 л. ист. раз.

счета; у Рабля въ первой половинѣ его романа царитъ веселый хохотъ, нѣсколько животнаго тэмбра, но во второй части у Сервантеса преобладаетъ трагическій тонъ, ударовъ становится меньше и послѣдніе эпизоды не вызываютъ смѣха, и у Рабле начиная съ 3^{ей} книги вы замѣчаете что-то новое, авторъ къ чему-то приготовляется и послѣдніе эпизоды отводятъ васъ въ область чистаго трагизма, гдѣ нѣтъ мѣста смѣху. Это не техническій пріемъ, а явленіе данное временемъ. О Рабле я скажу очень немного, потому что мною была написана работа, посвященная „Рабле и его роману“.* Рабле, родившійся, можетъ быть въ 1483 году, принадлежалъ къ той плеядѣ людей, центромъ которой была Маргарита Наваррская; а членами состояли: Клеманъ Маро, Деперье, Кальвинъ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ ушли въ чистую науку, стали реформатами или гугенотами. Юность и первые мужескіе годы Рабле принадлежатъ весенней порѣ французскаго rénaissance; мы могли

---

* Вѣстн. Евр. 1878 года. Мартъ р. 128-200.

вы назвать эту пору теоретической. Весна наступила и всѣ радуются ей, не задаваясь вопросомъ о томъ, что скажетъ лѣто; средневѣковые порядки рушились подъ давленіемъ новыхъ требованій жизни, новыхъ идей, которыя помогли формулировать вліяніе Италіи и обновленное классическое знаніе — и никого еще не волнуетъ томительная неизвѣстность: какъ скажутся эти идеи при встрѣчѣ съ широкой практикой жизни. Идеи возрожденія казались имъ, и въ томъ числѣ Рабле, панацеей, которая развяжетъ ихъ от прошлымъ, наставитъ на новые пути; они пришли къ вопросу о возрожденіи общества, стало быть, о его воспоминаніи въ духѣ Renaisance'а. Они рѣшили, что надо сперва воспитаться, дать плодъ, чтобъ эти идеи стали достояніемъ общества, чтобъ послѣднее исправилось и обновилось. Такова идея Телемской утопіи въ романѣ Рабле, общій планъ котораго вамъ, вѣроятно извѣстенъ. (а подробности вы найдете въ моей статьѣ) Главную тему для первой книги романа и для нѣкоторыхъ эпизодовъ второй дала Рабле одна изъ тѣхъ народныхъ французскихъ книжекъ, какія начинаютъ являться

ни переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, и, предваряя художественный протестъ Сервантеса рисуютъ въ каррикатурномъ видѣ отжившій міръ рыцарскихъ подвиговъ, романтическихъ гигантовъ и волшебниковъ. Рабле воспользовался рыцарскимъ остовомъ, его подробностями, чтобы пересказать по своему. - Общій планъ романа вамъ, вѣроятно, извѣстенъ, а за подробностями я отсылаю васъ къ моей статьѣ и къ богатой фактами работѣ нашего лектора французскаго языка:

1) Jean Fleury: Rabelais et son oeuvre. Paris. 1876.77. 2 voll. Тутъ перечислена вся библіографія, посвященная Рабле
2) Gebhart: Rabelais, la renaissance et la réforme. Paris. 1877. 1v.
3) Louis Michel: Essai sur Rabelais. Paris. 1877. 1v.

Герой Рабле - гигантъ Гаргантюа, ведущій чисто матеріальную жизнь. Родившись, онъ тотчасъ же закричалъ: пить, пить! Большая же у тебя глотка! (Que grant tu as, подразумѣвается, le gosier), говоритъ прибѣжавшій на крикъ отецъ; оттого и пошло имя мальчика: Gargantua. Его младенческіе годы проходятъ въ животномъ прозябаніи. Наконецъ, настало время его учить. Первымъ учителемъ Гарг. былъ докторъ богословія Тубалъ Олоферпъ. Тутъ Рабле характери-

зуетъ средневѣковое обученіе, сводившееся къ зазубриванью школьныхъ учебниковъ. Наконецъ, наставникъ умеръ, новый наставникъ магистръ Жобеленъ Бридє оказался не лучше перваго и былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Новый воспитатель обращается къ новому пріему къ обученію не по книжкамъ, а посредствомъ наглядного наблюденія надъ природой. Гаргантюа изъ стихійнаго великана становится человѣкомъ временъ французскаго renaissance.

Во второй книгѣ Рабле нарисовалъ знаменитую Телемскую обитель, сооруженную на щедроты Гаргантюа. Въ этой утопіи Рабле выразилъ свое общее міровоззрѣніе и надежды своего кружка на Франциска I. Чѣмъ дальше подвигается разсказъ, тѣмъ меньше становятся люди, и съ уменьшеніемъ ихняго роста сказка становится исторіей. Вторая книга разсказывающая о рожденіи Пантагрюэля, которому предстоитъ воспитаться по болѣе широкой программѣ гуманизма, была написана въ 1532 году и съ этого года вплоть до 1546 Рабле молчитъ, принужденный къ тому обстоятельствами. Увлеченный католической партіей Франсуа открыто выступаетъ на путь преслѣдованія: въ 1535 году начинаются казни; 13-го января того же года книгопечатаніе было запрещено, хотя исполненіе указа и было отложено на неопредѣленное время. Въ 1545 начались новыя преслѣдова-

нія вальденсовъ. Въ 15 лѣтъ все измѣнилось: свободная религіозность оттѣснена напоромъ формальнаго религіонизма; гармоническая цѣльность личнаго развитія, передовая задача возрожденія, распалась на части, переставшія познавать одна другую: реформа отшатнулась отъ гуманизма, гуманизмъ разложился на узкія профессіи; сверстники Рабле ушли въ могилу (Clément Marot; Des Periers; Долэ, сожженный въ Парижѣ на Place Maubert). Франсуа умеръ въ 1547 году, но великій Гаргантюа давно уже умеръ. Осталась Маргарита Наваррская, одна изъ симпатичнѣйшихъ женщинъ первой поры франц. Renaissance. Вмѣстѣ съ Рабле она жила надеждами Телема, вмѣстѣ съ нимъ развила она въ себѣ свободно-христіанскія отношенія къ церкви и догмату.

Золотые дни Телема прошли, удалились и мечты о безмятежномъ, цѣльномъ развитіи человѣка. Въ третьей книгѣ телемиты, претерпѣвшіе погромъ, ѣдутъ къ оракулу божественной бутылки, гдѣ жрица говоритъ имъ странную напутственную рѣчь: она рекомендуетъ осторожность, совѣтуетъ выжидать, потому что благоразуміе состоитъ во времени, а пока общество еще ростетъ; этимъ объясняется грустный тонъ Рабле въ послѣднихъ книгахъ, гдѣ прежній смѣхъ уже замолкъ. Причина грусти Рабле — неисполнимость надеждъ возрожденія.

Перейду къ роману Сервантеса. Я полагаю, что всѣ его читали, по крайней

мѣрѣ, въ русскомъ переводѣ. Основные факты его біографіи вы найдете вкупѣ съ оцѣнкой въ:

1) Emile Chasles: Cervantes, sa vie et ses oeuvres. Paris. 1866 [1866
2) Littré: Littérature et histoire. Paris 1875.
3) Dorer: Cervantes. Sein Leben und seine Werke.
4) Heyne's Sämmtliche Werke Bd. XIV. Русскій переводъ помѣщеннаго здѣсь предисловія Гейне къ „великолѣпному изданію Донъ-Кихота" см. въ „Библіотекѣ для чтенія" за 1860 годъ № 11 (ноябрь) = томъ 162-й, стр. 1-18. См. также полное собр. сочин.
5) Тургеневъ: Гамлетъ и Донъ-Кихотъ („Современникъ" за 1860 г. № 1. см. также 1 томъ Полн. собр. соч. изд. 1883 года и 4-й томъ изд. 1871 г.).
6) Карелинъ: Донъ-Кихотизмъ и демонизмъ. Спб. 1866.

Когда Сервантесъ послѣ долгаго перерыва принялся за продолженіе и окончаніе своего романа, ему было 70 лѣтъ. И вотъ между первою частью и второю замѣтна большая разница: первая часть романа была затѣяна такъ, что мы никогда не позволили бы себѣ считать Донъ-Кихота идеаломъ. Сервантесъ задумалъ написать ее въ стилѣ Амадисовъ, которыми въ то время переполнена была Испанія, не

смотря на преслѣдованія церкви. Подобно авторамъ романовъ въ стилѣ picaresco, Сервантесъ впадаетъ тутъ въ шаржъ: на Донъ-Кихота сыплется несчетное количество ударовъ. Во второй части подъ Донъ-Кихотомъ скрывается самъ Сервантесъ, тутъ уже нѣтъ мѣста пародіи; авторъ сталъ смотрѣть на своего героя другими глазами; въ немъ замѣчается какая-то грусть и сознаніе жизни, проведенной даромъ. Извѣстно, что Сервантесъ былъ одинъ изъ тѣхъ выдающихся личностей, которыя находятся всегда въ противорѣчіи со временемъ; онъ такой-же рыцарь-неудачникъ, какъ и Донъ Кихотъ во 2-й части романа. [Первая часть явилась въ 1605, вторая въ 1615, а въ этотъ промежутокъ испанецъ Авелланеда выпустилъ въ свѣтъ продолженіе Донъ-Кихота, являющееся простымъ плагіатомъ]. Выпуская въ свѣтъ вторую часть Донъ-Кихота Сервантесъ самъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, не нажившаго ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго. Сервантесъ переживалъ эпоху паденія рыцарскихъ идеаловъ и политическаго могущества Испаніи; онъ вѣрилъ въ святые идеалы рыцарства и не находилъ сочувствія. Отсюда его грусть, его симпатіи къ Донъ-Кихоту во второй части. Тургеневъ прелестно охарактеризовалъ Донъ-Кихота, но не замѣтилъ, что во 2-ой половинѣ романа Сервантесъ поднесъ публикѣ частицу своего „я“

„Донъ-Кихотъ* проникнутъ весь преданностью къ идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнію; самую жизнь свою онъ цѣнилъ на столько, на сколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины, справедливости на землѣ. Намъ скажутъ, что идеалъ этотъ почерпнутъ разстроеннымъ его воображеніемъ изъ фантастическаго міра рыцарскихъ романовъ; согласны, и въ этомъ-то состоитъ комическая сторона Донъ-Кихота, но самый идеалъ остается во всей своей нетронутой чистотѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ — Донъ-Кихотъ почелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если такъ можно выразиться) внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ — волшебникамъ, великанамъ — т. е. притѣснителямъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе — оцѣните это слово! — онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки. Отъ того онъ безстрашенъ, терпѣливъ, довольствуется самой скудной пищей, самой бѣдной одеждой: ему не до того. Смиренный сердцемъ, онъ духомъ великъ и смѣлъ; умилительная его набожность не стѣсняетъ его свободы; чуждый тщеславія, онъ не сомнѣвается въ себѣ, въ

* такъ начинаетъ Тургеневъ.

своемъ призваніи, даже въ своихъ физическихъ силахъ - и воля его - непреклонная воля. Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать; онъ знаетъ въ чемъ его дѣло, за чѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это - главное знаніе. Донъ-Кихотъ можетъ вамъ показаться то совершеннымъ безумцемъ, потому что самая несомнѣнная вещественность исчезаетъ передъ его глазами, таетъ какъ воскъ отъ огня его энтузіазма; онъ дѣйствительно видитъ живыхъ мавровъ въ деревянныхъ куклахъ, рыцарей въ баранахъ, - то ограниченнымъ, потому что онъ не умѣетъ ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться; - но онъ, какъ дерево, пустилъ глубоко корни въ почву, и не въ состояніи ни измѣнить своему убѣжденію, ни переноситься отъ одного предмета къ другому; крѣпость его нравственнаго состава (замѣтьте, что этотъ сумасшедшій, странствующій рыцарь - самое нравственное существо въ мірѣ) - придаетъ особенную силу и величавость всѣмъ его сужденіямъ и рѣчамъ, всей его фигурѣ, не смотря на комическія и унизительныя положенія, въ которыя онъ безпрестанно впадаетъ.... Донъ-Кихотъ энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяньемъ.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ Санчо-Панса. Онъ напротивъ смѣется надъ Донъ-Кихотомъ, знаетъ очень хорошо, что онъ сумасшедшій, но три раза покидаетъ свою родину, домъ, жену, дочь, чтобы идти за этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, слѣдуетъ за нимъ повсюду, подвергается всякаго рода непріятностямъ, преданъ ему по самую смерть, вѣритъ ему, гордится имъ и рыдаетъ колѣнопреклоненный у бѣднаго ложа, гдѣ кончается его бывшій господинъ. Надеждой на прибыль, на личныя выгоды, — этой преданности объяснить нельзя; у Санчо-Пансы слишкомъ много здраваго смысла; онъ очень хорошо знаетъ, что кромѣ побоевъ, оруженосцу странствующаго рыцаря почти нечего ожидать. Причину его преданности слѣдуетъ искать глубже; она, если можно такъ выразиться, корнится въ едва ли не лучшемъ свойствѣ массы, въ способности счастливаго и честнаго ослѣпленія, (увы! ей знакомы и другія ослѣпленія), въ способности безкорыстнаго энтузіазма, презрѣнія къ прямымъ личнымъ выгодамъ, которое для бѣднаго человѣка почти равносильно съ презрѣніемъ къ насущному хлѣбу. Много возставали противъ безконечныхъ побоевъ, которыми Сервантесъ обременяетъ Донъ-Кихота. Мы замѣтили выше, что во 2ой части романа бѣднаго рыцаря

уже почти не бьютъ; но мы прибавимъ, что безъ этихъ побоевъ онъ бы меньше нравился дѣтямъ, которые съ такою жадностью читаютъ его похожденія, — да и намъ взрослымъ онъ бы показался не въ своемъ истинномъ свѣтѣ, но какъ-то холодно и надменно, что противорѣчило бы его характеру. Мы сейчасъ сказали, что во второй части уже не бьютъ его; но въ самомъ ея концѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Донъ-Кихота рыцаремъ свѣтлаго мѣсяца, переодѣтымъ баллакавромъ, послѣ его отреченія отъ рыцарства, не задолго до его смерти — стадо свиней топчетъ его но — зачѣмъ онъ это написалъ, какъ бы повторяя старыя, уже брошенныя шутки; но и тутъ Сервантесомъ руководилъ инстинктъ генія — въ самомъ этомъ безобразномъ приключеніи лежитъ глубокій смыслъ. Попираніе свиными ногами встрѣчается всегда въ жизни Донъ-Кихотовъ — именно передъ ея концомъ; это послѣдняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманію.... Это пощечина фарисея.... Потомъ они могутъ умереть. Они прошли черезъ весь огонь горнила, — они завоевали себѣ безсмертіе — и оно открывается передъ ними.

Смерть Донъ-Кихота навѣваетъ на душу несказанное умиленіе. Въ это мгновеніе все великое значеніе этого лица становится доступнымъ каждому. Когда бывшій его оруженосецъ, желая его утѣшить, говоритъ ему, что они скоро снова отправятся на рыцарскія похожденія: „Нѣтъ, отвѣчаетъ умирающій — все это навсегда прошло, и я прошу у всѣхъ прощенія; я уже не Донъ-Кихотъ, я снова Алонзо добрый, какъ меня нѣкогда называли, — Alonso el Bueno!"

Пониманіе Тургенева несравненно выше Гейне, который не уяснилъ себѣ Санчо Пансы.

Какъ видите, и Раблэ и Сервантесъ кончаютъ оба свои романа разбитые не сбывшимися надеждами: у перваго разбита надежда на будущность возрожденія, у втораго рушилась мечта о возстановленіи прошлаго. Изучая культурныя отношенія Франціи и Испаніи XVI в., возьмите эти два романа и для васъ будетъ ясна какъ день противоположность двухъ исторій: французской и испанской. Тамъ замѣчается движеніе впередъ, а въ Испаніи католическая реакція задерживаетъ развитіе: оттого идеалы Сервантеса и Раблэ рѣзко противоположны другъ другу. Умирая Донъ-Кихотъ, проситъ называть его по прежнему Алонзомъ Добрымъ, для него впереди ничего нѣтъ. И Раблэ телемиты идутъ къ оракулу божественной бутылки узнать о будущности возрожденія

Послѣднія страницы романа какъ-то особенно неясны; многое могло быть сознательно не досказано, случайно не кончено; тѣмъ не менѣе сущность жизненной програмы, которой добивались телемиты, выступаетъ довольно ясно.- Работайте, трудитесь, обратитесь къ честному, реальному изученію видимаго, дѣйствительности, земли, оставивъ астрологическія и схоластическія бредни; какимъ-то робкимъ отзвукомъ Панурговой грезы о мировомъ согласіи звучатъ слова, величающія щедрость, готовность отдать, передъ требовательностью и вымогательствомъ, господствующими въ людскомъ обществѣ.- Вѣрьте въ могучую силу времени, которое выведетъ наружу изъ нѣдръ земли полное знаніе и всю истину; пока довольствуйтесь той ея частицей, которая случайно вамъ открылась, въ которую увѣровали искренно; вѣдь и телемитамъ одна и та же вода показалась не одного вкуса.- Ждите, а пока не старайтесь бороться съ тѣмъ, что идетъ наперекоръ истинѣ, что̀ одолѣло васъ случайно; воспитайте въ себѣ торжественное спокойствіе Панта-

грюэля, смотрящаго на жизненныя невзгоды съ высоты своей гуманной невозмутимости; то настроеніе „пантагрюэлизма", которое Рабле въ прологѣ къ IV книгѣ опредѣлилъ какъ „извѣстную веселость духа, сопряженную съ презрѣніемъ ко всякимъ случайностямъ" (certaine gayeté d'esprit confícte en mespris des choses fortuites). Въ ожиданіи лучшаго, уйдите въ себя, ограничьте ваши надежды и желанія, какъ то сдѣлалъ крестьянинъ Кульятрисъ, исторію котораго прелестно пересказалъ Рабле (въ введеніи къ IV кн.) — на темы Эзоповской басни и Лукіана.

Жилъ былъ въ области Шинона бѣдный дровосѣкъ Кульятрисъ, и случилось ему однажды потерять свой топоръ. — Вотъ-то было горе! Въ топорѣ была его жизнь и все достояніе; благодаря топору, онъ жилъ почетно среди богатыхъ дровосѣковъ; безъ топора ему приходилось умирать съ голоду; встрѣться съ нимъ послѣ того смерть, она бы скосила его со свѣту, какъ сорную траву. — Онъ и принялся молить Юпитера, взывая къ нему

просилъ, увѣщалъ краснорѣчиво - вы знаете, что нужда изобрѣла краснорѣчіе; воздѣвалъ лицо къ небу, становился на колѣни, обнажилъ голову, и, поднявъ руки, растопыривъ пальцы, голосилъ ежеминутно: подай мнѣ топоръ, Юпитеръ, мой топоръ; ничего, кромѣ топора, - или денегъ, чтобы купить его.-

Въ то время Юпитеръ рядилъ о важныхъ дѣлахъ въ совѣтѣ боговъ; древняя Кибела держала рѣчь, а можетъ быть и юный Фебъ - это мнѣ все равно.- Но Кульятрисъ кричалъ такъ громко, что его услышали въ божественной консисторіи.- Что за чортъ, спрашиваетъ Юпитеръ, кто это тамъ голоситъ такъ страшно? Клянусь Стиксомъ, у насъ и безъ того слишкомъ много важныхъ дѣлъ, а къ намъ лѣзутъ съ пустяками.- Мы порѣшили распрю персидскаго царя Престана съ Солиманомъ, императоромъ Константинополя; покончили дѣло между татарами и московитами; отвѣтили на требованіе Шерифа, устроили отношенія

Пармы, Майденбурга, Мирандолы и Африки — такъ зовутъ смертные люди городъ, который мы называемъ Афродизіумъ. — Триполи перешелъ въ другія руки, потому что стерегли его худо; его время пришло. — Вотъ саксонцы и нѣмцы мѣшаютъ намъ возвратить имъ здравый разсудокъ и прежнюю свободу; Rameau и Galland перессорили весь университетъ своими спорами (о философіи Аристотеля) и я не знаю, что съ ними дѣлать, въ чью пользу рѣшить: кажется, оба порядочные люди, у одного есть деньги, другой ихъ ожидаетъ; одинъ кое-что знаетъ, другой не невѣжда; одинъ хитеръ, какъ лисица, другой какъ собака лаетъ на философовъ и ораторовъ древности. — Не посовѣтуешь ли чего, старикъ Пріамъ?

— Сравненіе подвернулось тебѣ кстати, — отвѣчаетъ Пріамъ, и совѣтуетъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ когда-то съ собакой и лисицей.

— Какъ какимъ образомъ, гдѣ это было?

— Вотъ такъ память! Когда-то почтенный отецъ Вакхъ — видимо

Изд. Гроссевой. Пет. бл. 8. ч. 2. 23.

его разрумянившееся лицо? — создалъ, на гибель ѳиванцамъ, волшебную лисицу, которую не бралъ никакой звѣрь. — Вулканъ сковалъ такую же собаку и одарилъ ее чудеснымъ свойствомъ, по которому ни одно животное не могло избѣжать ея. — Однажды онѣ встрѣтились. — Какъ быть? — Собакѣ предназначено схватить лисицу, лисицѣ на роду написано не быть схваченной. — Воли судьбы были противорѣчивы, ты не хотѣлъ рѣшить противъ судебъ. — Совѣтъ боговъ разсуждалъ долго; ты даже вспотѣлъ отъ натуги, и отъ твоего пота пошла на землю кочанная капуста; выпито было въ тѣ поры 78 боченковъ нектара. Я предложилъ тогда обратить лисицу и собаку въ камень.

Пріапъ совѣтуетъ также поступить и съ расходившимися учеными.

— Вижу я, мессеръ Пріапъ, что ты къ нимъ больно пристрастенъ. — Обратить ихъ въ камни — да они лишь того и желаютъ, чтобы ихъ имя и память увѣковѣчивались въ мраморѣ и не сгнили бы въ земли вмѣстѣ съ тѣломъ. — Боги перешли къ другимъ очереднымъ дѣламъ и лишь тогда вспомнили о Кульятрисѣ. Надо покончить съ этимъ Брикуналь, говоритъ Юпитеръ; посмотри, Меркурій, что ему

тамъ нужно. Меркурій высунулъ въ небесное окно и докладываетъ богамъ о просьбѣ Кульятриса.

— Вотъ нашелъ время, — говоритъ Юпитеръ, — будто у насъ другого дѣла нѣтъ, какъ возвращать потерянные топоры! А надо его ему отдать, — такъ написано въ книгѣ судебъ: — слышите-ли, какъ кричитъ, будто цѣна топору все миланское герцогство! А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, топоръ ему также дорогъ, какъ королю королевство. — Отдать ему его топоръ, и довольно объ этомъ. Пріапъ вторгается въ это серьёзное разсужденіе скоромной шуткой, заставившей боговъ хохотать до упаду, а хромого Вулкана — сдѣлать нѣсколько граціозныхъ пируэтовъ. — Между тѣмъ Юпитеръ велитъ Меркурію сойти на землю и бросить къ ногамъ Кульятриса три топора: золотой, серебряный и его собственный, желѣзный; пусть выбираетъ: если схватится не за свой, то отрубить ему голову; коли возьметъ собственный, то подарить ему и остальные. — Меркурій спускается въ своемъ традиціонномъ классическомъ костюмѣ и предлагаетъ Кульятрису выбрать изъ топоровъ ему принадлежащій. — Тотъ, разсматривая поочередно золотой и серебряный — но это не то, что ему не нужно; свой онъ призналъ тотчасъ же. —

— Если ты отдашь мнѣ его, я принесу тебѣ въ жертву въ половинѣ мая большой горшокъ молока съ земляникой, — говоритъ онъ Меркурію. —

— Возьми его, добрый человѣкъ, отвѣчаетъ Меркурій, а такъ какъ ты умѣлъ умѣрить свои желанія, то дарю тебѣ, по волѣ Юпитера, и два другіе топора. — Будетъ съ чѣмъ разбогатѣть.

И Кульятрисъ дѣйствительно богатѣетъ, разжился на зависть сосѣднимъ крестьянамъ. — Узнавъ у него, какъ это съ нимъ случилось, они въ запуски другъ передъ другомъ начинаютъ терять свои топоры; — бѣдные дворяне продавали шпаги, чтобы купить топоры и потерять ихъ — и всѣ взмолились и заголосили: подай мой топоръ, Юпитеръ, подай топоръ — кричатъ здѣсь, топоръ — кричатъ тамъ; въ воздухѣ стоялъ одинъ сплошной крикъ.

Снова спускается Меркурій на землю — но мы почти напередъ знаемъ, что будетъ: просители схватятся за золотые топоры и положатъ свои головы, потому что Меркурій не забылъ даннаго ему приказа. — А Кульятрисъ остался въ барышахъ. — „Вотъ что бываетъ тѣмъ, которые въ простотѣ сердца желаютъ и просятъ немногаго." Берите примѣръ, „ограничьте ваши желанія (souhaitez donc médiocrité) и они исполнятся, если между тѣмъ вы буде-

те работать и трудиться какъ должно.—
Вы скажете мнѣ, что Господь могъ бы также легко дать вамъ семьдесятъ восемь тысячъ, какъ тринадцатую часть половины, потому что онъ всемогущъ, и милліонъ передъ нимъ то же что оболъ. О-хо-хо-хо! Кто это только научилъ васъ толковать и разсуждать о могуществѣ и предопредѣленіи Божіемъ! Но довольно — гиги-гиги! Преклонитесь передъ его божественнымъ ликомъ и покайтесь въ вашихъ несовершенствахъ."

Уйти въ себя, ограничить свои надежды, выработать въ себѣ грустно-веселую невозмутимость ко всему, что должно бы возмутить и оскорбить святыню — вотъ что выносилъ идеалистъ первой половины XVI вѣка во вторую, исполненную далеко не идеальныхъ треволненій.—

Главная, существенная сторона въ романѣ Рабле состоитъ для меня не въ его сатирѣ и беззавѣтномъ юморѣ; а въ его психологической откровенности, въ смѣнѣ юношескихъ и зрѣлыхъ впечатлѣній, надеждъ и разочарованій, выхваченныхъ изъ жизни человѣка, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ представителей цѣлой эпохи. Я, можетъ быть, не ошибусь, назвавъ романъ Рабле нравственной автобіографіей цѣлаго періода возрожденія. А романъ Сервантеса развѣ не такая же автобіографія?

1884. 28 апрѣля.

Составилъ Алексѣй М. Кудр[illegible]

95749

11/X 382.

1931